M 101
87
1904

87

ПИСЬМА и ДОНЕСЕНІЯ

ІЕЗУИТОВЪ

О

РОССІИ

КОНЦА XVII И НАЧАЛА XVIII ВѢКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904

с.И 101
87

ПИСЬМА и ДОНЕСЕНІЯ

ІЕЗУИТОВЪ

О

РОССІИ

81 пак. 144

КОНЦА XVII И НАЧАЛА XVIII ВѢКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904

МУЗЕЙ * ЧНЫЙ * РУМЯНЦЕВ. БИБЛІО-ТЕКА

Печатано по распоряженію Императорской Археографической Коммиссіи.

2007089509

Въ 1883 году, помощникъ архиваріуса земскаго архива въ Прагѣ Ф. Дворскій предложилъ Археографической Коммиссіи для изданія снятыя имъ копіи съ документовъ, касающихся католической пропаганды въ Москвѣ, по преимуществу писемъ іезуитовъ, конца XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка. Копіи эти были пріобрѣтены Коммиссіею и переданы для перевода на русскій языкъ преподавателю Гатчинскаго Сиротскаго Института Виноградову, а наблюденіе за правильностью перевода, составленіе примѣчаній и редактированіе изданія было поручено Члену Коммиссіи М. О. Кояловичу.

Въ 1891 году, М. О. Кояловичъ скончался, напечатавъ весь переводъ и большую часть текста и снабдивъ надстрочными цифрами тѣ мѣста, къ которымъ предполагалъ составить ученыя примѣчанія.

Когда текстъ былъ оконченъ печатаніемъ, то попытки, предпринятыя Коммиссіей для составленія пріуроченныхъ къ этимъ цифрамъ примѣчаній, не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ угадать ихъ содержаніе, задуманное редакторомъ, оказалось болѣе чѣмъ затруднительнымъ.

Поэтому, сознавъ невозможность исполненія предположеній умершаго редактора и признавая значительный интересъ, представляемый содержаніемъ документовъ, Коммиссія рѣ-

шила выпустить текстъ и переводъ безъ примѣчаній, снабдивъ изданіе лишь указателемъ, составленнымъ по порученію Коммиссіи Сотрудникомъ ея В. В. Майковымъ.

Приводя нынѣ это рѣшеніе въ исполненіе, Коммиссія считаетъ однако долгомъ заявить, что латинскій текстъ документовъ напечатанъ по копіямъ, сообщеннымъ и провѣреннымъ Дворскимъ, а переводъ ихъ изданъ въ редакціи, установленной покойнымъ М. О. Кояловичемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		ПЕРЕВОДЪ.	ТЕКСТЪ.
.	**1698 г. 23 сентября.** Извлеченіе изъ письма, посланнаго изъ Москвы къ отцу Францишку Дубскому миссіонеромъ Геральдомъ a Santa Cruce	1	211
II.	**1699 г. 23 іюня.** Письмо отца Франциска Эмиліана	16	223
III.	— **15 декабря.** Письмо отца Франциска Эмиліана	45	246
IV.	**1701 г. 11 января. Москва.** Письмо отца Франциска Эмиліана . .	50	250
V.	— **11 января по старому стилю. Москва.** Письмо Ивана Берулы.	56	256
VI.	— **16 февраля.** Письмо Ивана Берулы..	61	259
VII.	— **29 февраля.** Письмо отца Франциска Эмиліана.	63	261
VIII.	— **29 іюня.** Письмо отца Франциска Эмиліана	67	264
IX.	— **15 сентября.** Письмо отца Франциска Эмиліана	69	266
X.	— **15 ноября по старому стилю. Москва.** Письмо Ивана Берулы къ отцу Фердинанду Вальтауэру, іезуитскому провинціалу въ Прагѣ	74	270
XI.	— **23 ноября. Москва.** Письмо безъ подписи и безъ адреса	77	272
XII.	— **25 ноября. Москва.** Письмо отца Франциска Эмиліана .	93	285
XIII.	**1702 г. 8 Февраля. Вѣна.** Письмо Іоанна Эдера	96	288
XIV.	— **10 марта по стар. ст. Москва.** Письмо отца Франциска Эмиліана	97	—
XV.	— **1 апрѣля. Вѣна.** Письмо Іоанна Эдера.	102	292
XVI.	— **18 мая. Шемаха.** Письмо отца Іоанна Ламаца къ отцу Эмиліану, въ Москвѣ	103	293
XVII.	— **24 мая. Вѣна.** Письмо Іоанна Эдера	105	295
XVIII.	— **1 сентября. Шемаха.** Письмо Іоанна Баптиста Ламаца, къ миссіонеру отцу Эмиліану въ Москвѣ.	106	296
XIX.	— **1 марта. Вѣна.** Письмо Іоанна Эдера	108	297
XX.	**1703 г. 28 февраля новаго стиля. Москва.** Письмо Франциска Эмиліана	109	298
XXI.	**1704 г. 26 апрѣля. Градискъ.** Письмо Іоанна Слоты къ начальнику іезуитской провинціи въ Прагѣ, Іоанну Миллеру	115	303

			ПЕРЕВОДЪ.	ТЕКСТЪ.
XXII.	1704 г.	1 мая. Брюнъ. Письмо Иліи Броджіо къ провинціалу въ Богеміи Іоанну Миллеру.	116	304
XXIII.	—	23 іюня. Опава. Письмо Иліи Броджіо къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи .	117	305
XXIV.	—	29 іюня. Крановъ. Письмо Иліи Броджіо къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи	118	306
XXV.	—	23 іюля. Львовъ. Письмо Иліи Броджіо къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи	120	307
XXVI.	—	21 сентября—2 октября. Москва. Письмо отца Іоанна Франциска Эмиліана, къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи.	122	309
XXVII.	1705 г.	6 августа. Вильна, изъ лагеря. Письмо Иліи Броджіо, къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи	124	310
XXVIII.	—	13 августа. Вильна изъ лагеря. Письмо отца Иліи Броджіо, къ ректору коллегіи въ Брюнѣ	127	313
XXIX.	—	2 октября. Изъ лагеря у Гродно. Письмо отца Иліи Броджіо, къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи	129	314
XXX.	1706 г.	Краткое описаніе московской миссіи и ея настоящее положеніе до 1706 г.	130	315
XXXI.	—	Письмо отца Франциска Іоанна Милана, къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи .	133	318
XXXII.	—	14 апрѣля. Вѣна. Письмо императора Іосифа I къ царю Петру Алексѣевичу	134	—
XXXIII.	—	12 іюня. Крановъ. Письмо Иліи Броджіо	135	320
XXXIV.	—	1 іюля нов. ст. Москва. Письмо Ивана Берулы. . . .	139	323
XXXV.	—	12 августа. Гродно. Письмо отца Иліи Броджіо, къ Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи .	141	324
XXXVI.	—	24 августа. Новогрудокъ Литовскій. Письмо Иліи Броджіо къ своему провинціалу	142	325
XXXVII.	—	20 октября нов. ст. Изъ лагеря у Піотрокова	144	326
XXXVIII.	—	28 октября. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана.	145	327
XXXIX.	—	4 ноября. Опава. Письмо отца Иліи Броджіо, къ своему провинціалу	148	330
XL.	—	25 ноября. Хомутовъ. Письмо Іоанна Миллера	151	333
XLI.	—	4 декабря. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу.	152	—
XLII.	—	18 декабря. Вѣна. Письмо императора Іосифа I къ московскому царю.	155	335
XLIII.	—	24 декабря. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу.	156	336

		ПЕРЕВОДЪ.	ТЕКСТЪ
XLIV.	1707 г. 28 января. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу Богемской провинціи.	157	337
XLV.	8 марта. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана .	159	339
XLVI.	— 19 марта. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана къ своему провинціалу въ Богеміи	162	341
XLVII.	— 23 марта. Брно. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу Іоанну Миллеру въ Старой Прагѣ .	163	342
XLVIII.	- 25 марта нов. ст. Москва. Письмо Іоанна Берулы .	164	343
XLIX.	- 6 апрѣля. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу.	165	344
L.	16 апрѣля. Извѣстія записанныя собственноручно Иліею Броджіо. Вѣна	168	346
LI.	— 23 апрѣля. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу.	169	347
LII.	- 12 іюня. Римъ. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу.	171	349
LIII.	— 18 іюня. Римъ. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу.	172	-
LIV.	— 8 іюля. Римъ. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу въ Прагѣ.	173	351
LV.	— 10 августа. Тридентъ. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу въ Прагѣ	174	
LVI.	- 28 ноября. Тухомеричи. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу.	175	352
LVII.	1698—1709 г. г. Краткое донесеніе о миссіи въ Москвѣ . .	178	355
LVIII.	Соображенія касательно Московской Миссіи	196	370
LIX.	1712 г. 6 августа. Москва. Письмо отца Іоанна Милана къ отцу Іоанну Миллеру, посланное изъ Москвы . . .	202	374
LX.	1720 г. 4 марта. Вратиславъ. Копія письма отца Іоанна Бауэра .	208	380

ТАЙНЫЯ ПИСЬМА

іезуитовъ, бывшихъ въ Россіи при Петрѣ I.

I. 1698 г. 23 сентября. Извлеченіе изъ письма, посланнаго изъ Москвы 23 сентября 1698 года къ отцу Франциску Дубскому достопочтеннымъ господиномъ Геральдомъ a Santa Cruce, папско-цесарскимъ миссіонеромъ, близко знакомымъ ему еще съ того времени, когда онъ былъ въ Римѣ.

Я уже писалъ къ вамъ письмо изъ Данцига, когда мы тамъ жили, но не знаю, дошло ли оно. Изъ Москвы (до сихъ поръ) нельзя было писать, потому что это весьма не безопасно, и въ перехваченныхъ письмахъ взвѣпивается всякое слово.

Наконецъ-то, послѣ столь печальныхъ ожиданій и послѣ многихъ другихъ непріятностей, мы достигли конца нашего путешествія, въ сообществѣ господина императорскаго посла [1]), который въ дорогѣ соглашался скорѣе самъ терпѣть въ чемъ либо недостатокъ, чѣмъ намъ дать это чувствовать. Такъ какъ путь нашъ начатъ подъ покровительствомъ св. Матери и вашего святаго апостола Индіи [2]), то часто чувствовалась явная помощь намъ съ обѣихъ этихъ сторонъ. Въ то время, какъ у Шклова мы переправлялись черезъ р. Днѣпръ, еще тогда недостаточно замерзшій, подъ какимъ-то татариномъ, проходившимъ черезъ рѣку, ледъ проломился и онъ утонулъ. Нѣкоторыя изъ нашихъ тяжелыхъ повозокъ тогда уже были переправлены, а большая часть еще была на льду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ провалился татаринъ. Изъ города и съ берега поднялся крикъ, и насъ считали уже погибшими, но съ нами была божія помощь, и мы всѣ

остальные переправились безъ малѣйшаго вреда. И въ другой разъ, на томъ же Днѣпрѣ, когда онъ по мѣстамъ былъ чистъ отъ льда, а по мѣстамъ покрытъ имъ, стало тонуть судно (паромъ) съ находившимися на немъ лошадьми, людьми и повозками, и страхъ неминуемой смерти до такой степени объялъ даже лошадей, что они не хотѣли бросаться въ воду, пока ихъ силой не сбросило съ накренившагося судна. Тогда только всѣ вздохнули свободно и остались цѣлы, хотя и съ большимъ трудомъ добрались до берега. Что же касается лошадей, то сначала казалось, что они погибнутъ, такъ какъ всѣ онѣ плыли къ мѣсту, покрытому льдомъ; но когда онѣ находились уже только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста и имъ приходилось или задохнуться подо льдомъ или быть имъ раздавленными, то, какъ будто кѣмъ управляемыя, вдругъ повернули противъ теченія, и послѣ многихъ усилій всѣ какимъ-то чудомъ выбрались на берегъ, возвышавшійся надъ рѣкой почти на два человѣческихъ роста и вездѣ обрывистый. Такимъ-то образомъ, сопутствуемые святыми, мы послѣ странствія по труднымъ дорогамъ и послѣ многихъ ночлеговъ подъ открытымъ небомъ, на снѣгу, получили приказаніе остановиться и ждать за три малыя мили отъ Москвы. Здѣсь мы пробыли три дня, и въ это время многіе наши собратія прибыли къ намъ изъ Москвы съ привѣтствіями. Рано утромъ въ праздникъ св. мученика Петра [1]), около 9 часовъ, когда мы прибыли къ Дѣвичьему монастырю (въ этомъ монастырѣ находится подъ стражею многочисленнаго и храбраго отряда солдатъ сестра царя Софья. Это ей возмездіе за пролитую ею 10 лѣтъ тому назадъ большой кровь), то въ первый разъ увидѣли великую, обширную и давно намъ желанную Москву. Она занимала все видимое пространство. Куда ни посмотришь, все Москва. Вскорѣ затѣмъ мы были встрѣчены приставомъ и очень многочисленнымъ отрядомъ всадниковъ; прибылъ также на лошадяхъ и большой отрядъ войска. Господинъ посолъ пересѣлъ изъ своего экипажа въ царскій, и мы среди несмѣтнаго множества народу поѣхали къ городу. При этой встрѣчѣ брошены были въ сторону суевѣрныя и смѣшныя церемоніи и любезности. Господинъ приставъ безъ спора первый сошелъ съ коня, а господинъ посолъ запросто, сидя

въ экипажѣ, протянулъ ему руку и проч. Уже носился слухъ, что ѣдутъ іезуиты. Такъ еще въ Смоленскѣ къ намъ были подосланы три попа, чтобы это развѣдать, но приглядѣвшись къ нашимъ обычаямъ и къ образу нашихъ дѣйствій, убѣдились, что мы не іезуиты. Послѣ этого они стали смотрѣть на насъ привѣтливѣе и намъ былъ открытъ свободный входъ даже въ ихъ храмы и монастыри. Точно также и здѣсь въ Москвѣ ворвался къ намъ переводчикъ нѣмецкаго языка, родомъ венгерецъ, бывшій нѣкогда католикомъ, а теперь русскій, и уличалъ насъ, что мы тайные іезуиты (до такой степени этотъ народъ ненавидитъ вашихъ отцовъ и я никому изъ нихъ не совѣтовалъ бы и пытаться проникнуть сюда), но также увидѣлъ свою ошибку и тотчасъ открыто признался въ ней. Этотъ же слухъ упорно держался еще и среди еретиковъ въ Слободѣ, но скоро и тамъ перемѣнили свое мнѣніе. Трудно повѣрить, какое дурное мнѣніе имѣютъ здѣсь объ этомъ обществѣ (іезуитовъ). Говорятъ, что іезуиты производятъ только смуты и безпорядки. Русскіе даже убѣждены, что іезуиты видятъ на сто локтей подъ землею, и потому не желаютъ имѣть у себя такихъ Аргусовъ, которые притомъ еще вмѣшиваются во всѣ дѣла. Прибавилась еще новая причина ненависти къ вашему ордену: вышла въ свѣтъ на французскомъ языкѣ книга, написанная нѣкіимъ отцемъ Филиппомъ Авриллемъ изъ іезуитскаго ордена, въ которой онъ описываетъ свое путешествіе въ Китай и высказываетъ весьма дерзкія сужденія о москвитянахъ. И о царѣ онъ говоритъ, будто у него падучая болѣзнь, а между тѣмъ теперешнее его состояніе показываетъ, что трясеніе головой и поворачиваніе глазъ была простая привычка, потому что теперь онъ совершенно отучился отъ этого, чего не могло бы быть, если бы у него была эта болѣзнь. Эта книга была сейчасъ переведена женевскими еретиками на русскій языкъ. Господинъ императорскій посолъ защищалъ вашъ орденъ и говорилъ, что это подложное сочиненіе, потому что на немъ нѣтъ одобренія іезуитскихъ властей. Мы съ католиками удерживаемся давать свое мнѣніе и, молча, удивляемся: если это такъ, то какимъ образомъ могла быть издана эта книга членомъ столь осторожнаго ордена, каковъ вашъ.

Въ праздникъ явленія св. Михаила мы вступили въ исполненіе нашихъ обязанностей въ Слободѣ, съ согласія правительства этого государства. Собралось много народа разныхъ народностей, такъ какъ господинъ посолъ праздновалъ этотъ праздникъ съ величайшей торжественностью. Я говорилъ проповѣдь и пр. Такимъ образомъ, оставивъ грегоріанскій календарь мы стали слѣдовать старому календарю, который соблюдаютъ и сосѣдніе георгіанцы (армяне-григоріанцы) и часть Персіи. Однако для уничтоженія великаго соминѣнія мы теперь хлопочемъ, чтобы его святѣйшество (папа) далъ намъ на это свое согласіе особенно въ виду пасхи, которую мы часто должны будемъ въ такомъ случаѣ праздновать противно (!) никейскимъ правиламъ.

Въ іюлѣ прибылъ къ намъ съ двумя спутниками на пути въ Монголію господинъ Петръ Пальма, архіепископъ Анкирскій, изъ ордена кармелитовъ. Онъ съ большой торжественностью далъ 63 лицамъ конфирмацію и въ 8 воскресеніе по пятидесятницѣ служилъ обѣдню въ сослуженіи 6 священниковъ, въ далматикахъ, которыми мы были снабжены, благодаря любезности армянскихъ католиковъ. Большое тутъ было стеченіе народа, когда онъ совершалъ службу. Онъ благополучно проѣхалъ по Волгѣ въ Астрахань. Это была первая конфирмація, совершенная здѣсь публично. Правда, лѣтъ за 15 до настоящаго времени какой-то епископъ кармелитъ, по имени Симонъ, совершалъ здѣсь конфирмацію, но только въ частномъ домѣ. Кстати подошло и то, что господинъ посолъ на свой счетъ передѣлалъ эту тѣсную и темную молельню въ настоящій храмъ, теперь еще деревянный, пока не получится разрѣшеніе построить каменный. Къ нашему католическому стаду, котораго и мы составляемъ часть, присоединилось, по дѣйствію Божіей благодати, 5 лютеранъ и одинъ кальвинистъ. О, если бы можно было свободно проповѣдывать и возвѣщать царство Божіе! Какая могла бы быть обильная жатва! Теперь народъ расположенъ къ намъ болѣе, чѣмъ когда нибудь. Уже русскіе не гнушаются нами, не заграждаютъ отъ насъ своихъ храмовъ, а сами приходятъ въ нашъ храмъ, поклоняются нашимъ иконамъ и обыкновенно говорятъ намъ: „мы братья, сыны одной матери“ и это говорится постоянно.

Изъ духовенства и монашества многіе никодиміане [4]). Не говорю о татарахъ, которыхъ здѣсь масса, и все это по большей части люди съ добрымъ сердцемъ. У нихъ, въ Слободѣ есть свои идолы, въ родѣ китайскихъ, насколько можно судить по ихъ изображенію. Другіе изъ татаръ почитаютъ шкуру бѣлаго коня, иные говорятъ, что почитаютъ великаго ламу, о которомъ разсказываютъ тоже, что говорится въ китайскихъ книгахъ; иные—магометане, подобно тому какъ и живущіе здѣсь турецкіе и персидскіе купцы. Умалчиваю объ армянахъ, которые принадлежатъ то къ несторіанамъ, то къ діоскоріанамъ, то къ яковитамъ. Есть здѣсь даже абиссинцы. Они приходятъ сюда съ товарами черезъ Персію или изъ Турціи по морю. Они также несторіане. Не говорю и о другихъ болѣе близкихъ татарскихъ странахъ. Мордвины, напримѣръ, хотя и находятся очень близко, но до сихъ поръ остаются язычниками, какъ и всѣ народы, живущіе по сѣверному пути. И при такомъ изобиліи (духовной) рыбы нельзя протянуть рукъ, чтобы взять ее! Мордвины были уже разъ обращены попами въ христіанство или, лучше сказать, были принуждены къ этому, потому что всѣхъ ихъ согнали къ водѣ и когда они вошли, то попы произнесли слѣдующую формулу: „крещаются рабы Божіи во имя Отца. Аминь! во имя Сына. Аминь! во имя св. Духа. Аминь!“ Какое неразуміе! Послѣ того розданы были крещеннымъ иконы, съ объясненіемъ, что отъ нихъ они будутъ имѣть всѣ блага, и такъ какъ иконы у русскихъ называются Богомъ (поэтому входя въ комнаты и не видя русской иконы, предъ которой можно было бы перекреститься, они тотчасъ спрашиваютъ: нѣтъ здѣсь нашего Бога?), то мордвины перемѣнили одно идолопоклонство на другое, потому что, считая иконы богами, они ставили ихъ на кладбищахъ, а когда, не смотря на то, на ихъ стада стали нападать волки, то мордвины отослали иконы черезъ торжественное посольство въ Москву, заявивъ, что предпочитаютъ оставаться при прежнихъ своихъ богахъ. Тутъ очевидно: какова проповѣдь, таковы и плоды [5]). Мордвины—люди простые и добрые. О, если бы можно было просвѣщать ихъ!

Когда мы прибыли, то нашли здѣсь нѣкоего Петра, поистинѣ мученика. Онъ былъ русскимъ діакономъ, и, непз-

вѣстно гдѣ. тайно принялъ унію съ св. римской церковью. Онъ принесъ большую пользу народу, ревностно заботясь о правильномъ пониманіи формы таинствъ, чтобы такимъ образомъ этотъ народъ, больше всего преданный внѣшней сторонѣ схизмы, не былъ устраненъ отъ пути къ спасенію. Онъ произнесъ проповѣдь (потому что теперь русскіе и въ своихъ храмахъ начинаютъ говорить проповѣди). Изъ нея кое-что выхватили и донесли патріарху, который потребовалъ діакона на публичное засѣданіе синода, гдѣ тотъ открыто исповѣдалъ главенство папы, исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына и проч. За это его высѣкли, заковали въ цѣпи, отняли домъ и имущество и отправили въ ссылку. Одни говорятъ, что онъ уже умеръ отъ постигшихъ его бѣдствій, другіе же утверждаютъ, что онъ сожженъ. Если это правда, то да вспомянетъ онъ обо мнѣ предъ божескимъ милосердіемъ! Это была святая и невинная душа! Еще прежде, чѣмъ его повели въ синодъ, я видѣлся съ нимъ, и когда онъ просилъ меня благословить его, я помолился: „Господь да дастъ тебѣ слово и мудрость и пр.“. И дѣйствительно, онъ такъ былъ смѣлъ въ своихъ доказательствахъ и отвѣтахъ (какъ сами признавали и нѣкоторые бояре), что привелъ въ смущеніе весь соборъ. Конца соборнаго дѣянія я не могъ достать, не смотря на то, что обѣщалъ хорошую плату, потому что это дѣло всѣми мѣрами скрываютъ. Была попытка взвести на насъ обвиненіе, что онъ въ послѣднее время у насъ принималъ таинства, но этого нельзя было доказать, напротивъ, наши противники были пристыжены сильными аргументами съ нашей стороны [6]).

Сюда прибылъ одинъ бѣдный католикъ, знающій только французскій языкъ (я подозрѣваю, что онъ членъ ордена—міряниnъ, отправляющійся въ Персію или въ Китай, но онъ никакъ не хотѣлъ открыть, кто онъ, а то, можетъ быть, ему можно было бы помочь). Прибылъ онъ безъ вида и, такъ какъ въ его узелкѣ нашли огниво, то сочли его за поджигателя и французскаго лазутчика, надѣли ему на руки, ноги и шею тяжелыя оковы и среди его слезъ увели его,—куда увели? Этого никакъ нельзя было узнать. Благоразумнѣе перешелъ черезъ границу г. Лаврентій фонъ-Дунинъ, замѣчательный часовщикъ и математикъ, однако и онъ чуть было не подвергся опасно-

сти отъ самихъ католиковъ. Такъ часто бываютъ недругами человѣка домашніе его. Среди англичанъ и голландцевъ, недавно пріѣхавшихъ въ большомъ числѣ, мы насчитываемъ послѣдователей нашей вѣры только около 10 человѣкъ. Изъ числа же моихъ итальянцевъ, грековъ и далматинцевъ насчитывается до 80 человѣкъ. Все это прекрасные люди и весьма ревностные приверженцы нашей вѣры. О, если бы такихъ явилось больше!

Въ то время, какъ мы праздновали нашъ праздникъ пятидесятницы, пришло печальное извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ, изъ которыхъ одна часть уже приближалась къ Москвѣ, а другіе намѣревались явиться изъ Казани и Астрахани, соединившись съ Яицкими казаками. Тотчасъ было послано противъ нихъ войско, которое однако не рѣшалось далеко отходить отъ города изъ боязни, чтобы единомышленники стрѣльцовъ не произвели возмущенія въ городѣ, за что уже нѣсколько стрѣльцовъ и припималось.

Наканунѣ св. Троицы (храмоваго праздника нашей церкви) мятежники были разбиты, благодаря, главнымъ образомъ, разумнымъ и быстрымъ дѣйствіямъ нашего генерала Гордона. Первѣйшимъ намѣреніемъ стрѣльцовъ было истребить совершенно нѣмцевъ и ихъ Слободу (этотъ ударъ всегда грозитъ этой народности и всѣмъ намъ, соединеннымъ съ ней, если, чего не дай Богъ, умретъ свѣтлѣйшій царь). Для возбужденія большаго страха по Слободѣ разъѣзжалъ татарскій солдатъ, крича, что царь умеръ. Одинъ изъ насъ былъ назначенъ въ городъ, другой въ слободу, остальные въ другія мѣста, чтобы вездѣ при такой опасности заботиться о спасеніи душъ, если не ради мученичества, по просто изъ христіанской любви положить свои души, которыя раньше или позже во всякомъ случаѣ придется предать въ руки Создателя. Объ этой должно быть опасности предвѣщало намъ предзнаменованіе, бывшее въ той комнатѣ, въ которой нѣкогда жилъ и умеръ достославной памяти членъ вашего общества, если не ошибаюсь, изъ богемской провинціи, отецъ Альбертъ Бойе. Такъ сейчасъ и объяснили это мои собратія, говоря, что намъ угрожаетъ несчастіе и что нужно просить помощи у Божіей Матери, каковая помощь и явилась. Каждый разъ, какъ я прохожу по

кладбищу, на которомъ онъ погребенъ (между абиссинскимъ купцомъ и полковникомъ—католикомъ и на могилѣ его положенъ камень съ надписью), я воздаю ему поклоненіе и ради его заслугъ прошу у Бога милости. Здѣсь много говорятъ объ его добродѣтеляхъ [7]).

Теперь можно видѣть висѣлицы, увѣшанныя мятежниками. Недавно и казаки понесли заслуженное наказаніе. У нихъ близъ крѣпости отрубали головы, руки и ноги. Эти суровые люди, въ то время, какъ имъ рубили руки, не обнаружили ни малѣйшаго признака боли и не издали стона, какъ будто это были не ихъ руки, а одинъ изъ нихъ даже приподнялъ голову на плахѣ, на которой былъ положенъ, посмотрѣлъ кругомъ и съ неподвижнымъ взоромъ наблюдалъ, какъ ему рубили ноги.

Свѣтлѣйшій царь возвратился къ намъ 1 сентября по новому стилю, милостиво далъ аудіенцію господину послу, даже снялъ шляпу, гдѣ и мы — императорскіе и въ тоже время папскіе миссіонеры сами передали царю (чего до сихъ поръ не дѣлалось) свои вѣрительныя граматы, которыя я завернулъ въ красную шелковую матерію; потомъ мы были допущены къ цѣлованію руки. На слѣдующій день царь устроилъ въ нашей Слободѣ большой пиръ, и пожелалъ, чтобы на немъ присутствовалъ и господинъ посолъ. Царь жестоко бранилъ на этомъ пиру бояръ (и дѣйствительно, къ этому давали слишкомъ сильный поводъ ихъ предразсудки), а одного изъ нихъ послѣ пира ранилъ въ руку и, если бы во-время не прибѣжалъ Лефортъ, то совсѣмъ убилъ бы его. Этотъ раненый боринъ—князь Юрьевичъ Радамановскій [8]), ожесточеннѣйшій врагъ католичества, тотъ самый, который приказалъ силою увести въ темницу изъ компаты, въ которой я теперь живу, отца Франциска Лефлера, родомъ нѣмца. По справедливому суду Божьему случилось такъ, что самъ онъ первый поплатился, а можетъ быть и еще больше поплатится и съ нимъ и многіе другіе, ибо уже царь и обѣщалъ имъ это. Свѣтлѣйшій царь приказалъ привести сюда тѣхъ изъ бунтовавшихъ стрѣльцовъ, которые были помилованы и уже за ними отправлены солдаты.

Царь намѣревается въ скоромъ времени отправиться въ Воронежъ, чтобы осмотрѣть, какъ строятся суда. Да сохра-

нить Богъ на долго этого человѣка! Мы надѣемся на все хорошее подъ его управленіемъ, въ особенности, если Богъ дастъ ему счастливо окончить эту войну [9]). Тогда, надѣюсь, наступятъ лучшія времена. Господинъ Лефортъ показываетъ себя весьма расположеннымъ къ намъ, по крайней мѣрѣ, наружно, а также и жена его. Она католичка и большая благотворительница нашей церкви. Еретики (которые здѣсь имѣютъ 5 проповѣдниковъ,—3 лютеранскихъ и 2 кальвинистскихъ) относятся къ намъ почтительно и довѣрчиво и сами довольно часто посѣщаютъ насъ. Хотя это не мало тормошитъ наши карманы, но мы меньше всего обращаемъ на это вниманіе, потому что этимъ путемъ дѣлается много хорошаго. Однако всегда нужно осторожно посматривать кругомъ, и такъ какъ мы многое дѣлаемъ тайно и какъ бы поверхъ сѣти, такъ что неизвѣстно, откуда оно происходитъ, то ихъ крючкотворцы и не имѣютъ случая подвести насъ. Въ это короткое время я узналъ, что въ Московіи практикуется полезнѣйшая аксіома: многое дѣлать и мало говорить. Нужно воздавать хвалу Богу, который, если это нужно для его славы, даетъ намъ даже этихъ людей, а пока лишь высматривать, гдѣ будетъ прочный успѣхъ.

Наша церковь болѣе и болѣе обогащается украшеніями, а что касается ризъ для службы, то мы снабжены ими по истинѣ великолѣпно. Вотъ и въ самое недавнее время польскій посолъ и нашъ посолъ прибавили еще священническія одежды, и притомъ господинъ императорскій посолъ подарилъ ризы изъ матеріи, богато вышитой золотомъ и серебромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подарилъ покрывало на алтарь изъ такой же матеріи и пр. Другіе дарятъ иныя вещи, кто что можетъ по своимъ средствамъ. Музыка великолѣпна, на трубахъ и литаврахъ играютъ музыканты господина посла, а въ праздникъ св. Ангела хранителя у насъ была такая музыка, подобной которой не легко услышать и въ вашихъ странахъ. Музыку эту устроили католики голландцы и валлонцы, недавно прибывшіе сюда. Все это привлекаетъ большое множество любопытныхъ еретиковъ. Между тѣмъ мы теперь хлопочемъ, какъ бы обучить музыкѣ нѣкоторыхъ дѣтей изъ числа тѣхъ, которыхъ мы воспитываемъ на свой счетъ, чтобы когда господинъ посолъ уѣдетъ и когда посторонніе музыканты не

станутъ являться, развѣ въ болѣе торжественные случаи, у насъ была для славы св. церкви въ обыкновенныя воскресныя и другіе меньшіе праздники хоть какая нибудь музыка.

Содержаніе здѣсь довольно дешево. Одну пару куропатокъ можно купить за 4 коп., т. е. 8 крейцеровъ; рябчикъ стоитъ 2 или 4 крейцера, а иногда можно купить его даже за одинъ крейцеръ. Также дешева и остальная живность; цѣлый теленокъ стоитъ 20 или 30 крейцеровъ. Но матерія для одежды, чего я никакъ не думалъ, въ невозможной цѣнѣ, такъ что самую простую одежду едва можно пріобрѣсти дешевле 40 флориновъ; также дороги и мѣха (за исключеніемъ медвѣжьихъ), которые можно купить за такую же цѣну, если даже и не за меньшую, и въ Вѣнѣ. Соболи въ огромной цѣнѣ. Причину этого приводятъ ту, что китайцы прогнали охотниковъ, и отняли то пространство земли, на которомъ происходила самая счастливая ловля соболей. Однимъ словомъ, все, кромѣ продовольствія, здѣсь въ огромной цѣнѣ, и, хотя мы много тратимъ на лошадей, которыя дѣйствительно необходимы при здѣшнихъ огромныхъ разстояніяхъ и при здѣшнихъ дорогахъ, по которымъ иначе нельзя путешествовать, какъ на лошадяхъ, хотя мы много издерживаемъ на содержаніе нашей общины, состоящей изъ 8 человѣкъ, на обученіе дѣтей музыкѣ, на бѣдныхъ-католиковъ и проч., тѣмъ не менѣе Богъ посылаетъ намъ средства и даже больше, чѣмъ мы тратимъ. Добрые армяне и персы не проходятъ мимо, чтобы не сдѣлать намъ какого-нибудь маленькаго приношенія, отъ котораго мы не осмѣливаемся отказываться. Недавно привезли они намъ письмо отъ о. Іоанна Баптиста Де-Ламачи, который принадлежитъ къ вашему ордену, т. е. онъ іезуитъ. Онъ находится въ Персіи, сейчасъ за Каспійскимъ моремъ, въ городѣ Шемахѣ, въ которомъ живетъ уже 20 лѣтъ. Добрый старецъ пишетъ о своихъ радостяхъ по случаю обращенія саксонца и по случаю побѣды, одержанной годъ тому назадъ надъ турками; прибавляетъ онъ еще, что въ Персіи нечего ждать движенія противъ турокъ по той причинѣ, что персы не любятъ воевать, по чрезвычайно тихаго характера даже тѣ, которыхъ касается дѣло войны. Кромѣ того разсказываетъ онъ, что тамъ

произошло плачевное событіе: два монаха одного ордена сбросили монашескій клобукъ и сдѣлались магометанами: одинъ изъ ихъ человѣкъ даже почтенный и бывшій настоятель!

Изъ Китая уже вернулся караванъ съ его вождемъ господиномъ Рембрандтомъ, который хвастался здѣсь, какъ ловко обманулъ находящихся тамъ вашихъ отцовъ, какъ представилъ имъ себя католикомъ и часто ходилъ въ храмъ съ молитвенникомъ и такимъ образомъ при посредничествѣ тѣхъ отцовъ получилъ отпускъ и товары, которые безъ этого едва ли могъ бы получить. О, если бы знали объ этомъ добрые отцы! Но отсюда невозможно написать имъ объ этомъ, потому что, если бы какъ нибудь перехватили мое письмо, то сочли бы меня іезуитомъ и подверглась бы опасности жизнь и моя и моего письмоноса. Однако другой еретикъ и притомъ одинъ изъ самыхъ закоснѣлыхъ, который путешествовалъ вездѣ по Европѣ и на обращеніе котораго не могла быть и отдаленная надежда, какъ разсказываютъ знавшіе его раньше, когда увидѣлъ въ Китаѣ, какъ велика ревность тамошнихъ христіанъ и какое множество язычниковъ крестили ваши отцы, то сталъ поддаваться лучшимъ побужденіямъ, и обратился къ вѣрѣ; онъ принесъ и сюда эту святую вѣру и чтобы свободнѣе ее исповѣдывать, уѣхалъ отсюда въ католическія страны.

Отецъ генералъ вашего ордена писалъ къ нашему господину послу, прося его похлопотать, чтобы дозволенъ былъ проѣздъ вашимъ отцамъ въ Китай. На успѣхъ этого дѣла большая надежда, ибо добрый господинъ посолъ весьма преданъ вамъ и для этого дѣла не жалѣетъ никакихъ издержекъ, которыя здѣсь составляютъ самый могущественный рычагъ для достиженія чего-либо.

Сегодня я былъ въ городѣ у одного изъ болѣе богатыхъ купцовъ, на обѣдѣ, на который былъ приглашенъ имъ. Онъ человѣкъ довольно большаго ума и занимается охотно геометріей и пр. Онъ ведетъ торговлю въ Китаѣ и имѣетъ тамъ своего агента. Отъ этого агента онъ получилъ письмо, въ которомъ тотъ, между прочимъ, говоритъ, что находящихся тамъ римскихъ отцовъ начинаютъ подвергать преслѣдованію и притѣсненіямъ въ дѣлѣ крещенія, но не объясняетъ за что? и какъ? Этотъ человѣкъ (купецъ) для меня весьма дорогъ, такъ

какъ черезъ него я могу проводить и получать то, что хочу; но все это я долженъ дѣлать осторожно, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Въ октябрѣ придетъ оттуда другой караванъ и съ нимъ люди этого купца. Я надѣюсь, что они принесутъ какое нибудь письмо отъ отцовъ іезуитовъ съ извѣстіями. Въ февралѣ въ Китай отправятся другіе купцы.

Послѣ праздника Пр. Богородицы мы получили обычное царское угощеніе. Оно было таково: когда всѣ мы, имѣвшіе аудіенцію, собрались въ посольскомъ дворцѣ, то изъ царской кухни изъ крѣпости вышло по направленію къ намъ 200 русскихъ и рядъ ихъ занималъ пространство почти въ 600 шаговъ. Прежде всѣхъ шелъ приставъ; за нимъ 50 человѣкъ съ серебряными позолоченными чашами, изъ которыхъ большія имѣли въ высоту три пяди и изумительный объемъ, а остальныя были немного меньше. За ними несли кушанья числомъ 109 на огромныхъ серебряныхъ блюдахъ, многія изъ блюдъ были даже позолочены. Болѣе тяжелыя блюда, какъ напримѣръ тѣ, на которыхъ были лебеди, голова кабана и проч. несли два носильщика. За ними несли двѣ ужасающихъ серебряныхъ вызолоченныхъ братины, а за ними 15 огромныхъ оловянныхъ сосудовъ съ виномъ, пивомъ, медомъ и водкой. Когда все это прибыло въ вышеуказанномъ порядкѣ, тогда накрыли столъ золотой скатертью, остальные приборы были всѣ изъ серебра. Все это было устроено съ особенной пышностью для господина императорскаго посла, который здѣсь находится въ большомъ почетѣ. Польскому послу дали только 22 кушанья, датскому—20. шведскій же посолъ и вовсе не былъ угощаемъ, потому что имѣлъ званіе коммиссара.

Вчера мы получили напечатанный въ Гамбургѣ листокъ, гдѣ написано слѣдующее:

„Отъ императорскаго посла изъ Москвы дано знать черезъ курьера, что царь перемѣнилъ религію и принялъ католичество, что это произвело большую смуту и большая часть бояръ ушла къ татарамъ“.

Скоты выдумали это для того, чтобы возбудить противъ господина посла ненависть, такъ какъ они не могутъ выносить, что онъ находится въ такой милости. Но самая басня чрезвычайно глупо составлена, такъ что повсюду ее отвер-

гаютъ. Я полагаю, что не пройдетъ много времени, какъ и на насъ нападутъ, потому что у сатаны есть уже кое-гдѣ пригоднѣйшія орудія, особенно изъ среды кальвинистовъ, изъ числа которыхъ съ нами вступаютъ въ сношенія не столь многіе, какъ лютеране и другіе.

Сообщаю вашему преподобію три алфавита для того, чтобы вы ими воспользовались, когда вамъ будетъ возможно и угодно написать сюда. Такой способъ корреспонденціи выбранъ г. послomъ и считается самымъ безопаснымъ. Благоволите вложить письмо въ конвертъ и надписать: Славнѣйшему и милостивому господину Франциску Карповичу, моему милостивѣйшему покровителю, въ Москвѣ, въ нѣмецкой Слободѣ, и внизу прибавить: въ иноземскую Слободу и проч.

Я желалъ бы, чтобы господинъ Францискъ Ксаверій Іефлеръ, нынѣ возвращающійся къ своему литовскому деканству, былъ хорошо принятъ тамъ всѣми вами. Повѣрьте, что онъ здѣсь и много сдѣлалъ и много претерпѣлъ. Онъ и пріобрѣталъ для васъ великую честь и оберегалъ ее. Онъ просилъ меня рекомендовать его вашимъ оломуцкимъ членамъ. Прошу васъ сдѣлать такъ, чтобы они, если могутъ, воздали при удобномъ случаѣ должное этому прекрасному мужу.

О мой господинъ! Скоро я въ моихъ молитвахъ сдѣлаю прибавку: избави насъ Господи отъ монаховъ! Проходили здѣсь въ разныя времена нѣкоторые монахи. Милосердный Богъ! какъ они всколебали миръ нашей церкви! Они полагали, что взглядъ и сердце—одно и тоже, и по дружескому взгляду заключали о чистотѣ сердца. Одно изъ худшихъ заблужденій! Такимъ-то образомъ враги св. церкви, которыхъ здѣсь множество, ловко вызвали ихъ на бесѣды и разрѣшенія, по истинѣ достойныя удивленія. Мнѣ пришлось много, много поработать, чтобы потушить подымавшійся пожаръ. Св. ангелы помогли; помогло и покровительство господина посла; въ противномъ случаѣ произошелъ бы большой безпорядокъ въ святой церкви, но Богъ обратилъ козни на голову враговъ. Въ этой миссіи нѣтъ установившагося образа дѣйствій, какъ въ другихъ мѣстахъ. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Турціи, Персіи народы имѣютъ своихъ консуловъ; здѣсь же каждый живетъ, какъ ему угодно. Если случится какой-нибудь скандалъ, не знаешь,

кому донести или кто бы тебѣ помогъ, но нужно сдѣлать тысячу поклоновъ, тысячу разъ просить, чтобы достигнуть какого-нибудь исправленія зла, потому что смѣлымъ требованіемъ здѣсь ничего нельзя добиться.

Существуютъ и другія трудности, свойственныя этой мѣстности, о которыхъ я теперь умалчиваю, но которыя требуютъ большого мужества и смѣлости, такихъ качествъ, о которыхъ да благоволитъ ваше преподобіе помолиться Богу, чтобы Онъ по своему милосердію постоянно давалъ ихъ мнѣ.

Что касается постройки нашего каменнаго храма, то я не знаю, будетъ ли дано дозволеніе и на что мы можемъ надѣяться въ будущемъ, а теперь свѣтлѣйшій царь до крайности занятъ другими заботами, такъ что не совѣтуютъ даже и дѣлать теперь ему какія-либо представленія. Все то, что съ нимъ слажено хорошаго заграницей, теперь, мнѣ кажется, какой-то злой змѣй своимъ нашептываніемъ превратилъ въ ничто. О, если бы я ошибался! Но у насъ есть слишкомъ вѣрныя доказательства. Однако, я надѣюсь, что возстанетъ Богъ, поможетъ святой церкви и разсѣетъ ея враговъ. Не такъ еще давно одинъ изъ первыхъ бояръ сказалъ прямо: „намъ всячески необходимо препятствовать, чтобы вы имѣли болѣе обширную и болѣе устроенную церковь; въ противномъ случаѣ наши собственные храмы опустѣютъ, и всѣ будутъ ходить на ваше богослуженіе“. Богъ поможетъ своему дѣлу, а мы будемъ дѣлать ради Бога, что можемъ, и Богъ сдѣлаетъ за насъ то, чего мы не можемъ.

Да проститъ мнѣ ваше преподобіе за мое путаное писаніе. Набросано на бумагу въ разныя времена, урывками, сегодня одно, завтра другое, по мѣрѣ того, какъ приходило въ голову. Я присоединяю тутъ нарисованную неумѣлою кисточкой или вѣрнѣе перомъ нашу резиденцію и внутренній видъ храма [10]).

Уже намъ, въ нашъ домъ привезли библіотеку, подаренную намъ господиномъ генераломъ Гордономъ и оцѣненную въ 600 вашихъ флориновъ. Она состоитъ изъ самыхъ избранныхъ сочиненій для нашихъ потребностей.

Хорошій нашъ другъ изъ Польши получилъ извѣстіе, что, когда царь проѣзжалъ черезъ Замостье, то тамъ уже нахо-

дился папскій нунцій, господинъ Паулуччи, которому царь подарилъ весьма драгоцѣнный крестъ; а нунцій, замѣтивъ, что царь къ нему весьма расположенъ, обратился съ просьбой, чтобы царь далъ позволеніе свободно проходить въ Персію и Китай труженикамъ (во Христѣ) и чтобы сдѣлалъ это исключительно для вашего общества. Царь отвѣтилъ на это: „изъ нашихъ земель изгнаны евреи и іезуиты". Когда же нунцій сталъ настаивать, то царь наконецъ отвѣтилъ: „по мнѣ все равно, пусть идутъ, но я не хочу дать ручательства за ихъ безопасность отъ разбойниковъ и проч., пусть посмотрятъ, можно ли пройти". Всеблагій Боже! А какъ же онъ можетъ давать обезпеченіе своимъ купцамъ? Вотъ, мой господинъ, до какой степени вы ненавистны! Весьма недавно сказалъ великій канцлеръ, что царь, по окончаніи войны, намѣренъ посѣтить еще Италію, Испанію, Данію, Францію и другія страны, и нѣтъ сомнѣнія, что король французскій даже прямо приглашалъ. И желалъ бы, чтобы ваше преподобіе какъ нибудь свидѣлись съ вышеупомянутымъ господиномъ Францискомъ. Въ устной бесѣдѣ съ нимъ вы узнали бы удивительныя вещи.

И написалъ здѣсь много такого, о чемъ не желалъ бы, чтобы ваше преподобіе сообщали другимъ безъ разбору, потому что, вы знаете, есть много болтуновъ, которые разсказываютъ дѣла безъ всякой осторожности. Сохрани Богъ, если что-либо изъ написаннаго здѣсь дойдетъ сюда, хотя бы то въ видѣ слуха, тогда бы моя жизнь была въ опасности. У насъ недавно былъ уже такой случай, и то дѣло касалось частнаго лица; тѣмъ большее было бы несчастіе изъ-за того, что я здѣсь написалъ, а написалъ я вашему преподобію все это потому, что посылаю это письмо не по почтѣ, но съ вѣрной окказіей, и, такъ какъ ваше преподобіе будете прибѣгать къ ней съ великою осторожностію, то, безъ сомнѣнія, будете наблюдать и въ самыхъ письмахъ ко мнѣ тѣ предосторожности, о которыхъ я просилъ прежде, и будете пользоваться вышеописаннымъ алфавитомъ не иначе, какъ прилагая всегда отводъ, что будто бы вы отвѣчаете на математическій вопросъ или сообщаете какое-нибудь искусство. Касательно остальнаго вамъ продиктуетъ вашъ умъ. Печатью же пользуйтесь только чужой, а никакъ не своею, которая бы выдала

пасъ, потому что самая корреспонденція съ человѣкомъ вашего ордена можетъ причинить не малую бѣду. Когда господинъ императорскій посолъ будетъ отъѣзжать, я не забуду вашего преподобія, насколько позволятъ мои слабыя силы, а теперь всецѣло предаю себя вамъ и прошу себѣ того же расположенія, съ которымъ вы относились ко мнѣ уже и тогда, когда жили въ Римѣ. Остаюсь вашего преподобія покорнѣйшимъ и искреннимъ слугой Геральдъ а S. Cruce, папско-императорскій миссіонеръ. Москва, въ Иноземной Слободѣ, 1698 г. 23 сентября новаго стиля.

PS. [1]). Покорнѣйше прошу почтеннаго отца ректора, да благоволитъ сообщить это письмо почтенному отцу Эммануилу ради особеннаго утѣшенія, какимъ безъ сомнѣнія исполнится его душа при воспоминаніи о славномъ отцѣ Албертѣ. Также покорнѣйше, съ почтительнѣйшимъ поклономъ, прошу почтеннаго отца Эммануила, чтобы онъ, прочитавъ самъ, не потятотился дать прочитать это письмо почтенному отцу Дворскому, затѣмъ почтенному отцу Фалеку, потомъ почтенному отцу Набле и наконецъ отцу Вѣтровскому, каждому особо (ибо я не желалъ бы дѣлать это письмо общеизвѣстнымъ), именно, я боюсь, чтобы, если оно станетъ ходить по рукамъ слишкомъ многихъ, не навлекло какой либо опасности на несчастнаго корреспондента, съ которымъ мнѣ нужно вести дѣло какъ можно осторожнѣе. Затѣмъ, если у почтеннаго отца Эммануила собранныя мною нѣкогда свѣдѣнія возбудятъ какое нибудь подозрѣніе касательно этого письма, то прошу его устранить это подозрѣніе и совершенно уничтожить его, что пусть сдѣлаютъ и другіе. Францискъ Дубскій.

II. 1699 г. 23 іюня. Письмо отца Франциска Эмиліана (безъ адреса).

Достоуважаемый во Христѣ отецъ! До сихъ поръ ничего нельзя было написать вашему преподобію о нашей миссіи, потому что небезопасно было писать. Пакетъ самого господина посла былъ распечатанъ, неизвѣстно, здѣсь ли, или въ Польшѣ, поэтому нельзя было довѣрить письма даже и посоль-

ской оказіи. Хотѣлъ было я послать письмо черезъ двухъ возвращавшихся священниковъ; но такъ какъ здѣсь сильно угрожали, что до перехода ихъ черезъ границы въ Смоленскѣ будутъ пересматривать ихъ вещи, то я не желалъ подвергать этой опасности и моего письма.

Первая просьба, съ которой мы обращаемся къ вашему преподобію, состоитъ въ томъ, чтобы вы благоволили восполнить то, чего мы не могли сдѣлать, именно, воздать должную благодарность возвращающемуся славному господину послу, который впродолженіе дороги имѣлъ о насъ необычайное попеченіе, а во время его пребыванія здѣсь замѣнилъ намъ родную мать даже съ ущербомъ для своихъ денежныхъ средствъ и удобствъ жизни. Храмъ, библіотека, наша экономія и здѣшніе бѣдные всегда будутъ вспоминать о немъ съ благодарностью. Все, что только возможно было сдѣлать при здѣшнихъ обстоятельствахъ, онъ сдѣлалъ для насъ. Да вознаградитъ его Богъ тысячекратно; я же, конечно, никогда не перестану вспоминать его передъ алтаремъ Господа.

Нашъ въѣздъ совершился благополучно, такъ какъ г. посолъ, при его чрезвычайномъ благоразуміи, такъ устроилъ, что все вышло какъ нельзя болѣе естественно и не возбуждало никакихъ вопросовъ или сомнѣній. Все сдѣлано смѣло, съ благоразумною свободою, какъ будто такъ и должно было быть. Не обошлось, однако, безъ нѣкоторыхъ испытаній. Не малое безпокойство овладѣло нами въ Литвѣ въ 50 миляхъ до въѣзда въ Московію. Мы сами собственными ушами слышали говоръ, что въ Московію ѣдутъ іезуиты, а въ 4 миляхъ отъ Смоленска какой-то попъ не хотѣлъ принять въ домъ нашихъ слугъ, говоря: „вы везете съ собой бусурмановъ, иначе, поганыхъ іезуитовъ“! Но милосердный Богъ ради любви къ ордену св. Матери все это обратилъ въ ничто. Въ Смоленскѣ попы стали испытывать насъ, а здѣсь въ Москвѣ г. посолъ тотчасъ подвергся допросу на первомъ же совѣщаніи, но и тутъ мы счастливо провели всѣхъ. Новая появилась тревога, когда вслѣдствіе продолжительнаго сожительства съ нами стали предаваться подозрѣніямъ здѣшніе священники-миссіонеры, но и изъ этого не вышло никакого вреда намъ.

Новую тревогу возбудилъ мой бывшій ученикъ, встрѣтив-

шійся здѣсь со мной, но по Божію устроенію случилось такъ, что онъ находился въ бѣдственномъ положеніи и крайне нуждался. Признаюсь, я не жалѣлъ денегъ, пока не вывелъ его изъ нищеты. Надѣюсь, онъ всегда будетъ мнѣ благодаренъ и вѣренъ; но такъ какъ я знаю, что все человѣческое измѣнчиво, то, не полагаясь на него, и дорожа апостольской свободой, я потребовалъ чрезъ отца Кнителя изъ славянскихъ странъ письменное удостовѣреніе объ немъ, и такъ какъ оно уже у меня, то я ничего не боюсь, потому что ему пришлось бы (такъ какъ я могъ бы показать противное его доносу) сперва вытерпѣть троекратный кнутъ, какъ здѣсь говорятъ, или публичное сѣченіе, прежде чѣмъ онъ добился бы чего нибудь противъ меня. Но самая большая опасность и притомъ такая, что по человѣческому соображенію ее едва ли можно было избѣгнуть, была въ то время, когда сюда возвратился съ царемъ господинъ Лефортъ, и я думаю, что при немъ мы едва ли могли бы скрываться болѣе двухъ лѣтъ, потому что, не знаю, на основаніи какихъ добытыхъ за границей слуховъ, онъ возъимѣлъ сильное подозрѣніе насчетъ насъ, и я узналъ о нѣкоторыхъ его рѣчахъ, переданныхъ мнѣ частнымъ образомъ, хотя наружно онъ выказывалъ намъ всякую любезность и расположеніе. Но противъ крайняго зла и Богъ употребилъ крайнее средство, а именно, смерть, которая и постигла Лефорта здѣсь въ праздникъ канонизаціи св. отцовъ нашихъ Игнатія и Ксаверія.

Въ Московской Слободѣ, или какъ бы въ предмѣстьи города, которое называютъ нѣмецкимъ предмѣстіемъ, мы нашли такое поле для нашей дѣятельности, которое, если Богъ поможетъ, потребуетъ великаго труда и необыкновеннаго терпѣнія отъ многихъ еще миссіонеровъ. Мы вѣримъ, что справедливо замѣчаніе, которое обыкновенно высказывалъ благочестиво почившій отецъ Тихавскій, что пріятнѣе трудиться въ самой варварской средѣ, разумѣя тутъ человѣка низшаго развитія; но онъ имѣлъ въ виду лишь одно варварство, а здѣсь приходится имѣть дѣло и съ варварствомъ и, кромѣ того, еще съ самыми утонченными обманами. Но это до сихъ поръ (слава Богу) нисколько не отнимаетъ у насъ мужества, на-

противъ увеличило его, и мы готовы тѣмъ храбрѣе стоять за дѣло Бога, чѣмъ болѣе крѣпки здѣсь силы діавола.

Въ этой мѣстности (Слободѣ) мы нашли почти всѣ европейскія народности. Нѣмецкій языкъ употребляется повсюду, у иныхъ даже въ собраніяхъ и его знаютъ всѣ живущіе тутъ иностранцы, но сверхъ его каждый старается изучить и употреблять и русскій языкъ. Наша католическая паства изъ всѣхъ самая малая по числу; но, что хуже всего, мы нашли ее до такой степени болѣзнующею, что даже одинъ изъ этой паствы могъ бы занять все время у человѣка ревностнаго и серьезно бодрствующаго надъ спасеніемъ ввѣренныхъ ему овецъ. Почти каждый день приходится пересматривать списокъ и наводить справки сегодня объ одномъ, завтра о другомъ, чтобы всѣ видѣли, что объ нихъ хорошо помнятъ и имѣютъ надлежащую заботливость. Благодаря этой-то заботливости болѣе 12 человѣкъ были спасены отъ того, чтобы ихъ не увлекли наши противники на ложную дорогу своими льстивыми обѣщаніями (которыя здѣсь умѣютъ отлично употреблять). Приходится возставать противъ безобразій и преступленій, а это здѣсь труднѣе, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ, за что въ другихъ странахъ правосудіе наказываетъ мечомъ и огнемъ, здѣсь по большей части признается не подлежащимъ взысканію; а когда люди, недостаточно ревностные къ дѣламъ Божіимъ, видятъ такую свободу, то легко догадаться, сколько разъ нужно ударять крестомъ, чтобы добыть хотя искорку любви къ добродѣтели. Только мольбою во имя всего святаго, любовью, долготерпѣніемъ и горячими просьбами возможно здѣсь приводить людей къ божественному милосердію. Правда, здѣсь нужно быть и храбрымъ, но это только для отпора и то я не вижу, у кого бы здѣсь можно было найти заступничество, потому что здѣсь не такъ, какъ бываетъ въ другихъ странахъ, что иностранцы имѣютъ своихъ консуловъ или покровителей. Здѣсь всѣ живутъ въ хаосѣ и каждый кричитъ: „это свободная страна“! Къ этому нужно еще прибавить, что большая часть живущихъ здѣсь принадлежитъ къ числу такихъ людей, которые искали здѣсь спасенія, убѣжали сами или были изгнаны изъ своихъ странъ за злодѣянія,—люди закоренѣлые въ порокахъ. Ваше преподобіе легко поймете, какъ

трудно вести дѣло съ такими людьми. Однако всеблагой Богъ сдѣлалъ то, что многіе изъ нихъ проснулись отъ своихъ закоренѣлыхъ пороковъ и дѣйствительно стали думать о лучшемъ образѣ жизни; многіе, не исповѣдовавшіеся уже съ давняго времени, были приведены къ св. исповѣди, а одинъ изъ нихъ, съ котораго и началась наша миссіонерская дѣятельность, (одному только Богу за это слава), даже такой человѣкъ что ни одинъ священникъ не могъ до сихъ поръ привести его къ таинству покаянія. Теперь же всѣхъ ихъ, при Божьей помощи, мы привели, наконецъ, къ пасхальной исповѣди, за исключеніемъ лишь одного, родомъ итальянца съ архипелага; надѣемся однако, что Богъ сокрушитъ и этотъ орѣхъ.

Мы нашли здѣсь часовенку деревянную, въ длину 18 шаговъ, а вышина ея въ той части, гдѣ стоитъ народъ, была такова, что можно было достать до потолка рукою, но, благодаря затратамъ господина посла, часовня получила видъ небольшого храма, такъ что теперь имѣетъ въ длину 36 шаговъ, а въ вышину вездѣ поднята на 10 локтей, украшена двойнымъ рядомъ оконъ съ большими стеклами и сверхъ того имѣетъ удобные и какъ бы тройные хоры. Кромѣ большого алтаря во имя Пресвятой Троицы (такъ называется церковь), здѣсь имѣется еще престолъ во имя св. креста и Пресвятой Дѣвы; дѣлается еще престолъ въ честь св. ангеловъ. Все это временно, пока съ милостиваго разрѣшенія свѣтлѣйшаго царя дерево не будетъ замѣнено камнемъ. Насколько намъ возможно было, мы устроили и украсили ясли, гробницу и проч. Такъ какъ бываетъ большое стеченіе сюда русскихъ и еретиковъ изъ Слободы, то мы стараемся дѣлать большіе праздники возможно болѣе торжественными, прибавляя новыя и новыя украшенія, что, вмѣстѣ съ красотою церкви, производитъ сильное впечатлѣніе на совращенныя души. Мы нашли здѣсь довольно много и притомъ красивыхъ священныхъ вещей. Здѣсь есть все, за исключеніемъ дарохранительницы, вмѣсто которой мы употребляемъ серебряную, вызолоченную звѣзду,—немного больше кисти руки. Славнѣйшій господинъ императорскій посолъ умножилъ церковныя вещи, а именно: сдѣлалъ священническое облаченіе, покровы изъ серебряной и золотой матеріи для чаши и антипедіумъ къ престолу, по-

дарилъ также икону Богородицы-Дѣвы, недавно явившей чудеса въ Венгріи, въ великолѣпной рамѣ изъ перешкова дерева, серебряные кувшины, искусно сдѣланные цвѣты и другія вещи. Другое священническое облаченіе подарилъ славнѣйшій господинъ посолъ Польши. Госпожа Лефортъ подарила драгоцѣнную матерію для двухъ новыхъ облаченій; иные доставили другія вещи, кто что могъ по своимъ средствамъ. Къ храму прилегаетъ и наше жилище, состоящее изъ одного этажа. Оно довольно обширно, какъ можно видѣть изъ приложеннаго рисунка [12]); но и наше жилище мы нашли кое-гдѣ развалившимся и починили его преимущественно на свои деньги. Здѣсь мы благовѣствуемъ бѣднякамъ. Въ нашемъ обществѣ не много можно насчитать вліятельныхъ и богатыхъ и потому мы предпочли убавить средства у себя, чѣмъ обременять нашу общину. За то тѣмъ свободнѣе мы можемъ отдаваться своему апостольскому званію, чѣмъ меньше издержекъ приходится намъ просить у нашей общины, потому что меньше наша зависимость отъ нея, и дай Богъ, чтобы мы могли быть совершенно свободны! Это было бы и для общины пріятнѣе и для распространенія славы Божіей полезнѣе. Для пользы этой миссіи славнѣйшій господинъ генералъ Гордонъ, родомъ шотландецъ, подарилъ драгоцѣнное и весьма полезное для насъ сокровище,—библіотеку, а господинъ императорскій посолъ еще увеличилъ ее многими книгами, подаренными имъ. Прилагаемъ здѣсь каталогъ всей этой библіотеки, изъ котораго можно видѣть, какова она [13]).

Садъ нашъ походилъ совсѣмъ на лѣсъ. Мы, благодаря участію въ издержкахъ господина императорскаго посла, привели его, къ великому удовольствію нашей общины, въ прежнее и даже лучшее состояніе. Мы также отвели во вновь устроенную цистерну воду, которая обыкновенно заливала всю площадь во время дождя и таянія снѣга, чтобы изъ-за этого неудобства, котораго теперь нѣтъ, столь многіе не уклонялись отъ посѣщенія храма.

Въ нашемъ помѣщеніи есть мѣсто и для школы, и если бы кто-нибудь позаботился достать намъ хорошаго наставника, то была бы большая слава намъ, честь нашей общинѣ и умноженіе славы Божіей. Сами враги наши отдали бы намъ

на обученіе многихъ дѣтей, которымъ можно было бы понемногу внушать правила благочестія. Если откровенно высказать вашему преподобію наши мысли, то мы скажемъ, что лучше вамъ было бы, если бы могъ взять на себя эту заботу членъ нашего ордена въ свѣтской одеждѣ. Господинъ посолъ обѣщалъ охотно доставить для этого средства, но нужно, чтобы это былъ человѣкъ нашей провинціи для большаго единства и соглашенія въ дѣйствіяхъ. Москва вѣдь уже показала, что значитъ разнородность провинцій и какимъ образомъ человѣческія чувства могутъ взять верхъ, когда этой миссіей управляли прусакъ и богемецъ. Напрасно думать, что этого теперь не будетъ. Отдаленность странъ не убиваетъ ветхаго Адама, а только усыпляетъ. Кромѣ того необходимо, чтобы это былъ человѣкъ превосходной и выдающейся добродѣтели, въ особенности онъ долженъ обладать смиреніемъ, терпѣніемъ и чистотою нравовъ, потому что онъ будетъ подвергаться тысячѣ опасностей; но пусть ничто его не устрашитъ, а руководитъ имъ одна только любовь къ Богу, потому что эта страна подвержена самымъ изысканнымъ козиямъ діавола. Учитель долженъ знать музыку, по крайней мѣрѣ, умѣть играть правильно на органѣ и быть искуснымъ въ пѣніи, потому что безъ этихъ знаній онъ не принесетъ никакой пользы. Кромѣ того онъ долженъ хорошо знать, если не оба языка (русскій и нѣмецкій), то, по крайней мѣрѣ, нѣмецкій, и притомъ среди этого измѣнчиваго народа онъ долженъ быть готовъ на всякую случайность,—на смерть, на бѣдствія. О если бы ваше преподобіе прислали намъ такого мірскаго человѣка! Это—наши простосердечныя мысли, а обсудить ихъ благоволите вы, достоуважаемый отецъ; но это главнѣйшее наше желаніе и для этой миссіи отъ этого была бы необычайная польза. Можно бы при этомъ еще имѣть въ виду и ту выгоду, что учитель могъ бы заниматься и нашимъ хозяйствомъ и такимъ образомъ отецъ Іоаннъ могъ бы свободнѣе заниматься юношествомъ и спасеніемъ душъ, ибо теперь, для того, чтобы лучше шли наши дѣла, мы раздѣлили между собой обязанности такимъ образомъ: отецъ Іоаннъ завѣдуетъ хозяйствомъ, а я забочусь о храмѣ и его нуждахъ, а также о дѣлахъ, какія помимо того возникаютъ.

Что касается здѣшнихъ еретиковъ, то у нихъ самыя разнообразныя вѣроисповѣданія, но публичное богослуженіе совершаютъ, кромѣ насъ, только послѣдователи двухъ вѣроисповѣданій. Во-первыхъ, послѣдователи лютеранскаго вѣроисповѣданія. Они имѣютъ два каменныхъ, довольно большихъ и красивыхъ храма и трехъ проповѣдниковъ. Эта секта самая многочисленная. Второе исповѣданіе — кальвинское. У нихъ одинъ каменный храмъ и два проповѣдника. Кромѣ того одинъ изъ ихъ проповѣдниковъ находится въ Архангельскѣ, другой въ Бѣлгородѣ, третій при желѣзныхъ заводахъ, четвертый при корабляхъ. Русскіе въ дѣлахъ вѣры ненавидятъ тѣхъ и другихъ, и эту ненависть еще больше усилила великая милость, какою пользовался у царя генералъ Лефортъ. Русскіе не дѣлаютъ различія между лютеранами и кальвинистами. До сихъ поръ проповѣдники этихъ вѣроисповѣданій торжествовали и на насъ, какъ католиковъ, смотрѣли съ презрѣніемъ; но, всмотрѣвшись внимательнѣе въ дѣла, я сталъ думать, что намъ не слѣдуетъ всегда пребывать въ безполезномъ страхѣ, а нужно поднять знамя Христа и, вотъ, съ этою цѣлью я попытался любезно и довольно часто внушать болѣе почтеннымъ членамъ ихъ общества, съ которыми встрѣчался, чтобы они поразмыслили, что нужно, во-первыхъ, обращать вниманіе не на большое число членовъ общины, а на разрѣшеніе совершать общественное богослуженіе, которое дали царскія величества и которое для всѣхъ вѣроисповѣданій одинаково; во-вторыхъ, нужно принять во вниманіе, что насъ обыкновенно посылаетъ сюда его августѣйшее величество императоръ Римской Имперіи съ вѣрительными грамотами и съ заявленіемъ открытаго покровительства, чего не дѣлается для ихъ проповѣдниковъ, и хотя ихъ здѣсь терпятъ ради Шведскихъ, Датскихъ, Голландскихъ и Англійскихъ купцовъ, но ни одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ, кромѣ Шведскаго, не находится подъ явнымъ покровительствомъ; въ третьихъ, Шведскаго проповѣдника потому главнымъ образомъ терпятъ, что въ Шведской землѣ есть одинъ греческій храмъ и что этимъ шведы хотятъ тщеславиться. Мы можемъ еще болѣе хвалиться и быть здѣсь сильными по той причинѣ, что около Буда въ округѣ Пятицерковскомъ и въ Трансильваніи у насъ насчитывается весьма много

греческихъ церквей, которыя теперь, по настоятельной просьбѣ московскаго посла, приняты подъ особенное покровительство. Въ четвертыхъ, мы никогда не дѣлали и не позволяли дѣлать по отношенію къ нимъ (еретикамъ) никакихъ грубыхъ выходокъ, и даже, когда вели съ ними споры (какъ то могутъ засвидѣтельствовать присутствующіе на нихъ люди), не было нами сказано ни одного словечка, которое могло бы ихъ сколько нибудь оскорбить, между тѣмъ ихъ проповѣдники продѣлывали все это весьма глупо, даже не безъ оскорбленія великихъ монарховъ. Согласившись съ этими доводами, проповѣдники утихли, такъ что теперь они уже не дѣлаютъ на каѳедрѣ никакихъ насмѣшекъ надъ нами и показываютъ намъ необыкновенную любезность, въ особенности кальвинистскій проповѣдникъ Штумпфъ изъ Гейдельберга, тотъ самый, который при жизни Лефорта держалъ себя самымъ наглымъ образомъ. Невозможно передать, какъ торжествовали злѣйшіе враги нашей вѣры кальвинисты при жизни Лефорта. Невозможно описать, какимъ врагомъ папы и іезуитовъ былъ этотъ же Лефортъ. Величайшее наслажденіе доставляла ему небольшая книжечка съ эпиграммами на папу и іезуитовъ, которую онъ обыкновенно читалъ и перечитывалъ. Сколько дурного распространилъ здѣсь объ отцѣ Вольфѣ и самъ Лефортъ и изъ угожденія ему равнодушные и злые католики! Весьма ловкій мастеръ сочинялъ подложныя письма. Однажды намъ принесли цѣлую пачку ихъ. Быть можетъ, онъ думалъ, что мы будемъ его изобличать, но обманулся: отъ такой заботы теперь освободило насъ божеское милосердіе [14]).

Что касается русскихъ, то изъ нихъ самымъ большимъ нашимъ врагомъ мы считаемъ князя Бориса Алексѣевича Голицына, вице-короля Казанскаго и Астраханскаго, брата того Голицына, который былъ отправленъ въ ссылку въ то время, какъ здѣсь находились наши отцы. Онъ держится такого мнѣнія, что большая часть (католиковъ, живущихъ въ Россіи) сдѣлалась бы русскими, если бы здѣсь не было католическихъ священниковъ, и, пожалуй, онъ правъ, потому что самъ онъ великій апостолъ, обходитъ море и сушу, чтобы хотя единаго обратить къ вѣрѣ. Сколько уже людей погибло, благодаря обольстительнымъ словамъ Голицына! Впрочемъ,

онъ относится съ почтеніемъ къ римскимъ священникамъ, и хотя нѣсколько разъ уже не прямо приглашалъ насъ, но до сихъ поръ мы еще не рѣшились познакомиться съ нимъ, пока не будемъ умѣть хорошо говорить по русски, потому что онъ всегда имѣетъ обычай заводить рѣчь о папѣ, и если мы не будемъ въ состояніи сейчасъ же возражать ему по русски такъ, чтобы и присутствующіе хорошо поняли, то нужно опасаться, какъ бы онъ не присвоилъ себѣ превосходства и не вообразилъ себя побѣдителемъ. Одинъ разъ я былъ у него по тому случаю, что черезъ эту страну проѣзжалъ и останавливался у него аникирскій архіепископъ, но при этомъ разговора никакого не было. „Другой намъ врагъ—великій архидіаконъ каѳедральнаго собора. Это просто фурія по отношенію къ римлянамъ. Есть и другіе враги: это болѣе старые бояре и купцы, а болѣе молодые не столь ревностны. Настоящаго патріарха намъ нечего бояться. Жизнь его проходитъ въ спаньѣ, ѣдѣ и питьѣ водки. Онъ уже съ давняго времени не совершаетъ никакого богослуженія, по причинѣ постояннаго нездоровья. Его недѣятельность, можетъ быть, восполнили бы другіе епископы и архимандриты, но не рѣшаются показать своей надменной ярости, потому что царь очень смирилъ ихъ. Онъ довольно часто обзывалъ ихъ ослами. Однако, гдѣ только могутъ, они не остаются безъ дѣла [15]).

Былъ здѣсь одинъ прекрасный человѣкъ, священникъ-уніатъ, по имени Сильвестръ [16]). Когда заподозрили, что онъ уніатъ, то обвинили, будто онъ участникъ въ возмущеніи и не успокоились до тѣхъ поръ, пока этому хорошему человѣку не отрубили головы, по здѣшнему обычаю на площади, на плахѣ. „Другой,—діаконъ, по имени Петръ, былъ здѣсь мученъ тоже за уніатство, а потомъ лишенъ всего и отправленъ въ ссылку. Этотъ діаконъ возбудилъ большое удивленіе, когда явился на соборъ и своими отвѣтами привелъ всѣхъ въ смущеніе. Наканунѣ своего плѣненія онъ тайно приходилъ ко мнѣ, велъ бесѣду о нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросахъ, и, павши на колѣни въ нашемъ храмѣ, со слезами ввѣрилъ себя заступничеству Пресвятой Дѣвы и св. Іоанна Непомука [17]).

Въ настоящее время возвратился изъ Рима, изъ греческой коллегіи, отецъ Палладій, который могъ бы принести здѣсь

большую пользу; но другой монахъ донесъ на него патріарху, что онъ уніатъ, и патріархъ посадилъ его въ тюрьму св. Спасителя, гдѣ Палладій и теперь находится [15]). Недавно у одного русскаго я совершенно неожиданно нашелъ прошеніе, поданное Палладіемъ теперешнему патріарху, которое и прилагаю здѣсь въ переводѣ на латинскій языкъ:

„Милостивѣйшему владыкѣ, патріарху Андрею (Адріану) сердечно желаю добраго здоровья.

Если ты еще помнишь мое недостоинство, то знай, что я ввержень въ такія бѣдствія и страданія, что мнѣ уже недалеко до могилы. Выслушай мое дѣло. Мнѣ недавно дозволено было видѣть умнѣйшіе глаза великаго архидіакона, и онъ мнѣ сказалъ, будто я въ Римѣ отказался и съ клятвой отрекся отъ Бога, наплевалъ на него и принялъ римскаго Бога. Но я совершенно не знаю, какого римскаго Бога онъ разумѣетъ. Я отвѣчалъ ему, что въ Римѣ не почитаютъ никакого другого Бога, кромѣ Отца, Творца неба и земли, и его единороднаго Сына, Іисуса, Спасителя міра, и Святаго Духа, въ трехъ лицахъ единаго Бога, котораго я чтилъ и въ Москвѣ и въ Римѣ, и что я не приступалъ ни къ какому выдуманному римскому Богу. Сверхъ того онъ мнѣ сказалъ, что за это я долженъ 49 лѣтъ жить въ покаяніи, какъ каялся такимъ же образомъ какой-то епископъ. Я отвѣчалъ, что покоряюсь приговору святой православной истинной восточной церкви за всякое прегрѣшеніе, если въ какое-либо впалъ. Перваго мая случилось мнѣ говорить съ весьма уважаемымъ отцомъ Пробомъ (?), экономомъ великой церкви, который сталъ укорять меня въ томъ, будто я возвратился сюда, въ Москву съ коварными, а не съ добрыми намѣреніями. Крайне удивляюсь, что вашей милости доносятъ на меня столь недостойныя и нечестивыя вещи, но и за этихъ доносителей я обязанъ молиться и умилостивлять Бога, ибо они, ослѣпленные страстью, не вѣдятъ, что творятъ. Припадаю съ глубочайшимъ почтеніемъ къ стопамъ вашимъ, святѣйшій владыко, и прошу оказать мнѣ милость, освободить отъ смертельной скорби, въ которой я пребываю, и назначить мнѣ судьею отца Іосифа. Отецъ Іосифъ можетъ все провѣрить, если вы, святѣйшій владыко, благоволите приказать ему это.

Бѣдный монахъ Палладій, пребывающій въ скорбяхъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ припадаетъ къ стопамъ".

Да пошлетъ ему Богъ возможно большую твердость! На освобожденіе его, насколько я могъ развѣдать, нѣтъ надежды. Такимъ образомъ, діаволъ, боясь за свое дѣло, старается всякое маленькое растеньице обезсилить и изсушить при самомъ его прозябаніи. У этихъ здѣшнихъ поповъ въ самой большой ненависти іезуиты. О, если бы съ самаго начала наши отцы пришли въ эту страну не подъ своимъ, а подъ чужимъ видомъ! Я увѣренъ, что многое тогда было бы въ лучшемъ положеніи. Намъ не позволили бы и тысячной доли (я могу поклясться въ этомъ) того, что теперь позволяютъ, если бы знали, что мы іезуиты; тогда бы на все смотрѣли съ подозрѣніемъ, потому что еретики изобразили іезуитовъ чернѣе угля. Сюда доставлена книга за подписью нашего отца Филиппа Авриля, напечатанная въ Амстердамѣ и посвященная господину Любомірскому — поляку, въ которой говорится о царѣ, будто у него падучая болѣзнь и проч. и о крайнихъ вакханаліяхъ русскихъ. Кальвинисты тотчасъ перевели эту книгу на русскій языкъ и чтобы возбудить ненависть къ католическимъ миссіонерамъ, представили эту книгу царю и старшимъ боярамъ. Но съ католической стороны было доказано, что это подложное сочиненіе. Изъ различныхъ доказательствъ мнѣ особенно понравилось слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное католиками. Они говорили: „если голландцы-кальвинисты такъ много заботятся о чести его величества, то должны были бы эту подосланную имъ книгу не печатать, а уничтожить или отослать обратно автору, тѣмъ болѣе, что это еще первое изданіе, чтобы такимъ образомъ не допустить распространенія по всему свѣту вещей подобнаго рода". Такимъ-то образомъ брошено было обратно копье врагу, который теперь молчитъ объ этомъ. Одинъ братъ, проѣзжавшій черезъ эту страну изъ Персіи, доминиканецъ, по народности французъ, по имени Фель, человѣкъ, какъ можно было замѣтить, нѣсколько поврежденнаго ума, высказалъ желаніе взяться за это дѣло и написать сочиненіе противъ Авриля и ордена. Мы (чтобы не обнаружить, кто мы) прибавили ему еще охоты нѣсколькими поощрительными совѣтами, и если бы онъ восполь-

зовался ими, то мы увѣрены, изъ этого ничего не вышло бы. Онъ хотѣлъ напечатать свое сочиненіе въ Курляндіи, въ г. Митавѣ, но не имѣлъ удачи; попробовалъ, и еще съ худшимъ успѣхомъ, сдѣлалъ тоже въ Вильнѣ. Желательно было бы подержать этого господина въ монастырской оградѣ. Онъ обѣщалъ здѣсь, что какъ только пріѣдетъ въ Римъ, то постарается прислать сюда для завѣдыванія миссіей на мѣсто приходскихъ священниковъ нѣсколькихъ доминиканцевъ.

Славнѣйшій господинъ посолъ, отправляясь въ знаменитый монастырь, называемый Новымъ Іерусалимомъ, удостоилъ и меня взять съ собою. Въ присутствіи господина канцлера (дьяка) сибирскаго приказа намъ показали все (достопримѣчательное) какъ въ храмѣ, такъ и въ монастырѣ. Я такъ разговорился съ монахами, что мы дошли до пріятельскихъ отношеній; но когда случайно зашла рѣчь объ отцахъ нашего ордена, то просто невѣроятно, какъ много желчи и ярости монахи обнаружили противъ нихъ: до такой степени сильно работаетъ фантазія и мнѣніе! Удивительно, что весьма многіе уже не препятствуютъ намъ входить въ храмы, а одинъ попъ здѣсь въ Москвѣ впустилъ меня даже въ самое святое святыхъ (какъ они называютъ), т. е. въ то мѣсто, гдѣ священникъ совершаетъ таинство (евхаристіи). Признаюсь, алтари (которыхъ я уже былъ допущенъ видѣть нѣсколько) у нихъ, согласно уставу восточныхъ христіанъ, устроены хорошо и довольно красиво; но въ самихъ священникахъ, когда они совершаютъ какія либо священныя службы, замѣчается большое неблагоприличіе. Объ этомъ тѣмъ болѣе нужно сожалѣть, что они такъ много заботятся о блестящихъ и драгоцѣнныхъ священныхъ одеждахъ. Впрочемъ, когда они захотятъ, то умѣютъ довольно точно совершать священныя службы согласно уставу, какъ это я замѣтилъ, когда въ вышесказанномъ монастырѣ они въ нашемъ присутствіи совершали литургію. Наконецъ, у нихъ нѣтъ оживляющаго духа.

Намъ позволено было посмотрѣть и на мощи и проч., даже прикасаться къ нимъ, чего они ни въ какомъ случаѣ не позволяютъ лютеранамъ или кальвинистамъ, и въ дѣлахъ вѣры смотрятъ на нихъ съ крайнимъ отвращеніемъ. Я внимательно, на сколько могъ, изслѣдовалъ формулы таинствъ, которыя

теперь употребляются здѣсь въ неповрежденномъ видѣ при всѣхъ таинствахъ. Впрочемъ, я открылъ, что прежде они бывали повреждаемы. Такъ немного лѣтъ тому назадъ даже крещеніе знатныхъ лицъ совершалось такъ, что епископъ читалъ только формулу его, а другой священникъ совершалъ самое крещеніе. Но это злоупотребленіе и погрѣшность уже поправлены, не знаю, кѣмъ именно, и теперь совершеніе таинствъ, что касается матеріи и формы, приведено въ прежній неповрежденный видъ, такъ что я теперь имѣю хорошую надежду на спасеніе многихъ изъ простого народа, которые въ своемъ невинномъ невѣдѣніи живутъ хорошо и только чисто внѣшнимъ образомъ суть схизматики. Я нашелъ многихъ самой непорочной жизни, но непаученныхъ ничему въ вѣрѣ. Когда я предложилъ одному вопросъ о воскресеніи мертвыхъ, то онъ изумился, и нужно было довольно долго бесѣдовать съ нимъ, пока онъ убѣдился въ этомъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь можно безопасно собирать плоды, если мы будемъ внушать простымъ людямъ только то, что крайне нужно этой средѣ и что приготовляло бы душу къ полному повиновенію истинной церкви. Больше ни о чемъ нельзя разсуждать съ такими людьми, потому что они собственно скоты, совершенно такіе же, какъ любой изъ дикихъ американскихъ народовъ; общія же разсужденія не идутъ въ разрѣзъ съ ихъ религіей и они весьма охотно слушаютъ ихъ. Конечно, достойно слезъ, что этотъ народъ долженъ погибнуть отъ духовнаго голода, потому что не слышитъ никакихъ поученій кромѣ лишь того, что послѣ прочитаннаго на распѣвѣ евангелія съ амвона читаютъ по славянски бесѣды св. Златоуста. Но, Боже милосердный! народъ слышитъ слова и звуки, и ничего не понимаетъ! Гораздо лучше дѣлается въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ послѣ евангелія какой-то епископъ, литовскій уніатъ греческаго обряда читаетъ проповѣди, написанныя языкомъ простымъ, приспособленнымъ къ пониманію народа [18]). Былъ здѣсь одинъ мужъ, весьма преданный намъ, отецъ Андрей монахъ, который много поучалъ народъ своими небольшими проповѣдями, но онъ уже умеръ; другимъ такимъ былъ діаконъ Петръ (о которомъ мы упоминали выше), но теперь онъ отправленъ въ ссылку. Единственнымъ человѣкомъ, способнымъ произносить проповѣди,

остается отецъ Поборскій, царскій духовникъ, весьма доброжелательно относящійся къ нашимъ. Что не оказывается никто способнымъ для такихъ дѣлъ, нѣтъ никакой другой причины кромѣ нерадѣнія поповъ. У нихъ есть весьма много и прекраснѣйшихъ сочиненій, переведенныхъ на славянскій языкъ изъ сочиненій св. отцовъ и другихъ авторовъ, и имъ даютъ эти книги даромъ, безъ денегъ, но никто не хочетъ читать ихъ. Отсюда и происходитъ то несчастіе, которое сознаютъ и оплакиваютъ сами русскіе, именно, что попы, хотя бы и желали, не умѣютъ наставлять народъ въ таинствахъ вѣры. Народъ весьма охотно слушаетъ проповѣди и, когда приходятъ въ нашу церковь, то вслушиваются внимательно, разинувъ ротъ, хотя ничего не понимаютъ. Я слыхалъ, что многіе желаютъ, чтобы намъ позволено было говорить проповѣди по русски, но нѣтъ никакой надежды, чтобы это было намъ разрѣшено. Россія или Московія не есть несокрушимый орѣхъ, и если бы всеблагой Богъ сжалился, то только нужно было бы получить царское разрѣшеніе, и невозможно исчислить, какое огромное количество народа перешло бы на нашу сторону. Соглашаюсь, что это дѣло не обошлось бы безъ мучениковъ, но мученичество-то мы и готовы бы принять на себя ради награды отъ Бога. Многіе монахи суть или уніаты, или весьма близки къ уніи, а еще больше такихъ, которые имѣютъ прекрасное мнѣніе о нашихъ дѣлахъ. Въ Кіевѣ есть монастырь, состоящій весь изъ уніатовъ, которые весьма ловко умѣютъ обходить козни здѣшнихъ, однако послѣдніе повсюду называютъ ихъ еретиками. И недалеко отъ Москвы есть тоже цѣлый уніатскій монастырь, надъ которымъ начальствуетъ архимандритъ, мужъ весьма ученый и святой жизни, который всегда тайно вызываетъ себѣ изъ Польши кандидатовъ. Своимъ благоразуміемъ онъ умѣетъ все устроить прекраснѣйшимъ образомъ, и имѣетъ теперь въ своемъ монастырѣ все поляковъ; но такъ какъ они хорошо знаютъ русскій языкъ, то ихъ и считаютъ русскими. Да поможетъ Богъ его стараніямъ на радость св. церкви! Это, однако, такого рода вещи, которыя составляютъ секретъ, и ихъ знаютъ лишь три человѣка [20]).

Есть весьма много и другихъ такихъ, и одинъ только

страхъ удерживаетъ ихъ отъ уніи. Здѣшній народъ, хотя и гнушается и избѣгаетъ латинскихъ монаховъ, но къ намъ выказываетъ расположеніе. Уже два раза случалось, что меня спрашивали, не католическій ли я священникъ, и послѣ того оставляли безъ малѣйшаго оскорбленія, а то и принимали со всевозможной почестью. Мы можемъ свободно ходить, гдѣ намъ вздумается, въ своей духовной одеждѣ, и когда я по собственному желанію ходилъ по отдаленнѣйшимъ частямъ города или заходилъ въ храмы, то никогда не надѣвалъ сверху шубы или дорожнаго платья, чтобы народъ больше привыкалъ къ намъ. Объ этомъ всего болѣе слѣдуетъ стараться, потому что въ Московіи намъ гораздо полезнѣе и надежнѣе расположеніе народа, чѣмъ вельможъ, которые подвержены всякой перемѣнѣ судьбы и сами не знаютъ, въ какомъ положеніи ихъ дѣла, а теперь еще болѣе намъ нужно остерегаться быть вхожими къ кому либо изъ нихъ, когда царь подозрѣваетъ въ невѣрности почти всѣхъ бояръ и другихъ знатныхъ лицъ. Расположеніе же народа больше всего слѣдуетъ пріобрѣтать кроткимъ обращеніемъ, которое укрощаетъ даже самые свирѣпые характеры и котораго они преимущественно ожидаютъ отъ священнослужителей. Нужно его пріобрѣтать также великимъ терпѣніемъ, перенося съ несокрушимымъ духомъ грубые ихъ нравы и не отгоняя никого, когда бы онъ ни пришелъ. Хотя отъ этого выходитъ, что вы не можете свободно располагать ни одной минутой и часто принуждены откладывать дневныя занятія до поздней ночи; но вѣдь мы знаемъ, что и сдѣлались мы миссіонерами для того, чтобы заботиться не о своихъ удобствахъ, а объ удобствахъ другихъ.

Много также приноситъ намъ пользы раздача лекарствъ больнымъ. О, если бы Божіе милосердіе послало мнѣ столько средствъ, что я могъ бы завести небольшую аптечку простѣйшихъ лекарствъ! Многіе, даже большинство больныхъ погибаютъ часто отъ недостатка простыхъ лекарствъ. На такомъ огромномъ пространствѣ два нашихъ католическихъ медика никакъ не могутъ удовлетворить потребностямъ оставленныхъ безъ помощи бѣдняковъ, когда ихъ удерживаютъ отъ этого такъ сильно услуги царю и боярамъ. У нашего же храма бѣдняки получаютъ большія милостыни, чего не дѣлаютъ ере-

тики, и за что бѣдняки много прославляютъ католиковъ. Желательно было бы, чтобы этотъ (русскій) народъ учился наукамъ, потому что въ способностяхъ у него нѣтъ недостатка. Въ настоящее время пробивается уже нѣкоторая надежда. Изъ бояръ по латынѣ уже говоритъ вышеупомянутый Борисъ Голицынъ. Его обучилъ этому нѣкій панъ отецъ, родомъ полякъ, котораго Московитяне привели сюда плѣнникомъ изъ Литвы около 1649 года и котораго этотъ самый князь удивительно какъ хвалитъ за добродѣтель. Кромѣ этого князя говорятъ по латынѣ двое другихъ бояръ, именно: боярин Артамоновичъ [21]) и боярин Глѣбовъ. По итальянски говорятъ оба другіе Голицыны Дмитрій и Ѳедоръ, а также боярин Лопухинъ, братъ царицы. Хотя послѣдній изъ нихъ сильно добивается имѣть съ нами сношенія, но мы нашли нужнымъ деликатно отклониться отъ этого. Такъ какъ царица заключена въ монастырь и отвергнута, то мы не знаемъ, какое положеніе онъ послѣ того будетъ занимать у царя, и какъ бы не возникло у царя какое либо подозрѣніе. По итальянски говорятъ и многіе другіе, и по приказанію царя итальянскому языку публично обучаютъ здѣсь два монаха, родомъ съ Корциры. Отецъ Іоаннъ взялъ на себя трудъ обучать латинскому языку и уже нѣсколько русскихъ дѣтей съ хорошими способностями собрано для этого. Мы нисколько не мѣшаемъ имъ держаться ихъ религіи,—въ опредѣленные дни посылаемъ въ ихъ церкви, въ положенное время даемъ имъ постную пищу и проч. Видя это, и другіе, весьма, многіе обѣщали присылать своихъ дѣтей, потому что сначала попы были противъ этого и говорили, что дѣти непремѣнно будутъ нами совращены; но для насъ пока достаточно и того, что дѣти учатся и становятся способными читать нашихъ авторовъ, чего больше всего и домогался нѣкогда панъ Поссевинъ. Я надѣюсь, что съ теченіемъ времени нѣкоторые извлекутъ изъ этого обильную пользу. Они любятъ математику и удивляются ей, но не хотятъ понять, что необходимы нѣкоторыя издержки для опытовъ. Я сдѣлалъ кое-кому нѣсколько оптическихъ подарковъ и другія вещи. Всѣ эти вещи весьма охотно были приняты и расхвалены, какъ нельзя болѣе. Въ благодарность мнѣ присланы рыба, куры, водка и проч. все такія вещи, которыя можно легко

достать за 5 грошей на наши деньги. Кромѣ сына господина генерала Гордона я имѣю много и другихъ русскихъ учениковъ. Сколько нужно было убѣждать ихъ, чтобы они начинали учиться по порядку, съ самыхъ первыхъ началъ; потому что они желаютъ все имѣть скоро, да и весь этотъ народъ не терпитъ медленности. Въ настоящее время мы дошли до рѣшенія треугольниковъ и теперь они уже сами собою любуются. О, еслибы Богъ далъ, чтобы здѣсь когда нибудь появились училища; потому то въ Кіевѣ и въ окружающей его мѣстности весьма много уніатовъ, что тамъ процвѣтаютъ даже высшія училища, и просвѣщенному уму легко находить истину.

Многіе купцы и весьма многіе изъ народа желаютъ, чтобы у насъ была каменная церковь, и отъ нѣкоторыхъ купцовъ я могъ бы надѣяться на значительное вспомоществованіе для постройки зданія, но изъ нашего общества (я предпочитаю писать правду, чѣмъ угодливо говорить неправду) никто до сихъ поръ не настаивалъ на осуществленія этого, и еслибы славнѣйшій господинъ посолъ не взялъ на себя заботы объ этомъ дѣлѣ и не напомнилъ, то никто не проронилъ бы ни одного словечка. Были даже такія мнѣнія, что этого дѣла невозможно сдѣлать. Мы однако надѣемся, что милосердый Богъ поможетъ своему дѣлу. Признаюсь, что многіе изъ бояръ противятся этому, въ особенности Борисъ Голицынъ, который публично при какомъ-то случаѣ заявилъ, что онъ всячески будетъ противиться, говоря: „если католики будутъ имѣть благоустроенный храмъ, въ которомъ будутъ имѣть возможность совершать службы по своему обряду, то многіе наши храмы опустѣютъ, потому что у католиковъ есть что-то особенное въ ихъ службахъ, чѣмъ они могутъ прельстить нашъ народъ“. Но Богъ сокрушитъ и это препятствіе! Впрочемъ, что касается русскихъ, то мы желали бы лишь имѣть возможность возвратить назадъ всѣхъ тѣхъ, которые перешли въ схизму, когда здѣсь не было католическихъ священниковъ, каковыхъ, безъ сомнѣнія, не малое число. Въ числѣ ихъ есть и особаго рода отступники, именно, отступники и отъ священнаго сана и отъ вѣры. Одинъ изъ такихъ, діаконъ—доминиканецъ Лаврецкій, человѣкъ уже старый, служитъ переводчикомъ, другой—ланкъ изъ нашего ордена, нѣкогда бывшій

аптекаремъ въ Вильнѣ, а въ настоящее время имѣетъ мѣсто здѣсь въ царской аптекѣ и женатъ. Пришла сюда одна бѣглая монахиня изъ Бельгійскихъ странъ. Всеблагой Богъ устроилъ такъ, что объ ней сдѣлалось намъ извѣстно по одному удивительному приключенію. Было весьма трудно имѣть съ нею сношенія и долго не удавалось дѣло; наконецъ съ божьей помощью она помѣщена въ безопасное мѣсто.

Кромѣ русскихъ у насъ есть дѣла съ армянскими и персидскими купцами, но дѣла весьма пріятныя, потому что они имѣютъ обыкновеніе часто ходить въ нашу церковь и дружески съ нами разговариваютъ. Не всѣ они римскаго исповѣданія, или уніаты, многіе изъ нихъ евтихіане и несторіане, но такъ какъ русскіе не пускаютъ вообще армянъ въ церкви, то всѣ они обыкновенно идутъ въ нашу церковь. Обыкновенно чрезъ нихъ пишетъ къ намъ отецъ Іоаннъ Баптистъ Ламаччи, миссіонеръ нашего ордена въ Шемахѣ, за Каспійскимъ моремъ, ближайшій нашъ сосѣдъ, живущій отъ насъ на разстояніи двухмѣсячнаго пути или 540 миль. Черезъ нихъ-то онъ сообщаетъ намъ о ходѣ своихъ дѣлъ. Онъ имѣлъ такую же корреспонденцію и съ нашими священниками, бывшими здѣсь прежде насъ. Татары, находящіеся здѣсь, разнаго рода: двое изъ нихъ находятся въ лонѣ нашей церкви,—одинъ калмыцкій татаринъ, другой монгольскій. Здѣшніе татары раздѣляются на два вида: во-первыхъ, плѣнные изъ Крыма, Очакова, Буджака и съ береговъ Чернаго моря, изъ населяющихъ Армению и Трапезундъ до береговъ моря. Всѣ они магометане. Страна живущихъ по направленію къ Арменіи на географическихъ картахъ помѣчена названіемъ Куманіи или Коммаиіи, собственно же называются они кубанскими татарами отъ первоначальнаго ихъ пребыванія на Кубани. У нихъ много есть плѣнниковъ-христіанъ, нѣкогда взятыхъ въ Венгріи и проданныхъ туда. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ спаслись бѣгствомъ. Такъ, здѣсь есть двое изъ Кайзерстенскаго полка; но многимъ изъ нихъ бѣгство сюда къ русскимъ послужило еще большимъ несчастіемъ, такъ какъ ихъ насильно стали перекрещивать, заставлять жить по русскимъ обычаямъ и быть вѣчными рабами еще въ худшемъ рабскомъ состояніи (какъ это сами они мнѣ говорили), чѣмъ у татаръ. Самымъ счастливымъ

былъ нѣкто изъ Гондольскаго полка, взятый въ плѣнъ въ Ветеранской битвѣ, такъ какъ онъ пришелъ сюда въ то время, когда здѣсь находился господинъ посолъ, который взялъ его подъ свою защиту и увезъ отсюда. Во-вторыхъ, татары, которые живутъ отъ Астрахани вверхъ до изгиба Волги, а также въ другую сторону до Джагатая и Тибетскаго царства. Всѣ они магометане. Но есть еще татары язычники. Мордвины язычники почитаютъ лошадиную шкуру, и находятся недалеко отъ Москвы. Живущіе у рѣки Оби, какъ мнѣ разсказалъ одинъ родственникъ господина сибирскаго канцлера, каковы, напр., остяки, тунгузы, тингосты и проч., почитаютъ тѣхъ животныхъ, которыя болѣе всего вредятъ имъ. Остальные преданы великому ламѣ изъ Баранталы. Изъ нихъ есть нѣкоторые и въ Москвѣ. У нихъ есть и здѣсь свои идолы, весьма удивительные. Самогиты (самоѣды), живущіе близъ Архангельска, почитаютъ вмѣсто Бога сдѣланный съ удивительнымъ искусствомъ изъ тѣста рогъ барана. Этого бога мы имѣли въ своихъ рукахъ; насильно взялъ у нихъ господинъ генералъ Гордонъ, когда начальствовалъ въ ихъ странахъ.

Что дѣлается въ Югріи, есть ли тамъ до сихъ поръ какіе либо слѣды нашей вѣры, которую занесъ туда въ 1249 году нѣкій доминикапецъ, открывшій тѣ народы, отъ которыхъ произошли и венгры, и пребывавшій тамъ, ничего я не могъ узнать. Мнѣ сказали имѣвшіе съ ними сношеніе, что они на войнѣ нападаютъ по обычаю нашихъ венгровъ и имѣютъ свой особенный языкъ, но не могли мнѣ сказать, венгерскій ли это языкъ, такъ какъ не знали его [22]).

Я познакомился также съ однимъ купцомъ, который знаетъ Тибетское царство (отсюда можно дойти до Тибета или, какъ обыкновенно говорятъ русскіе, въ Девятъ въ два мѣсяца), но также ничего не могъ узнать или они не умѣли мнѣ сказать, есть ли тамъ слѣды св. вѣры, которую занесъ туда около 1626 года почтенный отецъ Андратъ и затѣмъ нѣкоторое время распространяли ее наши отцы.

Отъ татаръ-магометанъ мало можно ожидать успѣха, потому что они весьма упорны, но все-таки, полагаю, ихъ скорѣе можно смягчить, чѣмъ настоящихъ турокъ. У татаръ, живущихъ у Волги и за Волгой магометанство смѣшано со мно-

ними еврейскими обрядами, ибо они не меньше іудеевъ кричатъ изъ открытыхъ оконъ, когда бываютъ молніи, бури и проч., какъ можно было замѣтить даже у живущихъ здѣсь.

Отъ язычниковъ, я полагаю, будетъ самый большій успѣхъ, потому что большинство изъ нихъ (какъ я замѣтилъ, разговаривая съ ними здѣсь при разныхъ случаяхъ чрезъ переводчика) я нашелъ не неспособными войти въ царство Божіе; но покамѣстъ со вздохами и рыданіями мы принуждены быть праздными зрителями такой великой гибели столь многихъ народовъ, столь многихъ странъ, которыхъ зависть діавола держитъ запертыми съ помощью коварства и упорства московитянъ. Правда, если я куплю здѣсь татарина, то могу его крестить, но никогда нельзя будетъ ему вѣрить, потому что хотя бы онъ укралъ все мое имущество или не хотѣлъ бы подвергнуться исправленію, и убѣжалъ подъ защиту русскихъ, онъ можетъ быть спокоенъ, какъ уже и показали многіе бывшіе здѣсь примѣры. Мордвины при дѣдѣ нынѣшняго царя были насильно обращены въ русскую вѣру. Туда отправлены были къ нимъ попы; ихъ массами приводили къ водѣ и, когда они переходили черезъ воду, попы читали формулу крещенія, затѣмъ дали имъ кресты и русскія иконы, говоря: „вотъ это будутъ ваши боги“ (ибо всегда въ русскомъ простомъ народѣ икону называютъ именемъ Бога). Въ этомъ и заключалось все наставленіе въ вѣрѣ. Но, послѣ того, какъ мордвины, повѣсивъ этихъ боговъ въ своихъ юртахъ (?), стали претерпѣвать необычайныя бѣдствія, они завязали всѣхъ этихъ боговъ въ мѣшки и отправили ихъ чрезъ пословъ обратно въ Москву, говоря, что желаютъ оставаться при прежнихъ своихъ обычаяхъ. Послы вмѣсто отвѣта получили сѣченіе, а затѣмъ имъ позволено было уйти и жить по своей волѣ, какъ это теперь и есть.

Въ Сибири, которая все болѣе и болѣе заселяется отправляемыми туда ссыльными, русскіе имѣютъ уже и свои церкви и своихъ священниковъ (popas), но священники имѣютъ тамъ меньше значенія и менѣе видны, чѣмъ здѣшніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣшній купецъ Филатиловъ доставилъ въ Китай священника, который получилъ тамъ разрѣшеніе, не знаю, въ какомъ мѣстѣ, выстроить церковь. Въ первый же

день, какъ открыта была церковь и онъ сталъ совершать литургію, двѣнадцать китайцевъ присоединилось къ русской схизмѣ. Отцы нашего ордена, увидѣвъ это, устроили такъ, что церковь была закрыта, а священникъ (popas) принужденъ былъ удалиться за предѣлы государства, въ сосѣднюю московскую землю. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ русскіе. Отсюда-то тѣ слезы (парекапія)! Между тѣмъ, неблагодарный здѣшній народъ долженъ былъ помнить тѣ великія благодѣянія, какія онъ получилъ отъ нашего ордена. Въ то самое время, какъ мы уже здѣсь, сюда приведенъ въ цѣпяхъ воевода той русской земли, которая граничитъ съ китайскими владѣніями. Онъ посылалъ своихъ людей на грабежъ. Они надѣлали разнаго рода убытковъ китайцамъ, которые и потребовали отъ этого воеводы удовлетворенія. Испугавшись китайцевъ, воевода однимъ изъ своихъ людей отрубилъ головы, другимъ отрѣзалъ носы и уши. Такой поступокъ возбудилъ сильный мятежъ въ томъ народѣ, который не могъ вынести, чтобы воевода наказывалъ за то, что самъ приказывалъ дѣлать, и хотѣлъ этотъ народъ отдать себя и свою землю китайцамъ. Но этому воспротивились наши отцы и возстановили нарушенное спокойствіе, какъ удостовѣряютъ въ этомъ извѣстія, полученныя здѣсь прошлою зимою. Я имѣлъ все это дѣло изъ канцеляріи (за деньги, вѣдь, можно имѣть все), но у меня не было переводчика, который бы могъ списать это.

Равнымъ образомъ немного лѣтъ тому назадъ русскіе перешли за свои границы и присвоили себѣ часть китайской земли, на которой была болѣе богата ловля соболей, и не хотѣли возвращать назадъ ту землю китайцамъ. Китайцы выступили противъ русскихъ съ 300 тысячъ солдатъ, тогда какъ у русскихъ было не болѣе двѣнадцати тысячъ, и китайцы совершенно истребили бы ихъ, если бы не вмѣшались наши отцы и не выпросили для русскихъ пощады, какъ разсказывалъ очевидецъ, самъ бывшій тамъ въ то время, благочестиво уже почившій господинъ Шмаленбергъ; но другой, товарищъ его, русскій, Головинъ, чтобы оправдать себя въ томъ, что потеряна эта земля, не постыдился свалить всю вину на іезуитовъ, будто они сами привели войско противъ нихъ и проч. [23]).

Когда тамъ былъ посломъ здѣшній купецъ, находящійся

теперь здѣсь, по имени Пребрандтъ, то его китайцы не пустили бы къ себѣ, если бы не помогли ему наши отцы. Онъ и бывшіе съ нимъ еретики отлично разыграли роль католиковъ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ, хирургъ, котораго въ столь многихъ странахъ нигдѣ не могли обратить въ католичество, былъ тамъ обращенъ въ католическую вѣру нашими отцами. Онъ возвратился сюда и теперь уѣхалъ отсюда въ католическія земли. О, если бы мы могли побольше удалять за границу подобныхъ этому хирургу, потому что теперь мы находимся между двухъ огней: намъ было бы пріятно имѣть здѣсь побольше католиковъ, но въ тоже время больно постоянно видѣть, какъ они подвергаются опасности подпасть самому тяжкому обвиненію, а какія это и какъ велики опасности подвергнуться гибели, легко могъ бы выяснить всякій, кто любитъ истину и пробылъ здѣсь хоть немного времени.

Но возвращаюсь къ Китаю. Сами русскіе признаютъ, что испытали тамъ отъ лицъ нашего ордена великую любовь и отеческое расположеніе, весьма ихъ хвалятъ, а что касается купцовъ, то я достовѣрнѣйшимъ образомъ знаю, что они весьма охотно возили бы съ собою туда нашихъ людей, потому что это доставляло бы огромную пользу и имъ было бы выгодно имѣть съ собою такихъ лицъ; но діаволъ и тутъ занялъ дорогу вельможами, которыхъ подстрекнули кальвинисты. Такъ какъ здѣшняя страна вступила въ большія торговыя сношенія съ голландцами, а теперь даже и съ англичанами, то вельможи прилагаютъ крайнее стараніе, чтобы здѣшній краткій путь изъ Европы въ Китай не былъ доступенъ іезуитамъ, потому что русскіе скорѣе согласились бы, чтобы ихъ всѣхъ изгнали изъ Китая, нежели дать возможность хотя бы одному іезуиту проникнуть къ китайцамъ. Они говорятъ, что гдѣ іезуиты, тамъ нѣтъ надъ ихъ дѣлами божьяго благословенія, а только одни несчастія. Когда же въ разговорѣ затрогивалась та мысль, неужели никакой купецъ не могъ бы взять съ собою, по крайней мѣрѣ, иного католическаго священника, то мнѣ далъ такой отвѣтъ, что всякій (латинскій священникъ), который бы покусился пройти туда черезъ Сибирь, непремѣнно будетъ заподозрѣнъ, что онъ іезуитъ, и что

тогда такой купецъ будетъ въ опасности подвергнуться смертной казни и лишенію всего своего имущества.

Это мнѣ подтвердилъ и славнѣйшій господинъ посолъ. Онъ сказалъ, что русскіе считаютъ тайными іезуитами тѣхъ отцовъ францискацевъ, которые весьма недавно пытались пробраться въ Китай чрезъ Сибирь, и еще недавно русскіе спрашивали посла, ушли ли уже его іезуиты. Итакъ, ваше преподобіе, видите, какъ усердствуетъ въ этой странѣ діаволъ противъ нашего ордена и чего бы онъ не сдѣлалъ намъ уже за одно то, что мы здѣсь находимся, если бы его не сдерживалъ нашъ возлюбленнѣйшій архангелъ Михаилъ, избранный нами особеннымъ нашимъ покровителемъ.

За 6 мѣсяцевъ до нашего пріѣзда прибылъ сюда изъ Бельгіи отецъ Лаврентій фонъ Дугуне, бывшій впродолженіе 12 лѣтъ нашимъ миссіонеромъ въ Голландіи. Онъ былъ здѣсь химикомъ въ аптекѣ нашего католическаго аптекаря, но выдалъ себя, показавъ въ разныхъ случаяхъ въ обществѣ слишкомъ большія знанія каноническаго права и проч., и вслѣдствіе этого, равно какъ и вслѣдствіе частаго пріобщенія св. тайнамъ, возбудилъ подозрѣніе, что онъ тайный монахъ, и былъ бы въ большой опасности, если бы одно богобоязненное лицо не разсѣяло осторожно этой опасности и не удалило его въ Персію съ армянами подъ видомъ слуги. Нельзя было навѣрное узнать, по какой дорогѣ это лицо направило его потомъ въ Китай. Здѣсь я познакомился съ нѣкимъ армянскимъ купцомъ, знающимъ итальянскій языкъ, который мнѣ разъяснилъ, что есть другая дорога въ Китай болѣе краткая, чѣмъ черезъ Тобольскъ и Сибирь, — это именно черезъ Самаркандъ; но такъ какъ принципалъ этого купца вдругъ рѣшился уѣхать, то я и не могъ съ нимъ больше видѣться и получить болѣе полныя свѣдѣнія объ этой дорогѣ. Я желалъ бы переслать вамъ тѣ свѣдѣнія, какія уже получилъ, но у меня невѣрная карта. Богъ дастъ другой удобный случай. Конечно, я могъ бы узнать и побольше, но неудобно было, потому что нужно выводить, какъ бы мимоходомъ и какъ бы сѣтью вылавливать, чтобы не обратить вниманія. Однажды въ разговорѣ было сдѣлано такое заявленіе: такъ какъ іезуиты богаты, то, принося подарки, быть можетъ могли бы открыть

себѣ эту дорогу серебрянымъ или золотымъ ключемъ. На это одинъ человѣкъ изъ здѣшнихъ, хорошо знающій дѣло, отвѣтилъ: конечно ихъ провели бы до Тобольска, но дальше нужно было бы опасаться, что ихъ убьютъ частнымъ образомъ и распространятъ слухъ, что они или убиты варварами или погибли отъ болѣзни, потому что для русскихъ сдѣлать такъ—пустяки. Наконецъ, какъ нашему Поссевину противодѣйствовала дошедшая сюда изъ Англіи во время Елизаветы ярость еретиковъ, такъ она же ставитъ величайшія препятствія славѣ Божіей и теперь. Она то и теперь заграждаетъ намъ дорогу въ Китай, пока мечъ св. Михаила (въ праздникъ явленія котораго мы начали миссію) не разрубитъ этого Гордіева узла. Нужно молиться Богу, чтобы выкурить изъ головы царя тѣ дурныя мнѣнія объ іезуитахъ, которыя возбудилъ въ немъ своими внушеніями Лефортъ. Пусть другіе думаютъ о царѣ, что угодно, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что это государь остраго ума: но, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ измѣнчивъ и кромѣ того погрязъ въ порокахъ, которымъ только и могъ научиться у Лефорта, такъ какъ въ добродѣтельной жизни онъ не былъ воспитанъ. Но рука помогающаго Господа не стала короче. Пусть всѣ ждутъ мало добра, а мы все-таки не оставляемъ надежды на лучшее. Быть можетъ, всеблагой Богъ (на котораго одного только и нужно здѣсь возлагать надежды) совершитъ чудеса. Въ силу этого и слѣдуетъ еще дѣятельнѣе трудиться. Кто выжидаетъ погоды (т. е. дѣйствуетъ по чисто человѣческой мудрости), тотъ никогда не посѣетъ, а тѣмъ болѣе никогда не сниметъ жатвы.

Царь любитъ любопытныя вещи, но тѣ лишь, которыя касаются войны и фейерверковъ; о другихъ же вещахъ хотя бы и очень умныхъ (которыя здѣсь нѣкоторыми сдѣланы) вовсе не заботится. Прежде онъ показывалъ большую благосклонность къ католикамъ, пока не отправился отсюда путешествовать по другимъ странамъ; послѣ же возвращенія мы не видѣли отъ него ни милостей, ни немилостей, потому что онъ возвратился съ большимъ расположеніемъ къ католическимъ священникамъ, а особенно къ іезуитамъ. Лефортъ утвердилъ его въ томъ мнѣніи, что они-то и были причиною того, что заключенъ (неблагопріятный) миръ (съ турками). Такимъ образомъ, война

ли произошла. заключенъ ли неблагопріятный миръ, все это іезуиты сдѣлали [24]). Отчасти и хорошо не быть теперь въ особенной милости и благоволенія, пока не разойдется побольше бурное облако возмущеній. Богъ съумѣетъ дать и намъ въ свое время милость. если ему будетъ благоугодно. И теперь уже въ сердцѣ царя мало по малу увеличивается искорка уваженія къ нашимъ церковнымъ службамъ. только мы не можемъ достаточно проникнуть въ его душу и узнать, истинная ли это искорка или только намъ такъ кажется. потому что мы знаемъ, что этотъ народъ наблюдаетъ только свою пользу. Кто знаетъ. на что царь разсчитываетъ отъ святѣйшаго нашего отца? Достаточно осторожности долженъ былъ внушать намъ царь Василій (Іоаннъ IV) во время Поссевина, который широко оповѣстилъ міръ о великихъ дарованіяхъ этого народа. Шереметьевъ, съ тѣхъ поръ какъ возвратился (отъ папы). необычайно прославляетъ нашу вѣру, хвалитъ насъ и говоритъ, что теперь онъ долженъ притворяться вслѣдствіе преслѣдованія собратьевъ: но кто можетъ разгадать. что тутъ скрывается. правда или ложь? Дворовый его человѣкъ Корбатовъ (Курбатовъ). обращенный въ латинство или въ унію въ Римѣ однимъ весьма уважаемымъ нашимъ отцомъ. какъ показываютъ его письменныя удостовѣренія, пришелъ къ намъ, говорилъ съ нами. какъ съ отцами ордена. и сказалъ, что привезъ намъ поклонъ отъ отца генерала и отъ отца секретаря, въ жилищѣ котораго онъ произнесъ исповѣданіе вѣры. Мы увернулись отъ этой неожиданности слѣдующимъ способомъ. Мы стали увѣрять его, что быть можетъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе словами: „привѣтствуйте нашихъ отцовъ“. Подъ словами: „нашихъ отцовъ“ онъ долженъ былъ разумѣть католическихъ священниковъ. потому что такъ мы называемъ всѣхъ нашихъ священниковъ, такъ какъ всѣ они католическіе пресвитеры. Но онъ на это отвѣчалъ: „Неужели вы можете отрицать. что отецъ генералъ есть ваша глава?“ Мы отвѣчали ему уклончиво: отецъ генералъ іезуитовъ не имѣетъ никакого отношенія къ свѣтскому клиру, а тѣмъ менѣе онъ глава его. Съ этимъ онъ и остался. Онъ человѣкъ хорошій, но здѣсь нельзя довѣрять никому, даже себѣ почти нельзя вѣрить, и, что дурно для этой страны, Кур-

батовъ, человѣкъ довольно простоватый, взялъ на себя такое дѣло, которое, правда, само по себѣ и не очень большой важности, но можетъ надѣлать много зла у этого подозрительнаго народа. Поэтому-то нужно много молиться за этихъ ново-уніатовъ, чтобы Богъ благоволилъ приложить къ духу ревности, которую они имѣютъ, еще и скромность [25]).

Бояре, возвратившіеся изъ нашихъ странъ, привезли сюда съ собою много иностранцевъ, изъ числа которыхъ самый большой трудъ задали намъ молодые люди нашей вѣры, потому что ихъ растлѣвали. Эти, вопіющіе къ небу, грѣхи здѣсь весьма обычны, и не дальше, какъ четыре мѣсяца тому назадъ какой-то боярин, за столомъ, въ обществѣ хвалился, что растлилъ только 80 молодыхъ людей. О, если бы въ эту страну не приводили ни одного въ слишкомъ нѣжномъ возрастѣ! Впрочемъ, нѣкоторые изъ вышесказанныхъ нашихъ юношей были спасены. Большое содѣйствіе оказалъ имъ въ этомъ господинъ императорскій посолъ и помогъ имъ освободиться. О, если бы и другіе члены нашей общины серьезно пожелали содѣйствовать этому! Но много было лестныхъ словъ, и никакого дѣйствительнаго дѣла. Богъ разсудитъ это въ свое время. Можно было бы написать объ этомъ цѣлую книгу, но пока и этого достаточно, чтобы имѣть общее понятіе.

Возвращающійся назадъ господинъ императорскій посолъ намѣренъ позаботиться и сообщить вашему преподобію, какъ бы вамъ хотя изрѣдка можно было съ нами переписываться. Мы убѣдительнѣйше просимъ ваше преподобіе, благоволите поговорить съ достоуважаемымъ отцомъ Книттелемъ, чтобы какимъ либо способомъ, если это возможно, переведены были въ безопасное и вѣрное мѣсто для пересылки намъ деньги на наше содержаніе. Пусть онъ хорошо разузнаетъ о нѣкоторыхъ тайныхъ путяхъ, которыми это можно было бы сдѣлать. Такъ какъ мы должны жить здѣсь, какъ духовные, то необходимо, на сколько возможно, удерживать порядокъ оставленный намъ нашими предшественниками, и, слѣдовательно, намъ нужны средства. Теперь намъ достаточно щедротъ (австрійскаго) императора и мы довольны ими и приносимъ за это глубочайшую благодарность, только бы они приходили въ свое

время, потому что ничего нельзя откладывать въ запасъ. Если озаботиться имѣть одежду, лошадей, слугъ и проч., то при настоящей дороговизнѣ, въ концѣ срока едва ли окажется хоть что нибудь сверхъ израсходованнаго. Кромѣ того, надо присоединить сюда милостыни, отъ которыхъ здѣсь невозможно уклоняться, и если бы иногда не помогалъ намъ господинъ императорскій посолъ, то едва ли я нашелъ бы кого-нибудь, кто оказалъ бы помощь. Устранить же подаянія едва ли возможно. Здѣсь есть одинъ старичекъ, который больше всѣхъ оказывалъ помощь нашимъ священникамъ, и хотя терпѣлъ отъ русскихъ великую непріятность, тѣмъ не менѣе продолжалъ поддерживать этихъ священниковъ. Случайно, вслѣдствіе кораблекрушенія, онъ палъ въ величайшую бѣдность. Отказать такому въ милостынѣ невозможно. Есть еще старушка, которая дѣлала весьма много добра для нашихъ отцовъ, особенно для мирно почившаго отца Де-Бойе, во время его болѣзни (этого отца Де-Бойе вспоминаютъ съ величайшимъ похвалами). Въ настоящее время старушка сама едва имѣетъ кусокъ хлѣба. Мы стараемся дѣлать возможное для насъ добро и по другому поводу. Было здѣсь но мало дѣвушекъ, которыя вслѣдствіе бѣдности предоставлены были своими порочными родителями легкой жизни. Многимъ изъ нихъ было оказано вспомоществованіе, и нѣкоторыя пристроены къ безопаснымъ мѣстамъ. Нашимъ вновь обращеннымъ (по милости божіей обращенныхъ изъ ереси, въ число которыхъ есть надежда засчитать и остальныхъ, по теперь, стыдно сказать, обращено только 7 человѣкъ) приходится терпѣть преслѣдованія, вызовы въ судъ, подвергаться бѣдствіямъ. Куда имъ прежде всего бѣжать, какъ не къ намъ? Я здѣсь (оставаясь однако всегда духовнымъ) предпочиталъ бы жить на хлѣбѣ и водѣ, чѣмъ не помогать, потому что трудно повѣрить, сколько добра отсюда происходитъ теперь, и сколько его приготовляется въ будущемъ. И мы обязаны это дѣлать, держась той мысли, что мы сюда посланы не для того, чтобы заботиться о своей кожѣ, а чтобы служить Богу и ближнему. Большая была бы благодарность и хорошо было бы поставлено наше дѣло, если бы какая либо благочестивая душа изъ-за границы помогла намъ. Хотя и въ другихъ странахъ есть много нужды, но здѣсь

нужда особенная.—здѣсь бѣдныя души брошены на произволъ.

Быть можетъ кому-нибудь придетъ мысль, стоитъ ли тратить что-либо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ничего постояннаго; но, если бы такой аргументъ имѣлъ значеніе, то какъ мало было бы странъ, обращенныхъ въ вѣру, какъ несчастна была бы непостояннѣйшая Англія и проч. Для діавола было бы желательно и утѣшительно, если бы Московія была покинута орденомъ, который онъ всегда будетъ стараться держать какъ можно дальше отсюда. Особенная милость была бы, если бы кто-нибудь доставилъ намъ краткіе катихизисы, потому что здѣсь можно достать ихъ только случайно отъ армянъ и то нужно платить огромныя деньги.

Присовокупляю вашему преподобію, что если Богу угодно будетъ кого либо изъ насъ съ теченіемъ времени призвать въ вѣчность, то пусть провинція благоволитъ прислать сюда человѣка хорошо знающаго языки, особенно нѣмецкій, чешскій или польскій (польскій языкъ даетъ болѣе легкій способъ понимать русскій языкъ), французскій и итальянскій. Если это будетъ нѣмецъ, то онъ легко выучится голландскому языку. Наконецъ, сколько бы языковъ онъ ни зналъ, всѣ они пригодятся. Нужно, чтобы онъ пренебрегалъ своими выгодами, умѣлъ бы много дѣлать и мало говорить о дѣлахъ; чтобы былъ дѣятеленъ, ибо здѣсь намъ нужно крѣпко держаться нашего пути для блага св. Матери нашей. Мы нежелаемъ похвалъ, только бы все служило славѣ Бога. Если я смѣю высказать откровенно мои простыя соображенія, то сюда годился бы или отецъ Базенгейнъ или Брайда или Квикверре. Умеръ находившійся при корабляхъ клирикъ-италіанецъ. Я отправляюсь туда на его мѣсто, такъ какъ еще не прошло время пасхальной исповѣди. Покамѣстъ о. Іоаннъ будетъ заботиться о дѣлахъ общины.

Смиреннѣйше поручаемъ себя отеческой любви всей провинціи и святѣйшимъ ея поминаніямъ и молитвамъ, въ коихъ мы весьма нуждаемся, какъ видитъ ваше преподобіе. Остаюсь смиреннѣйшимъ и недостойнымъ сыномъ отецъ Іоаннъ Милапъ, а теперь Францискъ Эмиліанъ, славянскій священникъ, императорскій миссіонеръ въ Москвѣ. Москва, 23 (13) іюня 1699 года.

III. 1699 г. 15 декабря. Письмо отца Франциска Эмиліана (безъ адреса).

Достопочтенный господинъ! Послѣ письма, отправленнаго къ вамъ черезъ господина посла, я не писалъ иного письма, кромѣ писаннаго черезъ барона Бугедорфа, уѣхавшаго отъ насъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, каковое, надѣюсь уже дошло до васъ. Причиною дальнѣйшаго затѣмъ молчанія были козни здѣшнихъ людей, которые всячески подстерегали мои письма, потому что надѣялись, вѣроятно, открыть въ моихъ письмахъ къ г. Гваріенту, Богъ знаетъ, какія вещи. Согласно уговору я отправилъ къ сказанному господину три письма (которыя могъ бы читать весь свѣтъ). Дошли ли онѣ всѣ къ нему, до сихъ поръ нельзя было узнать, поэтому я до сихъ поръ не могъ рѣшить, можно ли мнѣ было откровенно писать и къ вамъ.

Наша церковь, бывшая сначала въ самомъ цвѣтущемъ и счастливѣйшемъ состояніи и возбуждавшая зависть въ другихъ иновѣрцахъ, приходитъ, въ настоящее время, по непостижимому Божію попущенію, въ большой упадокъ. Паства наша уменьшилась въ своемъ числѣ, потому что недавно прибывшіе иноземцы, въ числѣ которыхъ католиковъ мы насчитывали 20 изъ числа англичанъ, 40 изъ числа голландцевъ, 80 изъ числа итальянцевъ, уже давно своевольно вышли изъ нашей общины, а теперь еще вышло 8 венеціанскихъ капитановъ кораблей, съ нѣсколькими офицерами и многими другими. Ослабѣла наша паства въ своихъ силахъ, потому что нашъ столпъ, господинъ генералъ Гордонъ, простился съ этимъ міромъ 29 ноября стараго стиля. Я былъ при немъ до послѣдней минуты. Во время этой болѣзни (у него была cholica ventosa) онъ много разъ врачевалъ себя св. исповѣдью и подкрѣплялъ св. причастіемъ. Въ то время, какъ я совершилъ таинство елеосвященія, онъ просилъ, чтобы мы оба пришли къ нему и когда это было исполнено, онъ простился съ нами. Въ полдень прибылъ и свѣтлѣйшій царь. Увидѣвъ, что я стою у умирающаго, онъ спросилъ генерала: „это врачъ твой“? Господинъ генералъ отвѣчалъ на это: „да, свѣтлѣйшій государь! Тѣлесные врачи теперь мнѣ не помогутъ; единственное утѣ-

шеніе мнѣ — врачъ моей души". На это свѣтлѣйшій царь отвѣтилъ: „Dobro batzka, niemozesch lutschi gielat (dielat)". (хорошо, батька, лучше этого ты не можешь ничего сдѣлать). Послѣ того свѣтлѣйшій царь совѣщался съ находившимися тутъ врачами и самъ совѣтовалъ разныя средства. Прибывъ затѣмъ опять, около 11 часовъ ночи, когда я тутъ находился неотступно и когда больному, повидимому, стало лучше, царь удалился съ великимъ утѣшеніемъ; но вскорѣ послѣ его ухода боли стали сильно увеличиваться, такъ что генералъ сказалъ мнѣ: „отецъ, для чего вы молитесь о моемъ здоровьи; все кончено; приготовимся въ путь". Поэтому вскорѣ затѣмъ по его желанію мы стали читать отходную его душѣ и онъ какъ будто по данному знаку впалъ въ агонію, но затѣмъ воздавъ еще твердымъ голосомъ глубочайшее благодареніе Богу за то, что умираетъ не такъ, какъ пришлось умереть столь многимъ другимъ безъ священника, безъ св. таинствъ, въ татарскихъ степяхъ, просилъ насъ еще прочитать псаломъ „Помилуй мя Боже", наскоро простился съ супругой, благословилъ сыновей и дочерей, и затѣмъ, приказавъ имъ слабымъ голосомъ удалиться, повторилъ уговоръ, чтобы по его знаку дать ему разрѣшеніе и прерывающимся голосомъ сталъ указывать въ частности, что нужно разрѣшать, а также сказалъ опять о своемъ намѣреніи пріобрѣсть священныя индульгенціи; вдругъ голосъ его сталъ болѣе и болѣе слабѣть: тѣмъ не менѣе, хотя голосъ его уже прерывался, онъ продолжалъ, насколько могъ, перечислять дѣла вѣры, надежды и любви и вдругъ, осѣнивъ себя святымъ крестомъ, ударилъ себя въ грудь и схватилъ мою руку. Придя въ себя, онъ опять осѣнилъ себя крестомъ, подалъ условленный знакъ, опять убѣждалъ, чтобы исполнено было его рѣшеніе касательно священныхъ индульгенцій, призывая святѣйшія имена, которыя онъ кое-какъ повторилъ три раза, затѣмъ совершенно потерялъ голосъ и, поднявъ глаза на висящій вблизи постели образъ Пресвятой Дѣвы, лишился всѣхъ чувствъ въ то самое время, какъ свѣтлѣйшій царь входилъ въ сосѣднюю компату. Когда свѣтлѣйшій царь вошелъ и увидѣлъ, что я отступаю къ изголовью, чтобы не заслонять съ правой стороны умирающаго, то царь сказалъ: „оставайся здѣсь, отецъ, и дѣлай свое дѣло, какъ хочешь: я

тебѣ не буду мѣшать". При этомъ онъ возгласилъ къ умершему: „Петръ Ивановичъ, не узнаешь ли меня?" Но онъ даже не отвелъ глазъ отъ образа Пресвятой Матери и не подалъ никакого знака, что узнаетъ. Послѣ двухъ легкихъ конвульсій онъ сладко вздохнулъ. Тогда свѣтлѣйшій царь, взявъ зеркало, изслѣдовалъ, есть ли еще признакъ жизни, не нашелъ никакого и, взглянувъ на меня, сказалъ: „отецъ, я думаю, онъ уже умеръ". Когда это подтвердили и врачи, то я совершилъ обычный обрядъ, и когда я вливалъ въ сосудецъ святую воду, чтобы окропить умершаго, свѣтлѣйшій царь подошелъ и спросилъ меня: „что это такое?" Я отвѣтилъ: „Святая вода". „Хорошо, очень хорошо ты дѣлаешь", отвѣтилъ онъ, и, закрывъ умершему глаза и поцѣловавъ его съ глазами, исполненными слезъ, удалился. Едва я ушелъ отъ умершаго, какъ былъ приглашенъ ко врачу его величества господину Поголю, который теперь сталъ возвышаться и входить въ славу, такъ что онъ могъ бы оказать помощь и нашей церкви. Онъ заболѣлъ и четыре ночи страдалъ отъ болѣзни (petechia). Я не могъ снять на себѣ одежды, чтобы быть готовымъ каждую минуту явиться къ нему, потому что онъ выказывалъ великій страхъ передъ смертію и нуждался въ большомъ утѣшеніи. Наконецъ 4 декабря стараго стиля онъ испустилъ духъ, какъ имѣемъ упованіе, счастливо. Невозможно передать, какъ много труда было, достопочтеннѣйшій господинъ, съ этимъ благочестиво почившимъ господиномъ, чтобы уничтожить въ немъ страхъ смерти. На помощь себѣ я призвалъ отца Іоанна, но онъ и насъ обоихъ истомилъ. Я полагаю, что Богъ, ниспославъ эти бѣдствія, оказалъ ему милость, чтобы онъ могъ въ этой еще жизни загладить то, что оставалось загладить.

И такъ теперь мы лишены, можно сказать, всякой человѣческой помощи. Нашъ господинъ Карбонарій ничего теперь не можетъ сдѣлать, такъ какъ онъ въ небольшой милости у его величества, и нельзя думать, чтобы легко возстановилъ ее. Лютеране, кальвинисты имѣютъ покровителей, резидентовъ, пословъ, повѣренныхъ еретическихъ князей; у насъ же нѣтъ никого. Господинъ генералъ Гордонъ незадолго до своей смерти рекомендовалъ наше общество свѣтлѣйшему царю, на что тотъ ему отвѣтилъ: „Nie bogis, batzka!"

(не бойся, батька!). И, дѣйствительно, насколько дѣло касается свѣтлѣйшаго царя, я бы нисколько не безпокоился, такъ какъ въ дѣлахъ вѣры онъ слишкомъ явно ставитъ насъ выше прочихъ; но такъ какъ около него много есть паушниковъ— злѣйшихъ враговъ нашей вѣры, то желательно было бы и имѣть какой-нибудь щитъ. О, если бы возможно было, при какой-либо счастливой случайности, перенесть къ намъ тотъ параграфъ, который предложилъ въ Вѣнѣ бывшій тамъ отсюда посломъ господинъ Возницинъ относительно покровительства надъ греческимъ вѣроисповѣданіемъ у Буда и въ другихъ странахъ нашего императора, потому что въ томъ параграфѣ есть и съ здѣшней стороны обѣщаніе, что и здѣсь, въ Москвѣ, мы должны въ равной мѣрѣ находиться подъ защитою [26]). Нужно, однако, чтобы такая выписка была скрѣплена печатью какой-либо большой власти, удостовѣряющей, что выписка сдѣлана вѣрно. Я пишу объ этомъ къ господину Гваріенту и къ господину Дольбургу. Если вы, ваше преподобіе, благоволите оказать содѣйствіе съ своей стороны, то этимъ вы покажете особенное къ намъ расположеніе. Уже одно извѣстіе объ этомъ смутитъ многіе дерзкія умы еретиковъ.

Во время похоронъ генерала Гордона свѣтлѣйшій царь приказалъ сказать намъ, чтобы мы совершали всѣ вообще церемоніи, какъ у насъ принято, и служили бы обѣдню, хотя въ то время былъ такой жесточайшій морозъ, какого здѣсь не запомнятъ отъ двадцати лѣтъ. Надъ надгробной рѣчью я проработалъ вмѣстѣ съ другими почти восемь дней, извлекая содержаніе изъ цѣлыхъ томовъ рукописи, въ которыхъ самъ благочестиво скончавшійся описалъ свою жизнь [27]). Но трудъ мой оказался напраснымъ. Нѣкоторые змѣи-еретики, боясь, что нашъ генералъ получитъ какое-либо большое прославленіе, чѣмъ Лефортъ, такъ устроили у царя, что наканунѣ похоронъ къ ночи пришло приказаніе, чтобы надгробная рѣчь была по польски. Отецъ Іоаннъ превосходнѣйшимъ образомъ это выполнилъ, насколько могъ. Царь съ надлежащею скромностію присутствовалъ, когда въ домѣ кадили ладономъ и окропляли трупъ; потомъ онъ велъ въ строю своихъ солдатъ, затѣмъ присутствовалъ при богослуженіи и проповѣди, стоя то въ самомъ храмѣ, то въ ризницѣ, смотря по тому, какъ

ему позволяло время, свободное отъ занятія съ солдатами. О царѣ говорятъ, что́ кому вздумается, но несомнѣнно, что у него громадныя дарованія. Я стоялъ почти въ оцѣпенѣніи (ибо дѣло было для меня совершенно неожиданное), когда онъ разговаривалъ съ докторами у тѣла благочестиво почившаго господина генерала, и все, какъ слѣдуетъ, называлъ подлиннѣйшими словами, то латинскими, то греко-латинскими, употребительными въ медицинѣ, приводилъ примѣры изъ исторіи и свидѣтельства, словомъ, это былъ бы знаменитѣйшій государь и былъ бы благосклоннѣйшимъ къ намъ, если бы его не окружало столь много ядовитыхъ лицъ, которыя всячески противодѣйствуютъ нашему благу. У гроба благочестиво почившаго господина генерала царь выказалъ мнѣ великое вниманіе, такъ что мы чрезвычайно этому удивлялись. Въ день похоронъ царь позволилъ цесаревичу, т. е. своему маленькому сыну, придти къ намъ. Царевичъ съ любопытствомъ все осматривалъ и съ большимъ благоговѣніемъ воздавалъ честь нашему храму. Вскорѣ затѣмъ прибыла и сама царевна, его сестра Наталія и держала себя въ храмѣ со всею скромностію и благоприличіемъ. О, если бы Богъ тронулъ сердце свѣтлѣйшаго царя! Отъ этого все зависитъ. Скоро у насъ была бы огромная жатва, если бы только дозволено было каждому дѣйствовать по своей волѣ Нашъ мученикъ, діаконъ Петръ, о которомъ я писалъ въ другомъ письмѣ, поистинѣ живой мученикъ и остается твердымъ, хотя и находится въ ссылкѣ, въ монастырѣ, именно у береговъ моря, у Архангельска. Онъ заключенъ въ подземную темницу и питается черствымъ хлѣбомъ и малымъ количествомъ воды. Онъ совершилъ много подвиговъ твердости, вполнѣ достойныхъ исторіи. О, если бы здѣсь былъ такой человѣкъ, который, пользуясь расположеніемъ свѣтлѣйшаго, могъ бы изложить ему истинное положеніе дѣла, то я не сомнѣваюсь, что этотъ бѣдняга (діаконъ) получилъ бы свободу. Палладій освобожденъ изъ темницы, но ему еще не позволено совершать литургіи. Онъ теперь обучаетъ нѣсколькихъ князей, но ему не совсѣмъ довѣряютъ. Нужно желать, чтобы наша осиротѣвшая, оставленная всѣми миссія получила особенную помощь молитвами святыхъ мужей, потому что діаволъ употребляетъ всѣ средства, чтобы

смутить ее; но Богъ возстанетъ! Смиреннѣйшій слуга Францискъ Эмиліанъ.

IV. 1701 г. 11 января (Москва). Письмо отца Франциска Эмиліана, миссіонера общества Іисуса. Копія. Безъ адреса.

Достоуважаемый господинъ! Лишь только я прибылъ въ Азовъ, тотчасъ послалъ оттуда къ вамъ письмо, которое мой товарищъ отослалъ черезъ венеціанскихъ (корабельныхъ) капитановъ, возвращавшихся домой, и которое, надѣюсь, передано вамъ. Прожилъ я въ Азовѣ до самаго праздника святаго Андрея, потому что въ то время, какъ я приготовлялся отправиться въ концѣ іюля въ обратное путешествіе, начала свирѣпствовать жестокая моровая язва, въ три мѣсяца похитившая 9.000 человѣкъ, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ изъ нашихъ моряковъ, которыхъ я не могъ покинуть въ такое время. Я самъ заразился, и у меня появился на шеѣ ядовитый нарывъ, который, послѣ воздержанія отъ пищи въ продолженіе многихъ дней и вслѣдствіе безсонныхъ ночей, навѣрно довелъ бы меня до смерти, если бы въ одну ночь, уже какъ я думалъ, послѣднюю въ моей жизни и сдѣлалъ обѣтъ Божіей Матери Сакрамонтанской, нарывъ не прорвался самъ собою, послѣ чего въ скоромъ времени послѣдовало и выздоровленіе. Послѣ того я вторично заразился; у меня вскочилъ карбункулъ на правой рукѣ, но и тутъ помогла также помощница Божія Матерь. Когда боль немного утихла и когда нѣкоторые изъ вельможъ собирались возвращаться въ Москву, я сталъ просить, нельзя ли и мнѣ присоединиться къ нимъ. Они на словахъ обѣщали мнѣ золотыя горы,—охрану, безопасность, но затѣмъ въ первую же ночь я былъ брошенъ однимъ изъ нихъ (котораго сыну, однако, оказаны были въ Римѣ блаженной памяти святѣйшимъ отцомъ многочисленныя благодѣянія) на пустынномъ островѣ, такъ что я не могъ отправиться ни назадъ, ни впередъ. Тамъ я простоялъ вплоть до третьяго часа послѣ полуночи и недалеко уже было отъ того, что козаки отняли бы у меня все и убили бы, если бы одинъ изъ нихъ не сжалился надо мною, и не упросилъ остальныхъ не трогать. Они скоро бросились

уходить съ острова, оставивъ меня, хотя и безъ вреда. Въ три часа послѣ полуночи мы замѣтили, насколько могли замѣтить въ темнотѣ и при томъ небольшомъ огнѣ, какой былъ у насъ, что происходитъ какое-то движеніе на р. Дону и затѣмъ увидѣли, что пристали два судна, на которыхъ былъ поставленъ мостъ, но не видали никого, кто управлялъ ими, за исключеніемъ только молодаго юноши, который одинъ управлялъ, для чего, въ другихъ мѣстахъ, требуется четырнадцать или, по крайней мѣрѣ, десять человѣкъ. Я опять догналъ того моего вельможу и тоже въ степи или иначе сказать, въ безлюдныхъ мѣстахъ, но опять былъ оставленъ на берегу другой рѣки. Когда я пожелалъ переправиться, то нужно было заплатить значительную сумму перевощикамъ, но я снова догналъ боярина у Валуйки, перваго города за степями, и слѣдовалъ съ нимъ далѣе. Тутъ онъ потребовалъ, чтобы я продалъ ему маленькаго калмыка, котораго я купилъ и велъ съ собою; когда же я сказалъ, что намъ не позволено заниматься такого рода торговлей, то онъ явно сталъ обнаруживать бѣшенство, не соглашался дозволить, чтобы я съ нимъ ѣхалъ дальше, и сталъ даже строить мнѣ при посредствѣ мѣстнаго воеводы козни, чтобы отнять у меня мальчика.

Замѣтивъ это и не желая передавать святыню собакамъ (я уже крестилъ мальчика, давъ ему имя Іосифа—Михаила), я рѣшился отправиться одинъ, несмотря на то, что отсюда и до города Ливенъ вся мѣстность пользуется дурной славой по причинѣ жестокихъ разбоевъ, и нѣсколько разъ моя жизнь висѣла, такъ сказать, на нитѣ. При этомъ еще и оба мои извозчики стали бунтовать противъ меня, такъ что сами они стали господами, а я долженъ былъ изображать собою конюха, ходить за лошадьми и карауллить ихъ, иначе потерялъ бы ихъ. Другого имени, какимъ меня они звали, у меня не было, какъ: „римскій діаволъ“, „римская собака“, „римскій ублюдокъ“ и проч. Я надѣялся, что ближе къ Москвѣ будетъ лучше, но вышло хуже, потому что когда русскіе узнали, что понесли пораженіе при Нарвѣ (о которомъ въ Азовѣ ничего еще не было извѣстно, даже объ осадѣ не было слышно), и что два полковника убѣжали къ шведамъ, то, невозможно описать, какую они великую ненависть высказали къ нѣм-

цамъ, и я опять два раза едва на поготокъ былъ отъ смерти, которой мнѣ грозили пьяные, волновавшіеся крестьяне, среди коихъ я былъ совершено одинъ. Отсюда до самой Москвы не только въ гостинницахъ, но и на общественной дорогѣ я былъ встрѣчаемъ тысячью и тысячью самыхъ тяжкихъ ругательствъ со стороны всѣхъ, такъ что съ минуты на минуту нужно было ожидать кулаковъ или ударовъ. Я не преувеличиваю, но пишу истину, что съ самымъ послѣднимъ негодяемъ изъ народа нельзя было бы хуже обращаться. За все это да будетъ благословенъ Богъ, за котораго мы никогда не въ состояніи достаточно терпѣть! Сладостнымъ мнѣ все это казалось, и я желалъ только одного, чтобы Богъ сохранилъ мнѣ моего маленькаго Іосифа-калмыка, котораго я теперь заставляю учиться по латыни, однако такъ, чтобы онъ не забылъ и своего калмыцкаго языка. Быть можетъ, Богъ по своей благости дастъ, что со временемъ этотъ калмыкъ совершитъ многое у своего народа во славу божію; потому что этотъ народъ, съ которымъ я много разговаривалъ, не неспособенъ воспріять святое благовѣстіе. Мнѣ хотѣлось бы при счастливой случайности препроводить мальчика въ наши страны, чтобы тамъ онъ безопасно обучался, потому что здѣсь все измѣнчиво и ненадежно.

О дѣлахъ нашей миссіи я сообщалъ въ другомъ письмѣ. Въ немъ я писалъ и о татарахъ, съ которыми имѣлъ сношенія. Если вы признаете эти свѣдѣнія достойными вниманія, то благоволите сообщить ихъ высшей власти, но нужно остерегаться, чтобы все это не попало въ руки мірянъ.

Я прибылъ сюда въ Москву въ послѣдній день года, 31 декабря стараго стиля и нашелъ все въ плачевномъ положеніи, а церковь нашу большею частью въ запустѣніи, такъ какъ весьма многіе офицеры наши католики или убиты или взяты въ плѣнъ. Остаются только мастера, да вдовы и сироты, на пропитаніе которыхъ приходится много тратить денегъ. Я рѣшительно не вижу, какимъ образомъ мы могли бы собрать денегъ на содержаніе церкви и на удовлетвореніе другихъ необходимыхъ нуждъ, такъ какъ едва ли можно надѣяться получить хоть что нибудь отъ офицеровъ, которые такъ разсѣяны по разнымъ мѣстамъ. Да подвигнетъ Богъ чье либо сердце вспомнить и объ этой миссіи. Съ своей стороны я ока-

зать помощь столькимъ бѣднякамъ и до того бѣднымъ, ежедневно стучащимъ въ мою дверь, что самъ довелъ себя до состоянія нищаго. Но надѣюсь на милость божію (на которую одну и слѣдуетъ здѣсь возлагать всѣ надежды), что она не оставитъ меня и теперь, какъ и прежде не оставляла никогда. Смиреннѣйше и усерднѣйше прошу васъ, благоволите всѣми способами и со всею заботливостію добиваться, чтобы наконецъ утвердили выдачу намъ содержанія. Господинъ Шметтанъ послалъ распоряженіе нашему банкиру, чтобы каждые три мѣсяца намъ брать содержаніе. Надѣясь на это, мы совершили путешествіе въ Азовъ и многое другое на свой счетъ (отъ католиковъ здѣшнихъ ни на что нельзя расчитывать, потому что сами они бѣдняки. Это знаютъ и почтеннѣйшій господинъ Гваріентъ и другіе, бывшіе здѣсь); но теперь мы сидимъ на мели, такъ какъ банкиръ сказалъ намъ, что господинъ Шметтанъ прислалъ ему другое контръ-распоряженіе,—ничего намъ не выдавать, пока не получитъ новаго письма о выдачѣ. Уже совсѣмъ не знаемъ, на какія средства намъ жить. Дай Богъ, чтобы наконецъ состоялось какое нибудь твердое распоряженіе насчетъ этого. Никто не повѣритъ, да и не легко убѣдится, не зная обстоятельствъ, какъ велика наша тревога, какъ велико наше мученіе и какъ велика опасность, что уменьшатся наша слава и уваженіе къ намъ. Насъ даже теперь подозрѣваютъ, что мы монахи, не имѣющіе ничего своего, или что мы пришли сюда отъ крайней нужды. То и другое вредитъ здѣсь успѣху св. евангелія.

Учителю, который въ то же время и органистъ и пѣвецъ, ежегодно платится 50 рублей или 208 имперіаловъ, церковному служителю—12 рублей, тѣмъ, которые наблюдаютъ за чистотой въ церкви и моютъ утварь—8 рублей; за дрова для отопленія церкви, ризницы и училища—10 рублей; за вино для принесенія даровъ и омовенія чаши около 9 рублей; за воскъ и лампаду предъ Дарами во весь годъ издерживается болѣе 15 рублей. Все это въ общей сложности уже доходитъ до 104 рублей и самая большая часть этихъ издержекъ теперь лежитъ на насъ, такъ какъ съ общины въ дѣйствительности мы едва можемъ собрать 25 рублей. Я уже умалчиваю о милостынѣ, какую необходимо давать вдовамъ и сиротамъ,

потому что когда это дѣлаютъ у своихъ синагогъ лютеране и кальвинисты и даже довольно щедро, то и мы должны дѣлать хоть что нибудь, насколько позволяетъ наша скудость. Кромѣ того всегда нужно бываетъ что нибудь починить или въ утвари или въ зданіи. Вы легко можете разсудить, не превышаетъ ли все это наши силы. Однако и послѣ всего этого, даже и при настоящей трудности обстоятельствъ мы охотно перестали бы напоминать, лишь бы разъ навсегда твердо постановлено было и приведено въ надлежащій порядокъ дѣло о нашемъ содержаніи, о чемъ смиреннѣйше на колѣняхъ умоляемъ васъ; потому что если этого не будетъ сдѣлано, то я навѣрно предвижу, что наша миссія или мало будетъ приносить пользы или даже совсѣмъ будетъ безполезна и мы будемъ находиться въ постоянномъ истощеніи силъ и опасности подвергнуться поруганію. Если письмо господина Шметтана не будетъ выслано (что весьма легко можетъ случиться при теперешнихъ военныхъ временахъ, когда Польша взволнована и Швеція впуталась въ войну съ Московскимъ государствомъ), то нѣтъ никакого средства спасти насъ, такъ какъ нѣтъ рѣшительно ни одного человѣка, который могъ бы въ настоящее время помочь намъ, хотя бы судою. Поэтому умоляемъ, какъ только можемъ, смиреннѣйше, чтобы во-время оказана была намъ помощь.

Другое, о чемъ осмѣливаюсь покорнѣйше просить, заключается въ томъ, чтобы вы благоволили позаботиться о подателѣ этого письма. Онъ откровенно разскажетъ вамъ свое дѣло. Онъ своею жизнію давалъ здѣсь прекрасный примѣръ и кромѣ того отличался великимъ благоразуміемъ, и въ то время, когда другіе отъ непохвальной простоты попадали въ бѣду, онъ оставался цѣлъ. Сверхъ того онъ спасъ нашу миссію отъ огромнѣйшаго креста и всю католическую общину отъ поруганія, удаливъ своею властію позорнаго священника. Не упоминаю объ его любви, какую онъ показывалъ больнымъ своимъ врачебнымъ искуствомъ, и о другихъ его дѣлахъ. Я съ удивленіемъ взиралъ на необычайныя добродѣтели этого человѣка и почиталъ его. О, если бы вы и почтенный господинъ Вальдгаусъ посодѣйствовали его желаніямъ! Отъ армянъ и отъ всѣхъ другихъ онъ имѣетъ прекрасныя свидѣтельства. Въ продолженіе весьма

многихъ лѣтъ онъ мужественно поддерживалъ (нашу) миссію въ Эрзерумѣ. Благоволите воздать ему добромъ за насъ, много ему обязанныхъ, и помочь ему, по мѣрѣ возможности, въ томъ, чего онъ желаетъ. Если бы онъ зналъ нѣмецкій и славянскій языки, то былъ бы намъ здѣсь полезнымъ и какъ бы ангеломъ, ниспосланнымъ съ неба.

О дѣлахъ у Нарвы сообщаю слѣдующее. Изъ царскихъ офицеровъ одинъ перебѣжалъ на сторону шведовъ. Онъ самъ родомъ шведъ, по имени Иванъ Гуммертъ, самый высшій артиллерійскій капитанъ. Онъ былъ у царя въ числѣ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ людей и царь ему больше всѣхъ довѣрялъ. Онъ—лютеранинъ. Онъ все открылъ шведамъ. Прежде они очень дурно направляли орудія, послѣ же его бѣгства шведы точнѣйшимъ образомъ направили свои орудія туда, куда было нужно и полезно, и шведское войско, которое прежде довольно слабо нападало, вдругъ въ удобномъ мѣстѣ ворвалось въ лагерь, какъ будто его вели за руки сами русскіе. Говорятъ, что самъ полковникъ, которымъ былъ кальвинистъ, удалилъ казаковъ и открылъ шведамъ дорогу; онъ даже былъ убитъ собственными солдатами. Благословенъ Богъ, что никакой измѣны не произошло ни отъ одного офицера-католика! Полкъ свѣтлѣйшаго царя—Преображенскій заслужилъ великую похвалу даже отъ самихъ шведовъ за то, что и безъ полковника сражался храбро. Въ этомъ сраженіи изъ нашей общины убиты: полковникъ Крагенъ. Турлавилль. Антоній Схада. Францискъ Костанка, Левъ Гіо, Иванъ Юстъ, Константинъ — царскій трубачъ, Антоній минеръ, славнѣйшій господинъ Лангъ, два родственника Ахингопа и пр. Другіе, о которыхъ до сихъ поръ нѣтъ точныхъ извѣстій, взяты въ плѣнъ въ этой битвѣ, именно: славнѣйшій господинъ Ахингопъ, Яковъ Гордонъ, Генрихъ Гордонъ. Николай Серріеръ младшій. Послѣ сраженія и перемирія взяты въ плѣнъ: господинъ Карбонарій и многіе другіе, о которыхъ однако не многіе сожалѣютъ по той причинѣ, что они слишкомъ ужъ вѣрили въ шведовъ и не ушли, хотя могли уйти [28]).

Еще объ одномъ просилъ бы васъ, что̀ вы легко могли бы поручить кому либо изъ своихъ. Въ странѣ казаковъ, у границъ Крыма и у Кубани я встрѣтилъ многихъ австрійцевъ, которые

во время осады Вѣны захвачены были татарами, когда имъ было по девяти или осьми лѣтъ, и до сихъ поръ живутъ въ рабствѣ частію у татаръ, частію у казаковъ. Услышавъ, что здѣсь находится священникъ изъ императорской земли, они, къ великому моему утѣшенію, сами пришли ко мнѣ и заявили, что живутъ и умираютъ въ той самой вѣрѣ, въ которой родились. Они еще умѣли изображать крестъ и говорить небольшія молитвы на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ; объ остальномъ не имѣли уже никакого понятія. Я очистилъ ихъ души, насколько могъ. Когда я сталъ совѣтовать имъ бѣжать, что̀ имъ легко было сдѣлать, то они отказались, говоря, что не знаютъ, будутъ ли имѣть въ нашей землѣ что ѣсть, такъ какъ навѣрное все имущество ихъ погибло. Одинъ изъ нихъ вспомнилъ, что его звали Михаиломъ Тракеромъ, сказалъ, что въ въ Вѣнѣ, въ Леопольдштатѣ былъ у него братъ, а родители и друзья на Вѣнмаркѣ или на Финмаркѣ. Если бы возможно было что-нибудь узнать или сообщить друзьямъ его, то этимъ вы оказали бы великую милость, такъ какъ онъ готовится возвратиться.

Покорнѣйше прошу васъ, благоволите склонить въ пользу нашего дѣла преосвященнаго. Если найдется какая нибудь благочестивая душа, которая захочетъ помочь этой миссіи какимъ-либо пособіемъ, то теперь для этого самое подходящее время; потому что едва ли возможно ожидать, чтобы намъ было потомъ еще хуже. Надѣюсь, что потомъ мы уже никому больше не будемъ надоѣдать этого рода дѣлами. Достопочтеннѣйшему господину Вальтгаузу благоволите передать наше нижайшее почтеніе. Москва, 11 января 1701 г. Преданнѣйшій рабъ, отецъ Францискъ Эмиліанъ.

P. S. Умоляю, благоволите позаботиться, чтобы вспомоществованіе, какое возможно оказать, доставлено было намъ въ скоромъ времени.

V. 1701 г. 11 января по старому стилю. Москва. Письмо Ивана Берулы, члена іезуитскаго ордена, миссіонера въ Москвѣ. Безъ адреса. Подлинникъ.

Достоуважаемый господинъ! Я получилъ въ ноябрѣ письмо,

отправленное вами въ октябрѣ. Много я порадовался, узнавъ изъ него о столь многихъ дѣлахъ, о которыхъ раньше совершенно не зналъ. Глубоко поскорбѣлъ о смерти столь святого папы, равно какъ и о смерти господъ сочленовъ нашихъ, бывшихъ нѣкогда весьма близкими мнѣ. Да сохранитъ Богъ остальныхъ для своей славы! Я и собратъ мой, по милости божіей, здравствуемъ. Онъ возвратился изъ Азова въ послѣдній день декабря прошедшаго 1700 года, пробывъ въ отсутствіи изъ Москвы слишкомъ девять мѣсяцевъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ самъ напишетъ вамъ о томъ, что дѣлалъ въ продолженіе этого времени какъ въ Азовѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Я радъ его пріѣзду. Теперь могу хоть нѣсколько отдохнуть отъ трудовъ, которые теперь раздѣляю уже съ нимъ.

Школа моя все растетъ, благодаря вновь поступающимъ и имѣющимъ еще поступить ученикамъ и въ такомъ количествѣ, что, надѣюсь, скоро оно достигнетъ тридцати. О, какъ я несчастенъ, что не имѣлъ случая пріобрѣсть вещи для наградъ за которыя заплатилъ бы теперь вдвое и втрое, только бы было гдѣ достать! Но въ то же время, какъ число учениковъ лютеранъ у насъ увеличивается, число членовъ католической общины уменьшается. Главнѣйшіе изъ нихъ уже почти всѣ умерли прежде, а теперь еще недавно у Нарвы одни убиты, другіе взяты въ плѣнъ. Храмъ по большей части бываетъ пустъ, даже въ праздничные дни, конечно, потому, что немногіе остались, да и тѣ стали какъ-то холодны. Деньги на нужды церкви, для уплаты учителю и сакристіану до сихъ поръ собирались съ общины, но теперь сама она нуждается въ милостынѣ, за которой не одинъ изъ нея и навѣщаетъ часто наше училище. Какъ много хлѣба у лютеранъ и кальвинистовъ! Въ какой милости и фаворѣ они находятся у свѣтлѣйшаго царя! Онъ пребываетъ у нихъ по цѣлымъ днямъ, пируетъ съ ними и веселится, тогда какъ изъ католиковъ нѣтъ почти никого, кто бы былъ вполнѣ сытъ и близокъ къ свѣтлѣйшему царю. Терпѣніе! Можетъ быть настанутъ лучшія времена. Здѣшній патріархъ — человѣкъ старый и весьма простой, въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ тоже закрылъ глаза, какъ и нашъ свѣтлѣйшій (папа). Его никто не

замѣстилъ и вѣроятно не замѣститъ. Такъ угодно свѣтлѣйшему царю по причинамъ, ему одному извѣстнымъ. Обязанности патріарха исполняетъ какой-то архимандритъ, по фамиліи Яворскій, недавно вызванный изъ Кіева и возведенный въ санъ митрополита. Онъ какъ-то сталъ извѣстенъ свѣтлѣйшему царю своей ученостью (онъ кіевскій заслуженный профессоръ богословія). Онъ, какъ слышно, окончилъ высшія науки въ Вильнѣ, притворившись уніатомъ, но, когда тамъ снята была съ него маска, то, говорятъ, онъ оттуда былъ удаленъ не совсѣмъ почетно. Отсюда у него теперь мало расположенія къ римлянамъ. Онъ нравится, какъ я сказалъ, свѣтлѣйшему царю, но не очень нравится народу, потому что онъ „oblevanecz" (обливанецъ) (такъ они называютъ тѣхъ, которыхъ крестятъ, наливая воду сверху на главу, какъ это дѣлается у кіевлянъ и у насъ римлянъ) и народъ боится, какъ бы онъ, сдѣлавшись патріархомъ, не ввелъ какихъ-либо новшествъ. Вслѣдствіе этого народъ склоняется больше на сторону другого кандидата, человѣка не столь ученаго, но и не безъ образованія, мужа честнаго, болѣе преклонныхъ лѣтъ и къ намъ не особенно непріязненнаго, именно, на сторону новгородскаго митрополита [23]). Эта мѣстность находится недалеко отъ Нарвы. У этого мѣста стоитъ теперь русское войско, имѣющее вскорѣ начать дѣйствія противъ Швеціи. Къ этимъ войскамъ, какъ выдаютъ повсюду за правду, прибудутъ разнаго рода татары, преимущественно черкасы и калмыки, которые, какъ полагаютъ, пройдутъ съ огнемъ и мечомъ и превратятъ въ пепелъ всю Швецію. Свѣтлѣйшій царь желаетъ отомстить чувствительно за ту обиду, которая была нанесена ему не столько храбростью шведовъ, сколько безстыднымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ офицеровъ, которые перебѣжали къ непріятелю и открыли ему серьезнѣйшіе планы, бывшіе извѣстными имъ. Одинъ изъ такихъ офицеровъ, по имени Гуммертъ, родомъ шведъ, раньше находившійся въ особенной передъ остальными милости у свѣтлѣйшаго царя, имѣетъ теперь, въ наказаніе за измѣну, передъ своимъ домомъ въ нашей слободѣ висѣлицу съ повѣшеннымъ изображеніемъ его и соотвѣтствующею надписью. Да будетъ благословенъ Богъ за то, что въ числѣ измѣнниковъ не было ни одного

католика, хотя, нужно сказать, что простой народъ не дѣлаетъ между нами разницы и приписываетъ пораженіе вообще нѣмцамъ. Каково безстыдство жителей Гамбурга! Они рѣшились напечатать въ газетѣ, будто шведы взяли въ плѣнъ при Нарвѣ 40,000 татаръ, тогда какъ тамъ никакихъ татаръ не было. Прочитавъ это извѣщеніе, свѣтлѣйшій царь приказалъ, чтобы и здѣсь также была устроена нѣмецкая типографія, и чтобы извѣстія, напечатанныя здѣсь, распространялись по всему міру, подобно тому, какъ это дѣлаютъ голландцы. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь обнаружено было новое возмущеніе, которое замышляли произвести нѣкоторые изъ духовенства, вырѣзавъ на дняхъ новыя десять заповѣдей, въ сочиненіи коихъ они неправильно обвиняли свѣтлѣйшаго царя: 1) должно стричь бороды (великій грѣхъ!); 2) должно носить нѣмецкую одежду; 3) носить на головѣ парики; 4) безнаказанно даже нюхать табакъ, что̀ по ихъ мнѣнію грѣхъ противъ природы; поэтому до сихъ поръ табакъ только курили, и это было не грѣшно. Это и многое другое было нагромождено въ этихъ новыхъ скрижаляхъ и должно было быть распространено въ народѣ, чтобы возбудить въ немъ ненависть; но во-время было открыто, возбудило въ свѣтлѣйшемъ царѣ новое негодованіе и онъ приказалъ окружить солдатамъ монастыри и до тѣхъ поръ стеречь ихъ, пока не доберутся до автора этого десятословія. Виновникомъ оказался какой-то старикъ священникъ изъ патріаршаго дома и наказанъ смертью. Остальные, которые, какъ полагаютъ, знали объ этомъ замыслѣ, теперь въ тюрьмѣ подъ строгою стражею [30]). При этомъ произошла и смѣшная исторія. Одинъ архимандритъ захваченъ съ какою-то женщиной, не изъ числа лицъ его пещеры. Солдаты взяли его, сняли камилавку, надѣли на него косынку и повязку его подруги и повели чрезъ средину города въ тюрьму, при чемъ въ народѣ одни смѣялись, а другіе вздыхали. Такія и подобныя имъ вещи здѣсь не новость и уже не возбуждаютъ удивленія [31]). Я слышалъ, что свѣтлѣйшій царь имѣетъ сильное желаніе преобразовать духовенство, что̀ и въ самомъ дѣлѣ крайне необходимо. Какое великое невѣжество въ пастыряхъ! какія ошибки при совершеніи таинствъ! Все это небезъизвѣстно свѣтлѣйшему царю; поэтому онъ много

ревнуетъ о необходимомъ духовномъ благѣ. Говорятъ, покойный патріархъ жаловался свѣтлѣйшему царю на мою школу, что она опасна, что ученики совратятся. На это свѣтлѣйшій царь отвѣтилъ такъ: „почему же ты не учишь юношей, чтобы они могли въ свою очередь учить нашихъ дѣтей“. Послѣ этихъ словъ здѣшній святитель замолкъ. Преемникъ покойнаго мѣстоблюститель Яворскій, самъ любитель наукъ и ревнующій о распространеніи образованія между русскими, пригласилъ, говорятъ, кіевскихъ профессоровъ, чтобы они и здѣсь обучали русскихъ наукамъ, но приглашенные еще не являются, да если и явятся, то не будутъ имѣть того успѣха, на который разсчитываютъ, по весьма многимъ причинамъ. Я кромѣ латинскаго языка вскорѣ начну учить также и нѣмецкому, который, какъ вижу, русскимъ желательно знать не менѣе латинскаго, поэтому-то главнымъ образомъ я и не боюсь, что кіевскіе профессора, если пріѣдутъ, отнимутъ у меня учениковъ. Правда, трудъ мой увеличится, но надѣюсь, Богъ прибавитъ мнѣ и больше силъ для дѣла, предпринятаго ради его. Да сохранитъ Богъ невредимымъ свѣтлѣйшаго царя. При его жизни мы можемъ питать хорошія надежды, а въ случаѣ его смерти мы близки къ отчаянію. Таковы наши дѣла.

О томъ, что дѣлается внѣ московскаго государства, мы почти ничего не знаемъ. Носится слухъ, что выбранъ новый римскій папа, подъ именемъ Урбана IX, а также что внукъ французскаго короля назначенъ испанскимъ наслѣдникомъ. Если это правда, то не сомнѣваюсь, что это произведетъ большія волненія въ средѣ другихъ государей. Да удостоитъ ваше преподобіе сообщить мнѣ тѣмъ же условнымъ языкомъ, какимъ писано предшествовавшее письмо, новости, какія вы сочтете достойными сообщенія, въ особенности извѣстія касающіяся извѣстныхъ почившихъ лицъ и перемѣнъ въ средѣ нашихъ друзей. Я охотно отложу имперіалъ для уплаты за почту, лишь бы мнѣ получить письмо, подобное предшествовавшему. Податель этого письма Карлъ де Лосъ— братъ нашего общества, возвращающійся изъ турецкой миссіи. Онъ прожилъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и можетъ разсказать о многихъ здѣшнихъ дѣлахъ. Ему не хочется возвра-

щаться въ свою франко-бельгійскую провинцію, а хотѣлось бы перейти въ другую. Благоволите ваше преподобіе помочь ему вашимъ содѣйствіемъ или, по крайней мѣрѣ, совѣтомъ, насколько сочтете это позволительнымъ. Почтительно кланяюсь всѣмъ нашимъ, а въ особенности главѣ дома. Остаюсь достоуважаемаго вашего преподобія обязанный рабъ. Иванъ Берула. Москва. Нѣмецкая слобода. 11 января стар. ст. 1701 года.

VI. 1701. 16 февраля. Письмо Ивана Берулы, миссіонера въ Москвѣ. Безъ адреса. Копія.

Свѣтельный князь, достоуважаемый нашъ покровитель![32])

Пользуясь представившимся случаемъ, обращаемся съ письмомъ къ вашему преосвященству и, повергшись къ вашимъ стопамъ, цѣлуемъ вашу священную одежду и приносимъ тысячу благодарностей за всѣ до сихъ поръ оказанныя вами намъ благодѣянія. Мы оба живы, здоровы и невредимы въ нашемъ служеніи Богу и ближнимъ. Отецъ Францискъ, пробывъ 9 мѣсяцевъ въ Азовѣ близъ Чернаго моря, возвратился въ Москву наканунѣ новаго 1701 года. Что онъ тамъ и въ другихъ мѣстахъ сдѣлалъ, объ этомъ, не сомнѣваюсь, онъ самъ написалъ или напишетъ. Я оставался дома и не мало былъ занятъ нашимъ храмомъ и училищемъ. Въ моемъ училищѣ кромѣ другихъ князей и бояръ находится и братъ князя Петра Алексѣевича Голицына, нынѣшняго посла въ Вѣнѣ, который своими успѣхами выдается изъ другихъ. Въ очень скоромъ времени поступитъ князь Долгорукій и многіе другіе. Сюда прибыло нѣсколько кіевскихъ монаховъ и уже стали учить въ школахъ; но никто изъ моихъ учениковъ не желаетъ переходить къ нимъ. Монахи угрожаютъ мнѣ, что будутъ хлопотать предъ свѣтлѣйшимъ царемъ, чтобы всѣ мои ученики понуждены были посѣщать ихъ школы. Чтобы этого не случилось, я принялъ мѣры,—началъ учить моихъ учениковъ кромѣ латинскаго языка еще и нѣмецкому языку, который свѣтлѣйшій царь любитъ, а кіевскіе монахи не знаютъ. Я посѣтилъ недавно достопочтеннѣйшаго митрополита, вице-

патріарха (патріархъ умеръ въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ), который оказалъ мнѣ большую честь и расположеніе. Онъ заслуженный кіевскій профессоръ богословія, вызванъ въ прошломъ году свѣтлѣйшимъ царемъ въ Москву и, какъ человѣкъ весьма уважаемый за свою ученость, сдѣланъ по желанію царя митрополитомъ и вице-патріархомъ. Почти часъ онъ со мной бесѣдовалъ съ большей любезностью, однако я не могъ еще проникнуть въ его душу. Мнѣ не нравится, что онъ, какъ говорятъ, былъ когда-то римско-католикъ, а теперь сталъ другимъ: развѣ Богъ снова перемѣнилъ или перемѣнитъ его мысли къ лучшему. Онъ нравится свѣтлѣйшему царю, но не очень нравится народу за то, что креститъ (крещенъ?) по нашему обычаю, что еще молодъ.—ему 40 лѣтъ. — и что ученый. Они боятся, какъ бы онъ не сталъ вводить новшествъ. Онъ напротивъ высказываетъ рвеніе къ проповѣдыванію, наставленію священниковъ и къ другимъ подобнымъ дѣламъ.

Наша община постоянно уменьшается, такъ какъ многіе умерли, а въ недавнее время еще многіе убиты или взяты въ плѣнъ шведами у Нарвы.

Теперь рѣшительно нѣтъ никого изъ нашихъ, кто былъ бы особенно близокъ или извѣстенъ свѣтлѣйшему царю; у лютеранъ и кальвинистовъ напротивъ есть очень много лицъ, стоящихъ всегда близко къ свѣтлѣйшему царю. Тѣ офицеры католики, какіе теперь есть въ Москвѣ, уже готовятся уходить въ лагерь, и по уходѣ ихъ въ нашемъ храмѣ будетъ едва лишь нѣсколько мужчинъ; за то довольно много женщинъ, особенно болѣе бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, которымъ мы охотно помогаемъ, пока у самихъ насъ есть что нибудь, а чтобы намъ имѣть что нибудь, мы опять умоляемъ ваше преосвященство, благоволите похлопотать, чтобы мы могли во время получать наше содержаніе, такъ какъ здѣшній банкиръ не хочетъ намъ ничего давать, пока не получено будетъ новое приказаніе изъ Вратислава. На эти средства не столько мы живемъ, сколько бѣдные и сироты, которыхъ мы изъ жалости содержимъ. Если не придутъ деньги на наше содержаніе, то всѣ мы будемъ голодать. Въ частности умоляю я ваше преосвященство, благоволите прислать для моихъ дѣй-

ствительно прекрасныхъ, учениковъ какія нибудь награды.— образа, картинки, изображеніе агнца, четки и проч., такъ какъ все это весьма нравится русскимъ, а здѣсь этихъ вещей нѣтъ въ продажѣ и нельзя ихъ купить. И я, и всѣ мои будемъ крайне обязаны вашему преосвященству за вашу любовь и милость. Почтительнѣйше поручая себя вамъ, цѣлую ваши ноги и остаюсь вашего преосвященства кліентъ и премного обязанный слуга, Иванъ Берула, папско-императорскій миссіонеръ въ Москвѣ. Москва, 16 февраля 1701 года.

VII. 1701 г. 29 февраля. Письмо отца Франциска Эмиліана. Безъ адреса. Копія.

Достоуважаемый господинъ! Въ то время, какъ отсюда уѣзжалъ епископъ кармелитъ Илья, я послалъ вамъ съ однимъ изъ его людей письмо, и надѣюсь, оно дошло уже до васъ; но если почему либо еще не пришло, то я рѣшаюсь настоящимъ письмомъ опять утруждать и просить васъ, во имя всего святаго, помочь намъ, на сколько будетъ возможно, и посодѣйствовать, чтобы оказано было нашей миссіи какое-нибудь пособіе, потому что положеніе ея теперь по истинѣ плачевно, какъ о томъ могутъ узнать (если сомнѣваются въ нашихъ словахъ) отъ всякаго прибывшаго отсюда въ Вѣну, если онъ захочетъ сказать правду. Господинъ Гваріентъ вполнѣ зналъ, каковы были въ его время наши бѣдствія, которыя въ настоящее время стали еще несравненно больше; но я полагаю, что у него не было времени подробно разъяснить ихъ, такъ какъ мы знаемъ, что онъ уѣхалъ въ Константинополь.

1. Покорнѣйше и настоятельнѣйше просимъ, чтобы, если кто возьметъ на себя заботу выдавать намъ содержаніе, выдача производилась правильно; потому что не подлежитъ сомнѣнію, что, если этого не будетъ, то теперь не найдется никого, кто бы могъ помочь намъ, и притомъ лица, дурно расположенныя къ августѣйшему (римскому императору), о которыхъ не стоитъ здѣсь говорить, найдутъ въ этомъ поводъ къ насмѣшкамъ. Наши предшественники на всякій случай имѣли свои собственныя средства, у насъ же ихъ нѣтъ. Бо-

лѣе богатые изъ нашей общины умерли, такъ что у насъ теперь одна нищета и бѣдствіе. Мы должны заботиться о малолѣтнихъ сыновьяхъ и дочеряхъ убитыхъ родителей, остающихся безъ всякой поддержки со стороны друзей и, если ихъ бросить, то, безъ всякаго сомнѣнія, они погибнутъ отъ козней столькихъ непріязненныхъ намъ людей. Если не окажется никакого другого средства (улучшить наше положеніе), я вынужденъ буду отдѣлью отъ отца Іоанна поддерживать себя скудною пищею, а небольшой остатокъ средствъ, какой еще есть, удѣлить сиротамъ. Если же и эти средства истощатся, и божія благость не совершитъ чего либо необыкновеннаго, то невинныя души подвергнутся гибели, въ которой, надѣюсь, Богъ признаетъ меня неповинными. Что касается лично меня, то хотя бы мнѣ пришлось знать только хлѣбъ да воду, я буду дѣлать, что смогу, и такъ какъ ни отъ кого нельзя ни ожидать помощи, ни выпросить ея, то величайшей милостью будетъ уже то, если мнѣ удастся достигнуть, чтобы эти сироты хотя были разобраны въ дома. Если теперь существуетъ нужда, то что же будетъ, если (отъ чего Боже сохрани!) и его преосвященство поддастся силѣ обстоятельствъ? Хотя теперь военное время, однако, я надѣюсь, найдется какой нибудь часъ, въ который все это, хотя и непріятное, могло бы встрѣтить благосклонное вниманіе.

2. Такъ какъ теперь въ продолженіе цѣлаго года нѣтъ здѣсь офицеровъ (ихъ вообще немного, и большинство считаются уже умершими), а здѣшніе жители собираютъ деньги на выкупъ тѣхъ, которые находятся въ плѣну, то ничего отъ нихъ нельзя достать для содержанія нашей церкви. При всемъ стараніи нельзя было собрать и двадцати рублей или сорока империаловъ, и такъ какъ сверхъ того подобный сборъ возбуждаетъ ненависть къ миссіи у бѣднаго, въ настоящее время, народа, то намъ не остается ничего другого дѣлать, какъ отдѣлять часть отъ нашего содержанія и этимъ поддерживать церковь. Легко сообразить, какой у насъ будетъ недочетъ. Здѣсь, теперь, живется не такъ дешево, какъ прежде, и я долженъ еще на свой счетъ совершать мои странствованія, такъ какъ никто не помогаетъ.

3. Учитель, котораго привезъ сюда господинъ Курцъ, слу-

житъ общинѣ уже почти девятый годъ, а теперь не чѣмъ будетъ ему заплатить. Онъ женатъ и жена его разсчитываетъ, что въ случаѣ его смерти церковь наша будетъ давать ей пособіе, какъ это здѣсь обыкновенно дѣлается, и, если этого не будетъ сдѣлано, то будетъ признано несправедливостью. Онъ человѣкъ болѣзненный и потому мало способенъ служить церкви такъ хорошо, какъ слѣдовало бы. Онъ желалъ бы выѣхать заграницу, но откуда взять на это средствъ? Господинъ Курцъ, когда везъ его, обѣщалъ ему средства на возвратный путь. Помощь на это нужна изъ заграницы, и если бы это можно было устроить, а намъ дать на его мѣсто другого, холостого! Онъ могъ бы жить вмѣстѣ съ нами и не нужно было бы каждый годъ платить десять рублей за его особую квартиру. Господинъ Гваріентъ писалъ, что его величество согласенъ на это: о, если бы мы скоро увидѣли исполненіе этого обѣщанія, потому что учитель крайне нуженъ, и если бы онъ былъ человѣкъ старательный, то привлекъ бы большую часть знатнѣйшаго юношества кальвинистовъ и лютеранъ и запустошилъ бы ихъ школы. Необходимо также, чтобы онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и органистъ и притомъ, что особенно важно въ этой странѣ, человѣкъ весьма добродѣтельный и съ не глупой головой. Если не окажется удобнаго случая ѣхать ему или онъ боится одинъ пуститься сюда въ дорогу, то я самъ (если позволятъ) готовъ отправиться за нимъ и привезти сюда какъ можно скорѣе. Большая, весьма большая нужда здѣсь въ такомъ человѣкѣ! Быть можетъ, кто нибудь станетъ удивляться, почему мы сами поочередно не исполняемъ его обязанностей; но нужно знать, что мы это уже дѣлали; но когда еретики это увидѣли, то стали не довѣрять намъ, и брать назадъ изъ нашей школы своихъ дѣтей, а на особаго учителя они не смотрятъ такъ дурно.

Благоволите, умоляю васъ, сообщить все это при удобномъ случаѣ тамъ, гдѣ можно надѣяться на помощь, и отвратите полнѣйшее разрушеніе здѣшней миссіи, которая хотя, можетъ быть, кажется менѣе плодотворной, чѣмъ другія миссіи, но, быть можетъ, не меньше другихъ миссій будетъ пріятна всеблагому Богу. Послѣ Бога у насъ единственная надежда на помощь изъ-за границы, потому что здѣсь, пусть память

въ этомъ повѣрятъ. мы не имѣемъ ни малѣйшей надежды. Если состоится благопріятное рѣшеніе (въ особенности относительно своевременнаго полученія содержанія), то будьте такъ добры. сообщите объ этомъ какъ можно скорѣе. Хотя бы я находился близъ Риги или въ Новгородѣ, но получу письмо исправно. Впрочемъ, не думаю, чтобы я уѣхалъ до мая, да и не могу. потому что у меня еще нѣтъ достаточно денегъ.

Свѣтлѣйшій царь еще не возвратился изъ польскихъ странъ. Здѣсь между тѣмъ спаряжаютъ въ три раза большую, чѣмъ прежде, артиллерію. Для нея даже съ каждой изъ здѣшнихъ церквей берется одинъ или два колокола, и удивительно даже какое огромное количество колоколовъ собрано у литейнаго завода.

Патріархъ Адріанъ (человѣкъ недалекій и извѣстный crematurius [33]) умеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, почти въ то время. какъ и нашъ святѣйшій отецъ. На мѣсто его не назначенъ другой патріархъ и (какъ говорятъ) не будетъ назначенъ. Свѣтлѣйшій царь публично объявилъ, что не было въ обычаѣ. чтобы было больше четырехъ патріарховъ, что Москвѣ не слѣдуетъ его имѣть. Вмѣсто патріарха управляетъ церквами какой-то митрополитъ Яворскій, нѣкогда бывшій преподавателемъ философіи и богословія въ Кіевѣ. Онъ показываетъ намъ расположеніе, но ходитъ слухъ, что расположеніе это не исходитъ отъ сердца. Въ настоящее время прибыло сюда изъ Кіева двадцать другихъ монаховъ, которые преподаютъ гуманитарныя науки, философію и богословіе. потому что свѣтлѣйшій царь основалъ академію и общежитіе для тѣхъ воспитанниковъ, которые желаютъ быть священнослужителями. Всѣхъ сыновей поповъ побуждаютъ заниматься латынью и можно опасаться, что нашему училищу будетъ конецъ, потому что всѣхъ заставляютъ посѣщать академію. Царь также выстроилъ гимназію для обученія морскому дѣлу, въ которой англичане обучаютъ сто тридцать русскихъ [34]).

У монастырей и епископовъ взяты всѣ имѣнія, а имъ ежегодно выдается съ этихъ имѣній, сколько нужно, на ихъ содержаніе и поддержаніе храмовъ. Поводъ къ этому дали монахи. Они вырѣзали какія-то изображенія, которыя хотѣли разбросать въ народѣ. Заглавіе ихъ было слѣдующее: „Десять

заповѣдей, противныхъ Богу". Первая фигура изображала русскихъ, пьющихъ табакъ; вторая—носящихъ нѣмецкое платье и т. под., а нѣкто міряшинъ Галицкій написалъ книгу, въ которой изъ пророка Даніила и изъ Апокалипсиса хотѣлъ показать, что свѣтлѣйшій царь антихристъ. Эту книгу одобрилъ митрополитъ тамбовскій; замѣшаны и другіе попы [35]).

Вотъ нынѣшнія новости. Присовокупляю поправку. Господинъ епископъ [36]) въ бытность свою здѣсь бранилъ насъ за то, что у насъ не было панихиды за святѣйшаго первосвященника. Мы служили ее уже послѣ его отъѣзда. Хотя г. епископъ человѣкъ прекраснѣйшій, но не знаетъ здѣшнихъ странъ. Такъ онъ желалъ, чтобы панихида совершена была, какъ можно торжественнѣе, пригласилъ и датскаго посла, который еще совѣтовалъ ему (нарочно, чтобы поднять на смѣхъ) пригласить всѣхъ проповѣдниковъ и даже нѣкоторыхъ русскихъ господъ, въ присутствіи которыхъ епископъ хотѣлъ сказать проповѣдь о первенствѣ Петра, что совершенно было несообразно. Если заграницей какъ нибудь зайдетъ объ этомъ рѣчь, то пусть знаютъ, какъ было дѣло. Смиреннѣйше поручаю себя вниманію достоуважаемаго и милостиваго вашего преподобія кліентъ и многообязанный рабъ, отецъ Францискъ Эмиліанъ. Москва, 29 февраля 1701 г.

VIII. 1701 г. 29 іюня. Письмо отца Франциска Эмиліана миссіонера въ Москвѣ. Безъ адреса. Копія.

Достоуважаемый господинъ! Въ этомъ письмѣ я желаю только сообщить вашему преподобію, что 5 іюня уже намъ передано содержаніе и на этотъ текущій годъ мы свободны отъ заботъ и тягостей, за что возсылаемъ тысячу благодареній Богу, а послѣ Бога его преосвященству и всѣмъ другимъ, радѣющимъ о насъ. О, если бы и на будущее время въ такой же мѣрѣ заботились о миссіи, что дѣйствительно крайне необходимо. Покорнѣйше просимъ также, благоволите при удобномъ случаѣ дать свѣдѣнія объ остальныхъ пунктахъ, которые я переслалъ вамъ черезъ аптекаря князя Петра Голицына, именно: не прибудетъ ли къ намъ хорошій холостой

человѣкъ, который могъ бы быть здѣсь учителемъ, а также, не найдется ли какая либо добрая душа, которая приложила бы какое либо пособіе для нашей церкви, содержаніе которой обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ издержекъ: 50 рублей или 150 флориновъ дается учителю; 8 рублей или 24 флорина—старухѣ, которая стираетъ церковныя вещи; 12 р. или 36 флорин. сакристіану; кромѣ того нужно доставлять для священнодѣйствія вино, воскъ, а зимой нужны дрова, чтобы въ церкви было тепло въ праздничные и воскресные дни; также нужны деньги на уплату повинностей, на починку зданій, на закупку дерева и проч. Изъ нашего содержанія мы дѣлаемъ издержки на починку крышъ, потому что община теперь не имѣетъ на это денегъ. Миссія будетъ счастлива, если получитъ на это средства. Главнѣйшая часть нашихъ прихожанъ—офицеры и лекаря. Числа ихъ никогда нельзя брать во вниманіе: сегодня они живы, завтра мертвы, такъ какъ они подвергаются многимъ опасностямъ, и вслѣдствіе этого нашъ храмъ постоянно колеблется, то возвышается, то ниспадаетъ; въ одно время поднимается, въ другое опять опустится; никогда не стоитъ твердо въ одномъ положеніи, противъ чего легко можно было бы найти средство, если бы было устроено какое либо прочное обезпеченіе. Мы хорошо знаемъ, что заграницей на весьма небольшія добрыя дѣла часто тратятся сотни и сотни. Мы надѣемся, что Богъ побудитъ чье либо сердце собрать сколько нибудь денегъ для св. невѣсты Христа, которая стонетъ и вздыхаетъ въ этихъ пустыняхъ Европы.

Сообщаю еще, что у насъ здѣсь случилось неслыханное событіе. При нашемъ торжественномъ въѣздѣ въ Москву, съ архіепископомъ Анкирскимъ Пальмой отправлялся въ Персію одинъ миссіонеръ. Когда я былъ въ Азовѣ, онъ въ это время возвратился съ епископомъ Иліей и не хотѣлъ уѣзжать съ нимъ изъ этого государства, жилъ здѣсь безобразно, ни разу (я знаю навѣрное объ этомъ) въ продолженіе пяти мѣсяцевъ не ходилъ на исповѣдь и не служилъ обѣдни. Онъ распространялъ между еретиками удивительныя вещи о католическихъ миссіонерахъ и обѣщалъ князю Борису Голицыну раскрыть всѣ непотребства, какія будто дѣлалъ вышеназван-

ный архіепископъ; но замѣчательное благоразуміе побудило князя отвернуться отъ этого безразсуднаго человѣка. Пробовалъ онъ дѣлать тоже у почтеннаго господина Поборскаго, духовника свѣтлѣйшаго царя, но и тамъ не нашелъ готовности слушать; наконецъ и на насъ онъ сдѣлалъ нашествіе и, удаляясь, расточалъ угрозы, что поднимет заграницей противъ насъ бурю, и онъ можетъ это сдѣлать, если что либо возбудитъ въ немъ страсть потщеславиться ложными извѣстіями. Все это я желалъ сообщить для поправки его показаній. Если бы онъ даже не надѣлалъ ничего другого сверхъ того, что намъ извѣстно, то и за это онъ заслуживалъ бы, чтобы не давать его словамъ никакой вѣры. Его очень хорошо знаетъ господинъ епископъ Илья. Имя его Вильгельмъ Де-Брюгъ.

Носится слухъ, что сюда прибудетъ изъ нашихъ странъ, не знаю, посолъ ли, или уполномоченный или резидентъ. О, если бы это была правда! Теперь всякій полагаетъ, что можно, дѣлать противъ насъ все, что угодно. Уже кальвинисты собственною властію отняли у насъ двухъ сиротъ. Ни откуда никакой помощи, ни откуда никакой защиты! Если такъ будетъ продолжаться дальше, то мы скоро должны будемъ совѣмъ закрывать нашу лавочку. О, если бы мы имѣли хотя одного человѣка съ какимъ либо значеніемъ! Вся надежда теперь на Бога. Удостойте насъ, умоляю, отвѣта въ одну или двѣ строчки Уже въ продолженіе года мы не видѣли ни одного письма къ намъ изъ-за-границы. 23 іюня 1701 г. Покорнѣйшій слуга и кліентъ, отецъ Францискъ Эмиліанъ, императорскій миссіонеръ въ Московскомъ государствѣ.

IX. 1701 г. 15-го сентября. Письмо Франциска Эмиліана іезуита. Безъ адреса. Конія.

Я писалъ вашему преподобію одно письмо изъ Азова, а затѣмъ, когда, возвратившись въ Москву, узналъ, что готовится къ отъѣзду въ наши страны господинъ епископъ Илія, то написалъ второе письмо и отправилъ его черезъ одного его спутника, свѣтскаго іезуита (Карла де Лосъ), но онъ, какъ я

узналъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ еще только въ Варшавѣ. Опять я написалъ черезъ нѣкоего аптекаря нашего, католика, по имени Грентцена, который уѣзжалъ отсюда въ Вѣну съ княземъ Петромъ Голицынымъ. Я надписалъ это письмо на имя господина Дальберга. Наконецъ я по почтѣ послалъ письмо, въ которомъ доносилъ, что мы получили содержаніе. Дошло ли которое-нибудь изъ этихъ писемъ, не знаю [37]), такъ какъ съ марта мѣсяца прошлаго года и до 15-го августа настоящаго года не удалось намъ видѣть ни одного письма изъ-заграницы. Пропали ли онѣ въ мятущейся Польшѣ, или какъ иначе случилось это, не знаемъ. Большая была радость намъ услышать, что къ намъ пріѣдетъ господинъ Гваріентъ [38]). О, если бы онъ скоро пріѣхалъ! Я бы желалъ, чтобы это мое письмо дошло до Вѣны прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ, потому что онъ сообщилъ письменно Плейеру [39]), чтобы мы дали ему знать, что́ намъ нужно привезти. Въ числѣ другихъ вещей крайне бы нужно привезти намъ нѣмецкіе молитвенники и еще, если возможно достать, польскіе молитвенники и другія духовныя книжечки, какія печатаются повсюду заграницей. Если бы еще нашлись какія либо нѣмецкія аффетивы [40]), а особенно постилли или сочиненія трехъ, четырехъ проповѣдниковъ. Я снабдилъ ими католиковъ въ Азовѣ, съ вредомъ для себя. Католикамъ въ Бѣлгородѣ, когда я проѣзжалъ тамъ, не могъ дать этихъ книгъ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ находящимся, хотя они сильно просятъ и готовы заплатить деньги. При отсутствіи этихъ книгъ здѣсь обыкновенно изучаютъ еретическія объясненія св. Писанія, которыми лютеране и кальвинисты снабжены въ изобиліи, и наши усвояютъ многочисленныя ложныя мнѣнія, такъ что я встрѣтилъ нѣкоторыхъ, которые называли себя католиками, а на самомъ дѣлѣ вѣровали чисто по лютерански. Мы сожалѣемъ, что не знали лучше этой страны и, при вступленіи въ нее, изъ пустаго страха не взяли съ собою съ нашего рынка нѣсколькихъ книгъ аскетическаго характера. Тутъ есть книги о мученикахъ изданія Таннера. Если бы господинъ Гваріентъ привезъ съ собою и сочиненія объ исповѣдникахъ и если бы какая либо благодѣтельная рука пожелала прибавить еще что либо другое особенно касательно благочестиваго уединенія или что либо въ родѣ благочестивыхъ

размышленій. Больше всего для этой миссіи полезно было бы, если бы напечатать на бумагѣ не слишкомъ подробно разсказы о раскаяніи, на языкахъ нѣмецкомъ, польскомъ, итальянскомъ, потому что на французскомъ, англійскомъ, голландскомъ, изданныхъ въ Амстердамѣ, я надѣюсь, мы достанемъ отъ отцевъ, нашихъ добрыхъ друзей въ Крейтенбергѣ, черезъ которыхъ (если будетъ нужно и если Польша будетъ еще волноваться) и письма могутъ быть доставлены къ намъ безопасно. Еще, чего мы желали бы, если бы это было возможно, это—привезли бы намъ нѣкоторое количество выпуклыхъ стеколъ. Довольно часто нужно бываетъ сдѣлать себѣ другомъ кого-нибудь изъ здѣшнихъ, чтобы въ томъ или въ другомъ затруднительномъ положеніи онъ помогъ намъ. Нужно бы намъ имѣть одну оптическую трубу, или микроскопъ въ два или три стекла или готовальню и т. д. Такого рода подарки бываютъ часто имъ дороже денегъ. Самъ я не могу приготовлять стеколъ больше, потому что у меня есть другія занятія, на которыя съ бо́льшей пользой могу употреблять мое время. Изъ тѣхъ стеколъ, которыя я привезъ съ собою, уже довольно много ушло на разное употребленіе, а здѣсь покупать ихъ значитъ даромъ бросать деньги. Если изъ стекляннаго блюдца выдѣлано небольшое оптичное стекло въ четыре дюйма, то за него непремѣнно потребуютъ дукатъ, такъ какъ здѣсь есть только единственный мастеръ этого рода дѣлъ. Восточнымъ купцамъ, пріѣзжающихъ сюда подъ именемъ пословъ изъ Камула или, какъ называютъ здѣшніе жители, изъ Бухданской (Богдыханской) земли, а также изъ Налькка, Саррихана [41] и др., ничего пріятнѣе нельзя предложить, какъ какой нибудь подарочекъ изъ подобранныхъ стеколъ и зеркалъ. За это можно или получить какое либо добро или расположить къ нему или много узнать. Я охотно заплачу за такія стекла. Изъ какихъ стекляныхъ блюдечекъ они сдѣланы, это не важно; пусть посылаютъ безъ разбора, а, если въ нихъ сдѣланы побольше объективы, то тѣмъ пріятнѣе будетъ. Быть можетъ господинъ Галлъ Пражскій поможетъ въ этомъ, и я охотно, скоро и вѣрно заплачу по той цѣнѣ, какую онъ назначитъ.

Свѣтлѣйшій царь твердо стоитъ въ своемъ намѣреніи основать академію. Уже есть на лицо учителя всѣхъ классовъ, прибывшіе изъ Кіева, люди хорошіе и покамѣстъ дружески расположенные къ намъ. Я надѣюсь, что и въ будущемъ они также будутъ дружны съ нами. Наши ученики приходятъ къ нимъ и въ свою очередь ихъ ученики часто приходятъ къ нашимъ для диспутовъ, что̀ той и другой сторонѣ пріятно, потому что такимъ образомъ возбуждается ихъ соревнованіе. Таланты ихъ удивительно замѣчательны, но постоянно приходится внушать имъ, чтобы они не бросали начатаго дѣла. Господамъ мартиніанамъ (лютеранамъ) (партія ихъ здѣсь очень сильна) не нравится успѣхъ нашего училища. Сами они устроили себѣ новое училище, но, хотя оно и новое, однако стоитъ пустымъ. Ихъ члены сами посылаютъ къ намъ своихъ сыновей. О, если бы мы могли добыть изъ за-границы какого либо славнаго, холостого наставника, который взялъ бы дѣтей на свое тщательное попеченіе! О, если бы могло устроиться такъ, какъ сдѣлано для Трансильваніи [42]). Но нужно выбирать учителя съ большой тщательностію, потому что здѣсь необычайныя опасности для такого человѣка. Хотя всѣ другія дѣла я взялъ на себя, однако отецъ Іоаннъ все-таки необычайно занятъ уже однимъ многочисленнымъ юношествомъ, котораго можно было бы принять еще въ большемъ числѣ, если бы намъ помогалъ какой-либо другой наставникъ. Преосвященный митрополитъ рязанскій, замѣняющій патріарха, продолжаетъ до сихъ поръ показывать, что онъ нашъ другъ. Это — мужъ знаменитый; онъ былъ прежде профессоромъ богословія въ Кіевѣ. Теперь я думаю объ немъ иначе, чѣмъ прежде думалъ, именно, думаю, что его дружба къ намъ не притворна. Для пользы народа и юношества онъ позаботился напечатать катихизисъ, по образцу Канизіева катихизиса, помимо, конечно, тѣхъ вещей, которыя не свойственны восточной церкви, и присоединилъ къ нему наставленіе Геннадія. Самъ онъ въ праздничные и воскресные дни говоритъ проповѣди въ здѣшнемъ каѳедральномъ соборѣ. Такія же проповѣди говоритъ какой-то послушникъ, прекраснѣйшій человѣкъ и тоже благорасположенный къ намъ. Онъ изъ кіевскаго монаха посвященъ въ митрополиты Сибири, человѣкъ (что рѣдкость) съ искреннимъ

прямодушіемъ [43]). Проповѣди эти приносятъ особенную пользу народу, который прежде едва зналъ то, что выше нуждъ его среды.

Преосвященный митрополитъ сильно желаетъ, чтобы поскорѣе начаты были богословскіе диспуты, чтобы и другіе могли слышать доводы римлянъ и составить лучшее объ нихъ мнѣніе. По милости Божіей мы по этому предмету вооружены книгами, только желали бы имѣть еще собраніе постановленій вселенскихъ соборовъ, особенно первыхъ семи. Изъ твореній святыхъ отцовъ у насъ есть болѣе или менѣе достаточно, а доказательства какъ изъ греческихъ, такъ и нашихъ авторовъ у насъ въ изобиліи. Нѣкоторые прибывшіе изъ-заграницы, нахватавшіеся латыни частію въ Англіи, частію въ Швеціи, хотѣли пустить въ ходъ Декарта, но мы всѣ воспротивились допускать диспутъ объ этомъ ученіи, какъ противномъ догмату о пресуществленіи. Если есть какія либо болѣе прочныя и отборныя доказательства противъ послѣдователей Декарта, выведенныя изъ другихъ началъ, то я надѣюсь, что кто либо изъ профессоровъ ради милости Божіей кратко изложитъ ихъ на бумагѣ и сообщитъ намъ, чтобы это можно было передать другимъ изъ здѣшнихъ знатныхъ лицъ, знающихъ латинскій языкъ. До сихъ поръ мы защищали субстанціальныя формулы, обыкновенными доказательствами по Суарію (Суарецу) и Скоту, которыхъ сочиненія у насъ подъ руками; но я предвижу, что не такъ легко и скоро окончится эта схоластическая война. Поэтому большую услугу окажетъ тотъ, кто сообщитъ намъ на бумагѣ въ краткихъ словахъ болѣе выдающіяся доказательства. Я тоже очень просилъ бы, если можно, узнать черезъ кого либо у какого нибудь болѣе свѣдущаго математика, не объявился ли теперь новый авторъ по этому предмету или не издано ли чего новаго по алгебрѣ, и сообщить мнѣ имя такого автора или авторовъ. Къ изумленію моему у меня остались продолжать ученіе три ученика, которые прошли всѣ трудности Эвклида и тригонометріи и по окончаніи геометріи начинаютъ заниматься алгеброй, какъ приказалъ имъ свѣтлѣйшій царь, который весьма похвалилъ ихъ. Не знаемъ, дѣйствительно ли наши труды пріятны свѣтлѣйшему царю; но мы узнали, что когда нѣкоторые старались, чтобы у насъ отняты

были ученики, то свѣтлѣйшій царь не согласился на это. Несомнѣнно однако, что онъ при всякомъ случаѣ выказываетъ намъ всевозможное и даже необычайное расположеніе. Нѣкій армянинъ разсказывалъ намъ, что въ Римѣ и въ Вѣнѣ былъ нѣкто, называвшій себя татариномъ изъ восточныхъ странъ и искалъ миссіонеровъ. Если достовѣрно все то, что разсказывалъ армянинъ объ его дѣлахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что это былъ обманщикъ. О великомъ ханѣ, котораго называютъ Бошуклюльханъ, здѣсь имѣются точныя свѣдѣнія, а также и обо всей той странѣ, о которой скажу въ другомъ письмѣ.

X. 1701. 15 ноября по стар. стилю. Москва. Нѣмецкая слобода. Письмо Ивана Берулы, члена общества Іисуса къ отцу Фердинанду Вальтгаузеру, іезуитскому провинціалу въ Прагѣ у св. Климента. Подлинникъ.

Многоуважаемый во Христѣ Отецъ! Хотя я знаю, что мой товарищъ, отецъ Франциск Эмиліани пишетъ къ вашему преподобію по дѣлу о посылкѣ миссіонеровъ для духовнаго служенія итальянцамъ; но и я берусь писать и смиренно раскрываю свои мысли и желанія, обращаясь къ вашему преподобію съ просьбою удовлетворить нашей просьбѣ и прислать намъ изъ своей среды вспомогательныя силы. Онѣ необходимы здѣсь по многимъ причинамъ, изложеннымъ отцемъ Франциском, вслѣдствіе которыхъ полезно послать сюда не чужихъ, а своихъ. Обмѣнявшись взаимно мыслями, мы пришли къ тому заключенію (предоставляя дѣло рѣшенію старшихъ), что никто другой больше отца Ивана Штейнера не будетъ здѣсь имѣть значенія, какъ потому, что онъ знаетъ нѣмецкій и чешскій языки, что́ здѣсь крайне необходимо, такъ и по своему образованію и познаніямъ, тоже теперь весьма необходимымъ. Искусства и науки принимаютъ здѣсь превосходное начало; вызванные кіевляне основываютъ гимназію и, распустивъ тамъ и самъ разные слухи, вызываютъ насъ какъ бы на бой. Хотя мы и показали, что съ нашей стороны мы готовы къ нему, но еще дѣло не доходило до сраженія въ диспутахъ, дѣлаются лишь приготовленія. Самъ вице-пат-

ріархъ взятъ изъ Кіева съ каѳедры богословія. Онъ теперь своею высшею властію направляетъ дѣла этой гимназіи и всячески двигаетъ впередъ науку. Недавно онъ произвелъ сильное нападеніе на мою школу и совѣтовалъ свѣтлѣйшему царю закрыть ее и перевести всѣхъ русскихъ учениковъ въ городскую гимназію. Царь сначала не далъ отвѣта, а когда вторично былъ упрашиваемъ, то наконецъ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ „что хорошо началось, того не слѣдуетъ тотчасъ прекращать". Объ этомъ мнѣ сообщилъ сидѣвшій въ то время вмѣстѣ съ ними за столомъ. Я удивляюсь перемѣнѣ этого первосвященника, отъ котораго въ прошломъ году я испыталъ столько благорасположенности; но удивленіе мое исчезаетъ, когда я смотрю на его ревностную заботливость объ устроенной имъ гимназіи. Кіевлянъ сильно огорчаетъ, когда они видятъ, что весьма многіе княжескіе и боярскіе сыновья посѣщаютъ мою школу, которыхъ они старались и теперь стараются различными способами перетянуть къ себѣ. Ходятъ слухи, что они скоро начнутъ обучать философіи и богословію, призвавъ изъ Кіева не только учителей, но и учениковъ, и уже заблаговременно представляютъ себѣ, что мы будемъ ихъ противниками. Поэтому то мы думаемъ, что было бы хорошо, если бы къ намъ присланъ былъ такой человѣкъ, который могъ бы не только дать отпоръ, но и одерживать побѣду, каковымъ мы и считаемъ отца Штейнера. Много значитъ еще, что онъ человѣкъ пріятный въ разговорѣ и своимъ образомъ дѣйствій способенъ плѣнить русскихъ, удивительно полюбившихъ теперь науку, отъ которой прежде рѣшительно отворачивались. Не бѣда, если онъ, можетъ быть, не знаетъ итальянскаго языка. Этому недостатку готовъ помочь мой товарищъ, который сгораетъ отъ ревностнаго желанія помогать итальянцамъ и трудиться не только въ Азовѣ, но и въ сосѣднихъ странахъ. Такимъ образомъ отецъ Штейнеръ могъ бы оставаться въ Москвѣ, а отецъ Францискъ въ приморскихъ странахъ, которыя онъ исходилъ въ прошломъ году. Если же нельзя удовлетворить нашего желанія имѣть у себя отца Штейнера, то мы желали бы имѣть отца Григорія Гапеля, по нашему сужденію, также пригоднаго для этой Спарты, или кого-либо другого подобнаго ему, какъ бу-

детъ угодно вашему преподобію. Такъ какъ есть разрѣшеніе имѣть двухъ новыхъ священниковъ, то хорошо было бы, если-бы къ вышеуказанному присоединить другого такого, который бы зналъ итальянскій или французскій языкъ, чтобы онъ или вмѣстѣ съ отцемъ Франциском дѣйствовалъ внѣ Москвы, или въ Москвѣ обучалъ юношей французскому языку, которыхъ я обучаю только латинскому и нѣмецкому. Повидимому, не только свѣтлѣйшій царь, но и другіе князья выше всѣхъ другихъ языковъ цѣнятъ французскій языкъ, который они жаждутъ изучать, были бы только учителя. Кажется, отецъ Францискъ Квикверъ или отецъ Базенгеймъ порядочно сильны для этого, особенно первый изъ нихъ при его знаніи многихъ языковъ. Но, кого бы ваше преподобіе ни рѣшили послать, пусть приходятъ съ рѣшимостію трудиться, пусть будутъ хорошо свѣдущи въ дѣлѣ устройства комедій (одну изъ нихъ недавно представляли кіевляне и заслужили похвалу; насъ тоже вызываютъ на подобное дѣло, но мы пока еще откладываемъ, такъ какъ нѣтъ мѣста для этого), а также пусть они какъ можно больше будутъ снабжены вещами для наградъ, безъ которыхъ здѣсь совершенно цѣпенѣетъ умъ. Касательно средствъ на проѣздъ сюда и на содержаніе вышеназванныхъ отцевъ благоволите ваше преподобіе посовѣтоваться съ его преосвященствомъ кардиналомъ Коллоничемъ, которому мы тоже посылаемъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ и предоставляемъ на его распоряженіе. Отецъ Палладій Рогойскій (Роговскій), нѣкогда бывшій въ Ницѣ кліентомъ вашего преподобія, теперь въ Москвѣ игуменомъ, иначе сказать, начальникомъ монастыря, въ которомъ живутъ кіевскіе ученые монахи [44]). Это отличный и искренній человѣкъ, и я уже нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ. Онъ кланяется вамъ и поручаетъ себя, вашему вниманію, а тѣмъ болѣе я прошу помянуть меня при совершеніи святѣйшаго таинства евхаристіи и вѣрю себя вашей любви, пребывая вашего преподобія всепокорнѣйшимъ рабомъ Иванъ Берула. Москва. Нѣмецкая слобода. 15 ноября стар. ст. 1701 г. Адресъ: Достопочтеннѣйшему во Христѣ Отцу Фердинанду Вальтгаузеру, начальнику чешской іезуитской провинціи въ Прагѣ, у св. Климента.

XI. 1701 г. 23 ноября Москва. Письмо безъ подписи и безъ адреса. Копія.

Прошу все это сохранить въ секретѣ, имѣя въ виду находящихся въ Вѣнѣ русскихъ. 23 ноября 1701 года въ праздникъ св. Климента, въ Москвѣ.

Достоуважаемый господинъ! Такъ какъ отъ насъ уѣзжаетъ въ Венецію господинъ морской капитанъ, Лука Личча, отправляющійся туда, чтобы привести сюда новую партію моряковъ, то мнѣ представился надежный случай написать къ вамъ кой о чемъ.

Положеніе наше здѣсь таково, въ какомъ бываютъ плавающіе по серединѣ океана. Они не знаютъ, какая ожидаетъ ихъ судьба и какой гавани они наконецъ достигнутъ. Такъ бываетъ и съ нами: иногда насъ утѣшаетъ надежда на лучшее положеніе, иногда наоборотъ объемлетъ боязнь еще худшихъ золъ. Нашу надежду больше всего поддерживаетъ и возбуждаетъ слѣдующее: „сердце царево въ рукѣ Бога“. Хотя ничего положительно не сдѣлано въ нашу пользу, но ничего не сдѣлано и противъ насъ, чему мы до сихъ поръ удивляемся. Мы вѣдь лишены всякой человѣческой помощи и окружены яростной непріязнью и козпями со стороны кальвинистовъ и со стороны могущественныхъ въ настоящее время лютеранъ. Удивляемся, говорю, что свѣтлѣйшій царь и теперь еще такъ много благосклоненъ къ намъ. Еще весьма недавно, когда по внушенію какого-то важнаго лица любимцы его величества снова стали нападать на школу отца Іоанна, въ которой находится цвѣтъ здѣшняго дворянства, то свѣтлѣйшій царь послѣ многихъ равнодушныхъ отвѣтовъ наконецъ коротко отвѣтилъ: „что хорошо начато, того не слѣдуетъ такъ внезапно и скоро прекращать“. И въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ присутствовалъ при совершеніи нами таинствъ, всегда потомъ указывалъ своимъ на то, что у насъ нѣтъ существенной разницы (съ православными), а когда присутствовалъ на нашей обѣднѣ, то все время объяснялъ своимъ боярамъ, что̀ значитъ то, что̀ значитъ другое; но когда возносились дары, то онъ умолкалъ и, по обычаю восточныхъ христіанъ, склонивъ го-

лову, публично воздавалъ имъ честь. О, если бы добрыя души возносили объ немъ много горячихъ молитвъ, чтобы Богъ благоволилъ разрѣшить теперь уже небольшія узы, и чтобы царь скорѣе сталъ участникомъ величайшаго блага! Изъ числа тѣхъ, которые наложили узы на этого прекраснаго государя, одни уже несутъ кару на томъ свѣтѣ, а другихъ еще ожидаетъ божій судъ. Если бы здѣсь не было кальвинистовъ и лютеранъ, сколько добра можно было бы сдѣлать! Правда, и между русскими нѣкоторые враждебны намъ, но они гораздо миролюбивѣе.

Мы удивляемся и не достаточно понимаемъ, какъ случилось, что рязанскій митрополитъ, исполняющій теперь обязанности патріарха, впрочемъ безъ патріаршаго титула, былъ именно тѣмъ лицомъ, которое чрезъ вельможъ работало у свѣтлѣйшаго царя противъ нашей школы, когда до тѣхъ поръ онъ показывалъ себя столь ласковымъ и милостивымъ къ намъ. Удивляемся мы, кромѣ того, и тому, что онъ такъ усердно, столь различными способами и хитростями старался вызвать насъ на какой-нибудь диспутъ объ исхожденіи святаго Духа отъ Отца и Сына. Мы уклонялись до тѣхъ поръ, пока это можно было дѣлать съ честью, именно, уклонялись подъ тѣмъ предлогомъ, что въ этой странѣ намъ не позволительно публично разсуждать о вопросахъ, спорныхъ между нами и русскими, не получивъ на то оффиціальнаго разрѣшенія и полномочія. Тѣмъ не менѣе весьма многіе и изъ разныхъ слоевъ люди нерѣдко пытались втянуть насъ въ этотъ споръ. Послѣ моего возвращенія изъ Азова опять ожила страсть къ диспутамъ. Поводъ далъ какой-то проѣзжій монахъ, пустившій въ ходъ какое-то сочиненіе, въ которомъ заключались доказательства латинянъ объ исхожденіи святаго Духа. Доказательства хорошія, но писаны рукой недальновиднаго добряка, который не предвидѣлъ, какія будутъ отъ этого послѣдствія. Какой-то боярин, которому это сочиненіе было представлено, показалъ его вышеупомянутому митрополиту, а митрополитъ написалъ на это сочиненіе опроверженіе почти въ шести филирахъ (связкахъ). Это опроверженіе такъ высоко цѣнится, что, по мнѣнію русскихъ, ни одинъ латинянинъ не можетъ возразить на него, и они намъ въ глаза говорятъ, что невоз-

можно сказать ничего больше того, что тамъ сказано. На это мы отвѣчали, какъ и раньше, что если бы намъ дано было отъ верховнаго государя позволеніе, то мы отвѣчали бы, и просили ихъ испросить такое позволеніе. Такъ какъ мы замѣтили изъ чрезмѣрной ихъ нетерпѣливости, что они больше ищутъ тріумфа, чѣмъ истины, потому что полагались на митрополита, который въ теченіе двухъ курсовъ излагалъ богословіе въ Кіевѣ; затѣмъ, такъ какъ слава нашей св. церкви могла отъ этого пострадать и такъ какъ право защиты вездѣ дозволено, то мы рѣшили, что будемъ внѣ опасности, если не станемъ больше уклоняться отъ диспута. И вотъ, въ прошедшій праздникъ св. Терезіи насъ пригласилъ на завтракъ одинъ важный бояринъ, весьма близкій къ его величеству. Всѣмъ сидѣвшимъ тутъ объявлено было, что придетъ митрополитъ; но, должно быть, онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и, какъ бы съ цѣлью поискать брода, послалъ вмѣсто себя одного молодого богослова, который, говорятъ, нѣкогда заграницей былъ ученикомъ по философіи у достопочтеннаго отца Гольцбехера. Этотъ богословъ пришелъ уже въ то время, когда вставали изъ-за стола. Бояринъ попросилъ насъ снова присѣсть, вынулъ сочиненіе митрополита, подалъ его мнѣ и спросилъ, можно ли отвѣтить на него? Просмотрѣвъ первое доказательство и опроверженіе, я сказалъ: да; хотя я и не обязанъ защищать сказаннаго тѣмъ монахомъ; но, такъ какъ доказательство его хорошо и согласно съ нашей вѣрой, то можно отвѣчать.

Доказательство было слѣдующее: все, что есть въ Отцѣ, за исключеніемъ отчества, сообщается Сыну; но сила изводительная есть въ Отцѣ, слѣдовательно она есть и въ Сынѣ.

Опроверженіе было слѣдующее: большая посылка не вѣрна, потому что нерождаемость не сообщается Сыну.

Я спросилъ: что такое нерождаемость,—абсолютное или относительное? Итакъ какъ ея нельзя отнести ни къ тому, ни къ другому, то сказалъ я, и наши богословы, и сами восточные называютъ нерождаемость отрицаніемъ отношенія, а нѣкоторые даже называютъ ее выраженіемъ лишенія, слѣдовательно, нерождаемость къ вопросу не относится, такъ какъ сказано: все, что есть. Слѣдовательно, доказательство — хорошее и этимъ возраженіемъ оно не опровергнуто, такъ какъ оно не исключаетъ

силы изводительной. Но такъ какъ представлялись трудности силлогизма и можно было опасаться безполезнаго уклоненія въ сторону, то чтобы легче могъ понять тотъ боярин, знавшій по латыни, я изложилъ свое доказательство въ формѣ дилеммы. Сыну сообщается воля, или дѣятельная или недѣятельная; если дѣятельная, то дано то, что я хочу доказать, а если недѣятельная, то слѣдовательно моментъ внутренняго движенія воли (въ Отцѣ къ извожденію Духа) нужно признавать предшествовавшимъ (рождаемости Сына) и слѣдовательно Духъ Святой исходилъ бы прежде Сына. Послѣ долгихъ состязаній мой противникъ наконецъ допустилъ, что Сыну сообщается дѣятельная воля, но она здѣсь дѣятельна въ немъ не какъ въ Сынѣ. Я кратко показалъ, что если Сынъ остается безъ дѣйствія исхожденія черезъ его волю, то нельзя указать ничего такого, что препятствовало бы здѣсь дѣятельности его воли, если она есть въ Сынѣ. На это онъ сказалъ, что это указано въ самомъ сочиненіи, которое они взяли изъ моихъ рукъ и уже не возвратили мнѣ, какъ было обѣщано. Они сами читали изъ сочиненія изложеніе этого дѣла, т. е., что иначе Отецъ получалъ бы помощь отъ Сына. Я отвергалъ такой выводъ тѣмъ, что если тутъ начало одно и тоже, или если воля нераздѣльна въ Отцѣ и Сынѣ, то въ томъ и другомъ одна и таже изводительная сила, слѣд., Сынъ тутъ и не прибавляетъ ничего Отцу и ни въ чемъ не помогаетъ Ему. Противникъ настаивалъ, упирая на другое доказательство изъ того же сочиненія, что если Сынъ не помогаетъ Отцу, то слѣдов. Отецъ есть вполнѣ достаточное (для извожденія Св. Духа) начало. Я различилъ два значенія этого вывода: что вполнѣ достаточное начало означаетъ всю силу дуновенія, принимаю, а что оно означаетъ и всякое необходимое для дѣйствія условіе, отвергаю. По вышесказанному тутъ нужно разумѣть волю, а воля, дѣйствующая въ нашемъ спорѣ, допускается не только въ Отцѣ, но и въ Сынѣ, которому она необходимо сообщается, а воля переходитъ въ дѣйствіе и въ ней соприсутствуютъ Отецъ и Сынъ.

На этомъ закончилось было наше состязаніе, но любознательный боярин настаивалъ, чтобы данъ былъ отвѣтъ и на остальныя доказательства митрополита. Поэтому

прочитано было слѣдующее: Отецъ самъ собою можетъ произвести Сына, слѣдов. онъ самъ собою производитъ также и Духа Святаго.

Я опровергалъ этотъ выводъ тѣмъ, что къ термину о Сынѣ (рождаемомъ отъ Отца) прилагается только имя Отца, а къ термину о волѣ прилагается воля одна и таже и въ Отцѣ и въ Сынѣ и проч. Слѣдовательно, тутъ неравенство данныхъ.

Прочитано другое доказательство: Всю силу духовенія имѣетъ Отецъ, всю силу духовенія имѣетъ и Сынъ, слѣдов. существуютъ два всецѣлыхъ начала.

Я отвѣтилъ: отвергаю выводъ, потому что гдѣ нѣтъ двухъ силъ, тамъ слѣдовательно нѣтъ и двухъ началъ. Я представилъ обычный доводъ божественнаго Ѳомы (Аквината), что для единства сущности достаточно единства формы, хотя бы подлежащихъ было и много.

Прочитано другое доказательство: Если Отецъ и Сынъ въ силу того, что они представляютъ одну изводительную силу, суть одно начало, то слѣдовательно въ силу того, что они два подлежащихъ, суть два начала.

Я отвѣтилъ: отвергаю выводъ, такъ какъ изводительная сила не дѣлается множественною отъ того, что множественны подлежащія. Относительныя свойства ипостасныхъ лицъ божества не умножаютъ ихъ абсолютныхъ свойствъ.

Прочитано было другое возраженіе, но я удивился, какъ можно было выставлять его: Дѣйствія суть дѣйствія подлежащихъ, но подлежащихъ два, слѣдовательно и дѣйствій два, слѣдовательно и началъ два.

Я отвѣтилъ разъясненіемъ аксіомы: дѣйствія суть дѣйствія подлежащихъ значитъ то, что никакое дѣйствіе не приписывается чему нибудь, что̀ не есть подлежащее, что̀ не имѣетъ бытія, съ этимъ я согласенъ, но, что дѣйствій столько, сколько подлежащихъ, отвергаю. Въ доказательство я указалъ на актъ творческой дѣятельности во внѣшнихъ дѣлахъ (при сотвореніи міра), который усволяется тремъ подлежащимъ (тремъ лицамъ св. Троицы), и т. д.

Прочитано было новое возраженіе: Если по единой изводительной силѣ Отецъ и Сынъ суть одно начало, то по-

чему Отецъ по силѣ рождательной и изводительной не есть два начала?

Въ отвѣтъ на это я указалъ, что хотя для единичности сущности достаточно единичности формы, но для множественности сущностей недостаточно множественности формы безъ множественности подлежащихъ, потому что иначе получалось бы столько сущностей, сколько разъ во множественномъ числѣ повторяется одна и таже конкретная величина. Для примѣра я привелъ случай, когда одинъ художникъ знаетъ нѣсколько искусствъ и проч.

Прочитано было послѣднее доказательство, которому я еще болѣе удивился. Оно состояло въ слѣдующемъ: Въ божествѣ кромѣ сущности и ипостасныхъ свойствъ нѣтъ ничего болѣе, поэтому Сынъ не можетъ быть началомъ Духа ни по существу, такъ какъ существо не изводитъ и не изводится, ни по своему сыновству, которое, какъ личная его особенность не сообщимо, ни по тому и другому вмѣстѣ, потому что все подлежащее сыновства выражаетъ только природу, лично принадлежащую Сыну, слѣдовательно никакимъ образомъ и проч. (Духъ не исходитъ отъ Сына).

Я отвѣтилъ: этотъ доводъ доказываетъ черезъ чуръ многое. Я приложилъ его къ Отцу и показалъ такимъ же способомъ, что онъ не можетъ ни рождать, ни изводить. Затѣмъ я далъ прямой отвѣтъ, высказавъ и разъяснивъ положеніе латинянъ тѣмъ способомъ, который по вопросу о Троицѣ предлагаетъ Суарецъ. Они соглашались и говорили, что предполагали иное. По сочиненія мнѣ не хотѣли затѣмъ дать и до сихъ поръ уже не предпринимаютъ мѣръ, чтобы публично одержать побѣду и въ частныхъ домахъ уже не показываютъ охоты къ схоластическимъ состязаніямъ; однако они бываютъ. Все это я, вкратцѣ набросалъ только для васъ, преподобные отцы, безъ всякихъ прикрасъ, какъ было дѣло. Свидѣтель мнѣ—отецъ Іоаннъ [45]).

Лютеране и кальвинисты дѣлаютъ съ нами теперь все, что хотятъ, — отнимаютъ сиротъ, даже рѣшаютъ брачныя тяжбы нашихъ и чего только не дѣлаютъ! И не удивительно, такъ какъ у насъ нѣтъ ни одного такого человѣка, который осмѣлился бы заговорить за насъ свѣтлѣйшему царю. Конечно

свѣтлѣйшій государь не потерпѣлъ бы такого безобразія. Былъ бы у насъ, по крайней мѣрѣ, кто либо такой, чье присутствіе хотя нѣсколько обуздывало бы ихъ дерзость. Прошедшимъ лѣтомъ, мы были сильно перепуганы, когда повсюду носились слухи, что господинъ Плейеръ будетъ здѣсь резидентомъ, и самъ онъ дѣйствительно разглашаетъ, что имѣетъ вѣрную надежду на это. Этому сильно радуются датскій посолъ и еретики. Они ему желаютъ этого отъ всего сердца, чтобы снова имѣть поводъ подвергнуть насъ изгнанію, когда августѣйшій императоръ поставитъ подобнаго человѣка резидентомъ. Онъ у самихъ еретиковъ вездѣ признается чуть не безчестнымъ человѣкомъ; онъ до сихъ поръ предпочиталъ пренебрегать пасхальной исповѣдью и самымъ юбилеемъ, чѣмъ отослать отъ себя лицо, къ которому привязался. Правда онъ говоритъ, что возьметъ эту женщину въ супруги, если будетъ сдѣланъ резидентомъ; но мнѣ кажется, что съ нимъ будетъ тоже, что бываетъ съ палачами. Хотя они уполномочиваются на это закономъ, но на нихъ всегда остается какое нибудь пятно. Я желаю всякаго добра этому господину, только бы онъ не былъ въ Московскомъ государствѣ. Клянусь передъ Богомъ и призываю во свидѣтели мою совѣсть, что ничего не можетъ быть хуже и ничто не можетъ больше содѣйствовать разрушенію нашей церкви, какъ если этотъ господинъ будетъ сдѣланъ резидентомъ. Уже при одной надеждѣ быть имъ онъ позволилъ себѣ угрожать, что выброситъ нѣсколько скамеекъ изъ нашей церкви, требуетъ себѣ власти и, не знаю, чего еще пожелаетъ такого, что можетъ придти на умъ только дѣтской головѣ. Кромѣ того, мы знаемъ и заграницей могутъ засвидѣтельствовать наши предшественники, достопочтенные отцы Францискъ Леффлеръ и Павелъ Ларошъ, что онъ замышлялъ противъ нихъ; знаемъ также и то, что онъ пытался устроить въ союзѣ съ какимъ-то монахомъ то въ отдѣльности отцу Іоанну и мнѣ, то намъ обоимъ вмѣстѣ [46]). Все это мы охотно и отъ всего сердца прощаемъ ему и не рѣшились бы теперь раскрывать и рта, если бы не видѣли, что это клонится къ непоправимому или, по крайней мѣрѣ, не легко поправимому вреду для святой церкви. Не хочу прибавлять, что это могло бы сильно подорвать уваженіе къ августѣйшему императору, такъ какъ это

внѣ моего суда, хотя и на это у меня легко нашлось бы двадцать доводовъ. И такъ во имя любви ко Христу прошу васъ, достоуважаемый отецъ, благоволите сообщить объ этомъ его преосвященству, или кому вы сочтете нужнымъ, чтобы наконецъ избавили насъ отъ страха, а церковь отъ позора. Здѣшніе новые резиденты, какіе есть, голландскій, датскій, шведскій и резидентъ короля польскаго, все люди пожилые, прекрасные, добрыхъ качествъ и проворные. Нашъ Плейеръ исполнялъ у нихъ иногда роль музыканта, стоитъ какъ слуга въ то время, какъ тѣ сидятъ за столомъ, и каждый изъ нихъ можетъ быть признанъ отцемъ въ сравненіи съ этимъ юнопеобразнымъ господиномъ. Что намъ будетъ за почетъ, каково будетъ наше значеніе, если онъ сдѣлается ихъ товарищемъ, а ни одинъ изъ нихъ не будетъ уважать его? Теперь уже здѣсь не тѣ времена, когда думали, что золото дѣлается изъ глины, но если сказать правду, то между нами и здѣшними людьми небольшая лишь разница. Каждый легко разсудитъ, что если его августѣйшему величеству угодно имѣть здѣсь постояннаго резидента, то таковымъ долженъ быть человѣкъ извѣстный, зрѣлаго возраста и особенно хорошей предусмотрительности. Такой резидентъ былъ бы теперь крайне полезенъ для нашей церкви, лишенной всякой человѣческой помощи. Достаточно было бы уже одной отрицательной помощи; достаточно было бы одного присутствія славнаго мужа; а если бы онъ былъ человѣкъ хотя немного практическій, то нашелъ бы и для себя немало выгодъ, ведя настороиѣ торговыя дѣла, какъ то дѣлаютъ другіе резиденты. О, если бы нашелся въ Чехіи человѣкъ, вѣрный Богу и его величеству, дворянинъ зрѣлаго возраста, которому была бы поручена эта Спарта! Однако онъ долженъ знать и нѣмецкій языкъ, а если возможно, то и другіе языки, хотя это и не необходимо. Много добра онъ могъ бы сдѣлать, если бы зналъ чешскій языкъ, а еще лучше—польскій языкъ.

Затѣмъ мы просимъ, какъ только можемъ, чтобы вы благоволили постараться о средствахъ для нашего содержанія особенно въ наступающемъ году. Чтобы уничтожить насъ, не зачѣмъ обращаться къ другимъ способамъ; достаточно только задерживать наше содержаніе. Теперь выяснится, что здѣшніе еретики

имѣютъ близкія сношенія съ вратиславскими еретиками. Можно опасаться, какъ бы они, за недостаткомъ другихъ случаевъ къ мщенію, не воспользовались этимъ случаемъ, потому что Богъ ниспослалъ намъ свое благословеніе, и мы теперь находимся въ гораздо большемъ почтеніи у русскихъ, чѣмъ въ прежнія времена, а проповѣдники той и другой партіи еретиковъ находятся наоборотъ въ презрѣніи и большая часть русскихъ едва удостоиваетъ ихъ взгляда. Это уваженіе особенно сильно возбуждаетъ отецъ Іоаннъ своимъ непобѣдимымъ терпѣніемъ и постоянствомъ въ никольномъ дѣлѣ. Мы справедливо боимся, какъ бы еретики не устроили намъ какой либо пакости по дѣлу о полученіи нами содержанія. О, если бы кто нибудь взялъ заграницей банковый билетикъ и переслалъ къ намъ, чтобы намъ не нужно было ждать, пока насъ увѣдомитъ здѣшній банкиръ-лютеранинъ, который можетъ задержать бланкъ, сколько ему угодно, а заграницей будутъ говорить и совершенно вѣрно, что дали приказаніе выдать деньги. Мы еще замѣчаемъ притомъ, что съ нами дурно поступаютъ на почтѣ. Откуда бы это зло ни происходило, но мы видимъ, что никакихъ нашихъ (къ намъ?) писемъ не доставляютъ. Всего лучше было бы направлять письма вмѣстѣ съ размѣннымъ билетомъ къ здѣшнему купцу итальянцу, господину Франциску Гаскони, какъ было сдѣлано въ послѣдній разъ. Покорнѣйше и убѣдительнѣйше просимъ, благоволите заботиться о насъ по этому дѣлу, какъ можно прилежнѣе и благовременнѣе.

И писалъ его преосвященству, прося удостоить насъ еще разъ своей милости и похлопотать у нашего римскаго главы, чтобы далъ еще двухъ священниковъ нашего ордена для миссіи,—въ Азовъ и Таганрогъ, на что уже есть благосклонное и несомнѣнное разрѣшеніе отъ самого свѣтлѣйшаго царя, а также отъ господина адмирала и господина коммиссара той области. Эти священники могутъ ни о чемъ не безпокоиться и ничего не бояться, и я умоляю ихъ не позволять никому предетавлять или возбуждать какія либо сомнѣнія и отклонять ихъ отъ этого назначенія. Разрѣшеніе это не написано на особой бумагѣ, но увѣряю, что достаточно одного паспорта отъ имени господина капитана, который самъ собственными устами можетъ удостовѣрить его преосвящен-

ство въ этой безопасности. Мы замѣчаемъ, что заграницей еще руководствуются старыми обычаями этой страны, которые уже потеряли силу, такъ что мы живемъ въ полнѣйшей безопасности и ничего нѣтъ такого, чего бы тѣ отцы могли бояться. Передъ отъѣздомъ господина капитана было снова спрошено, хотя это было излишне, и опять подтверждено полнѣйшее разрѣшеніе. Если бы мы могли просить кровавыми слезами, то просили бы не пренебрегать такимъ удобнымъ случаемъ и не допускать, чтобы другіе имъ воспользовались. Умоляю, избавьте насъ отъ монаховъ! Мы ихъ слишкомъ хорошо знаемъ по опыту. Если даже тѣ изъ нихъ, которые занимали довольно важныя должности, дѣлаются до такой степени неосторожными, что одинъ изъ нихъ здѣсь за столомъ въ обществѣ еретиковъ офицеровъ критиковалъ мнѣніе о Московіи славной памяти покойнаго первосвященника неодобрительное его сужденіе о нѣкоторыхъ боярахъ, бывшихъ у него на аудіенціи въ Римѣ, и разсказывалъ другія опасныя вещи, такъ что я, не видя никакого другого средства, принужденъ былъ публично возражать ему, чтобы спутать мысли еретиковъ, если, говорю, подобныя вещи дѣлаютъ такія лица, то чего ожидать отъ другихъ? И я здѣсь ничего не выдумываю; но утверждаю моею священническою клятвой, что все то, что здѣсь разсказано объ этомъ случаѣ, есть правда. Я уже умалчиваю о томъ, какъ они въ разныхъ случаяхъ пытались возставать противъ насъ и возбуждать къ этому другихъ, а то и прямо приписывали себѣ какую-то власть надъ нами. Но мы все это устранили съ надлежащею любезностію, хотя они заслуживали бы чего либо худшаго. Объ одномъ изъ нихъ, нѣкоемъ Николаѣ Де-Брунѣ, который, какъ слышно, находится теперь въ Вѣнѣ (объ немъ будетъ давать отзывъ также и достопочтеннѣйшій господинъ епископъ Ильи), я писалъ заграницу; но сильно боюсь, что это письмо перехвачено. О, какое это чудовище въ образѣ священника! Сами русскіе приходили въ изумленіе! Да и весьма недавно какой-то изъ здѣшнихъ довольно важныхъ лицъ съ проклятіемъ вспоминалъ объ немъ. Слышу, что онъ еще что-то замышляетъ противъ насъ заграницей. Но Богъ поразитъ это чудовище. Жизнь, какую онъ здѣсь велъ, достойна удивленія; но еще болѣе

удивительны козни, которыя онъ строилъ намъ. Хотя бы сюда присылали даже лучшихъ изъ такихъ людей, каковыми нѣкоторые изъ нихъ и были, но у каждаго изъ нихъ различный образъ мыслей, а это мало полезно для Московіи при нынѣшнихъ ея обстоятельствахъ. Надѣюсь, каждый признаетъ полезнымъ, чтобы здѣсь были братья одной и той же матери, прежде всего ради согласія, крайне необходимаго здѣсь, когда мы окружены столькими врагами. О томъ, что можетъ сдѣлаться извѣстнымъ, что тѣ два лица — люди нашего ордена, умоляю, пусть нисколько не безпокоятся. Болѣе проницательные и теперь уже достаточно открыли, что́ такое мы на самомъ дѣлѣ; но это открытіе (т. е., что мы іезуиты) здѣсь иначе понимается, чѣмъ желали бы, можетъ быть, представить его нѣкоторые лжецы и своевольники. Наша триба (іезуитскій орденъ) у здѣшнихъ русскихъ находится въ добромъ, даже большомъ почтеніи. Только Лютеръ и Кальвинъ ее ненавидятъ, да нѣкоторые дурные католики, опутанные сѣтями наложницъ или сѣтями иного невоздержанія.

Даже то безчестіе, которое нѣкогда было нанесено здѣсь нашей трибѣ [47]), благодареніе вѣчному Богу, совершенно уничтожено, чему мы сами не можемъ достаточно надивиться! Поэтому я такъ и прошу (отцовъ, имѣющихъ прибыть), чтобы не имѣли на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, но совершенно безопасно довѣрились; вѣдь и я не сталъ бы такъ сильно увѣрять, если бы самъ не былъ вполнѣ увѣренъ. Тоже самое они услышатъ и отъ отца Іоанна Берулы. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я сказалъ, что намъ весьма непріязненны лютеране и кальвинисты, и притомъ они имѣютъ нѣсколькихъ покровителей, довольно вліятельныхъ, то чтобы это дѣло могло идти впередъ самымъ безопаснымъ путемъ, необходимо хранить его въ величайшемъ секретѣ. Если же оно какъ нибудь сдѣлается извѣстнымъ князю Голицыну въ Вѣнѣ, то не слѣдуетъ выказывать особенной радости, что дано это разрѣшеніе (прислать новыхъ миссіонеровъ), а нужно показывать, что это дѣло какъ будто такого рода, что объ немъ можно разсуждать совершенно хладнокровно, какъ будто въ немъ нѣтъ никакой важности, и чтобы русскіе составили себѣ такое понятіе, что они просто возьмутъ изъ Рима нѣсколько лицъ, со-

вершающихъ церковную службу. Поэтому, чтобы не дать повода еретикамъ по свойственному имъ безразсудству сѣять, изъ-за пріѣзда двухъ миссіонеровъ, разныя неправды на новыхъ поляхъ и разглашать, что въ Московіи уже устраиваются цѣлые монастыри и конвенты, необходимо, чтобы одинъ изъ миссіонеровъ ходилъ въ священнической одеждѣ, какую носятъ обыкновенно свѣтскіе священники, а другой былъ въ мірской одеждѣ, подъ видомъ служителя или эконома или дьячка этого священника. Нужно имъ будетъ также имѣть великое терпѣніе и благоразуміе. Они не должны вести себя въ пути слишкомъ важно или приписывать себѣ особенное значеніе, съ такимъ однако тактомъ, чтобы отрядъ моряковъ, съ которымъ они прибудутъ сюда, не терялъ къ нимъ уваженія. Впрочемъ, въ этомъ имъ будетъ помогать господинъ капитанъ. Словомъ, пока они не прибудутъ сюда, они должны скрывать свои таланты и казаться такими людьми, которые ни въ комъ не могутъ возбуждать опасенія. Тогда, если Богъ дастъ, я отправлюсь съ тѣмъ, кто будетъ въ мірскомъ платьѣ, въ Азовъ и тамъ онъ надѣнетъ священническое платье. То, что отрядъ моряковъ не будетъ раньше знать, что онъ священникъ, не возбудитъ никакихъ недоумѣній. Все тамъ уже устроено наилучшимъ образомъ. Другой миссіонеръ останется вмѣсто меня въ Московіи.

Наступаютъ такія времена, что для насъ весьма важно, чтобы здѣсь былъ кто нибудь изъ насъ весьма извѣстный. О, если бы мы могли испросить то лицо, о которомъ я пишу достопочтеннѣйшему начальнику Вальтгаузеру а также пишетъ и отецъ Іоаннъ. Этотъ человѣкъ, понятно, достоинъ болѣе важныхъ обязанностей; но я увѣренъ, что наши будутъ смотрѣть болѣе на то, что подобаетъ Богу, чѣмъ на то, какого дѣла достойны люди. Оба миссіонера для лучшаго и болѣе естественнаго веденія дѣлъ должны знать итальянскій языкъ. Впрочемъ, достаточно будетъ, если тотъ, который останется въ Москвѣ, хотя нѣсколько будетъ знать по итальянски, а хорошо будетъ знать нѣмецкій и чешскій языки и проч. Всѣми этими знаніями обладаетъ тотъ, о комъ мы думаемъ, но мы боимся, не слишкомъ ли онъ дорогъ для своей епархіи. Что съ его стороны не будетъ не-

достатка въ доброй волн. на этотъ счетъ мы спокойны. Почтенный отецъ Штейнеръ обладаетъ всѣми качествами, о какихъ можно думать или желать для новой Москвы, и если по человѣчески судить, то едва ли найдется кто другой, отъ кого можно бы ожидать больше пользы и кто могъ бы принести большую честь святой церкви. Теперь, когда русскіе начинаютъ изучать теоретическія науки и когда представляются случаи разнообразныхъ сношеній съ вельможами, намъ крайне нуженъ знаменитый человѣкъ. И не Богъ знаетъ, какое нужно крѣпкое тѣлосложеніе, чтобы жить въ Москвѣ. Онъ могъ бы найдти здѣсь занятія, не слишкомъ тяжелыя для его физическихъ силъ. Но другой миссіонеръ,—тотъ, который отправится со мною, долженъ быть хорошаго тѣлосложенія, и хотя не на показъ крѣпкаго, но, по крайней мѣрѣ, такого, которое не легко поддается болѣзнямъ и способно переносить разнообразную пищу и многія физическія невзгоды, безсонницы, насѣкомыхъ, грубости моряковъ и т. д. и т. д. Чѣмъ къ большему онъ себя приготовитъ, тѣмъ меньше ошибется, а что ему больше всего слѣдуетъ взвѣсить, такъ это то, что онъ долженъ владѣть собою, потому что тамъ почти постоянно каждый годъ, иногда черезъ три, иногда черезъ четыре, иногда черезъ пять лѣтъ, господствуетъ зараза. Надѣюсь, однако, что при божьей помощи ни онъ, ни я не подвергнемся такъ легко и скоро этому бѣдствію, потому что тамъ есть предохранительныя средства; но необходимо быть готовымъ ко всякой превратности какъ на дорогахъ, на которыхъ даже въ мирное время нападаютъ разбойники татары, такъ и на морѣ, которое уже само по себѣ есть такая стихія, которая не обѣщаетъ безопасности. Противъ всѣхъ этихъ случайностей есть многія и хорошія предосторожности; но я говорю лишь о томъ, что нужно быть готовымъ на все, такъ какъ тамъ дѣйствительно иногда приходится жить, подобно листу на деревѣ, который можетъ быть неожиданно унесенъ, а можетъ быть и нѣтъ. Но къ чему мнѣ распространяться. По моему слабому разумѣнію, всѣ эти качества есть въ достопочтенномъ господинѣ Квикверрѣ, который, благодаря своему знанію языковъ, былъ бы тамъ очень полезенъ. Обѣщаю поддерживать его, по мѣрѣ

моей возможности, во всѣхъ трудностяхъ, какія окажутся,—и буду это дѣлать не только какъ его товарищъ, но и какъ слуга, и до тѣхъ поръ, пока всеблагому Богу угодно будетъ давать мнѣ жить и имѣть силы. Быть можетъ, кому нибудь представится, что не стоитъ учреждать миссіи въ такомъ мѣстѣ, которое подвергается заразительнымъ болѣзнямъ. Но кто такъ возражаетъ, тотъ пусть узнаетъ, что не только въ трехлѣтіе, но каждый годъ бываетъ повѣтріе у Хіоса, Смирны и у другихъ береговъ и на островахъ архипелага, на которыхъ однако существуютъ наши миссіи. Въ такія времена всѣ перебираются въ палатки, на свѣжій воздухъ, какъ это дѣлали и у насъ болѣе благоразумные въ прошедшемъ году. И я могъ бы послѣдовать ихъ совѣту и не потерять ни одной души, но теперь прямо признаюсь, что удержался подражать имъ; впрочемъ, быть можетъ, Богъ допустилъ это для большаго созиданія.

N. B. Вышеуказанное бѣдствіе—зараза не столько опасно для иностранцевъ, сколько для туземцевъ. Мы могли бы тамъ весьма хорошо обезпечить и себя и оказывать добрую услугу другимъ, если бы возможно было пріобрѣсти заграницей какую нибудь, такъ сказать, аптечку, въ которой были бы разныя противузаразныя средства, а также и тѣ лекарства, какія употребляются противъ скорбута. Желательно было бы также, чтобы миссіонеръ привезъ съ собою какіе нибудь подарки, какъ, напр., перспективы или другія издѣлія изъ стеколъ. Если бы онъ какъ нибудь пріобрѣлъ одни или двое круглыхъ маленькихъ часовъ,—великолѣпнѣйшее было бы дѣло! Такіе подарочки весьма полезны для поднесенія здѣшнимъ воеводамъ и татарскимъ мурзамъ. Они служатъ какъ бы ключемъ, которымъ можно открыть многіе ходы. Хорошо было бы, если бы онъ привезъ съ собою разныя выпуклыя стекла. Мы ихъ уже здѣсь приспособимъ. Чѣмъ больше онъ привезетъ сюда подобныхъ вещей, тѣмъ болѣе мы будемъ счастливы, и тѣмъ болѣе откроемъ себѣ случаевъ для дѣлъ во имя Бога. Хорошо было бы, если бы онъ привезъ сюда также какія нибудь не слишкомъ краснорѣчивыя, но апостольскія поученія. Здѣсь уже есть сочиненіе Сегнера, а также отца Тирама и Гастунга воскресныя и торжественныя рѣчи. Если бы кромѣ

того онъ привезъ съ собою сочиненія сильныхъ и горячихъ ораторовъ, то это также было бы хорошо. Не долженъ онъ также забыть взять нѣсколько сочиненій, пригодныхъ для обновленія духа и святаго подвижничества. Только бы онѣ были у него какъ нибудь спрятаны, тогда онъ можетъ безопасно провезти ихъ. Этими книгами онъ окажетъ намъ великую услугу. Пусть миссіонеры не боятся границы у Смоленска. Тамъ назначенъ губернаторомъ господинъ Салтыковъ, который не сдѣлаетъ имъ никакихъ непріятностей и не станетъ осматривать ихъ вещей. Пусть будутъ совершенно покойны, такъ какъ этотъ мужъ, во-первыхъ, расположенъ къ священнослужителямъ католической партіи, а во-вторыхъ, здѣсь уже не соблюдается больше обычай досматривать. Часто не осматриваются даже товары, и страна совѣмъ открыта для приходящихъ. Весьма хорошо было бы и, можно сказать, даже необходимо, чтобы миссіонеры сдѣлали съ своими именами тоже, что я сдѣлалъ съ моимъ. Если имъ данъ будетъ особенный паспортъ отъ августѣйшаго императора, то въ немъ ничего не нужно другого помѣщать, какъ: „NN священники, которыхъ мы дали капитанамъ и матросамъ, отправляющимся въ Московію“. Не нужно объяснять, что одинъ изъ нихъ останется въ Москвѣ, такъ какъ здѣшніе писцы и дьяки.—можно сказать, животныя. Они, изъ-за пустяшнаго дѣла, сейчасъ могутъ устроить затрудненіе, и если бы свѣтлѣйшій царь отсутствовалъ, то они надѣлали бы безпокойствъ. Лучше всего было бы, если бы его преосвященство снабдилъ ихъ рекомендательными письмами отъ свѣтлѣйшаго венеціанскаго дожа, въ которыхъ нѣтъ нужды писать имена, но вообще только рекомендовать миссіонеровъ, которые будутъ имѣть попеченіе о душевномъ спасеніи матросовъ. Это, повторяю, было бы лучше всего; но въ крайнемъ случаѣ достаточно имъ теперь удостовѣренія отъ господина капитана, и если они отправятся сюда вмѣстѣ съ нимъ, что всего болѣе желательно, то заграницей могутъ оставить всѣ заботы объ нихъ. Господинъ капитанъ, безъ сомнѣнія, предложитъ взять ихъ на собственный счетъ; но покорнѣйше прошу не принимать этого, такъ какъ я по опыту знаю, что если кто желаетъ быть другомъ итальянца, то пусть не трогаетъ его денегъ. Вся сила

теперь въ томъ, чтобы его преосвященство изволилъ взять на себя это дѣло и освободилъ господина капитана отъ всякихъ хлопотъ, а только увѣрилъ его, что священники прибудутъ къ нему, какъ только онъ возвратился изъ Венеціи въ Вѣну. Тогда онъ обязанъ доставить ихъ, потому что такъ мы съ нимъ договорились и таково рѣшительное мнѣніе офицеровъ, письма которыхъ находятся у меня, т. е., чтобы онъ все это дѣло передалъ въ руки его преосвященства. Я тоже достаточно внушалъ ему это. О томъ же, что за люди эти миссіонеры, ничего рѣшительно не слѣдуетъ говорить капитану; достаточно, чтобы старшіе подъ нимъ офицеры знали, что всѣмъ этимъ дѣломъ руководитъ его преосвященство кардиналъ Коллоничъ, что́ возбудитъ въ нихъ невообразимую радость, въ чемъ могу завѣрить со всею искренностію.

По моему слабому разумѣнію, я возлагаю большія надежды на эту миссію, такъ какъ дьяволъ поставилъ ей великія, весьма великія препятствія, которыя однако при помощи божіей разсѣялъ св. Михаилъ, въ праздникъ явленія котораго въ прошломъ году тамъ (въ Азовѣ) начали совершаться поистинѣ божескія дѣла, и что особенно удивительно, тотъ самый офицеръ, который раньше былъ моимъ заклятымъ врагомъ и весьма противенъ Богу, сталовится теперь почти главнымъ виновникомъ и двигателемъ этой миссіи, и способенъ совершить необычайныя дѣла во славу Бога. Я отказалъ было ему въ разрѣшеніи и въ причащеніи св. таинъ, потому что обязанъ былъ такъ сдѣлать, хотя бы пришлось и лишиться жизни, а онъ, подстрекаемый притомъ другими, пользуясь своей властью, довелъ меня до того, что я уже думалъ, что погибаю; но Богъ за это такъ поразилъ его несчастіями, что какъ бы объявилась передъ всѣми какая то сверхъестественная сила и онъ самъ передъ всѣми восклицалъ, что Богъ послалъ ему проклятіе за то, что онъ не причащался святымъ тайнамъ, что за это Богъ на него послалъ заразную болѣзнь. Лишь только я узналъ объ этомъ, то, не смотря на то, что самъ только что сталъ выздоравливать и чувствовалъ еще сильнѣйшую боль въ глазахъ, которую еще больше могъ усилить морской вѣтеръ, не могъ противиться божественному внушенію и не исполнить своей обязанности. Я поспѣшно отправился къ

нему въ открытой лодочкѣ и нашелъ его едва похожимъ на человѣка. Онъ съ трудомъ могъ владѣть собою отъ радости, когда увидѣлъ священника и, едва вѣря своимъ глазамъ, со слезами, рыданіемъ, повергся ницъ на землю, охотно соглашался дѣлать все, что ему внушаемо было дѣлать, и съ того времени онъ твердъ, ревностенъ и дѣлаетъ многое для славы Бога. Я приписываю эту милость душамъ, находящимся въ чистилищѣ, такъ какъ я постоянно поминалъ умершихъ въ этихъ странахъ въ тѣ времена, когда онѣ находились подъ властью венеціанцевъ, прежде чѣмъ турки взяли Константинополь, и поминалъ души нашихъ офицеровъ, убитыхъ при завоеваніи этихъ странъ.

XII. 1701 г. 25 ноября. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана. Безъ адреса. Подлинникъ.

Досточтимый отецъ покровитель! Я подробно описалъ наше положеніе многоуважаемому господину Эдеру и просилъ его переслать затѣмъ это письмо вашему достопочтеннѣйшему преподобію, поэтому не рѣшаюсь въ настоящемъ письмѣ снова наскучать вамъ. Но припадаю и теперь къ стопамъ достопочтеннѣйшаго вашего преподобія съ покорнѣйшею просьбой оказать намъ еще милостивое содѣйствіе и испросить у нашего римскаго главы, чтобы благоволилъ назначить еще двухъ священниковъ изъ нашей епархіи. На это получено полное согласіе со стороны свѣтлѣйшаго царя съ тѣмъ условіемъ, чтобы двое въ Москвѣ служили католикамъ, а двое въ Азовѣ и Таганрогѣ. Касательно частностей, которыя могутъ встрѣтиться, мы писали и его преосвященству господину кардиналу Коллоничу, и почтенному господину Эдеру. Необходимо, чтобы одинъ изъ миссіоперовъ остался вмѣсто меня въ Москвѣ а другой отправился бы со мною въ Азовъ. Такимъ распредѣленіемъ еще лучше, чѣмъ теперь, можно устроить наши дѣла и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, а такъ какъ Москва начинаетъ уже принимать другой видъ, устраиваются уже высшія школы, представляются случаи къ схоластическимъ спорамъ и открываются сношенія съ нами вельможъ, то весьма

важно, чтобы здѣсь былъ у насъ кто либо знаменитый, кто могъ бы съ достоинствомъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ, но въ тоже время былъ бы человѣкомъ съ извѣстной мудростью, способнымъ и въ послѣдствіи помогать всѣмъ намъ своимъ совѣтомъ и опытностью. Сверхъ того необходимо, чтобы страсти были у него хорошо укрощены и чтобы кромѣ другихъ твердыхъ добродѣтелей, онъ въ особенности обладалъ терпѣніемъ и постоянствомъ даже въ такихъ случаяхъ, когда бы оказалась какая либо неудача, а прежде всего, чтобы онъ не былъ угрюмъ, но былъ бы приличновеселаго характера.

До сихъ поръ мы кое какъ могли удовлетворять потребностямъ и Богъ посылалъ намъ особенную свою помощь; но теперь, когда представляется случай предпринять лучшія мѣры къ устройству дѣлъ, какія могутъ представиться, то и отецъ Іоаннъ и я считали себя обязанными смиренно представить это на усмотрѣніе вашего достопочтеннѣйшаго преподобія. Хотя я съ боязнію это дѣлаю, однако надѣюсь, что вы, достопочтеннѣйшій отецъ, не примете дурно, если я рѣшусь съ должнымъ смиреніемъ назвать лицо, которое при настоящихъ обстоятельствахъ могло бы быть въ высшей степени полезнымъ въ Москвѣ и для всѣхъ насъ было бы твердою опорою и утѣшеніемъ. Таковымъ, именно, былъ бы достопочтенный Іоаннъ Штейеръ, который притомъ знаетъ оба языка, знакомъ съ спорными вопросами касательно лютеранъ и кальвинистовъ и со многими другими вещами. За это, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ извѣстно, онъ пользуется большимъ уваженіемъ въ епархіи; но я утѣшаюсь тою увѣренностію, что и епархія будетъ думать и заботиться объ этой странѣ, выступающей теперь изъ мрака, и обсудитъ, какъ необходимо, чтобы здѣсь поставленъ былъ какой либо знаменитый человѣкъ. Думаю, что едвали и можно найти кого другого, въ комъ при бодромъ возрастѣ такъ совмѣщалось бы все, нужное для этого мѣста.

Надѣюсь, вы, достопочтеннѣйшій отецъ, простите мнѣ, что я осмѣлился это предложить. Хотя все это представилось намъ послѣ тысячекратныхъ размышленій, но вы сдѣлаете

лучше, и чтобы вы ни сдѣлали. мы примемъ съ глубочайшимъ смиреніемъ.

Отецъ Іоаннъ принесъ великую пользу и славу миссіи обученіемъ московскихъ дворянъ. хотя это дѣло требовало великаго терпѣнія и мужества. Этимъ способомъ весьма многимъ изъ вельможъ открылась дорога къ тому, что они пріобрѣли извѣстность. Богъ да вознаградитъ его за это и благословитъ! Теперь мы пользуемся расположеніемъ и старыхъ людей, такъ какъ они видятъ свою пользу и вся наша жизнь проходитъ передъ ихъ глазами, такъ какъ тѣ дворяне живутъ съ нами, какъ бы въ небольшой семинаріи, и недавно самъ свѣтлѣйшій государь, какъ намъ разсказывали, защищалъ эту школу передъ нѣкоторыми нашими врагами. Поэтому то никакъ не слѣдуетъ двигать отца Іоанна изъ Москвы: притомъ его физическія силы недостаточно крѣпки, да и гораздо лучше, чтобы хотя одинъ изъ насъ, уже знающій здѣшнія дѣла, остался въ Москвѣ.

Что касается моего товарища, котораго я желалъ бы взять въ Азовъ, то полагаю, не встрѣчу затрудненій со стороны достопочтеннѣйшаго вашего преподобія, если рѣшусь просить за почтеннаго отца Квиквера, который кромѣ того, что крѣпокъ тѣлесными силами, обладаетъ еще знаніемъ языковъ и всѣми другими качествами, какія для этого мѣста нужны При божіей милости и помощи можетъ быть не только та польза, какую онъ будетъ приносить морякамъ, но и польза тѣмъ юношамъ, которые еще въ дѣтствѣ были увезены изъ Австріи и Венгріи и нынѣ разбросаны между татарами и казаками, а также плѣннымъ, находящимся въ Крыму, такъ какъ и тамъ будутъ приставать корабли и такъ какъ и сухопутьемъ ведется торговля съ кубанцами, ногайцами и дагестанцами. Кто знаетъ, какія дѣла и тамъ совершитъ всемогущій Богъ? Кромѣ того по той степи, которая выше Азова простирается на востокъ и на западъ, съ разрѣшенія свѣтлѣйшаго царя, постоянно бродятъ калмыки—язычники, и изъ нихъ можно пріобрѣсть нѣсколько душъ. Величайшая же моя надежда заключается въ томъ, чтобы, оставивъ товарища въ Азовѣ, самому мнѣ отправиться съ моряками въ Астрахань. гдѣ собирается самая большая часть купцовъ изъ великой

Татаріи, а также изъ Монголіи, Газаррати (Герата?) и отдаленныхъ мѣстностей Индіи. Я надѣюсь, что это путешествіе было бы не безъ пользы. Мы смиреннѣйше молимъ Бога, чтобы благоволилъ подкрѣплять нашего свѣтлѣйшаго государя самыми усердными совѣтами со стороны его приближенныхъ, чтобы божія благость освободила его отъ всякаго препятствія получить благодатные дары и ущедрила его своимъ благословеніемъ.

Касательно дѣла, которое мы представляемъ на ваше усмотрѣніе, мы покорнѣйше просимъ, чтобы тѣ, кому будетъ поручено проводить его, старательно соблюдали секретъ, и хорошо было бы, если бы вы, достопочтеннѣйшій отецъ, сообщили кое что и нашимъ въ Римъ, вслѣдствіе тѣхъ причинъ, которыя подробнѣе изложены въ письмѣ къ достопочтенному господину Эдеру.

Я чуть было не забылъ прибавить, что эта миссія (въ Азовѣ) учреждается не на нѣсколько лишь лѣтъ, а продолжится до тѣхъ поръ, пока будетъ миссія въ Москвѣ, такъ какъ подано было прошеніе и отъ сухопутныхъ и отъ морскихъ офицеровъ, которые тамъ будутъ оставаться всю жизнь, а когда Богъ дастъ, что свѣтлѣйшій царь устроитъ тамъ свободный портъ, то и другіе еще будутъ вызваны (изъ заграницы).

Смиреннѣйше поручая себя отеческой милости, я покорнѣйше прошу удостоить своего благорасположенія и милостивѣйше помочь въ этомъ дѣлѣ, намъ, всегда, помнящимъ ваше достопочтеннѣйшее преподобіе, какъ и слѣдуетъ по нашему долгу. Достопочтеннѣйшаго вашего преподобія недостойный кліентъ, отецъ Францискъ Эмиліанъ, императорскій миссіонеръ въ Москвѣ. Москва 25 ноября 1701 г.

XIII. 1702 г. 8 февраля. (Вѣна). Письмо Іоанна Эдера. Безъ адреса. Подлинникъ.

Почтенный во Христѣ отецъ, начальникъ провинціи! Сегодня славнѣйшій господинъ баронъ де-Штернбергъ взялъ на себя заботу переслать изъ Рима во Вратиславъ руку св. муче-

ника Сатурнина, которую кавалеръ (?) Михаилъ Гютперъ высылаетъ для нашей лигницкой церкви.

Его превосходительство господинъ генералъ Рейнгравій далъ мнѣ знать, что онъ на этой недѣли передастъ сто имперіаловъ для отца Даніила Ширера, капеллана своего полка.

Вчера я говорилъ съ его преосвященствомъ кардиналомъ Коллоничемъ о назначеніи новыхъ миссіонеровъ въ Москву. Онъ догадывается, что отецъ Миланъ имѣетъ въ виду не Азовъ, а замышляетъ путешествіе въ Китай, куда путь чрезъ Московію весьма кратокъ, а касательно издержекъ на миссіонеровъ сказалъ, что сообщитъ мнѣ обстоятельнѣе, когда возвратится изъ Венеціи господинъ капитанъ, который еще до отъѣзда въ Венецію сказалъ ему, кому слѣдуетъ поручить новыхъ миссіонеровъ. Сказалъ мнѣ также по собственному побужденію почтенный отецъ Гавріилъ Гавепей, ректоръ (коллегіи) при церкви св. Анны, наставникъ новиціевъ и духовникъ его преосвященства, что послѣдній позаботится о денежныхъ на это средствахъ.

Что касается того, чтобы поскорѣе было назначено содержаніе для двухъ миссіонеровъ, находящихся въ Москвѣ, и чтобы то, что будетъ назначено, направлено было къ итальянскому купцу-католику, то я написалъ объ этомъ славнѣйшему господину барону де Нейдгардту, вицепрезиденту силезской камеры, который, когда былъ недавно въ Вѣнѣ, получилъ обѣщаніе, что, если откроется вакансія, ему предоставлена будетъ должность президента силезской камеры.

Смиреннѣйше поручаю себя вашимъ молитвамъ и остаюсь вашего почтеннаго преподобія, рабъ во Христѣ, Іоаннъ Эдеръ. Вѣна. 8 февраля. 1702 года.

XIV. 1702 г. 10 марта стар. ст. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана. Безъ адреса. Подлинникъ.

Достопочтеннѣйшій и досгоуважаемый покровитель! Отъ возвратившагося здѣшняго антекаря я получилъ посланныя вами, высокоуважаемый отецъ, книги всѣ, по списку. Между ними я нашелъ такую книгу, которую особенно желалъ имѣть, именно, о почтенномъ Симонѣ Пражскомъ. За нее при-

шу вамъ особенную благодарность. Календарь Тырнавскій я едва одинъ день имѣлъ въ рукахъ. Я долженъ былъ какъ его, такъ и ту книгу съ любопытными изслѣдованіями оставить у господина вице-патріарха.

Много разъ писалъ я вашему преподобію и при различныхъ случаяхъ. Это я дѣлалъ для того, чтобы, если въ эти смутныя времена одно письмо не дойдетъ, то, по крайней мѣрѣ, дошло бы другое. Прошу не ставить намъ въ вину, если мы часто просимъ слишкомъ многаго и надоѣдаемъ вамъ. Мы просимъ большаго для того, чтобы если не все получить, то, по крайней мѣрѣ, хотя нѣчто. Въ послѣдній разъ я писалъ вамъ черезъ нѣкоего морского капитана-итальянца, по имени Луку, о которомъ прошелъ было слухъ, что онъ убитъ въ Литвѣ, но теперь прибылъ изъ Варшавы одинъ итальянецъ, который утверждаетъ, что нашелъ его въ Варшавѣ въ добромъ здравіи и говорилъ съ нимъ. Изъ того письма ваше преподобіе увидите, какъ сильно желаютъ моряки и другіе офицеры имѣть у себя миссіонеровъ. Мы писали оба и желали, чтобы пріѣхалъ достопочтенный господинъ Штейперъ и остался въ Москвѣ; но, если имѣть въ виду всѣ дѣла, то пришлось бы сожалѣть, если бы сюда былъ присланъ кто-либо весьма дорогой, который могъ бы быть полезнѣе въ болѣе цивилизованной, чѣмъ эта страна, гдѣ до сихъ поръ нельзя предусмотрѣть, на что намъ собственно слѣдуетъ надѣяться или чего опасаться. Надѣюсь, Богъ особеннымъ образомъ внушитъ вашимъ преподобіямъ, что именно нужно дѣлать. Но кто бы ни былъ назначенъ, пусть онъ остается въ Москвѣ, и если когда либо, то теперь особенно нужно, чтобы онъ былъ хорошимъ утраквистомъ [48]).

Касательно высшихъ наукъ я недавно писалъ, что желательно, чтобы былъ кто-нибудь, основательно изучившій ихъ; но теперь, при дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ вице-патріархомъ, я нашелъ это менѣе необходимымъ. Здѣсь сначала создали ему большую славу, и мы сами признавали его болѣе ученымъ, чѣмъ онъ есть, когда услышали, что онъ въ теченіе двухъ курсовъ излагалъ богословіе; но теперь, если сказать настоящую правду, я не признаю его выше даже меня, особенно послѣ того, какъ я (на диспутѣ) обстоятельнѣе его изложилъ сущность ученія о Троицѣ, и самъ

могъ замѣтить и прекрасно видѣлъ, что на меня смотрятъ, какъ на побѣдителя, и самъ вице-патріархъ публично назвалъ меня ученымъ и хорошимъ богословомъ, что̀ мы должны были видѣть еще яснѣе. Я желалъ бы переслать вамъ его возраженіе и проч., но теперь мнѣ невозможно списать его, поэтому я вынужденъ отложить это до другого случая. До сихъ поръ на диспутахъ шла рѣчь объ исхожденіи Святаго Духа отъ обоихъ лицъ (Отца и Сына), какъ на основаніи умственныхъ доказательствъ, такъ и на основаніи текстовъ; но тексты мнѣ доставили продолжительную и трудную работу, такъ какъ нужно было и постоянно читать и въ тоже время розыскивать сочиненія святыхъ греческихъ отцевъ, а теперь въ этой странѣ пока еще нѣтъ достаточно книгъ. Но, если благополучно начнется плаваніе купцовъ изъ Азова, то мы уже условились, чтобы намъ привезли тѣ книги за умѣренную цѣну изъ Константинополя, если, конечно, у насъ будутъ деньги и наше содержаніе не будетъ никогда задерживаться. Теперь вице-патріархъ желаетъ поднять другой споръ,— о главѣ церкви, если только ничего не представится для спора по первому вопросу; но, благодареніе Богу, я хорошо подготовился и для этого новаго спора.

Покорнѣйше просимъ ваше преподобіе, благоволите опять позаботиться, чтобы наше содержаніе приходило къ намъ во время. Оно намъ крайне нужно, такъ какъ мы сдѣлали много расходовъ на постройку нѣсколькихъ болѣе обширныхъ спаленъ для помѣщенія князей и дворянъ, учащихся у насъ. Въ числѣ этихъ юношей есть и близкіе друзья свѣтлѣйшаго царя, какъ Нарышкины и Апраксины. Имъ нельзя было отказать, а нужно было устроить все, что было возможно, чтобы они могли жить у насъ. Мы должны устроить еще одну комнату для имѣющихъ прибыть къ намъ князей Головкиныхъ, отецъ которыхъ есть, такъ сказать, зрачекъ въ глазу свѣтлѣйшаго царя. Кромѣ того мы должны были отнять у себя часть нашихъ средствъ, чтобы удовлетворить нужды нашей церкви, для которой почти никто уже не даетъ, такъ какъ наши старѣйшины уже умерли; да еще мы тратимъ на содержаніе пяти юношей, дѣтей нашихъ католиковъ, которыхъ необходимо держать для услуженія въ

церкви, для выходовъ, а также и для того, чтобы они помогали наставнику въ музыкѣ. Покорнѣйше просимъ, да благоволятъ позаботиться объ насъ, особенно въ эти времена, когда, какъ мы полагаемъ, трудно будетъ достать изъ заграницы денегъ, чтобы намъ не пришлось по необходимости прервать дѣло, начатое для славы Бога.

Отецъ Іоаннъ уже далъ три небольшихъ представленія, правда, коротенькихъ, но по исполненію юношами оказавшихся весьма изящными, къ великой радости здѣшняго дворянства, которое присутствовало. Мы придумали приспособленія къ комическому представленію, стоющія вниманія уже за одинъ тяжкій трудъ. Оно многимъ здѣшнимъ показалось удивительнымъ, такъ какъ они никогда не видали ничего подобнаго.

Благоволите ваше преподобіе, насколько сочтете возможнымъ, опять похлопотать о миссіонерахъ для Азова. Крайняя тамъ нужда въ нихъ. Оттуда то и дѣло пишутъ и просятъ. Боюсь, какъ бы средства на содержаніе ихъ не замедлили этого дѣла. Если бы у меня былъ готовый на всякія трудности товарищъ, то я рѣшился бы охотно жить тамъ, при какихъ угодно малыхъ средствахъ но, быть можетъ, меньше будетъ пользы, если я буду обязанъ людской милости.

Нѣкоторые пришельцы изъ Англіи и Голландіи пытались ввести здѣсь преподаваніе философіи Декарта и какого-то Локка, и нѣкоторые изъ здѣшнихъ, хотя не понимали дѣла, но были увлечены и тѣмъ, что имъ расхваливали ихъ, и какъ новинкой; однако Богъ послалъ намъ счастливый случай сойтись съ ними, къ чему подстрекалъ и одинъ вельможа. Прежде всего они возстали противъ схоластическихъ терминовъ и аргументацій. Я обѣщалъ не пользоваться схоластическими терминами: съ формальной стороны, съ существенной и пр.; но не могъ допустить исключенія всѣхъ схоластическихъ доказательствъ, когда и самъ Декартъ (котораго я уже досталъ себѣ) первый свой принципъ сразу предлагаетъ въ формѣ схоластической аргументаціи именно: „я думаю, слѣдовательно я существую“. Поэтому они согласились, что мы во всякомъ случаѣ можемъ употреблять энтимему. И такъ, говорю, будемъ спорить объ этомъ самомъ принципѣ, который Декартъ называетъ первымъ, а я отрицаю, доказывая противное та-

кимъ образомъ: существуетъ нѣчто раньше этого принципа, поэтому онъ не есть первый. Идя затѣмъ далѣе, я доказывалъ: бытіе, разсматриваемое само въ себѣ, существуетъ прежде его проявленія, поэтому слѣдуетъ, что мышленіе есть проявленіе, слѣдов. бытіе прежде существуетъ, отсюда — не мышленіе слѣдуетъ считать первымъ принципомъ, но бытіе. Несмотря на то, что это доказательство пустое и не опровергаетъ Декарта, мои противники, къ удивленію, пришли здѣсь въ недоумѣніе и простно хотѣли защищать, что во всякомъ смыслѣ выраженіе: думаю есть первый принципъ. Поэтому видя, что мы имѣемъ дѣло съ людьми малоопытными, прямо имъ показали, конечно вѣжливымъ образомъ, что они не понимаютъ даже самаго начала философіи Декарта, потому что Декартъ говоритъ здѣсь не о какомъ нибудь принципѣ, но о началѣ, т. е. о томъ, съ чего начинается философствованіе, или иначе о томъ, что̀ въ области понимаемаго прежде всего воспринимается,—таково, говоритъ онъ, есть мышленіе, не о томъ или другомъ предметѣ мышленіе, а отвлеченное, которое само себя усматриваетъ, и отсюда уже онъ заключаетъ о бытіи и проч. Этимъ ударомъ ихъ авторитетъ почти совсѣмъ уничтоженъ. Что касается Локка, то я въ немъ вижу скорѣе атеиста, чѣмъ философа. Милосердный Боже! какихъ чудовищъ сюда часто привозятъ! Другой сочинитель привезенъ изъ Голландіи; онъ кромѣ другихъ вещей упорно защищаетъ физическую истину о стояніи солнца и подвижности земли. Мы имъ разъяснили, какая разница между гипотезой и истиной на дѣлѣ, въ природѣ, и показали, что и при неподвижности свѣчи и движеніи шара, и при неподвижности шара и движеніи свѣчи происходятъ одни и тѣже явленія, слѣдовательно этимъ путемъ не надежно выводить, что это есть истина и что такъ есть въ природѣ, какъ намъ представляется. Однако они пожелали, чтобы то ученіе было опровергнуто съ аргументами, и это задало намъ весьма большую и трудную работу.

Такимъ образомъ, достоуважаемый господинъ, мы дѣлаемъ, что можемъ, а Богъ дѣлаетъ за насъ то, чего мы не можемъ сдѣлать. О, если бы пріѣхалъ сюда какой нибудь посолъ и привезъ съ собою священника, который бы нѣкоторое время исполнялъ мои обязанности, а я могъ бы выѣхать къ офице-

рамъ. Мы узнали изъ идущаго откуда-то слуха, будто достопочтеннѣйшій господинъ Гонзалецъ скончался; не знаемъ, правда-ли это? Смиреннѣйше поручаю себя вашему преподобію, покорнѣйшій кліентъ, Францискъ Эмиліанъ.

XV. 1702 г. 1 апрѣля. Вѣна. Письмо Іоанна Эдера. Безъ адреса. Подлинникъ.

Почтенный во Христѣ отецъ провинціалъ! Вчера я получилъ изъ Риги отъ отца Каспара Паше письмо, которое прилагаю [49]) для вашего свѣдѣнія на случай, если бы славнѣйшій графъ Цинзендорфъ, членъ здѣшняго военнаго совѣта, дѣйствительно пожелалъ имѣть этого отца при себѣ въ Швеціи. Теперь ни онъ самъ, ни кто либо другой не просятъ меня объ этомъ. Если затѣмъ будетъ просьба, отнесусь, какъ и обязанъ, къ вамъ.

О согласіи на посылку двухъ миссіонеровъ въ Москву, полученномъ отъ достоуважаемаго нашего отца (генерала іезуитовъ), я сообщилъ его преосвященству кардиналу Коллоничу. Онъ отвѣчалъ, что желаетъ самъ позаботиться о фундушѣ для содержанія ихъ, чтобы миссія была прочна, что онъ снесся съ тѣмъ капитаномъ, который теперь живетъ въ Венеціи и намѣревается отвезти съ собою въ Московію тѣхъ двухъ миссіонеровъ, чтобы онъ увѣдомилъ заблаговременно письмомъ о времени своего возвращенія въ Вѣну, и что по полученіи этого увѣдомленія его преосвященство сообщитъ черезъ меня вашему преподобію, чтобы вы послали туда двухъ новыхъ миссіонеровъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ я привелъ къ его преосвященству двухъ отступниковъ,—одного брата—ланка, по народности моравянина изъ ордена босыхъ кармелитовъ, бѣжавшаго изъ польскаго монастыря и направленнаго нашими изъ Вратислава и Знойма [50]) ко мнѣ. Его преосвященство помогъ ему, что монахи того же ордена вновь его приняли, не подвергая наказанію. Другого я привелъ священника, изъ ордена св. Франциска, посланнаго нашими изъ Ниссы. За него до сихъ поръ

еще хлопочетъ его преосвященство. Онъ же въ прошломъ году возвратилъ отцамъ капуцинамъ одного клирика, родомъ чеха, бѣжавшаго изъ монастыря, и тоже выпросилъ ему освобожденіе отъ наказаній. Отецъ Папе при моемъ посредничествѣ пришлетъ еще четвертаго изъ Риги.

Сегодня я вторично говорилъ славнѣйшему господину генералу Рейнгравію объ отцѣ Даніилѣ Шпрерѣ, будущемъ полковомъ капелланѣ, и такъ какъ полку назначено было прежде остаться въ имперіи, то этому отцу приказано было быть въ Прагѣ; теперь же, когда полку приказано отправиться въ Италію, этотъ отецъ будетъ вызванъ въ Сопронію, а сто имперіаловъ генералъ обѣщалъ внести въ продолженіи пяти дней, о чемъ я и извѣщаю отца Шпрера. Смиреннѣйше поручаю себя молитвамъ и остаюсь вашего преподобія рабъ во Христѣ, Іоаннъ Эдеръ. Вѣна, 1 апрѣля 1702 года.

XVI. 1702 г. 18 мая. Шемаха. Письмо отца Іоанна Ламаца, члена общества Іисуса, къ отцу Эмиліану, іезуиту въ Москвѣ. Подлинникъ.

Многоуважаемый господинъ! Не знаю, какъ мнѣ благодарить тебя за столь великое доказательство твоей дружбы ко мнѣ, которую ты проявилъ въ твоемъ письмѣ, писаномъ въ августѣ мѣсяцѣ. Я полагалъ, что ты уже давно уѣхалъ въ Германію, и весьма радъ, что ошибся въ своемъ предположеніи. Я увѣренъ, что еще нѣсколько разъ твои письма доставятъ мнѣ хотя нѣкоторое утѣшеніе и прошу тебя не жалѣть, что будешь исполнять эту дружескую обязанность.

О Тибетѣ я совершенно ничего не слышалъ, ни въ Испаніи впродолженіе 26 лѣтъ, ни здѣсь впродолженіе 12 лѣтъ. Процвѣтаетъ, какъ нельзя лучше, миссія въ Китаѣ, въ особенности благодаря величайшей щедрости миссіонерамъ христіаннѣйшаго короля. Наши отцы много и съ величайшей пользой трудятся въ Мадурѣ. Въ Пондишери при Бенгальскомъ морѣ находятся наши купцы французы съ отборнымъ отрядомъ миссіонеровъ; уже въ третій разъ французскій король отправилъ достопочтеннаго отца Захарда въ Сіамъ со многими

отцами изъ нашего общества, но я еще не получилъ извѣстія, что сдѣлано въ томъ королевствѣ. Въ Георгіи и государствѣ Гангіи ревностно обробатываютъ виноградникъ Господа достопочтенные отцы-капуцины, посланные въ эти варварскія страны конгрегаціей для распространенія вѣры. Мы любезно принимаемъ здѣсь пришельцовъ и купцовъ различныхъ народностей, и, насколько можемъ, поддерживаемъ ихъ благочестіе священнодѣйствіемъ литургіи, совершеніемъ другихъ таинствъ и проповѣдями, которыя я каждый воскресный день говорю на турецкомъ языкѣ. Патріархъ Симеонъ и архіепископъ Исаія насъ весьма любятъ и не смотрятъ съ отвращеніемъ на католическую религію; одинъ изъ нихъ даже самъ— католикъ, но тайный страха ради іудейска и фарисейска.

Впродолженіе цѣлаго мѣсяца у насъ было здѣсь довольно сильное землетрясеніе, которое каждую ночь три или четыре раза потрясало дома. Такъ какъ армяне въ торжественной процессіи пошли на вершину горы, чтобы тамъ помолиться и просить милосердія у Бога, чтобы избавилъ городъ отъ такой опасности, то должны были заплатить наложенный на нихъ губернаторомъ штрафъ почти въ двѣсти томановъ.

Безъ сомнѣнія, ваше преподобіе слышали объ ужаснѣйшемъ кораблекрушеніи, которое потерпѣли купцы и другіе плывшіе изъ Астрахани, а также и тѣ, что туда отправлялись. Погибло товаровъ почти на двѣ тысячи томановъ. Они не были поглощены моремъ, такъ какъ само море выбросило ихъ на берегъ, но все, что пощадило море, разграбили съ необыкновеннымъ вѣроломствомъ разбойники. Кое-что было получено назадъ, но за большія деньги и послѣ величайшихъ хлопотъ.

Копхинъ, котораго посылалъ въ Индію царь Петръ, умеръ здѣсь въ Шемахѣ, 24 января и, можно сказать, по своей винѣ, потому что, будучи нѣсколько боленъ, слишкомъ много ѣлъ рыбы [51]). Онъ велъ оттуда великому московскому князю слона, и это изумительное животное, не виданное до сего времени въ этихъ странахъ, доставляетъ жителямъ Шемахи огромнѣйшее удовольствіе.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней въ началѣ марта здѣсь видна была комета, а потомъ она исчезла.

Господинъ Аведикъ, везшій отъ польскаго короля письмо къ персидскому царю, отправился около 6-го марта въ Испагань.

Здѣсь былъ у насъ въ нашемъ домѣ и впродолженіе нѣсколькихъ дней бесѣдовалъ съ нами господинъ Франци лютеранинъ. Я не спрашивалъ его, по какому дѣлу онъ прибылъ сюда; но принялъ его, какъ друга, такъ какъ его рекомендовалъ мнѣ господинъ Мейеръ. Онъ уѣхалъ въ Ничову и черезъ нѣсколько дней опять вернется сюда. Поручая себя святымъ молитвамъ вашего преподобія и вашего товарища, остаюсь смиреннѣйшій рабъ во Христѣ. Іоаннъ Баптистъ Ламаце—іезуитъ. Почтенному господину Эмиліани, достойнѣйшему императорскому миссіонеру, въ Москву.

XVII. 1702 г. 24 мая. Вѣна. Письмо Іоанна Эдера.

Безъ адреса. Подлинникъ.

Почтенный во Христѣ отецъ провинціалъ! Съ сыновнею любовью упрашиваю ваше преподобіе дозволить праздновать наступающій 30 мая день рожденія лица великаго имени Фердинанда. Въ этотъ день, равно какъ и въ два послѣдующіе, я буду на трехъ обѣдняхъ возносить Богу молитвы о долговѣчномъ здоровьи вашего преподобія.

Представляю вашему преподобію прилагаемое здѣсь письмо изъ Москвы. Его мнѣ доставилъ 21 числа настоящаго мѣсяца славнѣйшій господинъ де-Гваріентъ, которому оно вручено было съ адресомъ на мое имя [52]). 22 числа этого мѣсяца я представлялъ это письмо его преосвященству кардиналу Коллоничу, и онъ сказалъ мнѣ, что дѣйствительно въ Вѣнѣ находится возвратившійся изъ Венеціи господинъ капитанъ Лука, но что, при настоящихъ обстоятельствахъ, когда шведскій король спѣшитъ съ войскомъ въ Варшаву, а Польша и Москва находятся въ смятеніи, онъ не можетъ послать съ этимъ капитаномъ новыхъ отцевъ-миссіонеровъ, какъ думалъ было это сдѣлать. При этомъ кардиналъ прибавилъ, что онъ желалъ бы уплатить издержки, употребленныя на нашихъ миссіонеровъ въ Гольдбергѣ, а тамошній храмъ, о которомъ онъ хлопочетъ, могъ бы быть возвращенъ маль-

тійскому ордену до того времени, когда можно будетъ поставить тамъ католическаго приходскаго священника. Если бы вашему преподобію угодно было что-либо переслать отцамъ миссіонерамъ, находящимся въ Москвѣ, какъ объ этомъ вы намекали въ прежнихъ письмахъ, то благоволите изъ Праги, или изъ другого мѣста направить ко мнѣ въ Вѣну, потому что, хотя господинъ капитанъ Лука старается въ скоромъ времени уѣхать изъ Вѣны, но предлагаетъ также свои услуги славнѣйшій господинъ де-Гваріентъ, который постоянно ревнуетъ о нашей миссіи и, что̀ ему по силамъ, пріобрѣтаетъ на свои деньги и тайно направляетъ для безопасной доставки въ Москву. Смиреннѣйше поручаю себя молитвамъ и остаюсь вашего преподобія рабъ во Христѣ, Іоаннъ Эдеръ. Вѣна. 24 мая 1702 года.

XVIII. 1702 г. 1 сентября. Шемаха. Письмо Іоанна Баптиста Ламаца, іезуита, къ отцу Эмиліану, миссіонеру въ Москвѣ. Подлинникъ.

Достопочтенный господинъ! Вѣроятно, ваше преподобіе получите заразъ два моихъ письма, потому что первое я уже много времени тому назадъ отдалъ Іоашу, сыну Нозарета, а теперь слышу, что онъ отправится въ Москву съ господиномъ Саррать, который передастъ тебѣ это новое письмо. Бонавентура—нашъ католикъ недавно прибылъ сюда изъ Астрахани. Я надѣялся, что онъ привезетъ мнѣ какое-нибудь письмо отъ тебя, но моя надежда оказалась напрасной, и чтобы мнѣ узнать, что дѣлается въ Европѣ и что дѣлаетъ твое преподобіе, придется ждать почти цѣлый годъ. Мы рѣшительно ничего не знаемъ даже о военныхъ дѣлахъ, что и какъ дѣлается, даже не знаемъ, есть ли война.

Гавризскіе (?) христіане армяне подвергаются сильнымъ притѣсненіямъ отъ турокъ, и чтобы лучше распознавать армянъ, имъ приказано пришивать къ суконной шапкѣ кусокъ фіолетоваго цвѣта и не позволяется выходить изъ дому, когда наступаетъ дождь или на улицахъ грязь. И въ Испагани, и въ другихъ мѣстностяхъ этой части Персіи употребляютъ всѣ

усилія, чтобы люди отрекались отъ христіанскаго закона. Ко мнѣ также писали нѣкоторые миссіонеры, что всѣ миссіи въ турецкихъ странахъ колеблются, такъ какъ несчастные невѣрные уже не боятся никого. Даже въ Шемахѣ армяне подвергаются разоренію мѣрами, достойными удивленія. На нихъ безъ всякой причины налагаются штрафы, а крестьяне до такой степени угнетены, что всѣ почти подумываютъ уходить изъ городовъ (селъ?), и если бы у нихъ было въ виду какое нибудь безопасное убѣжище, то рѣшительно ни одинъ бы не остался.

Нашу маленькую церковь часто посѣщаютъ иноземные купцы. Нѣсколькихъ рабовъ и мальчиковъ мы просвѣщаемъ крещеніемъ, но едва одинъ, другой изъ нихъ дѣлаются нашими схоластиками. Большимъ утѣшеніемъ и подспорьемъ служило бы намъ строеніе европейскихъ кораблей и прибытіе ихъ къ нашимъ берегамъ, если бы начальники кораблей и матросы были католики; но до сихъ поръ здѣсь всѣ, кого мы ни видѣли, преданнѣйшіе приверженцы лютеранской секты. Есть, впрочемъ, между ними нѣсколько весьма почтенныхъ и весьма образованныхъ. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ господинъ Мейеръ; за нимъ ближе всѣхъ слѣдуетъ господинъ Франги, о которомъ нѣкоторые думаютъ, что онъ министръ. Я принималъ его въ нашъ домъ и нѣсколько времени обращался съ нимъ, какъ съ братомъ и нашимъ домашнимъ человѣкомъ.

Изъ товаровъ, разграбленныхъ бакинцами послѣ кораблекрушенія, которое потерпѣли армяне, немного вещей возвращено, но изъ жемчужинъ и драгоцѣнныхъ камней рѣшительно ничего не отыскано.

Двое польскихъ отцевъ изъ нашего ордена уже три мѣсяца живутъ въ Эриванѣ, но мнѣ до сихъ поръ еще неизвѣстно, останутся-ли они тамъ, или отправятся въ другое мѣсто. Достопочтенный отецъ Запольскій часто мнѣ посылаетъ письма изъ Константинополя, всегда увѣряетъ, что сюда пріѣдетъ, и однако не является.

Господинъ мой! Ты доставишь мнѣ особенное удовольствіе, если что нибудь напишешь всякій разъ, какъ будетъ тебѣ возможно, не утруждая себя. Мы сокрыты въ этомъ углу

свѣта, и нѣтъ у насъ кромѣ Христа никакого другого утѣшенія, кромѣ частыхъ писемъ отъ сочувствующихъ намъ друзей. Кланяюсь весьма многоуважаемому твоему товарищу. Помолитесь за меня, прошу васъ, да проститъ мнѣ Богъ всѣ мои прегрѣшенія; помолитесь, чтобы онъ обратилъ этихъ армянъ. Этого только я желаю всего болѣе, достопочтенный мой господинъ. Рабъ во Христѣ Іоаннъ Баптистъ Ламацеіезуитъ.

XIX. 1 марта 1702 г. Вѣна. Письмо Іоанна Эдера. Безъ адреса. Подлинникъ.

Почтенный во Христѣ отецъ начальникъ провинціи! Сегодня я отправляю ввѣренное мнѣ вашимъ преподобіемъ письмо къ отцу Георгію Пруксели.

Я снова говорилъ его преосвященству кардиналу Коллоничу о дѣлѣ отца Милана, а также объ отправленіи новыхъ миссіонеровъ съ капитаномъ Лукой и объ издержкахъ на это. Кардиналъ отвѣтилъ мнѣ, что въ свое время увѣдомитъ меня и обо всемъ сдѣлаетъ надлежащее распоряженіе.

Славнѣйшій господинъ баронъ Нейдгардтъ на мой запросъ о скорѣйшемъ доставленіи содержанія московскимъ миссіонерамъ отвѣтилъ письмомъ отъ 16 февраля, что онъ распорядился, чтобы, не ожидая дальнѣйшаго приказанія, имъ были уплачиваемы аккуратно черезъ каждые полгода означенныя деньги и что такое распоряженіе передано черезъ императорскаго резидента господина Плейера. Я сообщилъ это письмо его преосвященству, который поручилъ мнѣ отъ его имени благодарить славнѣйшаго господина барона Нейдгардта и вмѣстѣ съ тѣмъ заявить ему, что господинъ Плейеръ и теперь не резидентъ императорскій и не будетъ имъ, и что будетъ благоразумнѣе передавать это содержаніе черезъ посредство итальянскаго купца Васконсъ (Гаскони?), какъ дѣлалось въ прошломъ году. Порученіе это я исполнилъ и написалъ письмо, но еще не имѣю отвѣта. Его преосвященство узналъ изъ письма, полученнаго изъ Москвы [53]), что не будетъ никакой пользы, если Плейеръ сдѣлается императорскимъ резидентомъ, и потому онъ старается воспрепятствовать этому.

Я говорилъ съ знаменитѣйшимъ господиномъ генераломъ Рейнгравіемъ о дѣлѣ отца Даніила Ширера, и онъ приказалъ своему офицеру, чтобы, какъ только получитъ изъ дворцовой казны деньги для своего полка, готовящагося къ походу въ имперію, тотчасъ отнесъ ко мнѣ сто имперіаловъ для новаго капеллана, котораго онъ желалъ бы пока задержать въ Прагѣ, такъ какъ полкъ отправится въ имперію черезъ Богемію. Смиреннѣйше поручаю себя вашимъ молитвамъ и остаюсь вашего преподобія рабъ во Христѣ. Іоаннъ Эдеръ. Вѣна 1 марта 1702 г.

XX. 1703 г. 28 февраля нов. ст. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана. Безъ адреса. Подлинникъ.

Достопочтенный и высокоуважаемый отецъ! Наши соотечественники, прибывшіе сюда изъ Богеміи со стеклами и другими хрустальными издѣліями, доставили мнѣ настоящій случай писать къ вамъ и доказать вашему преподобію этими немногими строками усердіе и хотя нѣсколько исполнить мои къ вамъ обязательства. Я дѣлалъ бы это чаще, если бы не препятствовала этому волнующаяся Польша. Мы живемъ здѣсь, какъ въ американскихъ степяхъ, съ трудомъ узнавая, что дѣлается заграницей, и, если что нибудь слышимъ изъ разсказовъ лицъ разныхъ партій и народностей, то не знаемъ, чему должны вѣрить. Одно намъ остается въ это время— вспоминать ежедневно августѣйшаго нашего кормильца! Да сохранитъ его Богъ и проч.!

Мой товарищъ началъ было уже болѣе и болѣе поправляться, какъ вдругъ въ праздникъ св. Ксаверія у него сдѣлался сильнѣйшій ревматизмъ, и такъ какъ его лечили, быть можетъ, слишкомъ сильными пластырями, то вся болѣзнь бросилась внутрь и была причиною сильнѣйшей горячки, такъ что въ праздникъ св. младенцевъ показались признаки близкой смерти. Въ этотъ день онъ былъ помазанъ священнымъ елеемъ и докторъ потерялъ всякую надежду. Мы однако дали обѣтъ божественному апостолу Индіи и все-таки выжидали перемѣны къ лучшему. И дѣйствительно, черезъ нѣко-

торое время онъ сталъ сладко засыпать и потѣть, однимъ словомъ, по благодѣтельному заступничеству этого достойнаго любви святого, сталъ выздоравливать. Онъ уже возобновилъ свои занятія въ школѣ, хотя его силы не вполнѣ еще окрѣпли. Благословенъ Богъ! Для меня было бы величайшимъ горемъ, если бы школѣ пришлось погибнуть, а это весьма легко можетъ случиться при перерывѣ занятій. Эта школа открываетъ путь ко многимъ добрымъ дѣламъ. Въ прошедшемъ году, во время отсутствія свѣтлѣйшаго царя, здѣшній архіерей, какъ его называютъ, иначе рязанскій митрополитъ, исправляющій нѣкоторыя патріаршія обязанности (но безъ патріаршаго титула), именно тѣ, которыя относятся къ управленію духовными дѣлами, издалъ довольно грубый и гнусный (если прямо сказать) декретъ противъ насъ и нашей школы. Объ этомъ декретѣ намъ во-время сообщилъ одинъ нашъ добрый другъ, и мы сдѣлали на этотъ декретъ замѣчанія, въ которыхъ доказывалось, что самый главный мотивъ этого декрета опирается на ложное основаніе, и мы достигли того, что какъ ни угрожалъ архіерей анаѳемой, а не нашелъ никого, кто взялся бы обнародовать этотъ декретъ [84]). Первѣйшіе въ государствѣ люди стояли за насъ хорошо, понимая свою пользу отъ нашей школы, такъ какъ у насъ ученики больше научились впродолженіе мѣсяца (можно это сказать безъ хвастовства и въ похвалу отца, товарища моего), чѣмъ у тѣхъ несчастныхъ козаковъ (ибо монахи, призванные изъ Кіева—козаки) впродолженіе года.

Въ истекшемъ году вышесказанные монахи съ великою простію устремлялись на насъ, вызывая на диспуты о вѣроисповѣдныхъ разностяхъ, но при помощи божіей получали такой отпоръ, что потеряли всякую охоту къ диспутамъ, и когда я недавно встрѣтился у господина боярина Льва Кирилловича (Нарышкина) съ профессоромъ философіи (онъ отступникъ-кармелитъ) и зашла рѣчь о посланіяхъ Дамаса къ Іерониму, то онъ публично заявилъ, что не желаетъ вступать въ диспутъ, хотя этимъ заявленіемъ, разумѣется, нисколько не вывелъ себя изъ затрудненія. Здѣшніе рѣшительно признаютъ и говорятъ, что мы гораздо ученѣе тѣхъ монаховъ, но это нисколько не приближаетъ ихъ къ истинѣ. Они говорятъ, что

это пустая старая пѣсня, что и языческіе философы были ученѣе многихъ святыхъ, богоносныхъ епископовъ. Но мы указали болѣе умнымъ и даровитымъ изъ нихъ на то, что святые пастыри стадъ всегда были достаточно способны, чтобы учить и обличать, какъ требуетъ того апостолъ Павелъ и, пользуясь такимъ сравненіемъ (индукціей), я набралъ, откуда только могъ, нѣсколько болѣе избранныхъ споровъ по предметамъ вѣры, а больше всего изъ трудовъ господина Николая Компена Пападопуло, нынѣшняго профессора каноническаго права въ Падуѣ. О, если бы у насъ было больше сочиненій его. по крайней мѣрѣ, хоть бы намъ узнать списокъ изданныхъ имъ сочиненій! Ваше преподобіе легко могли бы узнать это, и мы были бы особенно вамъ благодарны, если бы вы сообщили намъ этотъ списокъ. Жаль, что не продалъ намъ хотя нѣсколько своихъ книгъ тотъ монахъ, Палладій Рогойскій (Роговскій), который учился въ Нессѣ (Низѣ?),Оломуцѣ и наконецъ въ Римѣ въ греческой коллегіи, и который на средства прежде всего святой конгрегаціи и сіятельнѣйшаго герцога Флоренціи составилъ и привезъ сюда съ собою библіотеку, состоящую по меньшей мѣрѣ изъ пяти сотъ избранныхъ сочиненій, большая часть которыхъ состояла изъ твореній св. отцевъ, соборныхъ постановленій и полемическихъ сочиненій. Теперь всѣ эти книги въ рукахъ нашихъ противниковъ, такъ какъ, послѣ смерти Роговскаго, въ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ, всѣ его вещи забралъ къ себѣ вышеупомянутый митрополитъ. Добрый монахъ вступилъ въ Московію съ богатыми надеждами; но ближайшій его другъ обвинилъ его передъ покойнымъ патріархомъ Адріаномъ въ томъ, что онъ тайный уніатъ, и Палладій, прежде чѣмъ свѣтлѣйшій царь возвратился изъ чужеземныхъ странъ, былъ лишенъ всякаго права священнодѣйствовать и заключенъ въ тюрьму, въ которой и оставался полгода. Наконецъ онъ былъ позванъ на синедріонъ, и ему приказано было въ присутствіи патріарха Адріана объяснить причины, по которымъ онъ присоединился къ римлянамъ. Когда онъ прочиталъ по бумагѣ эти хорошо и довольно умно изложенныя причины, то патріархъ воскликнулъ: „развѣ не видите; развѣ не поражены вы достаточно изумленіемъ, какъ софистически,

какъ хитро составлены у римлянъ аргументы, такъ что всякій, недостаточно утвердившійся въ вѣрѣ, легко можетъ быть ими совращенъ!“ И когда всѣ они по своей безсмысленной ревности (въ то время еще не было въ Москвѣ ни одного даже посредственно ученаго), въ ярости стали кричать одни: „сжечь его!“ другіе: „утопить его!“, то несчастный монахъ въ смущеніи допустилъ, что у него въ рукахъ сломали пальму мученичества, которой съ такой жадностью ищутъ другіе, и несчастнѣйшее созданіе опять публично перешло къ заблужденіямъ Фотія. Произошло все это еще до моего отъѣзда въ Азовъ; но мы не хотѣли писать что-либо объ этомъ, ожидая еще Марцеллина. Мнѣ, однако, извѣстно изъ одного вѣрнаго источника, что Палладій одумался, но публично заявить свое раскаяніе ему воспрепятствовала болѣзнь, отнявшая у него языкъ. Да помилуетъ его Богъ! Дай Богъ, чтобы подобнаго рода люди сперва хорошо изучили положеніе дѣлъ и не довѣрялись бы всякому, что̀ въ особенности здѣсь необходимо, не говорю уже о томъ, что нужна непрестанная молитва о божеской помощи [55]).

Среди такихъ неутѣшительныхъ обстоятельствъ Богъ однако послалъ намъ утѣшеніе, хотя мы и недостойны его. Мы пользуемся у здѣшнихъ такимъ довѣріемъ, что, когда появляется что-нибудь новое по научной части, то они обыкновенно сообщаютъ намъ и спрашиваютъ нашего мнѣнія, а это доставляетъ намъ случай препятствовать дальнѣйшему развитію заблужденій. Никто не повѣритъ, сколько чудовищныхъ книгъ привозится сюда изъ Англіи и Голландіи! Весьма недавно у меня въ рукахъ былъ трактатъ (который нѣкоторые изъ здѣшнихъ прославляютъ, какъ даровитѣйшее произведеніе), изданный въ Англіи и посвященный Готфриду, епископу Кантуаренскому. Я думаю, въ мірѣ нѣтъ ничего безсмысленнѣе и въ тоже время нечестивѣе этого трактата. Авторъ прилагаетъ начала статики по методу алгебраическихъ вычисленій и путемъ сравненія показываетъ, что какъ въ нѣкоторыхъ тяжелыхъ предметахъ постепенно уменьшается движеніе и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ, такъ и въ предметахъ вѣрованія—съ теченіемъ времени происходитъ уменьшеніе и, наконецъ, исчезновеніе, и затѣмъ показываетъ, что такимъ-то

образомъ естественно долженъ былъ прекратиться законъ Моисеевъ; предсказываетъ время, въ которое долженъ погибнуть законъ Магомета, и—время, когда необходимо придется исчезнуть и закону Христа. И показалъ кратко, что авторъ—оселъ въ знаніи христіанства, такъ какъ законъ Христовъ утверждается на вполнѣ достаточномъ авторитетѣ, а потому глупо заключать отъ недостаточнаго къ вполнѣ достаточному. Кромѣ того я доказалъ, что онъ идіотъ въ знаніи статики, такъ какъ предполагаетъ, что теорія Галилея о движеніи тяжелыхъ тѣлъ не подлежитъ сомнѣнію, тогда какъ она теперь повсюду отвергается; что онъ выказалъ этимъ только одно,—кое-какое элементарное знаніе алгебраическихъ вычисленій, хотя и въ этомъ дѣлѣ не представилъ ничего особеннаго. Съ этого времени любимый трактатъ былъ похороненъ, и толпа кальвинистовъ стала воздержнѣе въ своемъ хвастовствѣ [36]). Кальвинисты, что касается ихъ религіи, въ великой ненависти и презрѣніи у здѣшнихъ, такъ какъ они совсѣмъ не имѣютъ богослуженія. Чтобы ослабить эту ненависть, англійскіе купцы, изъ которыхъ большая часть пресвитеріанцы, вызвали изъ Англіи пресвитеріанскаго проповѣдника, который три недѣли тому назадъ началъ свое служеніи въ новой синагогѣ, устроенной вышеназванными купцами. Тутъ есть у нихъ покрытое сверху кожей распятіе, крытый алтарь и проч. Остаются затѣмъ еще только голландцы (кальвинской вѣры). Кальвинизмъ сильно ослабѣлъ, потому что въ числѣ кальвинистовъ не болѣе трехъ богатыхъ купцовъ, остальные—простой народъ и притомъ не всѣ они кальвинисты, такъ какъ и меннониты и квакеры любятъ прикрываться именемъ Кальвина.

Недавно прибылъ въ Таганрогъ изъ Крыма господинъ Савва, рашскій купецъ, родомъ изъ Босніи, который ведетъ торговлю также въ Венеціи и въ Константинополѣ. Прибылъ онъ, чтобы разузнать, нельзя ли ему и здѣсь начать своихъ торговыхъ дѣлъ. Мы могли бы ожидать сюда пріѣзда и бо́льшаго числа итальянцевъ, или будто бы итальянцевъ, но, кажется, на Средиземномъ морѣ недостаточно безопасно или они тамъ чего-то боятся. Савва привезъ съ собою какого-то дворянина, который называетъ себя кавалеромъ св. Марка. Человѣкъ онъ, какъ мнѣ сообщилъ пріѣхавшій оттуда офицеръ,

великолѣпно образованный, отлично знаетъ греческій, латинскій и итальянскій языки, весьма искусенъ во всякихъ спорахъ, такъ что въ немъ заподозрили тайнаго священника. Что онъ за человѣкъ, я не знаю; но, какъ слышу, онъ весьма желаетъ видѣть насъ, равно какъ и мы его; надѣюсь, что это скоро случится.

Свѣтлѣйшій нашъ царь двѣ недѣли тому назадъ уѣхалъ въ Воронежъ. Онъ приказалъ г. Пушкину передать мнѣ, чтобы я постарался приготовить такой симпатическій составъ, который соединится даже и тогда, когда въ немъ вставлена пластинка, и который почти одинаковъ съ обыкновенными симпатическими чернилами, но болѣе крѣпокъ и иначе употребляется. Я его уже приготовилъ. Кромѣ того приготовлены и зажигательныя стекла, которыя мы опять выписали изъ Вѣны, потому что прежнія, которыя мы подарили для математической коллекціи свѣтлѣйшаго царя, по неосторожности одного офицера разбились. Послѣднія стекла стоили мнѣ большого труда, потому что всѣ я принужденъ былъ приготовлять одинъ моими собственными руками. Теперь съ божьей помощью я въ послѣдній разъ приложу къ нимъ мои руки. Царь самъ хочетъ зайти къ намъ. Высокопреподобный отецъ! О, если бы у меня было больше рѣдкостей, особенно въ родѣ симпатическихъ составовъ, или любопытныхъ новостей по физикѣ. Свѣтлѣйшій царь весь живетъ въ нихъ. Подобнаго рода вещей весьма много у господъ медиковъ и, если бы, по внушенію вашего преподобія, какой-нибудь добрый другъ развѣдалъ объ этихъ вещахъ и сообщилъ намъ: мы бы пріобрѣли великую милость у свѣтлѣйшаго царя. Вышеназванный господинъ Пушкинъ, бояринъ, второй губернаторъ города Москвы и управитель патріаршихъ имуществъ, находящійся въ числѣ ближайшихъ людей свѣтлѣйшаго царя, разсказывалъ мнѣ, что вся жизнь свѣтлѣйшаго царя обновляется и сердце его прыгаетъ отъ радости, когда онъ увидитъ что-либо подобное и услышитъ объясненія физическихъ явленій. Вышеназванный господинъ два раза самъ приходилъ ко мнѣ, постоянно побуждая меня спѣшить и спѣшить; но, хотя я и сидѣлъ дни и ночи, однако не было возможности впродолженіе двухъ недѣль окончить работу, требующую двухъ мѣсяцевъ, потому что

тутъ приходится столько разъ смазывать и медленно высушивать. Когда Пушкинъ самъ лично увидѣлъ это, то затѣмъ объявилъ мнѣ, какъ я уже упоминалъ, что свѣтлѣйшій царь желаетъ имѣть всѣ эти вещи послѣ своего возвращенія. Признаюсь, я могъ бы тысячу разъ придти въ отчаяніе отъ недостатка столь хорошихъ матеріаловъ, какіе находятся заграницей, но приписываю заступничеству святыхъ ангеловъ и досточтимаго младенца Симона Авеля, что все удалось по моему желанію.

Да благословитъ Богъ того вышеназваннаго господина (Пушкина), въ которомъ я всегда видѣлъ болѣе, чѣмъ отца, который намъ покровительствуетъ и при всякомъ случаѣ сильнѣйшимъ образомъ ратуетъ за нашу славу. О, дивный Боже! Онъ дядя патріарха Іоакима, который былъ жесточайшимъ нашимъ врагомъ и изгналъ нашихъ отцовъ изъ Москвы. И такъ, въ то время, когда мы лишились всѣхъ нашихъ столповъ (потому что умерли Гордонъ и другіе), Богъ воздвигаетъ новые столпы тамъ, гдѣ мы всего меньше надѣялись[57]).

Окажите милость ваше преподобіе, сообщите настоящее письмо высокому господину Реде. Прилагаю здѣсь для почтеннѣйшаго отца Вальтгайза извѣстія изъ Персіи, полученныя отъ отца Ламаца, восьмидесятилѣтняго уже миссіонра нашего ордена, хотя въ нихъ и нѣтъ ничего особеннаго. Покорнѣйше просимъ его обратить на насъ вниманіе и при удобномъ случаѣ и средствахъ прислать намъ въ помощь двухъ помощниковъ, что крайне необходимо. Поручаю себя милости вашего преподобія. Недостойный кліентъ, отецъ Францискъ Эмиліанъ. Москва, 28 февраля, 1703 г.

XXI. 1704 г. 26 апрѣля. Градискъ. Письмо Іоанна Слоты, іезуита къ начальнику іезуитской провинціи въ Прагѣ, Іоанну Миллеру. Подлинникъ.

Достопочтенный отецъ провинціалъ! Изъ писемъ и донесеній, полученныхъ изъ Москвы, я понялъ, что тамъ съ величайшимъ петерпѣніемъ ожидаютъ изъ нашей провинціи новыхъ еще священниковъ, но что этому препятствуютъ разныя

опаспости на дорогахъ (такъ пишетъ отецъ Іоаннъ Берула) и недостатокъ денегъ. То и другое обстоятельство, при божіемъ покровительствѣ, нисколько не можетъ остановить рвенія общества, а потому, повинуясь божьему внушенію, водительству котораго я исключительно стараюсь слѣдовать, чистосердечно открываю достопочтенному отцу провинціалу свою мысль, и настоящимъ письмомъ смиренно предлагаю отправить меня въ московскую миссію, къ которой я стремлюсь много лѣтъ, что знаютъ весьма многіе наши товарищи по изученію богословія. Если достопочтенный отецъ провинціалъ удостоитъ подать мнѣ какую нибудь надежду, что буду назначенъ въ эту миссію, то я съ большимъ усердіемъ, на сколько могу, сталъ бы трудиться надъ изученіемъ греческаго языка и другихъ наукъ, необходимыхъ для означенной цѣли.

Градискъ 26 апрѣля 1704 г. Достопочтеннаго отца провинціала рабъ и сынъ во Христѣ, Іоаннъ Слота. Достопочтенному отцу во Христѣ, отцу Іоанну Миллеру, общества Іисуса провинціалу Богемской области. Въ Прагѣ у св. Климента.

XXII. 1704 г. 1 мая. Брюнъ. Письмо Иліи Броджіо, іезуита къ провинціалу въ Богеміи Іоанну Миллеру. Подлинникъ.

Достопочтенный во Христѣ отецъ провинціалъ! Рѣшительно не помню, чтобы когда нибудь я былъ исполненъ болѣе сильной отрады, какъ въ прошедшіе дни, когда услышалъ столь неожиданное для меня предложеніе достопочтеннаго отца провинціала, переданное мнѣ достопочтеннымъ нашимъ отцемъ ректоромъ. Не могу не удивляться провидѣнію божію, по истинѣ особенному по отношенію къ моимъ апостольскимъ намѣреніямъ (которыя я дѣйствительно лелѣялъ съ молодыхъ лѣтъ), за что я пытаюсь въ этомъ письмѣ воздать особеннѣйшую благодарность и достопочтенному отцу провинціалу, но не имѣю для этого достаточно силъ. Да поможетъ мнѣ божественная благость, чтобы, когда мнѣ придется исполнять тамъ порученное дѣло, ни въ какомъ случаѣ не оказалось, что я не оправдалъ отрадныхъ ожиданій (на что весьма

сильно уповаю) моихъ начальниковъ и въ особенности достопочтеннаго отца провинціала, и хотя я хорошо знаю мою немощь и скудость моихъ силъ, однако при помощи Бога, избирающаго это недостойное его орудіе, я надѣюсь, что буду въ состояніи совершить все силою того, который меня укрѣпляетъ.

Между тѣмъ прежде, чѣмъ наступитъ часъ, который призоветъ меня къ этому, буду тѣмъ ревностнѣе дѣлать дѣла, и такъ буду наблюдать за счетомъ остающагося времени, чтобы еще усовершенствоваться въ томъ, что, какъ я вѣрю, принесетъ мнѣ пользу въ моемъ новомъ назначеніи. Я хорошо знаю, на какое огромное поле дѣятельности мнѣ столь милостиво предлагается вступить для великой славы Бога и спасенія ближнихъ. Буду дожидаться послѣдняго распоряженія достопочтеннаго отца провинціала, а пока поручаю себя смиреннѣйше его любви и милости и остаюсь достопочтеннаго отца провинціала недостойнѣйшимъ сыномъ во Христѣ и рабомъ Илія Броджіо. Брюнъ 1 мая 1704 г. Достопочтенному отцу во Христѣ, Іоанну Миллеру, общества Іисуса провинціалу Богемской провинціи. Царскій Градецъ (перечеркнуто и вмѣсто того написано другой рукой: Glacii).

XXIII. 1704 г. 23 іюня. Олава, Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита къ отцу Іоанну Миллеру, общ. Іисуса провинціалу Богемской провинціи. Подлинникъ.

Достопочтенный отецъ провинціалъ! Получивъ отъ достопочтеннаго отца провинціала патенты, я съ великимъ удовольствіемъ отправляюсь въ путь и притомъ съ такимъ генераломъ, который отъ имени (австрійскаго) императора спѣшитъ съ необходимымъ порученіемъ прежде къ польскому королю, и я, сидя съ нимъ въ одной повозкѣ, всегда бываю его неразлучнымъ спутникомъ. Онъ предложилъ выдать въ мое распоряженіе для употребленія на какую бы то ни было коллегію тысячу флориновъ и болѣе десяти разъ увѣрялъ меня, что деньги эти должны быть выданы скоро. Поэтому я думаю 120 флориновъ изъ этой суммы возвратить коллегіи

въ Брюнѣ, а остальныя деньги передать цѣликомъ достопочтенному отцу провинціалу въ его распоряженіе. Да не изволитъ достопочтенный отецъ провинціалъ сомнѣваться въ вѣрности этого обѣщанія, такъ какъ я вижу въ моемъ превосходительномъ генералѣ такого человѣка, который, какъ многіе и думаютъ, можетъ и долженъ стоять выше, чѣмъ теперь стоитъ. Признаюсь, если бы одинъ или два раза я замѣтилъ въ немъ что нибудь подозрительное, то отказался бы отъ своего мнѣнія, но теперь не могу этого сдѣлать, когда онъ столь некрепокъ со мною и на словахъ и на дѣлѣ. Признаюсь, у него огромныя издержки, такъ какъ въ Глоговѣ онъ оставилъ шесть тысячъ для уплаты расходовъ, сдѣланныхъ офицерами, бывшими тамъ нѣкоторое время. Онъ покупаетъ, гдѣ можетъ, лошадей и аммуницію. Тѣмъ не менѣе черезъ три дня въ Краковѣ къ нему навѣрное подоспѣетъ нервъ московскихъ денегъ, откуда и я, если только не раньше, постараюсь отправить къ достопочтенному отцу провинціалу эту тысячу флориновъ [58]). Поэтому прошу достопочтеннаго отца ректора въ Брюнѣ имѣть нѣкоторое терпѣніе. За отеческое наставленіе приношу сыновнюю благодарность. При неодолимой помощи божіей я буду дѣлать именно то, чего отъ меня требуетъ по праву святая мать—община. Поэтому, поручая себя снова смиреннѣйше отеческой любви, вмѣстѣ съ тѣмъ остаюсь достопочтеннаго отца провинціала рабомъ и сыномъ во Христѣ, Илія Броджіо. Опава. 23 іюня 1704 г.

Достопочтенному отцу во Христѣ Іоанну Миллеру, общества Іисуса провинціалу Богемской провинціи. Въ Нисѣ (?).

XXIV. 1704 г., 29 іюня, въ праздникъ св. Петра и Павла. Краковъ. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита, къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу. Подлинникъ.

Достопочтенный во Христѣ отецъ провинціалъ! Я получилъ въ Опавѣ и то передъ самымъ отъѣздомъ первое письмо достопочтеннаго отца провинціала вмѣстѣ съ патентами, на которое уже кратко отвѣчалъ. Теперь пишу изъ Кракова, куда благополучно и въ полномъ здоровьи прибылъ наканунѣ

праздника св. Петра и Павла и намѣреваюсь уѣхать отсюда на третій день. Посылаю прежде всего достопочтенному отцу ректору Брюнскому вексель на полученіе въ Вѣнѣ денегъ. Раньше послать было невозможно, по причинѣ большой поспѣшности, такъ какъ мы хотѣли избѣгнуть то тамъ, то тутъ устроенныхъ нивѣдами засадъ. Мы благополучно избѣжали всего этого и теперь меньше боимся, такъ какъ превосходительнѣйшій генералъ съ этого времени уже носитъ на себѣ званіе цесарскаго посла. Чтобы не оставаться въ неизвѣстности и шаткомъ положеніи, я вчера заключилъ договоръ съ его превосходительствомъ. Онъ подписалъ и скрѣпилъ своею печатью слѣдующія условія: во-первыхъ, господинъ генералъ обязанъ будетъ давать мнѣ пищу, одежду, слугу, двухъ лошадей которыхъ, равно какъ и слугу, будетъ кормить и будетъ платить слугѣ, а сверхъ того, каждый мѣсяцъ будетъ выдавать по 16 флориновъ. Въ случаѣ смерти генерала, мнѣ первому будутъ выданы изъ его кассы 50 золотыхъ на тотъ предметъ, чтобы мнѣ тѣмъ удобнѣе можно было вернуться въ свою провинцію. Сверхъ того на словахъ онъ обѣщаетъ мнѣ множество другихъ благъ. Такимъ образомъ, мнѣ совершенно не нужно будетъ безпокоиться о матеріальномъ обезпеченіи и я тѣмъ больше буду имѣть возможности заняться духовными дѣлами.

Мы тронемся дальше послѣ завтра изъ Кракова прямо во Львовъ. Я, безъ сомнѣнія, уѣду отсюда съ большимъ утѣшеніемъ и изъявленіемъ благодарностей за столь великую любовь, какую оказываютъ мнѣ достопочтенные отцы нашего ордена, изъ среды которыхъ то тѣ, то другіе, то третьи стараются заполучить меня къ себѣ. Въ праздникъ св. Петра и Павла я обѣдалъ съ однимъ только его превосходительствомъ господиномъ генераломъ въ коллегіи св. Петра, на ужинъ же въ тотъ же день я былъ приглашенъ находящимся здѣсь достопочтеннымъ отцомъ провинціаломъ въ новиціатъ при церкви св. Варвары; на завтрашній день просили оказать эту любезность въ ихъ домѣ профессы. Выше всякаго сомнѣнія, что эти мужи обладаютъ самой любвеобильной любезностію и я усерднѣйше препоручаю ихъ всѣхъ, равно какъ и себя отеческому вашему расположенію и остаюсь, достопочтенный провинціалъ,

вашимъ рабомъ во Христѣ и недостойнымъ сыномъ Иліи Броджіо. Краковъ. День св. Петра и Павла. 1704 г.

P. S. Тѣ 1,000 флориновъ, о которыхъ я писалъ недавно, не могъ мнѣ здѣсь передать господинъ генералъ, по той причинѣ, что мы не застали здѣсь московскаго посла, отъ котораго ему нужно было взять назначенныя ему деньги; тѣ же деньги, которыя есть у его превосходительства, теперь, какъ говоритъ онъ, нужны ему для дальнѣйшаго путешествія со столькими офицерами; однако онъ по совѣсти увѣряетъ, что выдастъ ихъ въ свое время.

XXV. 1704 г. 23 іюля. Львовъ. Письмо Иліи Броджіо, іезуита къ провинціалу общества Іисуса Богемской провинціи. Подлинникъ.

Достопочтеннѣйшій во Христѣ отецъ провинціалъ, возлюбленнѣйшій отецъ! Я недавно послалъ вашему преподобію письмо изъ Сандоміра. Это второе или третье письмо со времени моего отъѣзда. Если посланный благополучно добрался, то я несказанно радъ. Я свернулъ въ сторону отъ моего пути на нѣсколько миль, во Львовъ, для того собственно, чтобы купить (походную) капеллу, въ которой я могъ бы совершать обѣдню, такъ какъ уже три раза принужденъ былъ, къ величайшему своему горю, пропустить это. Его превосходительство между тѣмъ медленно двигался на встрѣчу 15-тысячному московскому отряду. Вслѣдъ за нимъ и я послѣдую, надѣясь получить отъ него деньги для дальнѣйшаго пути. Мой превосходительный господинъ прекрасный человѣкъ (хотя онъ крестоносецъ, но ему оставленъ орденомъ крестъ для почтенія, просто какъ почетный знакъ, а не какъ знакъ его обѣта), но терпитъ на пути большой недостатокъ въ средствахъ по причинѣ необыкновенно большихъ расходовъ на содержаніе столькихъ офицеровъ. Онъ надѣялся получить деньги отъ московскаго посла, съ которымъ мы встрѣтились у короля въ Сандомірѣ, но свѣтлѣйшій король самъ выманилъ у посла 18.000. Все дѣло въ томъ, чтобы только добраться до Кіева, находящагося уже во владѣніяхъ московскаго царя и отстоящаго отсюда на 60 миль, потому что тамъ уже при-

готовлены и припасы и деньги. Однако при всемъ томъ мы такъ подвигаемся впередъ, какъ будто бы у насъ было много денегъ. Мы получили отъ свѣтлѣйшаго польскаго короля на бумагѣ право на свободный и изобильный по припасамъ повсюду проѣздъ, въ чемъ мы и удостовѣряемся изъ изобильныхъ припасовъ и множества лошадей, приготовленныхъ вездѣ, гдѣ только намъ приходится проѣзжать; но въ деньгахъ у насъ такая нужда, что недостало бы для всѣхъ офицеровъ даже по малости, если бы недавно намъ не ссудилъ одинъ купецъ нѣсколько сотенъ золотыхъ, изъ коихъ я получилъ не мало для устройства моей домовой церкви, и то послѣ того, когда, какъ бы шутя и со всей своей любезностью погрозилъ его превосходительству, что уѣду назадъ въ провинцію, если онъ не дастъ возможности заблаговременно позаботиться о разныхъ церковныхъ предметахъ для священнодѣйствія.

Сегодня, т. е. 22 іюля, во Львовъ пришли слѣдующія новости, которыя сообщены мнѣ самимъ достопочтеннымъ отцемъ ректоромъ (человѣкомъ необыкновенно замѣчательнымъ въ этой провинціи), а именно: наконецъ-то вслѣдствіе давленія со стороны шведскаго генерала Горна въ польскіе короли выбранъ познанскій воевода господинъ Лещинскій. 11 іюля познанскій архіепископъ при закатѣ солнца объявилъ народу о новомъ королѣ при пушечныхъ выстрѣлахъ и многочисленныхъ крикахъ: „да здравствуетъ король Станиславъ I“! Сдѣлано это вопреки всѣмъ польскимъ законамъ, такъ какъ только архіепископъ гнѣзненскій и епископъ куявскій одни имѣютъ право провозглашать избраніе новаго короля. Говорятъ, что при этомъ не было ни одного сенатора. Между тѣмъ саксонскія войска страшнымъ образомъ свирѣпствовали во владѣніяхъ новоизбраннаго короля до самаго капуна избранія и на все наложили контрибуцію. Здѣшніе поговариваютъ, что теперь станутъ прорываться изъ подъ пепла искры и произведутъ пожаръ. Наши отцы въ Польшѣ весьма расположены къ королю Августу и непрестанно молятся о его благоденствіи. Тоже расположенъ къ нему и народъ по всей малой Польшѣ. Наконецъ нужно просто молиться о томъ, чтобы во всемъ совершилась святѣйшая воля божья.

Я забылъ заявить вашему преподобію о моемъ недоумѣніи касательно моихъ духовныхъ полномочій. Я съ своей стороны предполагаю, что, когда я назначенъ въ эту Спарту, то этимъ самымъ я получилъ всѣ тѣ права, какія обыкновенно имѣютъ миссіонеры этого рода. Сегодня я испрашиваю отъ здѣшняго архіепископа позволенія и права освятить утварь для совершенія святѣйшаго таинства литургіи, за исключеніемъ тѣхъ предметовъ, которые требуютъ помазанія елеемъ. Больше я не нуждаюсь ни въ чемъ, кромѣ того, чтобы умножилась милость божія и чтобы поддерживалось мое прекрасное здоровье, а также и драгоцѣнное расположеніе ко мнѣ достопочтеннаго отца провинціала, которому я и буду почаще излагать на письмѣ мои искреннія и правдивыя мысли о себѣ и о моихъ дѣлахъ.

Письма, какія могутъ быть посылаемы мнѣ достопочтеннымъ отцемъ-провинціаломъ, можно бы отправлять изъ Вратислава прямо въ Лембергъ или Львовъ съ запиской къ лембергскому ректору, чтобы благоволилъ отправить въ самую крайнюю (на востокъ) нашу коллегію,—Острожскую, а оттуда, если бы достопочтенный отецъ ректоръ острожскій въ свою очередь получилъ порученіе, онѣ направлялись бы въ Кіевъ къ купцамъ, черезъ которыхъ легко могли бы быть доставлены въ Москву. Адресъ мой слѣдовало бы такъ писать: Достопочтенному господину Амвросію Роджи, его превосходительства господина генерала де-Роза капеллану, въ Москвѣ. Оставлять въ домѣ у его превосходительства де-Роза. Было бы очень пріятно узнать поскорѣе имена прежде жившихъ отцевъ нашей провинціи и все то, что еще сверхъ того мнѣ нужно было бы знать. Если я узнаю лучшій способъ пересылки писемъ, то сейчасъ же сообщу изъ Москвы. Пока съ сыновнимъ почтеніемъ поручаю себя вашей отеческой любви и памяти и остаюсь достопочтеннаго отца провинціала недостойный во Христѣ сынъ, Илія Броджіо [59]).

XXVI. 1704. 21 сентября — 2 октября. Москва. Письмо отца Іоанна Франциска Эмиліана, іезуита къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу общества Іисуса Богемской провинціи. Подлинникъ.

Достопочтеннѣйшій и высокоуважаемый отецъ, милости-

вѣйшій покровитель! Хотя я съ первыхъ годовъ (моего пребыванія въ обществѣ Іисуса) много обязанъ вамъ, достопочтеннѣйшій отецъ, и весь вамъ преданъ, но въ настоящее время, если ужъ говорить что, то я вынужденъ сказать, что преданъ вамъ болѣе, чѣмъ весь, за тотъ характеръ (?), передъ которымъ я съ глубокимъ утѣшеніемъ и смиреннѣйшею сыновнею любовью благоговѣю, и молю васъ удостаивать и впредь той же любви, какую вы имѣете къ находящимся при васъ дѣтямъ, и отсутствующихъ вашихъ дѣтей, еще болѣе нуждающихся въ отеческой вашей ласкѣ. О! если бы уже наступило у насъ время жатвы, то мы могли бы надѣяться, что вы, достопочтеннѣйшій отецъ, оказали бы намъ особенную помощь въ томъ, что нужно для славы Бога. Но пока мы все еще живемъ въ весеннее время, во время зелени и надежды. Правда, показывается уже и порядочная трава; но чтобы она выросла и созрѣла въ плодъ, это зависитъ отъ дѣйствія одного лишь солнца, и это дѣйствіе также (какъ я вѣрю) не замедлитъ проявиться, только бы Богъ хранилъ нашего августѣйшаго императора и то счастливое сочетаніе планетъ, которое могутъ испросить для насъ только горячія молепія къ Богу нашихъ друзей, потому что въ томъ заключается самая главная и почти единственная хорошая для насъ помощь, какая теперь можетъ быть намъ оказана. Писать больше и подробнѣе мѣшаетъ мнѣ неизвѣстность, насколько надежна настоящая оказія; но я надѣюсь, что намъ вскорѣ представится болѣе надежная оказія, черезъ которую ваше преподобіе узнаете подробнѣе о нашемъ положеніи. Теперь же мы благоговѣемъ предъ особеннымъ божіимъ провидѣніемъ, которое насъ, подверженныхъ, такъ сказать, всякому вѣтру, живущихъ среди ярости могущественнѣйшихъ враговъ нашихъ—еретиковъ, старающихся возстановить противъ насъ русскихъ, насъ, лишенныхъ всякаго защитника и всякой человѣческой помощи, не только сохранило невредимыми, но даже возвысило надъ головами нашихъ враговъ, то ниспровергнутыхъ, то униженныхъ и, хотя у гидры выросли опять нѣкоторыя новыя головы, но и намъ также Богъ послалъ на помощь нѣкіихъ Геркулесовъ, двухъ генераловъ католиковъ господина Огильви и господина Роза, который привезъ съ со-

бою сюда невредимо и безопасно достопочтеннаго господина Броджіо, пріятнѣйшаго и совсѣмъ нежданнаго гостя. Кромѣ его здѣсь съ нами проживаетъ и другой почтенный господинъ, англичанинъ, какъ и тотъ, духовное лицо, котораго привезъ съ собою графъ Яковъ де-Гордонъ. Такимъ образомъ для настоящаго времени мы, кажется, достаточно обезпечены. Дай Богъ, чтобы поскорѣе наступили такія времена, когда сюда потребуется еще большее число миссіоперовъ; но дай Богъ, чтобы всѣ они были тоже духовныя лица, потому что лица для хора теперь не только не принесутъ пользы, а даже весьма мѣшаютъ, какъ это доказалъ уже намъ многократный опытъ.

Смиреннѣйше поручаю всѣхъ насъ отеческой любви и милости достопочтеннѣйшаго вашего преподобія недостойный рабъ и кліентъ, Іоаннъ Францискъ Эмиліанъ. Москва, 21 сентября—2 октября 1704.

Достопочтеннѣйшему и милостивому господину, отцу Іоанну Миллеру, глубоко почитаемому господину и патрону.

XXVII. 1705 г. 6 августа. Вильна, изъ лагеря. Письмо Иліи Броджіо, іезуита къ своему провинціалу, отцу Іоанну Миллеру. Подлинникъ.

Достопочтенный во Христѣ отецъ провинціалъ! Въ увѣренности, что почта изъ этихъ странъ болѣе надежна, пишу къ вамъ, достоуважаемый отецъ, письмо и шлю премногое привѣтствіе. Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я подробно изложилъ вамъ, достопочтенный отецъ провинціалъ, какимъ образомъ и по какой причинѣ я, такъ сказать, былъ перепроданъ отъ господина генерала Роза къ его превосходительству господину генералу Огильви, полевому маршалу сухопутнаго войска [60]). Вышесказанный генералъ Роза послѣ разныхъ ходатайствъ наконецъ получилъ должность въ первый день мая настоящаго года. Онъ служитъ въ конницѣ, въ званіи замѣстителя маршала кавалеріи Шереметева, которая вся дѣйствуетъ въ Курляндіи противъ шведовъ, но все еще нѣсколько неудачно, такъ какъ наши, вышедши съ 16 или 18 тысячами противъ 8,000 шведовъ, у Митавы, какъ гово-

рятъ, проиграли побѣду и потеряли нѣсколько тысячъ солдатъ. Первый гонецъ привезъ въ Вильну (гдѣ находится и самъ свѣтлѣйшій царь при нашей пѣхотѣ, достигающей въ общей сложности 30 или, какъ говорятъ другіе, 40 тысячъ солдатъ) извѣстіе, что Шереметевъ противъ обыкновенія нѣсколько палъ духомъ, отступилъ назадъ и что послѣ сраженія между трупами нашихъ убитыхъ не нашли трупа генерала Роза. На этомъ основаніи московитяне подозрѣваютъ, что генералъ Роза (чего всегда опасались московитяне) или убѣжалъ къ шведамъ или взятъ ими въ плѣнъ. Но второй гонецъ, присланный сюда же, утверждалъ, хотя и нерѣшительно, что этотъ генералъ наконецъ найденъ. Что тутъ правда, это послѣ разузнается.

Мы остаемся въ Вильнѣ только затѣмъ, чтобы выждать, когда шведамъ нанесенъ будетъ значительный ударъ сперва конницей, спачала нашей, потомъ саксонской, а затѣмъ войскомъ Виппевецкаго подъ Варшавой. Послѣ этого начнетъ свои операціи и наша пѣхота, полагаю, у Риги, такъ какъ для осады этого города имѣются всѣ необходимыя вещи въ огромнѣйшемъ количествѣ. Мой полевой маршалъ за то, что пропустилъ (непріятельскіе) корабли въ Ригу и за другія дѣла вызвалъ великую немилость у свѣтлѣйшаго царя, такъ, что онъ рѣшился уже просить, по окончаніи этой кампаніи, отпустить его въ императорскія страны, и москвитяне охотно приняли эту просьбу. Таково постоянство человѣческаго расположенія особенно здѣсь!

Меня наши отцы встрѣчаютъ въ своихъ коллегіяхъ всегда съ великой любезностью и ласкою. Они, съ одной стороны, рады, что нашъ братъ находится при этомъ московскомъ войскѣ, такъ какъ я стараюсь для нихъ пріобрѣсти у свѣтлѣйшаго царя много милостей и льготъ (этотъ свѣтлѣйшій царь уже довольно часто и съ величайшимъ удовольствіемъ посѣщалъ наши дома); съ другой стороны, они горюютъ, что я здѣсь при такихъ обстоятельствахъ, именно, горюютъ о томъ, что польское шляхетство начинаетъ укорять, зачѣмъ патеръ нашего общества находится при войскѣ, какъ они полагаютъ, для нихъ гибельномъ. Я ожидаю рѣшенія свыше, т. е. вашего, достопочтенный отецъ провинціалъ, нужно ли будетъ мнѣ, конечно, по окончаніи

этой кампаніи, возвращаться назадъ съ моимъ теперешнимъ превосходительнымъ господиномъ, или остаться на болѣе продолжительное время въ этой миссіи, такъ какъ господинъ генералъ Роза (если онъ живъ) весьма охотно снова возьметъ меня къ себѣ, и у меня, при божьей милости, хватитъ и душевныхъ силъ, и хорошаго, крѣпкаго здоровья для продолженія миссіи, и хотя я вмѣстѣ съ моими господами живу при непрестанныхъ перемѣнахъ судьбы, бросаемый то внизъ, то вверхъ, однако до сихъ поръ божіе милосердіе не допускало, чтобы я оставался безъ помощи, такъ что и среди настоящаго волненія умовъ (о которомъ я когда нибудь устно разскажу) мнѣ представилась одна въ высшей степени полезная случайность. Свѣтлѣйшій царь и всѣ почти москвитяне узнали, что я принадлежу къ ордену, и это открытіе, насколько можно видѣть, до сихъ поръ они не только не приняли дурно а напротивъ какъ нельзя лучше. Недавно даже въ Полоцкѣ, когда двое первыхъ придворныхъ католиковъ должны были жениться на шведкахъ, а шведки желали, чтобы бракъ совершенъ былъ не католическимъ священнослужителемъ, то самъ свѣтлѣйшій царь разрѣшилъ споръ. „Подите, сказалъ онъ, позовите къ намъ отца Нлію, іезуита нашего полевого маршала; пусть онъ повѣнчаетъ!“ И вотъ я, будучи вызванъ, пришелъ послѣ полудня и, давъ предварительно наставленіе вступавшимъ въ бракъ, въ присутствіи свѣтлѣйшаго царя и всѣхъ русскихъ вельможъ соединилъ брачными узами двѣ пары, къ величайшему удовольствію царя; а въ то время, когда я предварительно старался устроить въ комнатѣ небольшой алтарь, самъ свѣтлѣйшій царь принесъ изображеніе Распятаго и спросилъ: „отецъ! годится ли для вашего алтаря русскій Богъ?“ „Конечно, годится, свѣтлѣйшій царь, отвѣчалъ я, такъ какъ это распятіе изображаетъ одного и того же Сына божія“. По окончаніи брачной церемоніи онъ поручилъ князю Александру (Меншикову) любезно со мною обращаться. Извѣстно, что этотъ монархъ больше всего преданъ людямъ своей вѣры, затѣмъ расположенъ къ католикамъ, далѣе по наружности—къ еретикамъ, а всего хуже относится къ нашимъ уніатамъ, которыхъ сильно гнушается. Какое печальное происшествіе случилось съ уніатами въ Полоцкѣ, я еще не при-

знаю благоразумнымъ описывать изъ этого мѣста. Самъ этотъ князь говоритъ часто, что онъ желалъ бы быть одной вѣры съ римлянами, но условіе ставится удивительное и невозможное. Весьма недавно я смѣялся, читая въ напечатанныхъ здѣсь въ Вильнѣ новостяхъ, что въ Римѣ папѣ сдѣлано предложеніе, въ которомъ выставляется на видъ желаніе московскаго государя быть въ уніи съ римлянами. Но кто знаетъ здѣшнее положеніе дѣлъ, тотъ не станетъ убѣждать себя, что это такъ, хотя у всемогущаго Бога нѣтъ ничего невозможнаго.

Я не желалъ бы, чтобы москвитяне еще глубже завязли здѣсь, иначе горе Вильнѣ! Ни литвинамъ, ни даже германскимъ офицерамъ мы не предвѣщаемъ ничего хорошаго. Здѣшніе магнаты любезно спроваживаютъ своихъ сыновей въ другія мѣста, въ сторону Германіи. Причина та, что русскіе имѣютъ обычай охотнѣе, чѣмъ деньги, увозить въ свои страны молодыхъ людей обоего пола. Но подробнѣе объ этомъ, когда, Богъ дастъ, къ будущему году я по послушанію явлюсь лично къ достопочтенному отцу провинціалу, котораго отеческой милости съ глубочайшимъ смиреніемъ поручаю себя и вмѣстѣ съ тѣмъ остаюсь достопочтеннаго отца провинціала недостойный во Христѣ сынъ и рабъ, Иліи Броджіо.

Въ то самое время, какъ я собирался уже запечатать письмо, прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ, что саксонская конница вмѣстѣ съ конницей Виниевецкаго разбиты шведами подъ Варшавой и самъ главнокомандующій господинъ генералъ Нейкуль (не Наткуль) взятъ въ плѣнъ и пр. Если это правда, то дѣло плохо. Нужно опасаться великаго замѣшательства [61]).

XXVIII. 1705 г. 13 августа. Вильна, изъ лагеря. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита, къ ректору коллегіи въ Брюнѣ. Подлинникъ.

Достопочтенный во Христѣ отецъ ректоръ! Я пишу это письмо вслѣдъ за тѣмъ, которое нѣсколько раньше отправилъ къ вамъ, достопочтенный отецъ ректоръ, при чемъ покорнѣйше прошу, отъ имени двоихъ нашихъ отцевъ миссіонеровъ въ

Москвѣ, отправить приложенное письмо въ Вѣну, такъ какъ въ немъ идетъ дѣло о годовомъ содержаніи для вышеупомянутыхъ отцевъ или, лучше сказать, о прочномъ обезпеченіи ихъ.

Я писалъ въ предъидущемъ письмѣ, что военныя дѣйствія не идутъ такъ, какъ намъ хотѣлось бы. Въ недавно бывшемъ сраженіи при Митавѣ наши русскіе мужественно вели себя подъ начальствомъ Шереметева; но, не смотря на то, проиграли сраженіе, при чемъ потеряли часть легкой артиллеріи и часть обоза. У шведовъ осталось (на полѣ битвы) пять тысячъ, у нашихъ больше шести тысячъ человѣкъ. У Варшавы взятъ въ плѣнъ саксонскій предводитель, остальные разсѣялись. Вчера свѣтлѣйшій царь отправилъ обратно въ Москву своего сына, а самъ незамѣтно для здѣшняго войска уѣхалъ сегодня рано утромъ въ Курляндію. Полагаютъ, что скоро произойдетъ другое сраженіе съ Левенгауптомъ, начальникомъ шведскаго войска, быть можетъ, въ присутствіи самого свѣтлѣйшаго царя, который третьяго еще дня сказалъ, что онъ желалъ бы еще разъ вступить въ сраженіе, и побѣдитъ ли онъ или будетъ побѣжденъ, во всякомъ случаѣ онъ желалъ бы по окончаніи сраженія заключить съ шведами миръ и тѣмъ сильнѣе направить свое оружіе противъ турокъ. Вчера свѣтлѣйшій царь спросилъ меня, нельзя ли добыть у насъ какого нибудь извѣстнаго математика, практически знающаго всякаго рода математику, въ особенности любопытныя и механическія вещи. Я обѣщалъ разыскать какъ можно скорѣе. Не угодно ли будетъ вашему преподобію доложить объ этомъ достопочтенному отцу провинціалу; можетъ быть такой математикъ находится среди нашихъ. Такого математика ищутъ, безъ сомнѣнія, для двора свѣтлѣйшаго царя, и если свѣтлѣйшій царь серьезно (какъ кажется) хочетъ его имѣть, то, безъ сомнѣнія, лучше было бы, если бы онъ, давъ мнѣ необходимыя средства, отправилъ въ провинцію за такимъ математикомъ. На этихъ дняхъ я уѣду изъ Вильны къ господину генералу Роза, къ конному войску, нарочно для того, чтобы получить извѣстныя деньги для Брюнской коллегіи.

Вчера явилось дурное для москвитянъ предзнаменованіе, потому что однимъ ударомъ молніи было поражено 17 мо-

сковскихъ солдатъ, стоявшихъ на карауле у артиллерійскихъ снарядовъ, при чемъ одинъ изъ нихъ умеръ на мѣстѣ, а остальные шестнадцать человѣкъ обожжены и тяжко больны.

Прибавляю: въ Вильну нашимъ отцамъ написали изъ Варшавы, что всѣ вообще придворные отцы высланы изъ вѣнскаго дворца, но я этому не повѣрилъ, такъ какъ ваше преподобіе мнѣ писали иное. Да дастъ Богъ намъ милость у этого государя, котораго я часто поминаю при совершеніи таинства литургіи. Я слышалъ отъ здѣшняго достопочтеннаго отца провинціала, что на 17 января назначена въ Римѣ конгрегація: правда ли это? Молюсь отъ всего сердца, чтобы достопочтенный отецъ ректоръ не былъ больше ректоромъ, а былъ избирателемъ новаго генерала, въ чемъ я не сомнѣваюсь. Поручаю себя отеческой любви вашей и остаюсь вмѣстѣ съ тѣмъ достопочтеннаго отца ректора, во Христѣ рабъ, Илія Броджіо. Вильна. Изъ лагеря 13 августа 1705 г. [62]).

XXIX. 1705 г. 2 октября. Изъ лагеря у Гродны. Письмо отца Ильи Броджіо, іезуита, къ отцу Іоанну Миллеру, намѣстнику общества Іисуса въ Богемской провинціи. Подлинникъ.

Достопочтенный во Христѣ отецъ провинціалъ! Тѣ извѣстія, о которыхъ писалъ изъ Глогова 20 іюня достопочтенный отецъ провинціалъ, были для меня дѣйствительно новинками, которыя хотя я узналъ только въ октябрѣ мѣсяцѣ, но онѣ мнѣ доставили столько отрады, что я не столь уже досадую на неудачу въ другихъ дѣлахъ, и приношу за эти извѣстія нижайшую благодарность.

У моего господина полевого маршала твердое, непреклонное рѣшеніе уѣхать этой зимой обратно въ Вѣну, а потому и меня ожидаетъ таже участь. Говорятъ, что онъ будетъ военнымъ маршаломъ у венеціанцевъ и что не желалъ бы отпускать меня отъ себя. Но такъ какъ я теперь, пользуясь тою милостію, какую имѣю и у свѣтлѣйшаго царя и у его первыхъ сановниковъ, кое-что дѣлаю для расширенія московской миссіи, то, быть можетъ, достопочтенному отцу провинціалу (когда

я ему сообщу многое объ этой миссіи) угодно будетъ, чтобы я переселился въ Москву съ тѣмъ или другимъ товарищемъ. Между тѣмъ, да благоволитъ достопочтенный отецъ провинціалъ разузнать мнѣнія нѣкоторыхъ, не пожелаютъ ли они отправиться въ эту Спарту. Но я откровенно заявляю, что для этого нужны такіе, такъ сказать, избранные, надѣленные всѣми необходимыми дарованіями, какіе нѣкогда посылались къ китайскому императору, потому что нужно овладѣть свѣтлѣйшимъ царемъ, а овладѣть имъ можно такимъ образомъ: онъ любитъ тѣхъ, которые отличные практики, свѣдущи въ богословіи, астрономіи и проч., ибо, если сказать правду, я сталъ извѣстенъ при дворѣ и любимъ прежде всего за то, что умѣю рисовать. Покамѣстъ только это скажу, а тамъ лично предстану.

Вся наша кампанія была такова. Въ Курляндіи мы имѣли одно сраженіе, и хотя шведы остались побѣдителями, но эта побѣда стоила имъ много крови. Мы принуждены были оставить поле сраженія и потерять нѣкоторую часть обоза вмѣстѣ съ 13-ю пушками. Послѣ этого наши войска были усилены и осадили въ той же Курляндіи Митаву и еще другую крѣпость и обѣ онѣ и вся Курляндія были завоеваны. Въ настоящее время большое войско стоитъ близъ Гродны и предполагало двинуться въ Варшаву, но ничего затѣмъ не было сдѣлано, напротивъ подумываютъ о зимнихъ квартирахъ. Если какія либо извѣстія говорятъ о чемъ либо другомъ, то не должно придавать имъ вѣры [63]).

Поручаю себя дорогому распоряженію достопочтеннаго отца-провинціала и остаюсь недостойный сынъ во Христѣ, Плія Броджіо.

Достопочтенному отцу во Христѣ Іоанну Миллеру, общества Іисуса провинціалу Богемской провинціи.

XXX. 1706 г. Краткое описаніе московской миссіи и ея настоящаго положенія до 1706 года.

Сущность этой миссіи и цѣль ея заключаются въ томъ, чтобы не только были доставлены средства къ спасенію живу-

щимъ въ городѣ Москвѣ католикамъ и получено было полное разрѣшеніе на свободное совершеніе имъ таинствъ, но чтобы также почаще совершать дѣло спасенія и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ московскаго государства, гдѣ тоже живутъ разбросанно католики. Чтобы однако и московскій народъ получилъ нѣкоторую пользу, отцы миссіонеры, около шести лѣтъ тому назадъ, завели открытую школу и сначала стали наставлять въ наукахъ и нравственности весьма немногихъ своихъ домашнихъ, но обучали съ такимъ успѣхомъ, что московскіе бояре и князья, возбужденные молвою о столь великихъ успѣхахъ, почти массами отдавали отцамъ миссіонерамъ своихъ сыновей для обученія. Отсюда вышло, что ученики этой школы состоятъ почти исключительно изъ сыновей болѣе умныхъ князей и сановниковъ. Какъ сильно понравился такой образъ дѣйствій миссіи самому свѣтлѣйшему московскому царю, это видно изъ его словъ, которыя онъ сказалъ въ Тыкоцинѣ въ 1705 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ присутствіи свѣтлѣйшаго польскаго короля Августа: „Я весьма уважаю и люблю римскихъ католиковъ. У меня самого въ городѣ Москвѣ есть два римско-католическихъ священника, которые, хотя и іезуиты и безъ моего разрѣшенія пріѣхали въ Москву подъ видомъ обыкновенныхъ священниковъ, но такъ какъ эти славные мужи живутъ на пользу всѣмъ, съ любовью обучаютъ юношей и всѣмъ нравятся, то я охотно терплю и держу ихъ въ Москвѣ“.

О дальнѣйшемъ расположеніи свѣтлѣйшаго царя можно заключить изъ того, что въ 1704 году онъ выдалъ грамоту которою разрѣшилъ отцамъ миссіонерамъ построить вновь слѣдствіи каменную церковь, которую до сихъ поръ можно было имѣть только деревянную, а многіе бояре думаютъ, что, если бы священнѣйшій римскій императоръ прислалъ московскому царю письмо съ ходатайствомъ объ этомъ, то самъ великій князь безъ затрудненія взялъ бы на себя издержки по постройкѣ новой церкви. Поэтому такъ и было сдѣлано,— было испрошено у священнѣйшаго римскаго императора Іосифа I письмо этого рода къ свѣтлѣйшему царю и оно было написано въ нынѣшнемъ 1706 году. Въ этомъ письмѣ священнѣйшій нашъ императоръ не только поручалъ своихъ отцевъ миссіонеровъ, живущихъ въ Москвѣ, покровительству

и милости его царскаго величества, но просилъ также свѣтлѣйшаго царя и объ особенной милости, именно, чтобы вышеназванный великій князь на будущее время не только не препятствовалъ проходить черезъ Москву отцамъ миссіонерамъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которые изъ императорскихъ земель направляются въ Китай, но и помогалъ имъ въ благополучномъ переѣздѣ. Это письмо при помощи свыше, какъ мы надѣемся, счастливо возымѣетъ свое дѣйствіе [64]).

Но когда въ 1705 году свѣтлѣйшій царь вступалъ съ войскомъ въ Литву, то въ это время замѣчено было, что вслѣдствіе злѣйшихъ усилій еретиковъ противодѣйствовать нашему обществу, онъ имѣлъ не такое уже хорошее мнѣніе о нашихъ отцахъ. Однако, когда наши отцы какъ въ полоцкой коллегіи, такъ въ виленской, гродненской, равно какъ и въ другихъ приняли его весьма любезно, и доставляли ему удовольствіе не только своими привѣтственными рѣчами, но довольно часто и угощеніями, то, говорятъ, однажды, въ Полоцкѣ, возвращаясь изъ коллегіи домой, онъ сказалъ: „вотъ я нахожу іезуитовъ далеко не такими, какъ они мнѣ были описаны. Они въ дѣйствительности люди славные, любезные, и со всей скромностью держатъ себя въ надлежащихъ границахъ“. О своемъ хорошемъ мнѣніи объ орденѣ царь открыто засвидѣтельствовалъ въ полоцкомъ замкѣ при извѣстномъ печальномъ случаѣ, при страшномъ его возбужденіи противъ уніатскихъ базиліанъ, когда онъ сказалъ: „какова ваша дерзость, отцы, что вы оскорбляете меня такъ грубо и безъ всякаго уваженія ко мнѣ! Развѣ вы не мужики въ сравненіи съ отцами іезуитами; хотя они сами люди благородные и знатные, а между тѣмъ совсѣмъ иначе, чѣмъ вы, именно, вѣжливо обращались до сихъ поръ со мною и пр. и пр.“ [65]).

Не малое также доказательство расположенія къ нашему ордену свѣтлѣйшаго царя можно находить и въ томъ, что, хотя строжайше запрещено терпѣть чужеземцевъ при московскомъ войскѣ, кромѣ дѣйствительно военныхъ, однако одинъ только я оставленъ въ войскѣ. И хотя свѣтлѣйшій царь вскорѣ узналъ, что я принадлежу къ ордену іезуитовъ, но, кажется, никогда ничего не имѣлъ противъ этого. Оказалось, напротивъ, больше того: въ числѣ его придворныхъ тутъ находи-

лись многіе католики и когда случалось нѣкоторымъ изъ нихъ жениться на шведскихъ женщинахъ, то самъ свѣтлѣйшій царь изволилъ послать не за еретическимъ священникомъ (чего именно желали упомянутыя женщины, принадлежащія къ той же сектѣ), но за мной, чтобы я въ присутствіи его, по католическому обряду благословилъ бракъ. И затѣмъ еще два раза это дѣлалось въ Полоцкѣ къ великому удовольствію столь великаго князя.

При дворѣ и изъ москвитянъ есть такіе сановники, которые весьма расположены къ ордену и готовы употребить всѣ средства, чтобы орденъ прочно укрѣпился въ Москвѣ ради общественнаго блага. И хотя только изъ-за простого народа мы не рѣшались ходить въ настоящей нашей одеждѣ, но есть уже надежда, что и простой народъ болѣе и болѣе станетъ привыкать къ нашимъ отцамъ и наконецъ совершенно броситъ свое глупое мнѣніе касательно насъ; а когда это предубѣжденіе будетъ побѣждено, то мы рѣшительно увѣрены, что эта миссія достигнетъ того, что гораздо больше возрастетъ божія слава.

XXXI. 1706 г. Письмо отца Франциска-Іоанна Милана, іезуита къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу общества Іисуса Богемской провинціи. Подлинникъ.

Глубоко уважаемый отецъ! Прошелъ почти уже годъ, какъ я держу приготовленное письмо, которое весьма желалъ бы имѣть возможность безопасно доставить вамъ, достоуважаемый отецъ, но до сихъ поръ ни разу не было такого случая, а необходимо, чтобы наконецъ заграницей надлежащимъ образомъ извѣстно было, каково наше положеніе, о которомъ, каково оно теперь на самомъ дѣлѣ, никто другой, кромѣ моего товарища и меня, не можетъ передать вашему преподобію, какъ бы онъ ни думалъ, что ему хорошо извѣстны здѣшнія дѣла. Надѣюсь, что наконецъ божественная благость подастъ мнѣ такой случай. Заграницей, какъ можно замѣтить, иные на словахъ и на бумагѣ описываютъ кое-что гораздо хуже, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, и наоборотъ

восхваляютъ кой-какія вещи гораздо больше, чѣмъ онѣ стоятъ этого на самомъ дѣлѣ. Я разумѣю именно наши дѣла, потому что о другихъ дѣлахъ этой страны я меньше всего забочусь. Между тѣмъ, говоря вообще, мы почти два года находимся въ такомъ положеніи, что весьма нуждаемся въ сильныхъ и дѣйствительныхъ молитвахъ къ Богу, каковымъ и поручаю себя съ глубокимъ смиреніемъ и остаюсь смиреннѣйшій во Христѣ рабъ и кліентъ, Францискъ-Іоаннъ Милапъ.

Господинъ Илія, какъ я надѣюсь, будетъ стараться, какъ можно скорѣе избавиться отъ своей военной службы и покончить свою миссію въ Москвѣ, такъ какъ этотъ славный мужъ нашелъ эту миссію далеко не такою, какою надѣялся найти. Адресъ: Достопочтенному и славному отцу во Христѣ, Іоанну Миллеру, возлюбленному моему господину и покровителю.

XXXII. 1706 г. 14 апрѣля. Вѣна. Письмо императора Іосифа I къ русскому царю, Петру Алексѣевичу. Списокъ.

Божіею милостью споспѣшествуемый Іосифъ, всегда августѣйшій императоръ римскій и король германскій, венгерскій, богемскій и проч. и проч. Свѣтлѣйшему и могущественнѣйшему государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и проч. и проч.

Свѣтлѣйшій и могущественнѣйшій Государь, другъ и любезнѣйшій братъ!

Намъ доставляетъ великое удовольствіе, когда мы узнаемъ, что ваше величество до сихъ поръ такъ благосклонно относитесь къ нашей императорской миссіи въ городѣ Москвѣ, что живущіе тамъ наши миссіонеры, какъ намъ извѣстно, пожинаютъ весьма достойные плоды не только дозволенной имъ пастырской заботой о спасеніи душъ, но и неослабными трудами въ дѣлѣ обученія молодыхъ людей наукамъ и искусствамъ. Поэтому мы, относясь заботливо и съ особенной любовью къ этой нашей императорской миссіи во владѣніяхъ вашего величества, которую вы до сихъ поръ держите въ непрестанной вашей милости, премного и теперь надѣемся на

братское расположеніе вашего величества, и дружески и по братски просимъ, чтобы ваше величество держали особенно въ эти времена въ милости рекомендуемую миссію и взяли мужей этой миссіи, весьма ревностно занимающихся веденіемъ учебнаго дѣла, подъ ваше покровительство ради общаго блага и ради насъ, и тѣмъ съ бо́льшей охотой, чѣмъ болѣе вашему величеству извѣстно, что это доставитъ намъ величайшее удовольствіе.

Второе, о чемъ мы съ такимъ же братскимъ чувствомъ и заботливостію просимъ ваше величество, заключается въ томъ, что нерѣдко, какъ намъ извѣстно, случается, что изъ нашихъ наслѣдственныхъ странъ съ благочестивѣйшими намѣреніями посылаются миссіонеры въ обширнѣйшее, извѣстное Китайское царство для приведенія тамошнихъ народовъ къ христіанскому закону. Но намъ жаль, что столько мужей съ такой огромной потерей времени и денегъ, не говоря уже о постоянныхъ опасностяхъ на морѣ и океанѣ, до сихъ поръ или едва достигали тѣхъ земель или достигали ихъ съ большими бѣдствіями.

Поэтому ваше величество весьма много обяжете насъ, если ради вашей великой славы и ради достохвальной славы христіанскаго имени милостиво изъявите согласіе на то, чтобы, по крайней мѣрѣ, тѣ миссіонеры, которые будутъ идти въ Китай изъ нашихъ императорскихъ королевствъ и областей, могли отправляться черезъ ваши земли и владѣнія. Въ остальномъ мы поручаемъ ваше величество божескому покровительству и усерднѣйше молимъ Бога, чтобъ далъ вамъ счастливый успѣхъ въ вашихъ дѣлахъ.

Дано въ городѣ нашемъ Вѣнѣ, въ 14 день мѣсяца апрѣля, въ лѣто Господне 1706-е, царствованія же нашего римскаго 17-е, венгерскаго 19-е, богемскаго 1-е.

Вашего величества любезный братъ Іосифъ. Скрѣпилъ Фридрихъ-Карлъ графъ де-Шенборнъ. Лука (?) Дольбергъ [66]).

XXXIII. 1706 г. 12 іюня. Краковъ. Письмо Иліи Броджіо. Безъ адреса. Подлинникъ.

Достопочтенный во Христѣ отецъ провинціалъ! Чтобы доставить вашему достопочтенному преподобію черезъ надежную

окказію и съ строгой осмотрительностью донесеніе о весьма удивительномъ положеніи здѣшнихъ дѣлъ, я пишу вамъ это письмо въ Краковѣ; но такъ какъ весьма непадежно отдавать письмо па здѣшнюю почту изъ опасенія, что письмо будетъ вскрыто королевскими почтарями, то я нарочно уѣзжаю сегодня изъ Кракова за двѣ станціи по направленію къ Силезіи, единственно съ тою цѣлью, чтобы обезопасить почтовую посылку.

Какъ только я достигъ, 6 іюня, до этого города (Кракова), такъ далъ знать о себѣ во дворецъ короля Августа весьма дружескимъ письмомъ къ одному моему близкому знакому. Король, услышавъ, что здѣсь находится богословъ маршала Огильви и торопится въ Москву, послалъ ко мнѣ вчера въ коллегію св. Петра своего самаго близкаго придворнаго, славнѣйшаго господина де-Дампица, который сказалъ мнѣ слѣдующія слова: что король радъ моему прибытію сюда и предлагаетъ мнѣ получить отъ него патентъ, по которому я могъ бы получать въ Польшѣ почтовыхъ лошадей и тѣмъ скорѣе прибыть къ свѣтлѣйшему царю, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы я согласился тоже оказать ему услугу и свезъ къ свѣтлѣйшему царю секретное письмо, по чтобы первый министръ царя, князь Александръ, ничего не зналъ объ этомъ письмѣ и что объ изложенномъ въ немъ дѣлѣ самъ король желалъ бы переговорить со мною (здѣсь я дѣлаю отступленіе и деликатно сообщаю, каковы дѣла между Августомъ и царемъ, о чемъ мнѣ подробно сообщилъ приближенный королевскій министръ). Въ то время, какъ царь въ декабрѣ мѣсяцѣ 1705 года уѣзжалъ въ городъ Москву, онъ передалъ все русское войско въ полную власть королю Августу, намѣревавшемуся остаться въ Гродпѣ, такъ однако, чтобы замѣстителемъ Августа былъ князь Александръ. Между тѣмъ около конца января 1706 года, при приближеніи къ Гродпѣ шведовъ, Александръ, неизвѣстно подъ какимъ предлогомъ, уѣхалъ отъ войска. Король, въ негодованіи на это, написалъ царю въ Москву, что Александръ отъ страха убѣжалъ отъ войска въ то самое время, когда ему всего болѣе нужно было бы находиться при немъ, „а я, писалъ король, тѣмъ менѣе могу оставаться при войскѣ, такъ какъ мнѣ необходимо идти про-

тивъ Рейншильда съ моими саксонцами". И такъ король Августъ, оставивъ русское войско подъ начальствомъ генерала Огильви и взявъ своихъ собственныхъ солдатъ, прибылъ въ Краковъ.

Между тѣмъ у москвитянъ произошло смятеніе; солдаты насилу избѣгли плѣна, но потеряли при этомъ почти всѣ пушки, а также весьма большіе запасы. Вслѣдствіе этого царь, разсердившись на короля Августа, по наущенію князя Александра, мстившаго за позорное обвиненіе, взведенное на него Августомъ, рѣшилъ отвести свои войска назадъ въ Москву, какъ сдѣлалъ и Августъ, уведшій свои войска въ Краковъ. Теперь король Августъ вновь ищетъ дружбы царя, а также и князя Александра, но та и другая сторона (т. е. царь и Меншиковъ) принимаютъ сухо его заискиванія и хотя не отказываютъ совершенно, но съ такимъ видомъ, что король никакъ не можетъ сообразить, въ какой тонъ брать передъ свѣтлѣйшимъ царемъ и москвитянами.

Московскій посолъ, который до сихъ поръ еще здѣсь остается при королѣ, желалъ бы соединить опять раздѣленныя души, ищетъ къ тому средствъ, и весьма горюетъ, что не можетъ безопасно отправить къ царю почти ни одного письма, и потому тоже просилъ меня во имя всего святаго отвезти секретное письмо и тоже далъ мнѣ патентъ на проѣздъ по всей казацкой области, оказалъ мнѣ и другія любезности (нужно вѣдь знать, что наше войско стоитъ въ Кіевѣ, въ казацкой области). Вообще меня въ Краковѣ такъ сильно просятъ и заискиваютъ у меня, что я пришелъ въ изумленіе отъ того, до какой степени и король и его придворные желаютъ моей услуги и убѣждены, что монахи свободно могутъ проходить чрезъ эти владѣнія, которыя, впрочемъ, мнѣ во всякомъ случаѣ нужно было проходить въ монашеской одеждѣ.

Однако, такъ какъ это порученіе кажется мнѣ весьма опаснымъ, именно, съ той стороны, что ради политическихъ дѣлъ я подвергаюсь столькимъ опасностямъ, то чтобы получить хотя нѣкоторый совѣтъ отъ васъ, достопочтенный отецъ, я въ настоящемъ письмѣ желаю кое что изложить вамъ, какъ предположеніе. Мотивы, могущіе побудить меня взять на себя вышеупомянутое бремя, могли бы быть

слѣдующіе: во-первыхъ, исполнивъ тщательно это дѣло, я могъ бы пріобрѣсть милость у обоихъ государей,—у московскаго царя и у короля Августа. Едва ли также можно сомнѣваться, что и затѣмъ меня бы приглашали при пынѣшнихъ обстоятельствахъ путешествовать то туда, то сюда по такого рода дѣламъ. Второй мотивъ могъ бы быть тотъ, что пріобрѣтя расположеніе у короля и у другого государя, я могъ бы тѣмъ легче многое испросить для блага миссіи. Но съ другой стороны, меня отклоняетъ отъ этого порученія то, что дѣло это кажется мнѣ неподобающимъ нашему обществу, и что за эту мою услугу нѣкоторыя лица, и безъ того не дружелюбно относящіяся къ ордену, можетъ быть, еще больше станутъ вредить. Кромѣ того и расположеніе царя ненадежно (такъ царь недавно предложилъ отцамъ капуцинамъ основать въ Москвѣ монастырь, и на это уже дѣйствительно дана была грамота; однако уже разлетѣлась въ прахъ вся надежда, какъ на это вчера сильно жаловался мнѣ капуцинъ отецъ Бенигнъ, духовникъ короля, и говорилъ, что царь уже забылъ о всякомъ монастырѣ для капуциновъ). Обсудивъ все это и представивъ на ваше усмотрѣніе, достопочтенный отецъ, буду ждать вашего отеческаго рѣшенія, что нужно дѣлать? Если вамъ угодно, чтобы я подвергъ себя и даже мою жизнь опасностямъ, то я мужественно пойду впередъ, лишь только получу приказаніе отправляться по долгу послушанія; а если приказано будетъ противное, то я совершенно готовъ и къ этому.

Тѣмъ не менѣе, я обязанъ сообщить, что мнѣ необходимо такъ дѣйствовать, чтобы не оскорбить находящагося теперь здѣсь, въ Краковѣ, короля и московскаго посла, которые лично меня избираютъ орудіемъ для исполненія своихъ важныхъ порученій. Я, пожалуй, могу сдѣлать такъ, что проѣду нѣсколько миль изъ Кракова по направленію ко Львову и черезъ нѣкоторое время возвращусь назадъ подъ тѣмъ предлогомъ, что переѣздъ невозможенъ. Я найду какія нибудь правдоподобныя доказательства, которыми навѣрно убѣдятся эти знатные господа. Между тѣмъ, полагаю, мнѣ нужно еще нѣкоторое время пробыть въ этихъ странахъ, потому что король еще надѣется, что царь вернется въ Польшу, такъ

какъ теперь рѣшительно полагаютъ, что онъ снова вооружается противъ шведовъ. Дѣлаетъ тоже король Августъ и здѣсь, въ Краковѣ, который онъ ревностно укрѣпляетъ къ неудовольствію поляковъ, такъ какъ столькимъ домамъ (даже и нѣсколько храмовъ находится въ опасности) грозитъ разрушеніе.

Сообщаю здѣсь также, что неправда, будто сынъ царя съ матерью своею поднялъ въ Москвѣ бунтъ противъ отца; невѣрны и другія подобныя нелѣпости о Московіи, которая на самомъ дѣлѣ наслаждается теперь миромъ.

Когда вы, достопочтенный отецъ, будете писать мнѣ отвѣтъ, то благоволите адресовать письмо прямо въ Краковъ, къ св. Петру (въ іезуитскую коллегію) и надписать, какъ условлено; по касательно сущности дѣла только написать кратко, именно: полагаю, что нужно это сдѣлать, или: не нужно; нужно отправиться въ дорогу, или погодить, или тотчасъ вернуться, какъ вы, достопочтенный отецъ, заблагоразсудите рѣшить. Поручая себя всецѣло вашимъ молитвамъ, остаюсь достопочтеннаго отца провинціала, покорнѣйшій во Христѣ рабъ и недостойный сынъ, Ілія Броджіо. Краковъ у св. Петра 12 іюня 1706 г.

P. S. Вынимаю нарочно это письмо изъ конверта на самой почтѣ и прибавляю, что король Августъ уѣхалъ или, иначе сказать, отступилъ отъ Кракова и я видѣлъ его отъѣздъ. Шведы потихоньку идутъ изъ Калиша къ Кракову. Я же, возвращаясь обратно, на пятой станціи отъ Кракова, по пути въ Сѣрадзь, куда направлялся, подвергся бѣдѣ отъ разбойниковъ, которые отняли у меня все бѣлье, изобильные припасы и всѣ постельныя принадлежности, а остальныя вещи искусно были спасены. Такимъ образомъ я немного... успокоюсь и попріодѣнусь, но еще не отказываюсь... отъ надежды на будущіе плоды [67]).

XXXIV. 1706 г. 1 іюля нов. ст. Москва. Письмо Ивана Берулы. Безъ адреса. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ! Проживъ уже почти одиннадцать лѣтъ за предѣлами провинціи, я сильно желалъ

бы снова вернуться въ нее и присоединиться къ сонму собратовъ, и умоляю объ этомъ со всею настоятельностью, умоляю по многимъ причинамъ, но преимущественно для того, чтобы собраться опять съ силами, потому что считаю это для себя въ высшей степени необходимымъ. Говорю это, какъ передъ Богомъ, (въ общепіи) съ которымъ я въ моей молитвѣ къ нему прежде всего взвѣсилъ это дѣло и взвѣсилъ, полагаю, зрѣло. Если угодно будетъ меня отозвать назадъ, то я, по полученіи согласія на это, буду искать безопаснаго случая возвратиться безъ всякихъ чужихъ издержекъ, такъ какъ достаточно обезпеченъ домашними средствами. Скажу даже, что если на мое мѣсто будетъ посланъ другой въ преемники мнѣ, то я предлагаю на его путешествіе сто имперіаловъ по текущему счету, которые привезъ съ собою въ Силезію собственно для насъ отецъ Плія Броджіо. Если же по какой-либо причинѣ кажется затруднительнымъ отозвать меня отсюда, то благоволите, по крайней мѣрѣ, прислать намъ въ помощь третьяго товарища, который могъ бы помогать отцу Милану въ проповѣдничествѣ и мнѣ въ школѣ, и обоимъ намъ при разъѣздахъ. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ получать аккуратно свое годовое жалованье изъ силезской камеры (какъ до сихъ поръ получали), мы можемъ прилично содержаться въ тросмъ.

Нашъ каменный храмъ уже выведенъ до сводовъ и мы надѣемся, что къ концу іюля онъ будетъ оконченъ съ наружной стороны. На это только расходы нашей церковной казны будутъ простираться почти до пяти тысячъ рейпскихъ флориновъ; внутренняя отдѣлка, да и внѣшнія украшенія потребуютъ еще такой же суммы, которой нужно будетъ ожидать отъ божьяго провидѣнія. Поручаю себя вашего достоуважаемаго преподобія молитвамъ при святѣйшихъ обѣднихъ и отеческой вашей любви и остаюсь достопочтеннаго вашего преподобія рабъ во Христѣ, Іоаннъ Берула. Москва 1 іюля нов. ст. 1706 г.

PS. Мой преемникъ долженъ быть утраквистомъ [65]). Отецъ Броджіо доставитъ ему удобный случай пробраться въ Москву.

XXXV. 1706 г. 12 августа. Гродна. Письмо отца Иліи Бродзіо, іезуита, къ своему провинціалу, Іоанну Миллеру. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! Послѣ двухъ моихъ писемъ, посланныхъ изъ Кракова, я счелъ излишнимъ писать вашему достопочтенному преподобію еще письмо съ половины моего пути, раньше настоящаго моего письма изъ города Гродны.

Такъ какъ обстоятельства короля Августа нѣсколько измѣнились къ лучшему, то и я рѣшился продолжать во славу Бога мое путешествіе дальше. Всѣмъ казалось, что опасно путешествовать среди столь многихъ и почти явныхъ опасностей и притомъ путешествовать такъ далеко съ однимъ мальчикомъ и возницей. Послѣ того, какъ у меня отняли въ малой Польшѣ всѣ мои вещи, нанеся мнѣ убытокъ на 100 имперіаловъ, впрочемъ, ограбили не явно, но тайно, при помощи лукавства валаховъ, о чемъ я уже писалъ, и когда въ скоромъ времени затѣмъ я былъ задержанъ шведами въ продолженіе трехъ дней у Калиша, но успѣлъ спастись отъ ихъ почетнаго караула; послѣ подобнаго рода, говорю, опасностей я сталъ открыто заявлять по этой благословенной Польшѣ о своемъ званіи и доказывать и на словахъ и на бумагѣ, что я посланъ его императорскимъ величествомъ, какъ посолъ, ко двору короля Августа, а затѣмъ къ свѣтлѣйшему царю. Это такъ удачно вышло, что изъ уваженія къ королю для меня вездѣ приготовляли даромъ лошадей, и какъ по дорогамъ, такъ и въ гостинницахъ дворяне и солдаты оказывали мнѣ любезность и доставляли спокойствіе. Даже самъ господинъ генералъ Шмигельскій далъ мнѣ весьма недавно 20 искусныхъ всадниковъ, чтобы они отвезли меня невредимымъ до Гродны. Поэтому я разсчитываю, что отнынѣ буду путешествовать благополучнѣе.

Король Августъ находится отъ Гродны въ 10 миляхъ и спѣшитъ въ Кіевъ, какъ объ этомъ вездѣ носится слухъ. Тамъ онъ предполагаетъ соединиться съ москвитянами противъ шведовъ, которые, какъ говорятъ, имѣютъ намѣреніе осадить Кіевъ, изъ чего явно, что между свѣтлѣйшимъ царемъ и Августомъ опять уже хорошія отношенія. Объ остальныхъ слу-

хахъ не рѣшаюсь говорить, пока не почерпну свѣдѣній, можетъ быть, изъ самаго источника. Но и теперь знаю, что москвитяне дѣйствительно съ большой потерей ушли изъ Литвы, вынужденные къ тому не столько мечомъ или оружіемъ, сколько заразой, такъ какъ, говорятъ, у нихъ въ продолженіе одного почти мѣсяца погибло тамъ отъ болѣзней, кромѣ двухъ генераловъ и многихъ офицеровъ, 7,000 человѣкъ. Но этими ударами свѣтлѣйшій царь не смущается; у него уже готово довольно многочисленное войско противъ шведовъ, но вотъ что нехорошо: говорятъ, будто Бранденбургъ тайно заготовилъ для шведовъ у границъ Пруссіи 10,000 отборныхъ солдатъ. Слѣдовательно, мы вскорѣ услышимъ объ исходѣ дѣлъ, при которомъ, если всеблагой Богъ поможетъ, и я постараюсь присутствовать.

Второе, что я узналъ, слѣдующее: ужасная ложь все то, что ни говорили въ Германіи о сраженіи между шведами и москвитянами. Послѣдніе отошли къ своимъ границамъ безъ всякаго преслѣдованія со стороны шведовъ. Но 4000 казаковъ дѣйствительно были разбиты шведами, и, можетъ быть, тысяча москвитянъ была перебита литовскими крестьянами. Это вѣрно.

Сегодня я ѣду къ свѣтлѣйшему королю Августу и затѣмъ предполагаю отправиться съ дворомъ его до московскихъ границъ. Пока пишу только это; больше напишу, когда увижусь съ его величествомъ. Теперь, смиреннѣйше поручая себя отеческой милости, остаюсь достопочтеннаго отца провинціала (рабъ) Илія Броджіо [63]).

Достопочтенному отцу во Христѣ Іоанну Миллеру, провинціалу ордена Іисуса Богемской провинціи.

XXXVI. 1705 г. 24 августа. Новогрудокъ Литовскій Письмо іезуита Иліи Броджіо къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! Въ двадцатый день августа я, наконецъ, догналъ свѣтлѣйшаго короля Августа съ его дворомъ въ Новогрудкѣ, въ сосѣдней Литвѣ.

Когда на третій день я имѣлъ у него аудіенцію, то онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за его лагеремъ или, лучше сказать, за его дворомъ, чтобы тѣмъ безопаснѣе я могъ добраться до свѣтлѣйшаго царя. И такъ, мы надѣемся соединиться съ свѣтлѣйшимъ царемъ и его войсками, но навѣрно ничего еще нельзя знать, куда двинутся войска. Всѣ однако того мнѣнія, которое я вчера слышалъ изъ устъ московскаго посла, что свѣтлѣйшій царь двинулся изъ Кіева 23 іюля по направленію къ намъ съ пѣхотой и пушками, а князь Александръ съ конницей ушелъ уже впередъ на 16 миль. Поэтому каждую минуту ожидаютъ письма отъ упомянутаго князя, чтобы король Августъ зналъ, куда дальше идти. Весьма таинственна эта война и на бумагѣ невозможно излагать разъясненія ея. Я весьма радъ, что здѣсь повсюду относятся съ уваженіемъ къ славнѣйшимъ успѣхамъ австрійскаго дома, который здѣсь вездѣ достаточно на виду, почему и тотъ слухъ (который, какъ бы вѣрная исторія, разносится въ особенности въ этихъ мѣстностяхъ къ радости нѣкоторыхъ) нѣсколько ослабѣлъ и проч. Да сохранитъ Богъ свѣтлѣйшаго короля Августа, который самъ по себѣ, безъ сомнѣнія, лучшій государь. Въ пользу моихъ намѣреній и моей экспедиціи я располагаю въ настоящее время умы нѣкоторыхъ господъ при здѣшнемъ дворѣ, способныхъ въ самомъ дѣлѣ содѣйствовать моему желанію, къ которому я, на сколько достаетъ моихъ силъ, и направлю мою слабую работу. Если появятся какія нибудь извѣстія въ Германіи по поводу этой кампаніи о сраженіяхъ и о числѣ московитянъ, то совсѣмъ не слѣдуетъ имъ вѣрить, такъ какъ въ этомъ году еще не произошло ничего ни печальнаго, ни радостнаго. То лишь признается за вѣрное, что Москаль снова идетъ къ намъ съ 60,000-мъ войскомъ. Я не премину донести письмомъ, что произойдетъ, когда онъ прибудетъ сюда, что только будетъ стоить того, чтобы передать вамъ. Впрочемъ, мое намѣреніе таково, чтобы какъ только я получу отвѣтъ отъ свѣтлѣйшаго царя, сейчасъ же уѣхать на почтовыхъ въ городъ Москву, чтобы посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится наша миссія и оттуда донести его императорскому величеству, милостивѣйшему нашему основателю, о томъ, что я видѣлъ своими глазами, такъ какъ здѣсь распространены пустые слу-

хи, которымъ я еще не придаю вѣры. Все мое дѣло смиренно ввѣряю вниманію вашего достопочтеннаго преподобія и вмѣстѣ съ тѣмъ пребываю достопочтеннаго отца провинціала недостойный во Христѣ сынъ и рабъ, Илія Броджіо. Литовскій Новогрудокъ. 24 августа 1706 г. [70]).

XXXVII. 1706 г. 20 октября нов. ст. Изъ лагеря у Піотрокова.

Александръ Меншиковъ князь священной римской имперіи, кавалеръ св. Андрея и Бѣлаго Орла, генералъ-губернаторъ Ингріи и Эстоніи, священнаго царскаго величества главный начальникъ надъ конными войсками и генералъ и пр. и пр. Копія.

По данному намъ его священнымъ царскимъ величествомъ полномочію мы настоящимъ письмомъ почтительно увѣдомляемъ святѣйшаго государя, господина Климента XI, божіею волею римскаго папу, отца и всеобщаго пастыря святой римской церкви о томъ, что вслѣдствіе недавней просьбы августѣйшаго и непобѣдимѣйшаго римскаго императора Іосифа I, переданной его свѣтлѣйшему царскому величеству чрезъ уважаемаго и ученѣйшаго отца Илію Броджіо изъ ордена Іисуса, прокуратора московской миссіи, его царское величество черезъ насъ, какъ бы назначеннаго для этого полномочнаго министра, разрѣшаетъ не только свободное исповѣданіе римско-православной вѣры въ городѣ Москвѣ, но и милостиво допускаетъ, чтобы устроенное до того первоначальное училище, весьма много посѣщаемое московскою знатью, было преобразовано въ настоящую гимназію для обученія преимущественно юношей нашихъ вельможъ, а также даетъ полнѣйшее разрѣшеніе на то, чтобы, вмѣсто дозволенной прежде деревянной церкви, теперь была выстроена церковь изъ камня (какъ она и теперь уже строится). Его царское величество открываетъ теперь для миссіонеровъ совершенно всѣ московскія области и страны (закрытыя было прежде), чтобы они безопаснѣе, кратчайшимъ путемъ и при нашей помощи могли отправляться въ отдаленную китайскую имперію. Въ удостовѣреніе сего мы прикладываемъ свою

княжескую печать и собственноручно подписываемся. Дали мы эту грамоту изъ Лагеря у Піотркова въ 20 день октября мѣсяца новаго стиля 1706 года [71]). Уполномоченный Александръ князь. NB. Подпись по московски.

L. S

XXXVIII. 1706 г. 28 октября. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана (Милана). Безъ адреса. Подлинникъ.

Достопочтеннѣйшій господинъ и глубокоуважаемый патронъ! Хотя я и не получилъ перваго письма, о которомъ вы изволите упоминать, но съ невыразимой радостью получилъ ваше письмо отъ 15-го мая, которое доставилъ сюда изъ Польши господинъ Илія. Изъ этого письма я узналъ, что вы благополучно вернулись изъ Рима, о чемъ приношу величайшія, благодарственныя моленія Богу. Да хранитъ Богъ, какъ можно дольше, ваше достопочтеннѣйшее преподобіе невредимымъ. Желать вамъ этого отъ всей души заставляетъ меня особенный долгъ мой передъ вами отъ первой моей юности, о чемъ я въ моей жизни ежедневно вспоминаю.

Что касается пожара, то нѣтъ ничего такого, о чемъ вы особенно должны были бы жалѣть, достопочтеннѣйшій отецъ, такъ какъ изъ этого возникло гораздо бо́льшее благо, чѣмъ было, именно, каменная церковь, которая, что касается постройки, противъ всякаго нашего ожиданія уже окончена, но при этомъ кончились и всѣ деньги, именно, 2,000 руб. или 4,000 имперіаловъ, и даже нѣсколько больше. Такимъ образомъ, на постройку трехъ алтарей, скамеекъ, каѳедры, органа и другихъ украшеній внутри церкви не знаемъ, откуда достать вспомоществованія, ибо мы истощили уже до послѣдней степени средства нашей небольшой и небогатой общины. Для начала постройки подарилъ 2,000 имперіаловъ славнѣйшій господинъ графъ Яковъ Гордонъ; около 1,000 внесли отъ себя мои старые прихожане итальянцы, находящіеся въ Азовѣ и немногіе тамошніе офицеры; остальное же или прислано или собрано съ большимъ трудомъ по частямъ. Изъ другихъ военныхъ офицеровъ, какъ большихъ, такъ и ма-

лыхъ, которые прибыли сюда приблизительно два года тому назадъ, ни одинъ не далъ даже копѣйки. Наши геркулесы мало помогли намъ и объ нихъ можно сказать то, что говорится у Исаіи глава 9, ст. 3 [72]).

О дѣлахъ и повышеніяхъ нашихъ друзей въ нашей (іезуитской) провинціи мы узнаемъ съ великою радостію. Да благословитъ ихъ Богъ и да дастъ и намъ также совершить что нибудь прочное и дѣйствительно успѣшное для славы его.

Господинъ собратъ мой охотно готовъ соображаться съ желаніемъ старшихъ; но, если наконецъ послѣ двухъ лѣтъ произойдетъ какая либо перемѣна, то желательно, чтобы послалъ былъ кто нибудь не только съ такимъ же твердымъ терпѣніемъ и смиреніемъ и съ такою же готовностію не только дѣйствовать, а и страдать, но также и такой, чтобы у него совсѣмъ не было недостатка въ знаніи литературы и языковъ, а именно: чтобы онъ зналъ языки нѣмецкій, французскій, итальянскій (бельгійскому онъ здѣсь легко научится), а важнѣе всего, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, чтобы онъ зналъ или моравскій, или чешскій, или польскій языкъ; знаніе восточныхъ языковъ менѣе необходимо. Что же касается того, какимъ образомъ овладѣло моимъ собратомъ желаніе (уѣхать изъ Москвы), то я не могу этого знать, но долженъ признаться, что когда я смотрю на настоящее наше положеніе, а тѣмъ болѣе, когда представляю себѣ наше будущее, то и меня,—человѣка второстепеннаго и гораздо ниже моего собрата, искушало бы такое же самое желаніе, если бы я не обращалъ мою мысль къ тому, что уже одна философія положила на меня обѣтъ посвятить всю жизнь миссіямъ, а потому я говорю съ апостоломъ: поставленъ я въ этомъ положеніи, а гдѣ затѣмъ буду поставленъ, объ этомъ не долженъ безпокоиться; пусть совершается воля божія въ распоряженіяхъ моихъ руководителей.

Господинъ Илія въ своемъ письмѣ упоминаетъ о какомъ то, данномъ ему порученіи, о которомъ, надѣюсь, будетъ извѣстно вамъ de Gymnade (?) и пр. Мы оба единодушно думаемъ, что изъ этого порученія ничего не выйдетъ и даже предсказали бы это, если бы господинъ Илія спросилъ насъ, потому что дѣло это преждевременно и безплодно,

1) потому, что такіе товары, какіе нужно было бы отправлять (сюда), не имѣютъ никакой цѣны у царя и у многихъ другихъ, слѣдовательно, какъ бы ни было много и даже усердныхъ продавцевъ, но если нѣтъ покупателей, то какую пользу они принесутъ? 2) Такія мастерскія уже раньше многіе пробовали заводить и тоже безъ всякаго успѣха, и наша мастерская, хотя процвѣтала нѣкоторое время, но теперь уже совсѣмъ падаетъ, потому что здѣсь такіе товары не считаются полезными ни для славы, ни для уваженія, ни для карьеры, а потому и не покупаютъ ихъ. 3) Здѣсь увѣрены, что подобнаго рода продавцы не ищутъ ничего другого кромѣ распространенія (латинства), поэтому мало довѣряютъ имъ и еще менѣе стали бы довѣрять, если бы этихъ продавцевъ было большее число. 4) По тысячѣ причинъ или, лучше сказать, по безконечному множеству причинъ имъ не годится получать свое содержаніе отъ тѣхъ, къ кому ихъ посылаютъ (объ этихъ причинахъ лучше разсказать устно, чѣмъ письменно) и потому они должны были бы имѣть содержаніе изъ своей страны и гораздо больше, чѣмъ по 100 имперіаловъ въ годъ для каждаго изъ нихъ, по причинѣ страшной дороговизны предметовъ, на каковую сумму едвали можно разсчитывать при нынѣшнихъ смутахъ. Къ этому присоединяется еще то, что ему (Броджіо) поручено это дѣло такимъ лицомъ, которое теперь едвали могло бы помочь самому себѣ, а тѣмъ меньше содѣйствовать этому предпріятію [73]). Если господинъ Нлія желалъ позаботиться для насъ о чемъ либо полезномъ, то позаботился бы достать намъ вспомоществованіе на жалованіе учителю, потому что, такъ какъ мы не можемъ ему платить, то дѣти обоего пола расходятся по школамъ лютеранъ и кальвинистовъ къ великой нашей скорби и къ своей погибели; даже церковный порядокъ сильно разстраивается изъ-за недостатка денегъ по причинѣ частаго отсутствія учителя на божественной службѣ, чего невозможно ставить ему въ вину, такъ какъ онъ долженъ снискивать себѣ средства къ жизни, равнымъ образомъ потому, что на покупку воску, вина, дровъ и другихъ вещей для церкви намъ приходится прибѣгать къ крайне тягостному и почти безплодному выпрашиванію милостыни. Если бы отъ этого онъ

насъ избавилъ, то обезсмертилъ бы свое имя, по ему извиненіемъ служатъ злыя времена. Что касается до тѣхъ сообщеній, которыя иногда передаются заграницу, то пусть даютъ имъ мало вѣры. Я исключаю при этомъ сообщенія моего собрата, которому все хорошо извѣстно. И хорошіе люди иногда впадаютъ въ заблужденіе, когда видятъ, что многое блеститъ; они сейчасъ заключаютъ, что все это уже и горитъ, но такое заключеніе у насъ не имѣетъ мѣста. Впрочемъ, не должно ставить этого въ упрекъ. Я помню, какъ въ первые годы я и мой со братъ впадали въ такое же заблужденіе, пока не узнали получше дѣлъ [74]).

Новаго здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ того, что въ нашей Слободѣ необычайно свирѣпствовали въ этомъ году пожары, и мы опять два раза были весьма близки къ опасности отъ сосѣдей, которые погорѣли. О, если бы намъ удалось столько сберечь средствъ, чтобы со временемъ мы могли выстроить одну или двѣ келійки, потому что теперь, за исключеніемъ храма, все деревянное, хотя послѣ бывшаго у насъ пожара все это уже удалено отъ него. Быть можетъ, вамъ будетъ пріятно взглянуть на прилагаемый здѣсь планъ, хотя и грубо и поспѣшно сдѣланный, всего нашего жилья вмѣстѣ съ новымъ небольшимъ храмомъ въ честь св. Троицы, какъ онъ теперь есть. Будьте такъ добры, извините, что не посылаю лучшаго плана. Я не могу еще начертить плана внутренняго устройства храма, такъ какъ внутри все еще не готово, да и самъ я еще не знаю, каково оно будетъ [75]).

Смиреннѣйше поручаю себя вашей отеческой любви. Удостойте особенно поминать насъ въ своихъ святыхъ молитвахъ. Вѣдь мы живемъ такъ, какъ говоритъ Апокалипсисъ объ ангелѣ Пергама. Остаюсь смиреннѣйшій рабъ во Христѣ, отецъ Іоаннъ Францискъ Миланъ, императорскій миссіонеръ. Москва. 28-го октября 1706 года.

XXXIX. 1706 г. 4 ноября. Опава. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита, къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! Вчера я благополучно возвратился отъ московскаго войска и прибылъ

въ Опаву, откуда въ настоящемъ письмѣ и посылаю вамъ, достопочтенный отецъ, краткій разсказъ о моихъ разъѣздахъ.

Когда я сталъ дожидаться въ Литвѣ москвитянъ, оставаясь при дворѣ его величества короля Августа, который самъ посовѣтовалъ мнѣ это на первой моей аудіенціи у него, то я отправилъ оттуда къ князю Александру, находившемуся тогда съ царемъ въ Кіевѣ, одно или два письма, въ которыхъ изложилъ, какое имѣю порученіе отъ нашего августѣйшаго императора, и, боясь, какъ бы свѣтлѣйшій царь не отправился вдругъ (какъ носился слухъ) въ путешествіе къ морю, просилъ князя Александра, чтобы на время столь продолжительнаго отсутствія царя назначенъ былъ какой-либо уполномоченный, который бы именемъ свѣтлѣйшаго царя удовлетворилъ просьбамъ его императорскаго величества, что и было сдѣлано. Царь, узнавъ передъ своимъ отъѣздомъ о просьбѣ императора, назначилъ своимъ безусловно-уполномоченнымъ самого князя Александра, чтобы онъ, вскрывъ вмѣсто него письмо императора, написалъ по всѣмъ пунктамъ вполнѣ утвердительный отвѣтъ. Поэтому, когда вышесказанный князь шелъ съ своимъ конпымъ войскомъ въ Люблинъ, я выѣхалъ на встрѣчу къ нему, пробылъ у него нѣсколько недѣль, при чемъ мнѣ оказано было много милостей, и наконецъ благополучнѣйшимъ образомъ отпущенъ былъ въ дорогу съ письмомъ къ августѣйшему нашему императору. Въ этомъ письмѣ (копію съ котораго я вышлю сейчасъ изъ Вѣны достопочтенному вашему преподобію) подтверждается прежде всего свободнѣйшее исповѣданіе вѣры, вновь подтверждается постройка каменнаго храма (который, говорятъ, уже покрытъ крышей). Равнымъ образомъ царь прямо разрѣшилъ, чтобы существующее училище было преобразовано въ настоящую гимназію, чтобы на будущее время она тѣмъ болѣе наполнялась московскою знатью, и этой гимназіи свѣтлѣйшій царь сверхъ того обѣщаетъ непарушимо даровать особенныя привиллегіи. Наконецъ этотъ же великій князь московскій открываетъ совершенно свое московское государство для отцовъ миссіонеровъ, имѣющихъ отправляться въ Китай, и желаетъ, чтобы тотчасъ испытана была эта милость, отправленіемъ въ Китай какого угодно числа миссіо-

неровъ [76]). Кромѣ этого письма, дающаго права на всѣ упомянутыя милости и написаннаго на имя его императорскаго величества, свѣтлѣйшій царь приказалъ для большаго еще удостовѣренія въ дѣйствительности этихъ правъ приложить къ императорскому письму формальный декретъ, тоже скрѣпленный печатью и подписью, адресованный самому верховному первосвященнику, и въ письмѣ къ императору выражается желаніе, чтобы его императорское величество переслалъ этотъ декретъ, вложенный въ письмо къ нему, римскому первосвященнику [77]). Такъ какъ я имѣю теперь порученіе и для исполненія его мнѣ даны вышеназваннымъ княземъ Александромъ деньги на дорогу, чтобы я ѣхалъ въ Римъ не только для вручепія императорско-царскихъ писемъ, но и переговорилъ тамъ съ верховнымъ первосвященникомъ о томъ, чтобы поскорѣе отправленъ былъ въ Москву папскій нунцій и чтобы даже я привезъ его, когда буду возвращаться назадъ, то и буду ожидать особеннаго обо всемъ этомъ вашего мнѣнія, достоуважаемый отецъ провинціалъ. Если вы благоволите одобрить это дѣло, то, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы я на возвратномъ пути изъ Вѣны гдѣ нибудь свидѣлся съ вашимъ достоуважаемымъ преподобіемъ и доложилъ бы еще о нѣкоей фундаціи, о которой сдѣлалъ упоминаніе весьма недавно въ Римѣ графъ Гордонъ, Мальтійскій кавалеръ, и къ которой верховный первосвященникъ, говорятъ, отнесся весьма благосклонно. Присовокупляю еще, что мнѣ нужно исполнить въ Вѣнѣ нѣкоторыя порученія. Во-первыхъ, князь Александръ поручилъ мнѣ передать устно его императорскому величеству нѣкоторыя, особенно важныя причины, по которымъ слѣдуетъ, какъ можно скорѣе, отправить кого нибудь легатомъ къ свѣтлѣйшему царю. Во-вторыхъ свѣтлѣйшій царь предлагаетъ его императорскому величеству во всякое время 40,000 войска противъ возмутившихся венгерцовъ, и на это требуется немедленный отвѣтъ. Въ третьихъ, мнѣ поручили въ случаѣ, если августѣйшій императоръ будетъ почему либо затрудняться заключать новый договоръ съ царемъ, и притомъ какъ можно скорѣе, чтобы я постарался похлопотать въ Римѣ у верховнаго первосвященника, чтобы онъ собственноручнымъ письмомъ

посовѣтовалъ это императору. Вотъ вся совокупность дѣлъ моей новой экспедиціи. Но, такъ какъ мнѣ кажется, что нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ относятся къ политикѣ и находятся внѣ моей сферы дѣятельности (о которой я всегда помню), то я буду подвигаться впередъ въ этихъ дѣлахъ весьма осторожно и скромно осматривая всѣ обстоятельства и напередъ хорошо обработывая дѣло, прежде чѣмъ оно явится на языкѣ, а еще прежде я желалъ бы узнать отеческое и мудрое мнѣніе объ этомъ вашего достопочтеннаго преподобія. Завтра я тронусь въ путь изъ Опавы въ Оломуцъ, а оттуда въ Брюнъ и Вѣну. Я вынужденъ спѣшить, чтобы передать московскому резиденту въ Вѣнѣ приказаніе немедленно отправиться къ вышеупомянутому князю во Львовъ за какой-то инструкціей отъ имени царя и тотчасъ возвратиться назадъ, на что я и везу ему съ собою 2.000 золотомъ. Поэтому, когда я достигну Вѣны, то подробнѣе донесу вашему достопочтенному преподобію, а пока я рѣшилъ остановиться въ Брюнѣ для того, чтобы мнѣ приготовили орденскую одежду, въ которой я потомъ и буду появляться и въ Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Затѣмъ, поручая себя наисмиреннѣйше отеческой милости, остаюсь достоуважаемаго отца провинціала рабомъ и недостойнымъ во Христѣ сыномъ Ілія Броджіо. Въ Опавѣ, 4-го сентября 1706 г. [78])

P. S. Сегодня послѣ того, какъ я сообщилъ находящейся въ Опавѣ нунціатурѣ королевства польскаго о московскихъ дѣлахъ, начальникъ этой достоуважаемой нунціатуры написалъ мнѣ два письма для передачи ихъ свѣтлостямъ кардиналамъ Пауллуччи и Спадѣ, чтобы они содѣйствовали успѣху моихъ дѣлъ у святѣйшаго папы.

XL. 1706 г. 25 ноября. Хомутовъ. Письмо Іоанна Миллера. Подлинникъ. Безъ адреса, но очевидно къ Ильѣ Броджіо.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ! Мнѣніе отцовъ капуциновъ [79]) нашей провинціи и мое таково, что слѣдуетъ разрѣшить вашему преподобію, чтобы вы отправились въ

Римъ къ святѣйшему папѣ и вѣрно доложили ему все порученное вамъ, если только не помѣшаетъ вашимъ дѣламъ или совсѣмъ ихъ не подрѣжетъ миръ, заключенный между королями Августомъ и шведскимъ, миръ, который, говорятъ, они стали ковать и выковали безъ вѣдома царя. Но ваше преподобіе ограничитесь лишь простымъ изложеніемъ данныхъ вамъ порученій, и не станете вмѣшиваться въ хлопоты объ ихъ исполненіи. Равнымъ образомъ, вы можете передать нашему августѣйшему Іосифу все, что вы получили для передачи въ видѣ письма или словесно, но какъ можно болѣе воздерживайтесь настаивать или хлопотать объ исполненіи данныхъ вамъ порученій.

Далѣе, если вы, достопочтенный отецъ, вмѣстѣ съ отцомъ Чакертомъ (которому благоволите все сообщить) рѣшите, что при нынѣшней запутанности дѣлъ, нужно погодить ѣхать въ Римъ и сперва со мной повидаться, то это можно устроить, такъ какъ я съ настоящаго времени и до новаго года буду находиться недалеко отъ Праги. Если же можно было бы устроить все посредствомъ писемъ для избѣжанія лишнихъ разъѣздовъ и лишнихъ издержекъ и для ускоренія и благовременности вашего пріѣзда въ Вѣну, то вы могли бы прямо отправиться въ Италію.

Да соприсутствуетъ достопочтенному вашему преподобію Богъ съ своею благодатію во всѣхъ вашихъ дѣлахъ такъ, чтобы эти дѣла имѣли тотъ именно исходъ, какой ведетъ къ большой его славѣ. Да помнитъ достопочтенное ваше преподобіе и меня во всѣхъ своихъ молитвахъ.

Хомутово, 25 ноября 1706 г. Достоуважаемаго вашего преподобія рабъ во Христѣ, Іоаннъ Миллеръ.

XLI. 1706 г. 4 декабря. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо іезуита къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Достопочитаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! На письмо вашего достопочитаемаго преподобія, выданное мнѣ 4-го числа настоящаго мѣсяца [81]), отвѣчаю слѣдующее. Хотя я и боялся, какъ бы какое нибудь изъ моихъ порученій не разстроилось

вслѣдствіе мира, заключеннаго между Августомъ и шведскимъ королемъ, но теперь вижу, что это миръ фиктивный, что августѣйшій нашъ Іосифъ нисколько въ этомъ не виновенъ и потому, по мнѣнію всѣхъ, дѣла наши теперь еще пока не разстроены.

1-го декабря я имѣлъ милостивую и дружественную аудіенцію у нашего августѣйшаго императора. Римская поѣздка по извѣстному дѣлу ему очень понравилась, такъ что добрѣйшій императоръ самъ предложилъ свое дорогое содѣйствіе къ ея успѣху у святѣйшаго отца; но августѣйшій желаетъ, чтобы и я оказалъ ему услугу раньше, чѣмъ возьмусь за дѣло Римское, именно, чтобы, какъ можно скорѣе, отправился въ Польшу, а, если возможно, то и къ самому царю, и секретнымъ образомъ (ибо сильно слѣдятъ шведы, особенно вѣнскіе, не состоитъ ли въ слишкомъ дружеской перепискѣ съ московскимъ царемъ нашъ августѣйшій императоръ) доставилъ царю весьма важное письмо и отъ имени его величества сообщилъ кое что и удостовѣрилъ касательно кое-чего и пр. Я покамѣстъ не безъ охоты берусь за этотъ удобный случай возвратиться къ русскимъ, такъ какъ считаю совершенно необходимымъ окончательно разузнать, насколько при нынѣшнихъ обстоятельствахъ москвитяне постоянны, и непроизошло-ли какого-либо разстройства въ религіозной гармоніи изъ за того мира, который попробовали устроить между собою, съ исключеніемъ царя, шведскій король и Августъ, (хотя теперь онъ уже разстроился) и не измѣнилось-ли хоть нѣсколько у этого подозрительнаго народа расположеніе къ нашему императору? Если я найду, что все въ хорошемъ состояніи и что прежнее расположеніе не поколебалась, тогда тѣмъ съ большею увѣренностію и спокойствіемъ буду въ состояніи выѣхать въ февралѣ мѣсяцѣ въ Римъ къ его святѣйшеству по столь желанному дѣлу вѣры, пріостановленному теперь нѣсколько по весьма основательнымъ причинамъ.

Завтра назначена мнѣ вторая аудіенція у нашего августѣйшаго, поэтому надѣюсь, что скоро выѣду изъ Вѣны въ благословенную Польшу. Я послалъ бы вамъ копію съ того письма, которое доставилъ нашему августѣйшему; но такъ какъ говорятъ, что августѣйшій держитъ его еще у себя, то

и нельзя было до сихъ поръ достать копіи. Пока посылаю копію съ декрета, адресованнаго нашему святѣйшему господину и, хотя не слѣдовало бы списывать его и давать туда и сюда, чтобы о немъ не узнали въ Римѣ раньше, чѣмъ онъ будетъ переданъ мною святѣйшему отцу, однако можно бы его сообщать нашимъ для прочтенія, чтобы они тѣмъ усерднѣе молились объ этомъ полезнѣйшемъ дѣлѣ религіи [81]).

Что касается письма отца Берулы [82]), то я желалъ бы, чтобы этотъ мужъ пробылъ тамъ, по крайней мѣрѣ, до окончанія постройки храма. Тогда, я полагаю, меньше будетъ вреда для миссіи, что на его мѣсто будетъ посланъ другой. Затѣмъ, касательно того, что пишетъ онъ, будто я привезъ съ собой въ Силезію сто имперіаловъ для того, чтобы они пошли на дорогу новому апостолу, имѣющему отправиться въ Москву, то здѣсь нужно разумѣть китайскія вещи, которыя отецъ (ректоръ іезуитской коллегіи) хотѣлъ обратить въ деньги на сумму 400 флориновъ: но я думаю, что онѣ еще до сихъ поръ находятся въ Прагѣ и не проданы. Впрочемъ, объ этомъ не стоитъ говорить. Еслибы я зналъ, что застану царя, не гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ, а въ Москвѣ, и что слѣдовательно долженъ отправляться съ письмомъ и порученіемъ отъ августѣйшаго въ самую Москву, то было бы во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, если-бы сейчасъ отправился со мною какой либо, но очень знаменитый коммисаръ (миссіонеръ). Провинція могла бы одолжить ему на дорогу сто имперіаловъ, принявъ въ обезпеченіе мое честное, непарушимое слово, что они будутъ возвращены сейчасъ по моемъ возвращеніи. Эти китайскія картины (вазы), засѣвшія въ Прагѣ, легко могли бы быть доставлены со мною въ Польшу, весьма легко нашли бы тамъ цѣнителя и обращены былибы въ деньги. Но такъ какъ для всего этого мало времени и нельзя знать навѣрное, поѣду-ли я теперь въ Москву по этой самой дорогѣ, то думаю, что нужно все отложить до того времени, когда я возвращусь изъ Рима (если угодно будетъ всеблагому Богу) и буду направляться въ Москву не только въ сообществѣ двухъ или трехъ товарищей, новыхъ работниковъ, но и снабженный деньгами для новой римской фундаціи. Если бы мнѣ нужно было еще что либо, то я могъ-бы самъ увидѣться съ вами, достоуважаемый отецъ,

а теперь пока, съ сыновнею почтительностію поручаю себя отеческой вашей милости и остаюсь достоуважаемаго отца провинціала смиреннѣйшимъ и недостойнымъ во Христѣ сыномъ и рабомъ Илія Броджіо. Вѣна 4 декабря 1706 г.

XLII. 1706 г. 18 декабря. Вѣна. Письмо императора Іосифа I къ московскому царю. Копія.

Іосифъ... (вынущены титулы). Мы не можемъ выразить словами, какую великую радость доставило намъ письмо уполномоченнаго вашего величества, славнѣйшаго Александра Меньшикова, нашего и священной римской имперіи князя, недавно написанное къ намъ изъ Піотрокова, отъ 20-го дня октября, въ которомъ онъ извѣстилъ насъ, что ваше величество, весьма охотно соглашаясь на наши желанія, переданныя вамъ преданнымъ и любезнымъ намъ отцомъ Ильею Броджіо, не только утвердили право свободнаго исповѣданія римско-православной вѣры въ городѣ Москвѣ, но сверхъ того милостиво разрѣшили преобразовать недавно открытое училище живущихъ въ Москвѣ отцовъ миссіоперовъ въ надлежащую гимназію и вполнѣ открыли земли и страны Московіи (которыя до сего времени были закрыты) тѣмъ отцамъ миссіонерамъ, которые пожелаютъ отправиться въ Китай. Кромѣ того, что это содѣйствуетъ распространенію богопочитанія и что за это слава вашего величества пребудетъ во вѣки, заявляемъ, что и мы премного обязаны вашему величеству за такое отличное выраженіе братскаго вашего расположенія къ намъ. Поэтому мы приносимъ во имя Бога величайшую благодарность вашему величеству и просимъ ваше величество вѣрить, что мы никогда не пропустимъ удобнаго случая отблагодарить васъ за это. И такъ какъ нѣтъ ничего дороже и желательнѣе намъ братской вашего величества дружбы и благорасположенности, то мы больше всего жаждемъ, чтобы сохранялась и умножалась эта взаимная наша братская дружба съ вашимъ величествомъ, какъ выше названный отецъ Илія—податель этого нашего письма, не сомнѣваемся, разъяснитъ вамъ подробнѣе. Впрочемъ, молимъ у всеблагаго Бога съ величай-

шею братскою любовію вашему величеству всякаго благополучія. Вѣна, дня 18-го декабря 1706 г. Къ Московскому царю объ отцахъ миссіонерахъ [83]).

XLIII. 1706 г. 24-го декабря. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Предпославъ молитву за васъ къ Богу при наступленіи сосчастливѣйшихъ праздниковъ рождества Господа, а также и почтительнѣйшія пожеланія на новый годъ, съ сыновнимъ почтеніемъ доношу настоящимъ письмомъ, что, хотя уже нѣсколько дней тому назадъ я совсѣмъ получилъ отъ августѣйшаго нашего отпускъ, но меня задержалъ на всѣ ближайшіе праздники его превосходительство имперскій вице-канцлеръ графъ Шенборнъ. Я желалъ бы какъ можно скорѣе поспѣшить въ дорогу; между тѣмъ рѣшительно противъ моей воли послѣдовала эта задержка. Добрый этотъ господинъ по своей ревности къ благу нашей миссіи, (хотя я объ этомъ нисколько не хлопочу и не понуждаю къ этому) старается добыть изъ казначейства назначенные августѣйшимъ государемъ на постройку московскаго костела шестьсотъ флориновъ и, хотя, по моему мнѣнію, ничего изъ этого не выйдетъ, однако я не хотѣлъ, чтобы его превосходительству вице-канцлеру имперіи показалось, что я пренебрегаю его совѣтомъ, и рѣшилъ просто изъ любезности къ нему еще остаться здѣсь на три дня праздниковъ, а затѣмъ тотчасъ же отправиться въ Брюнъ и прибыть туда непремѣнно къ новому году.

Хотя я умѣю держать въ тайнѣ довѣренныя мнѣ секретныя дѣла, но сообщаю изъ числа ихъ, что орденъ святаго креста, который раздается вдовствующей августѣйшей императрицей знатнымъ дамамъ, предлагается тоже царскому княжескому дому (который, говорятъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ... старался получить этотъ святой крестъ, но никогда не могъ выпросить). Теперь же для этого требуется одно только условіе и чтобы его уладить, вдовствующая августѣйшая императрица дала мнѣ совершенное полномочіе. Я надѣюсь на благополучный исходъ этого дѣла, обѣщающій много пользы и для нашего ордена [84]).

Между тѣмъ, я снова отправлюсь въ благословенную Польшу, въ которой мнѣ теперь нужно держать себя съ гораздо большою осторожностью, чѣмъ когда либо прежде, чтобы путешествовать по ней туда и обратно, и остаться невредимымъ. Смиреннѣйше прошу у вашего достопочтеннаго преподобія святѣйшей памяти о мнѣ и остаюсь достоуважаемаго отца провинціала смиреннѣйшимъ во Христѣ рабомъ и сыномъ Илія Броджіо. Вѣна 24-го Декабря 1706 г.

XLIV. 1707 г. 28 января. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана къ отцу Іоанну Миллеру, провинціалу общества Іисуса Богемской провинціи. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ! Достоуважаемому отцу желаю счастливѣйшаго начала и продолженія нынѣшняго года!

На письмо, полученное мною въ истекшемъ году отъ вашего преподобія, я отвѣчалъ уже весьма подробно [85]); но, такъ какъ отвѣтъ совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда готскія (шведскія) войска двинулись въ Саксонію, то сомнѣваюсь, дошло ли то письмо. Поэтому повторяю въ краткихъ словахъ то, о чемъ писалъ тогда, а именно: если со временемъ придется назначить преемника на мѣсто моего товарища, то онъ долженъ быть мужемъ отмѣннаго терпѣнія и смиренія, а также долженъ обладать достаточнымъ благоразуміемъ, чтобы осторожно вести себя среди безчисленныхъ, имѣющихся у насъ, враговъ; кромѣ того онъ долженъ знать также языки нѣмецкій (голландскому онъ легко научится здѣсь), французскій, итальянскій и непремѣнно польскій или чешскій; другіе языки, если онъ будетъ знать,—прекрасно, а эти языки ему рѣшительно необходимы. Еще,—предполагается, что у него не будетъ недостатка въ знаніи литературы.

Что касается хлопотъ Броджіо о школѣ, то хотя едва ли будетъ какой нибудь успѣхъ; но если дано будетъ согласіе, то, быть можетъ, лучше было бы медленнѣе идти впередъ. Всѣ думаютъ, что будетъ наступательная война на эти земли, если не готская, то, по крайней мѣрѣ, сарматская [86]): поэтому

обстоятельства не представляются благополучными для такихъ дѣлъ, не говоря уже о томъ, что то лицо, отъ котораго и чрезъ которое достигнута эта милость, всѣмъ ненавистно, а слѣдовательно и дѣла его и милости подвержены уничтоженію [87]). Да и оставивъ въ сторонѣ всѣ другія разсужденія, которыя въ довольно большомъ количествѣ могутъ придти въ голову, уже извѣстно, какъ я достовѣрно разузналъ, что высшая школа не будетъ дозволена. Они говорятъ, что сами будутъ вести ее, какъ и теперь, а мы, слѣдовательно, должны были бы лишь подготовлять имъ молодыхъ людей, которыхъ они затѣмъ брали бы для обученія по своимъ принципамъ, что очевидно не принесло бы пользы святой церкви. Какъ мы до сихъ поръ учили, въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, такъ какъ мы брали не всякаго, но изъ среды болѣе знатныхъ людей, которые не располагаются къ изученію богословія, слѣдов. отъ нихъ нѣтъ никакого вреда для церкви; напротивъ есть даже нѣкоторая польза, потому что насъ здѣсь считали прежде наравнѣ съ татарами, а теперь стали признавать за христіанъ, а иные не только признаютъ, что мы христіане, но и нѣчто большее начинаютъ чувствовать. Опять и то нужно взять во вниманіе: такъ какъ остальные зависятъ отъ знати, то (отъ ученія ея у насъ) можетъ быть и значительная польза, такъ какъ ученики у насъ слышатъ случайно о многомъ, относящемся къ добродѣтельной и нравственной жизни, чего иначе они бы не услышали. Нашей чести нисколько не вредитъ открытая здѣсь и переданная вѣдѣнію лютеранъ школа, такъ какъ послѣ того, какъ мы смирили начальника этой школы (что знаетъ г. Илія), и преемникъ его (ибо начальникъ умеръ) снова такъ былъ нами униженъ, что рѣшительно не пользуется никакимъ уваженіемъ [88]). Я надѣюсь, что въ этой странѣ, при божіей помощи, еретики не превзойдутъ насъ; но уже впродолженіе многихъ лѣтъ раздается стонъ, что въ Лондонѣ воздвигнута какимъ-то весьма богатымъ купцомъ Веніаминомъ Удрофомъ коллегія для обученія греческаго народа разнымъ наукамъ. Я видѣлся съ двумя возвращавшимися оттуда греками, которые посѣтили и Италію, и нашелъ, что они тамъ много наглотались яду и сильнаго яду. Далъ бы Богъ, чтобы отсюда не посылали туда ни одного молодого человѣка,

что однако близко къ осуществленію и объ этомъ стараются нѣкоторые ревнители, но я надѣюсь, что возстанетъ Богъ, чтобы разсѣять это!

Постройка нашей каменной церкви теперь уже завершается внутренней отдѣлкой, которая начата съ великаго алтаря, который, кромѣ иконы пресвятой Троицы, весь будетъ сдѣланъ изъ гипса, и имѣетъ статуи св. отца (Лойолы) и св. апостола Индіи. Эти послѣднія, т. е. статуи, пожелалъ прибавить строитель въ знакъ своей благодарности за то, что его супруга — итальянка, близкая къ смерти отъ родовъ, въ тотъ самый моментъ разрѣшилась отъ бремени, какъ принесена была икона св. отца, и до сихъ поръ находится въ добромъ здоровьѣ вмѣстѣ съ младенцемъ. Наша церковь такъ красива, что мы и не могли бы желать лучшей. О, если бы Богъ далъ здѣсь болѣе многочисленное и болѣе могущественное католическое общество! Но (говоря по человѣчески) едва ли здѣсь можетъ произойти что-либо замѣтное въ этомъ отношеніи, развѣ сюда станутъ пріѣзжать и жить католики купцы, но этому всѣми способами препятствуетъ сатана, и потому да поможетъ намъ Богъ, присутствующій въ святѣйшемъ жертвоприношеніи на литургіи.

Отецъ товарищъ мой смиреннѣйше ввѣряетъ себя вамъ охотно соглашаясь съ волею старшихъ относительно дальнѣйшаго его пребыванія здѣсь. Я же признаю себя связаннымъ безконечными обязательствами и пребываю всегдашній рабъ Іоаннъ Францискъ Миланъ. Достоуважаемому отцу во Христѣ Іоанну Миллеру, провинціалу Общества Іисуса Богемской провинціи.

XLV. 1707 г. 8 марта. Москва. Письмо отца Франциска Эміліана. Безъ адреса. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ! Въ теченіе короткаго времени я написалъ вашему преподобію два письма, въ которыхъ докладывалъ, каковы должны быть качества у того, кто былъ бы назначенъ занять мѣсто отца Берулы, а также представлялъ вамъ нѣкоторыя соображенія, явившіяся у насъ

обоихъ во время нашихъ совѣщаній, по которымъ намъ кажется, что неудобно здѣсь въ настоящее время устраивать иного вида школу, чѣмъ та, какая теперь заведена нами. Но ваше преподобіе при божіемъ вамъ внушеніи лучше насъ съумѣете разсудить, что будетъ полезнѣе.

Весьма недавно писалъ намъ отецъ Броджіо и подробно изложилъ, чего онъ желаетъ просить и домогаться въ пользу нашей миссіи, но все это дѣлается напрасно и по истинѣ ошибочно. Если онъ въ состояніи будетъ въ пользу нашей миссіи исхлопотать какую нибудь субсидію на нашу постройку, то мы похвалимъ его; все же остальное и не необходимо и не полезно, потому что все, чего только онъ надѣется достигнуть для этой миссіи, опирается на такое покровительство, которое было бы для насъ скорѣе опасно, чѣмъ прибыльно. Достаточно, если бы эта миссія получала по временамъ отъ августѣйшаго императора въ общихъ выраженіяхъ какую-нибудь рекомендацію къ нашему свѣтлѣйшему царю, чтобы видѣли, что и объ насъ заботятся, а все остальное устроится по частямъ, что можно сдѣлать, смотря по времени и мѣсту. Вѣдь здѣсь совсѣмъ не таковы обстоятельства, какъ объ нихъ, по нашимъ наблюденіямъ, разсказываютъ заграницей. Я не могу на бумагѣ излагать ихъ, но отецъ Іоаннъ, отправляющійся заграницу, можетъ со всею точностію представить ихъ. Отецъ Броджіо не можетъ дать истиннаго понятія объ этой миссіи, потому что ему неизвѣстна и сотая часть того, что онъ долженъ бы знать. Впрочемъ, если отецъ Броджіо желаетъ обезсмертить свое имя, то, оставивъ въ сторонѣ все, что относится къ этой миссіи, пусть напрягаетъ всѣ свои силы, какія у него есть, къ тому, чтобы открытъ былъ путь въ Китай чрезъ Сибирь. И теперь здѣсь есть такого рода обстоятельства, что мы не безъ твердаго основанія можемъ надѣяться на счастливый успѣхъ такой просьбы. Пусть онъ это только сдѣлаетъ и этого одного довольно будетъ. Притомъ, это не возбуждаетъ ни въ комъ ни опасеній, ни предубѣжденій, которыя обыкновенно вызываются другими просьбами, а если въ пользу этого дѣла и августѣйшій императоръ выступитъ съ своимъ авторитетнымъ посредничествомъ, то я сильно надѣюсь, что оно будетъ имѣть желаемый успѣхъ.

Я говорю о переѣздѣ чрезъ Сибирь, потому что это должно быть ясно выражено, чтобы не вышло того, что случилось 9 лѣтъ тому назадъ, когда русскіе обѣщали свободный проѣздъ въ Китай, а когда прибыли отцы францискацы-итальянцы, то русскіе сказали, что они разумѣли проѣздъ черезъ Персію, а не черезъ Сибирь. И если этотъ переѣздъ черезъ Сибирь будетъ допущенъ, (чему я вѣрю во имя заслугъ св. апостола Индіи), то отнюдь не слѣдуетъ терять времени, но не поднимать здѣсь сейчасъ этого дѣла, а подождать, пока я разъузнаю время для этого путешествія и сообщу объ этомъ обстоятельно вашему преподобію. Здѣсь вѣдь все весьма подвержено перемѣнамъ и потому нужно пользоваться милостями, какъ можно скорѣе. Кажется слѣдовало бы опять обсудить, чтобы посылать туда нѣсколько больше лицъ и если бы мои начальники приказали и мнѣ быть въ числѣ ихъ, то путь этимъ лицамъ былъ бы облегченъ. Но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, когда услышимъ о разрѣшеніи; а теперь прошу васъ, благоволите черезъ кого нибудь побудить отца Броджіо, чтобы онъ, оставивъ все прочее, настаивалъ на этой просьбѣ; потому что для этого дѣла теперь здѣсь такія благопріятныя обстоятельства, что какъ будто само божественное провидѣніе устроило что особенное.

Такъ какъ теперь погода становится лучше, то мы опять работаемъ надъ своимъ зданіемъ и надѣемся, что въ праздникъ св. Троицы (во имя которой будетъ храмъ) совершимъ богослуженіе въ новомъ храмѣ, хотя и не во всѣхъ частяхъ окопченномъ. Если вашему преподобію угодно будетъ прислать сюда какое нибудь письмо, то это возможно сдѣлать когда угодно по почтѣ, лишь бы только письмо не превышало четвертой части филиры. Письмо такое ваше преподобіе благоволитъ запечатать свѣтской печатью и послать отцу Іоанну Штейнеру, а онъ сдѣлаетъ на немъ надпись и перешлетъ мнѣ такъ, какъ я ему писалъ. Рабъ во Христѣ Іоаннъ Францискъ Миланъ. Москва 8 марта 1707 года.

XLVI. 1707 г. 19 марта. Москва. Письмо отца Франциска Эмиліана къ своему провинціалу въ Богеміи. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ! Много разъ я уже писалъ вашему преподобію. Далъ бы только Богъ, чтобы всѣ письма дошли; но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что пришло къ вамъ хоть одно письмо. Въ этихъ письмахъ я сообщалъ, какія дѣла здѣсь имѣютъ успѣхъ и какія нѣтъ; потому что намъ показалось, что господинъ Броджіо по недостатку знанія невѣрно доноситъ объ нихъ, и мой товарищъ говоритъ, что объ этой же матеріи и онъ уже давно писалъ вашему преподобію. Въ настоящемъ письмѣ осмѣливаюсь быть надоѣдливымъ вашему преподобію и смиреннѣйше выскажу одну просьбу, которую, не знаю, удобно ли будетъ исполнить, потому излагаю ее коротко, и буду совершенно доволенъ, если вы удостоите отвѣтомъ, каковъ бы онъ ни былъ. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. Эта миссія, послѣ августѣйшаго императора, едва ли кому болѣе обязана, какъ семейству Гордоновъ. Не говоря уже о томъ, что оно постоянно дѣлало для самихъ миссіонеровъ, оно дало этой миссіи избранную и полезнѣйшую библіотеку и притомъ довольно многочисленную, само построило большую часть каменнаго храма, заботится объ его украшеніяхъ и всегда готово сдѣлать еще больше, если будетъ въ состояніи. Но по злостной враждѣ нѣкоторыхъ господъ, въ особенности того человѣка, на котораго господинъ Броджіо возлагаетъ столько надеждъ[89]), семейство это подверглось сильнымъ преслѣдованіямъ и разорено тяжелыми убытками, подъ которые подведено и правдой и неправдой, такъ что члены этой семьи поистинѣ достойны сожалѣнія, а особенно достоинъ жалости внукъ покойнаго господина генерала Гордона, человѣкъ отличнѣйшаго образованія и талантовъ. Желательно было бы, чтобы онъ, если бы это было возможно, принятъ былъ на содержаніе въ какое-нибудь общежитіе. Я знаю, что въ мое время достоуважаемый отецъ провинціалъ помогъ нѣкоему Бутлеру тоже шотландцу на томъ основаніи, что это семейство вѣрно служило августѣйшему противъ Вальштейна, и онъ принятъ былъ въ Оломуцкое об-

щежитіе. Тоже основаніе кромѣ другихъ можно найти и для семейства Гордоновъ; но, такъ какъ въ нынѣшнія трудныя времена можетъ быть измѣнились заграницей обстоятельства, то и не знаю, на что можно надѣяться. Но если вашему преподобію есть возможность сдѣлать что нибудь въ этомъ дѣлѣ, то я смиреннѣйше и убѣдительнѣйше прошу, благоволите оказать ему какую-нибудь милость. Поручаю себя вашему отеческому расположенію. Іезуитъ Франциск Миланъ. Москва 19 марта 1707 года.

XLVII. 1707 г. 23 марта. Брно. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита къ своему провинціалу, Іоанну Миллеру въ Старой Прагѣ. Подлинникъ.

Такъ какъ я встрѣтился въ Червонной Руси съ царемъ и съ его сыномъ—наслѣдникомъ и доложилъ имъ данныя мнѣ нашимъ августѣйшимъ порученія, по тѣмъ поспѣшнѣе возвращаюсь къ августѣйшему императору съ вторичнымъ докладомъ и сейчасъ отправляюсь отсюда въ Вѣну. Добрый царь сильно желаетъ вступить въ извѣстный великій союзъ, боясь быть оставленнымъ всѣми. Какой будетъ успѣхъ, это откроется послѣ. Я самъ видѣлъ въ Польшѣ восемьдесятъ тысячъ готоваго московскаго войска, которое, не встрѣчая ни откуда сопротивленія, уничтожаетъ богатства страны и господствуетъ въ королевствѣ, доведеннымъ до страшнаго угнетенія. Свѣтлѣйшій царь весьма расположенъ къ нашему императору, отъ того и теперь весьма благополучно идутъ дѣла, которыя я здѣсь устраиваю. Нужно пожалѣть, что нѣкоторыя соображенія могутъ положить преграду полнѣйшему счастію, которое я ясно предвижу [30]).

Что касается дѣлъ вѣры, то я нашелъ, что свѣтлѣйшій царь занимаетъ наилучшее и прочное положеніе, и я не преминулъ въ настоящій разъ повести дѣло о томъ, чтобы вышесказанный свѣтлѣйшій царь тотчасъ отправилъ въ Римъ московскаго посла, что царь и сдѣлалъ еще при мнѣ и приказалъ князю Куракину въ теченіе недѣли приготовиться въ дорогу и, когда будутъ написаны въ наилучшемъ тонѣ письма

къ папѣ, то князь отправился бы въ путь. Онъ опередитъ меня, заѣдетъ въ Венецію и пробудетъ тамъ нѣкоторое время. Я усердно просилъ его слѣдовать за мною въ Римъ и покончить тамъ и мои дѣла [91]).

Царь рѣшительно приглашаетъ большее число отцовъ-миссіонеровъ въ Москву, въ которой, благодаря благотворительности москвитянъ, подарившихъ много матеріаловъ, наши отцы выстроили изящный храмъ. Дѣло объ увеличеніи тамъ фундуша берутъ на себя обѣ нунціатуры, какъ польская, такъ и вѣнская, и навѣрное предполагаютъ, что святѣйшій отецъ еще больше укрѣпитъ эту миссію хорошими средствами. Да дастъ милосердый Богъ, чтобы въ столь великой московской имперіи засіяло на будущее время христіанство безъ схизмы!

Въ случаѣ, если достоуважаемый отецъ провинціалъ найдетъ нужнымъ что-либо передать мнѣ, тогда благоволитъ написать въ Вѣну; я же буду смиренно ожидать отеческихъ наставленій; а теперь поручаю себя съ глубочайшимъ смиреніемъ отеческой вашей милости и остаюсь достоуважаемаго отца провинціала смиреннѣйшій во Христѣ рабъ и сынъ, Илія Броджіо. Брюнъ. 23 марта 1707 года.

XLVIII. 1707 г. 25-го марта нов. ст. Москва. Письмо Іоанна Берулы. Безъ надписи. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ! Приношу глубочайшую благодарность за присланное ко мнѣ чрезъ отца Поллака письмо и за разрѣшеніе мнѣ возвратиться, спустя немного, въ провинцію. Я охотно буду ожидать моего преемника, и лишь только онъ пріѣдетъ и усвоитъ себѣ нѣкоторое знаніе здѣшнихъ дѣлъ, я стану искать удобнаго случая, чтобы вернуться въ провинцію. Такъ какъ храмъ уже почти готовъ, а школа все болѣе пустѣетъ, то мое присутствіе здѣсь не необходимо; но за то много есть причинъ для возвращенія къ братьямъ. Причиною того, что и моя и другія школы здѣсь падаютъ, служитъ военная служба, для которой выхватываютъ изъ школы учениковъ по приказанію государя, не обращая вниманія ни на родныхъ, ни на науки; отсюда-то

происходитъ, что у русскихъ нѣтъ никакого побужденія учиться и больше желанія скрываться въ деревняхъ, чѣмъ появляться въ школахъ. Если есть какое нибудь затрудненіе касательно путевыхъ денегъ для моего преемника, то я предлагаю въ пособіе 100 и болѣе флориновъ, хранящихся у отца Ноллака собственно для насъ.

Въ Вратиславѣ учитея риторикѣ нѣкій юноша дворянинъ, по имени Гавріилъ Буковскъ, о которомъ я здѣсь нѣсколько лѣтъ заботился и не такъ давно отправилъ для ученія во Вратиславъ. Этого кандидата нашего ордена я настоятельно рекомендую вашему преподобію, какъ юношу безукоризненной жизни и хотя посредственныхъ дарованій.но я знаю, что онъ хорошо ихъ развилъ въ Вратиславѣ. Прежде всего онъ благоразуменъ и ревностенъ къ вѣрѣ. При божіей благодати онъ въ свое время будетъ славнымъ труженикомъ и, быть можетъ, миссіонеромъ въ Московіи. Поручаю себя молитвамъ вашего преподобія и остаюсь достоуважаемаго вашего преподобія рабъ во Христѣ, Іоаннъ Берула. Москва 25-го марта нов. ст. 1707 г.

XLIX. 1707 г. 6 апрѣля. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! Много и искренно соболѣзную о томъ, что ваше преподобіе огорчены ложными слухами обо мнѣ, доносящимися изъ Польши и Литвы, и если ваше преподобіе, не смотря на то. изволите милостиво держаться противоположнаго обо мнѣ мнѣнія, то вы справедливо судите.

До сихъ поръ я былъ въ Краковѣ пять разъ и всегда прямо останавливался въ коллегіи св. Петра. Ни въ одномъ частномъ домѣ я не бывалъ, ни для визита, ни за обѣдомъ. Только по настоянію нашихъ отцевъ, я посѣтилъ нѣсколько храмовъ и то почти всегда ходилъ весьма рано по утру. Изъ знакомыхъ у меня тамъ нѣтъ никого, какъ изъ дворянъ, такъ и изъ простыхъ гражданъ, а если кто отъ другихъ узналъ, кто я, то это не моя вина. Причина того, что я носилъ та-

кую одежду въ Польшѣ, наполненной повсюду москвитянами, таже, по какой измѣнена одежда нашихъ отцовъ въ Московіи. Впрочемъ, пусть спросятъ у нашихъ краковскихъ отцовъ, не появлялся ли я въ одеждѣ моей религіи четверть года тому назадъ въ Краковѣ, именно тогда, когда не было тамъ москвитянъ. О, добрѣйшіе поляки! Когда они—враждебнѣйшіе люди и августѣйшему нашему императору и свѣтлѣйшему царю, то конечно имъ не нравится и миссіонеръ ихъ и проч.

Говорятъ, что я разсѣвалъ по Польшѣ удивительныя вещи. Быть можетъ, это вина здѣшняго климата; но во всякомъ случаѣ я испыталъ, что всему тому, что я разсказываю на радость добрымъ отцамъ о расположеніи царя къ католической религіи, они ни коимъ образомъ не хотятъ повѣрить; вѣдь если, говорятъ они, царь искренно расположенъ къ католикамъ, то почему онъ такъ мучитъ это католическое царство и проч., нисколько не принимая въ соображеніе, къ чему вынуждаетъ необходимость войны.

Что я хожу опутанный мірскими дѣлами, то это мнѣніе незнающаго, чѣмъ я занимаюсь. Прилагаю вашему преподобію присланную мнѣ изъ императорской канцеляріи копію письма, которое я недавно доставилъ отъ нашего августѣйшаго императора къ царю [92]). Изъ этого письма видно, какимъ я занимался дѣломъ, а также и то, о чемъ я трактую отчасти уже теперь съ верховнымъ первосвященникомъ и о чемъ еще потомъ придется трактовать съ нимъ; бумаги касательно этого я вчера показалъ достоуважаемому отцу Грюнстилеру, такъ какъ онѣ еще къ моихъ рукахъ. Никогда бы я не совершалъ туда и сюда этихъ крайне трудныхъ и исполненныхъ опасностей путешествій, если бы мнѣ пришлось переносить отъ царя къ августѣйшему императору и обратно не письма о фундаціи нашихъ учрежденій, а какія либо другія, какъ и теперь я несу отъ царя дружеское письмо, копіи котораго у меня еще нѣтъ, такъ какъ я сперва передамъ его, именно завтра, нашему августѣйшему императору. Если мнѣ поручается тѣмъ и другимъ монархомъ передать что либо устно (какъ это всегда бываетъ), то я исполняю это весьма осторожно и просто въ видѣ передачи сообщеннаго мнѣ.

Такимъ же образомъ падаетъ и сомнѣніе литовцевъ касательно моихъ московскихъ надеждъ. Что надежды эти съ нравственной стороны вѣрны, это доказываютъ декреты, скрѣпленные печатями и подписями, которые имѣетъ въ своихъ рукахъ нашъ августѣйшій императоръ; это затѣмъ доказываетъ неподлежащее никакому сомнѣнію посольство въ Римъ къ святѣйшему отцу не только меня, но и московскаго князя, о которомъ я недавно писалъ въ Римъ и который отправляется прежде меня и имѣетъ порученіе просить, чтобы присланъ былъ папскій нунцій и проч. Что извращенные умы литовцевъ увѣрены, будто свѣтлѣйшій царь дѣлаетъ это все только притворно, для отвода глазъ, и когда нибудь это такъ и окажется, то за это я столько же боюсь безславія для себя и для ордена, сколько можетъ быть безславія человѣку, обманутому кѣмъ либо достойнѣйшимъ вѣры и притомъ человѣку, понесшему столько труда. Ему никогда не будетъ за это стыдно, какъ не было стыдно и отцу Поссевину. Сожалѣю и о жителяхъ Опавы, видѣвшихъ во снѣ, будто я тамъ завтракалъ, потому что я проѣзжалъ съ лѣва отъ Опавы почти на разстояніи одной мили и видѣлъ этотъ городъ только издали, потому что въ тотъ разъ я принужденъ только проходить черезъ села и малыя мѣстечки по той причинѣ, что для ускоренія путешествія мнѣ, въ силу императорскихъ патентовъ, повсюду по императорскимъ владѣніямъ давали такъ называемый въ народѣ — Vorspann, что̀ извѣстно, какъ свидѣтелямъ моей жизни, моимъ тремъ слугамъ, ѣхавшимъ со мною. Вотъ краткое изложеніе дѣла.

Впрочемъ, я желалъ бы, чтобы Польша открыла вашему преподобію и то, что я дѣлаю для ея назиданія и добра; потому что всякій разъ, какъ мнѣ позволяютъ средства, я беру на свой счетъ товарища изъ ихъ коллегій. Такъ, напр., недавно я взялъ изъ Кракова отца Хижейскаго, призрѣваемаго въ домѣ профессовъ, и съ немалыми издержками довезъ его до Львова, на разстояніи 40 миль; такъ и недавно я везъ почти тридцать миль достоуважаемаго отца ректора Піотроковскаго; такъ изъ Калиша везъ до Варшавы учителя синтаксиса и другихъ любителей путешествія и чужой щедрости. Я не упоминаю о разныхъ милостяхъ, объ освобожденіи отъ

палоговъ ихъ имѣній, которыя, благодаря мнѣ и моей одеждѣ, были получены ими отъ москвитянъ, когда сами они не имѣли даже доступа къ московскимъ князьямъ и генераламъ. Но довольно объ этомъ.

Въ заключеніе скажу, если тотъ родъ жизни, который я веду, не считается труднымъ, то я желалъ бы, чтобы это бремя было переложено на плечи кого либо другого; но прошу васъ, достоуважаемый отецъ, вполнѣ быть увѣреннымъ, что я, при одномъ вашемъ мановеніи къ послушанію, во всякую минуту готовъ, бросивъ по примѣру св. Петра апостольскія сѣти, съ величайшей поспѣшностью вернуться въ провинцію, потому что я желаю всегда быть во власти старшихъ, и какъ не я просилъ этой настоящей моей миссіи, но взялъ ее на себя, потому что мнѣ ее предложили, такъ никогда и не брошу ея по собственному произволу, но могу быть лишь отозванъ по рѣшенію старшихъ, къ чему всегда вполнѣ готовъ. Наконецъ, не имѣйте, достоуважаемый отецъ, никакого расчетъ моего образа жизни опасенія, потому что, благодаря Бога, я такъ внимательно держу себя среди мірянъ, что мой умъ, сознающій правоту, всегда можетъ презирать лживость толпы, въ каковомъ поведеніи да сохранитъ меня и впредь по своему милосердію всеблагой Богъ. Прошу смиреннѣйше священнѣйшей вашей памяти и съ глубочайшимъ почтеніемъ поручаю себя отеческой милости достоуважаемаго отца провинціала, недостойный во Христѣ сынъ и рабъ, Илія Броджіо. Вѣна. 6 апрѣля 1707 г.

L. 1707 г. 16-го апрѣля. Извѣстія, записанныя собственноручно Иліею Броджіо. Вѣна, 16-го апрѣля.

Вчера отецъ Илія Броджіо имѣлъ аудіенцію у его величества императора. Онъ привезъ отъ царя четыре рѣшенія. Во первыхъ, царь весьма желаетъ императорской дружбы и проситъ прислать какого нибудь посла. Во вторыхъ, царь желаетъ войти въ союзъ съ императоромъ и его союзниками и въ такомъ случаѣ желаетъ помогать своимъ войскомъ. Въ третьихъ, царь съ любовью и благодарностью приметъ, если

вдовствующая императрица пришлетъ знаки ордена крестоносицъ для его дочери и для дочерей его брата. Въ четвертыхъ, царь проситъ прислать папскаго нунція и въ этихъ видахъ послалъ напередъ къ верховному первосвященнику князя Куракина, вслѣдъ за которымъ поѣдетъ и отецъ Броджіо.

Въ настоящее время ничего не думаютъ объ унiи схизматиковъ, но думаютъ о разныхъ другихъ милостяхъ на пользу католической церкви.

Сегодня эта провинція торжественно служила въ домѣ профессовъ панихиду по его свѣтлости кардиналѣ Колоничѣ.

Надгробная рѣчь сказана была по нѣмецки, и я могъ бы ее переслать по почтѣ, если бы она не была слишкомъ велика.

LI. 1707 г. 23-го апрѣля. Вѣна. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Счастливѣйшій и славный моментъ! Получивъ недавно прощальную аудіенцію у августѣйшаго императора и освободившись отъ всѣхъ придворныхъ оковъ, я намѣренъ выѣхать отсюда въ послѣдній день праздниковъ пасхи и, запасшись паспортами, какъ отъ августѣйшаго, такъ и отъ здѣшней нунціатуры, поспѣшить въ Римъ. Если вы, достоуважаемый отецъ и отцы совѣтники нашей провинціи. ничего не имѣете противъ (какъ, насколько знаю, и прежде ничего не имѣли), въ такомъ случаѣ все улажено; потому что изъ Рима весьма недавно написано здѣшнему славнѣйшему господину резиденту московскому: что за причина, что не ѣдетъ отецъ миссіонеръ московскій? (о пріѣздѣ котораго въ Римъ верховный первосвященникъ уже узналъ). Поэтому я отправляюсь и, сдѣлавъ точное и вѣрное донесеніе о настоящемъ состояніи дѣлъ московскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заявлю о желаніи царя имѣть папскаго нунція не для того, чтобы немедленно послѣдовало присоединеніе той схизматической церкви (потому что это по многимъ причинамъ теперь опасно), но для того, чтобы покамѣстъ, при посредствѣ папскаго нунція, сдѣлана была приготовительная работа къ ловлѣ рыбъ, а между тѣмъ пусть исповѣданіе римской вѣры въ

тѣхъ интернатахъ (училищѣ іезуитовъ московскихъ) устраивается во многихъ миссіяхъ, а не въ одной, и пусть воздвигаются многіе костелы и проч. Я представлю касательно этого верховному первосвященнику подлинный, скрѣпленный печатью и подписью, документъ. Москвитянинъ князь, (Куракинъ), какъ я уже писалъ и какъ было объявлено публично въ газетахъ, уже отправился въ Римъ прежде меня въ званіи посла; но, такъ какъ москвитяне сами сознаются, что уже нѣсколько разъ обманывали верховнаго первосвященника, и теперь опасаются, что и этому московскому послу мало будутъ довѣрять, то потому-то и желаютъ, чтобы я затѣмъ пріѣхалъ и разсказалъ лишь то, что видѣлъ собственными глазами, слышалъ собственными ушами и узналъ отъ самого царя и его вельможъ, съ которыми живу почти непрерывно уже 4-ый годъ. Все, что затѣмъ рѣшитъ его святѣйшество, я сообщу вамъ, достоуважаемый отецъ, въ особомъ письмѣ изъ Рима.

Что касается нашего августѣйшаго императора, то и теперь между нимъ и царемъ не произошло здѣсь ничего нехорошаго; возникло лишь одно затрудненіе, именно то, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ императоръ не можетъ вполнѣ согласиться на нѣкоторыя, заявленныя чрезъ меня желанія царя, хотя и радъ бы согласиться. Но, можетъ быть, вскорѣ дастъ императору какой либо поводъ шведскій король къ разрыву; тогда оба наши монарха придутъ къ одному и тому же мнѣнію.

Его сіятельство господинъ графъ Гейстеръ старшій думаетъ отправиться къ московскому войску, такъ какъ царь весьма желаетъ имѣть его главнокомандующимъ надъ всѣмъ войскомъ (такъ, чтобы онъ послѣ царя былъ первымъ начальникомъ). Объ этомъ дѣлѣ ведутся здѣсь въ Вѣнѣ тайные переговоры чрезъ московскаго резидента. Затрудненіе состоитъ лишь въ томъ, чтобы нашъ августѣйшій императоръ далъ графу разрѣшеніе. Этотъ господинъ, чрезвычайно расположенный къ нашему ордену, довольно часто навѣщаетъ меня здѣсь въ Вѣнѣ, проситъ моихъ наставленій и рѣшительно желаетъ, чтобы я служилъ у него тѣ два года, впродолженіе лишь которыхъ онъ намѣренъ служить у москвитянъ.

И такъ можетъ случиться, что августѣйшій императоръ наконецъ согласится на отъѣздъ его, поэтому благоволите, достоуважаемый отецъ провинціалъ, поручить отцу Грюнстеку поговорить съ этимъ господиномъ, чтобы онъ безъ всякого обмана взялъ съ собою нашего отца; но, такъ какъ я не могу такъ скоро съ нимъ отправиться, то можно бы покамѣстъ назначить къ нему кого другого изъ нашей провинціи, но непремѣнно мужа извѣстнаго, утраквиста [93]), и онъ по моемъ возвращеніи изъ Рима могъ бы уѣхать въ Москву и освободить отца Берулу, если это угодно вамъ, достопочтенный отецъ, сооб...(щить) (слово это наполовину зачеркнуто), что для меня будетъ весьма пріятно. Желая, чтобы все это совершилось, какъ можно счастливѣе, для славы божіей, для спасенія моего и ближнихъ, смиреннѣйше поручаю себя святымъ вашимъ молитвамъ и пребываю достоуважаемаго отца провинціала недостойный во Христѣ сынъ и рабъ, Илія Броджіо. Вѣна 23-го апрѣля 1707 г.

LII. 1707 г. 12 іюня. Римъ. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита, къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! 11-го числа этого мѣсяца я благополучно прибылъ въ городъ Римъ, при чемъ остались здравы и невредимы и два моихъ спутника и четыре московскихъ лошади. Хотя я и встрѣтилъ въ нашемъ достоуважаемомъ отцѣ (генералѣ іезуитовъ), при первомъ посѣщеніи его, великую благосклонность, однако замѣтилъ, что въ немъ зародилось сомнѣніе, дѣйствительно ли я отправился въ это путешествіе съ вѣдома нашего августѣйшаго императора; но сомнѣніе его совершенно уничтожилъ покровительственный патентъ нашего императора, который онъ подписалъ въ Вѣнѣ для путешествія въ Римъ и скрѣпилъ печатью, давъ мнѣ сверхъ того право получать лошадей и провожатыхъ отъ нашего войска, если случится проѣзжать мимо него, и все это на счетъ того же императорскаго войска и проч. Впрочемъ, что я занимаюсь чисто духовными дѣлами, это вполнѣ удостовѣряется копіями писемъ

свѣтлѣйшаго царя къ императору и наоборотъ. Онѣ щедро удовлетворяютъ нашего достоуважаемаго отца, который мнѣ приказалъ завтра сообщить ему все, о чемъ придется говорить и доложить верховному первосвященнику и на бумагѣ и на словахъ. Съ этою цѣлью я сегодня и совѣщался подробнѣе съ находящимся здѣсь московскимъ посломъ. Поэтому я разсчитываю на благополучнѣйшее окончаніе всѣхъ моихъ негоціацій. Что я буду дѣлать въ слѣдующіе дни, я не премину сообщать вамъ, достоуважаемый отецъ, съ каждой почтой особенно, когда отбуду первую и самую главную аудіенцію у нашего святѣйшаго папы, при чемъ буду стараться поступать во всемъ (что искренно утверждаю) со всей осторожностью и осмотрительностью. Поручая себя святѣйшей памяти и дорогой отеческой вашей любви, остаюсь достоуважаемаго отца провинціала смиреннѣйшій во Христѣ рабъ и сынъ, Илія Броджіо. Римъ. 12 іюня 1707 г.

LIII. 1707 г. 18 іюня. Римъ. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита къ своему провинціалу. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! На вчерашней аудіенціи верховный первосвященникъ съ невыразимымъ удовольствіемъ принялъ то, что я ему излагалъ въ продолженіе цѣлаго часа на словахъ и по бумагамъ. Его святѣйшество окончательно рѣшилъ отправить съ величайшей пышностью папскаго нунція къ великому московскому князю, но ожидаетъ еще одного письма отъ двора свѣтлѣйшаго царя, прежде чѣмъ прикажетъ посольству отправиться. Поэтому находящійся здѣсь московскій князь и я, мы оба писали къ царю письма и надѣемся, что желаніе верховнаго первосвященника скоро будетъ удовлетворено. Три раза его святѣйшество повторилъ мнѣ, чтобы я не уѣзжалъ изъ Рима, пока у него еще не буду нѣсколько разъ. Я однако охотно уѣхалъ бы опять въ наши страны до каникулъ, такъ какъ сильно мучусь въ этомъ итальянскомъ пламени, а что же будетъ съ моей высохшей душой въ началѣ августа? Я справедливо могу сказать вмѣстѣ съ поэтомъ, что лучше перено-

сить скифскій снѣгъ, чѣмъ кругловидныхъ мошекъ. Я довольно часто видѣлся съ достопочитаемымъ нашимъ отцомъ (генераломъ) и буду еще видѣться. Я передамъ вамъ, достоуважаемый отецъ, одну лишь фразу, сказанную нашимъ достоуважаемымъ отцемъ-генераломъ: „хорошо было бы“, сказалъ онъ, „если бы богемская провинція покамѣсть воспитывала въ Московіи, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ, чтобы можно было имѣть вскорѣ профессоровъ для той общественной гимназіи, которую разрѣшилъ въ Москвѣ намъ свѣтлѣйшій царь, такъ какъ и по мнѣнію верховнаго первосвященника, и по мнѣнію кардиналовъ царь ничего не могъ дать лучшаго, какъ это позволеніе на публичныя школы. Со временемъ можно будетъ позаботиться и о другихъ учрежденіяхъ“. Если бы это мнѣніе достоуважаемаго нашего отца принято было нашей провинціей, то какъ это было бы хорошо при настоящихъ обстоятельствахъ! Дѣло идетъ о посылкѣ въ Москву каждый годъ 400 флориновъ и даже менѣе, и тогда тотчасъ при наступленіи осени можно было бы отправить въ Москву двухъ или трехъ отцевъ!

Римъ въ настоящее время въ изумленіи отъ наплыва германцевъ. Здѣсь находится и самъ генералъ Даунъ и нѣкоторыя императорскія войска. Однако его святѣйшество (какъ я самъ слышалъ отъ него) великодушно все это принимаетъ. Отца Ветцкера еще нѣтъ, хотя и ожидаютъ его каждый часъ. Поручаю себя вамъ, достоуважаемый отецъ; передаю вамъ почтительнѣйшее привѣтствіе отъ всего почти дома профессовъ и остаюсь достоуважаемаго отца провинціала смиреннѣйшій во Христѣ рабъ и сынъ. Иліи Броджіо. Римъ. 18 іюня 1707 г.

LIV. 1707 г. 8-го іюля. Римъ. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита, къ своему провинціалу въ Прагѣ Іоанну Миллеру. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! Послѣ имѣющей быть завтра, какъ я надѣюсь, послѣдней аудіенціи у святѣйшаго отца я направлюсь въ нашу провинцію и совсѣмъ изъ Рима 11-го іюля, а князь москвитянинъ еще здѣсь останется приблизительно въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Съ

вами, достоуважаемый отецъ, я непремѣнно увижусь на возвратномъ пути и разскажу все, что здѣсь сдѣлано въ пользу нашихъ надеждъ и нашихъ дѣлъ.

Между тѣмъ, покорнѣйше прошу васъ, достоуважаемый отецъ провинціалъ, утвердить занятые мною у уважаемаго отца прокуратора германскаго здѣсь представительства 100 имперіаловъ звонкой, ходячей монетой, потому что я не предвидѣлъ столь большихъ издержекъ, чтобы взять съ собою больше денегъ. Для уплаты этихъ имперіаловъ, я далъ на Вѣну вексель господину Готтерсдорфу (сынъ коего ѣхалъ со мной въ Римъ и теперь возвращается) и послалъ съ этой почтой распоряженіе нашему придворному отцу прокуратору, чтобы тотчасъ выдалъ 50 флориновъ, а остальные 100 я тотчасъ отдамъ безъ замедленія, какъ только возвращусь. Надѣюсь, что достоуважаемый отецъ провинціалъ отечески истолкуетъ эту мою рѣшимость просить изъ кассы богемской провинціи денегъ на мою нужду, хотя я недостойнѣйшій и постараюсь отблагодарить за такую ко мнѣ милость.

Память о васъ, достоуважаемый отецъ, сохраняется здѣсь съ благословеніемъ и, когда я слышу, что вы и дальше будете занимать вашу должность, то и почтительно радуюсь и смиреннѣйше ввѣряю себя вашей святой отеческой памяти и остаюсь достоуважаемаго отца провинціала смиреннѣйшій во Христѣ рабъ и сынъ, Илія Броджіо. Римъ. 8-го іюля 1707 г.

LV. 1707 г. 10 августа. Тридентъ. Письмо отца Иліи Броджіо, іезуита, къ своему провинціалу въ Прагѣ, отцу Іоанну Миллеру. Подлинникъ.

Достопочитаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! Я писалъ вамъ, достоуважаемый отецъ, послѣднія письма, — одно изъ Рима, а затѣмъ изъ Медіолана, куда заѣзжалъ съ разрѣшенія, даннаго мнѣ достоуважаемымъ нашимъ отцомъ (генераломъ). Я уѣхалъ изъ Рима съ полнѣйшимъ благословеніемъ верховнаго первосвященника и даже съ подарками. Съ святѣйшимъ отцомъ во время вторичной (?) аудіенціи я бесѣдовалъ дольше обыкновеннаго. Онъ съ удовольствіемъ одобрялъ все и обѣщалъ, что непремѣнно пошлетъ къ царю нунція и ка-

кого нибудь прелата, если только получится отъ царя какая нибудь надежная грамота. Я уже въ Римѣ сталъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, написалъ къ царю письмо, и чтобы тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе пошло это дѣло, я оставилъ въ Римѣ князя москвитянина, а самъ, съ согласія верховнаго первосвященника, уѣхалъ оттуда, чтобы быть поближе къ москвитянамъ. Теперь пребываю въ Тридентѣ и страдаю перемежающейся лихорадкой, которая, какъ подозрѣваю, появилась вслѣдствіе сильныхъ жаровъ и другихъ неудобствъ; отсюда, хотя духъ бодръ, но тѣло, какъ чувствую, потеряло замѣтный изъянъ въ здоровьѣ. Если это продолжится, то вѣроятно буду просить васъ, достоуважаемый отецъ, чтобы вы благоволили дать мнѣ въ провинціи по возвращеніи моемъ какое нибудь убѣжище, гдѣ бы я могъ немножко отдохнуть и поправить свое здоровье, а пока не премину письменно дѣлать то, что нужно дѣлать, чтобы всѣ были довольны. Подробнѣе я передамъ вамъ все, достоуважаемый отецъ, какъ только найду случай увидѣться съ вами, а теперь поручаю себя всецѣло, сколь возможно, вашей отеческой любви и пребываю достоуважаемаго отца провинціала смиренный во Христѣ рабъ и недостойный сынъ, Илія Броджіо. Тридентъ. 10 августа. 1707 г.

LVI. 1707 г. 28 ноября. Тухомеричи. Письмо отца Иліи Броджіо къ своему провинціалу, Іоанну Миллеру. Подлинникъ.

Достоуважаемый во Христѣ отецъ провинціалъ! Послѣ того письма, которое я послалъ вамъ, достоуважаемый отецъ провинціалъ, изъ Дрездена въ октябрѣ мѣсяцѣ [94]), другого я не писалъ, потому что не зналъ, останется ли все по прежнему, или же наша провинція обновится и будетъ имѣть другой видъ, потому предпочелъ сюда направиться. Было желаніе и даже еще теперь оно сильно у его превосходительства господина главнокомандующаго саксонскимъ войскомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перваго королевскаго министра де-Огильви просто задержать меня при саксонскомъ дворѣ, на что король согласенъ, а вышеуказанный генералъ беретъ издержки на себя.

Такъ какъ еще не рѣшено и во всякомъ случаѣ весьма опасно теперь отправляться назадъ къ московскому царю по той причинѣ, что онъ питаетъ сильное неудовольствіе на нашего императора за несоблюденіе чего-то, на что онъ навѣрно разсчитывалъ, что будетъ исполнено въ силу обѣщаній императора, то и полагаютъ, что на нѣкоторое время нужно отложить миссію, пока въ свое время дѣла не уладятся мирнымъ образомъ. Поэтому я и пишу въ Римъ къ его превосходительству кардиналу Паулучи, секретарю его святѣйшества, а также и къ нашему достоуважаемому отцу (генералу) все то, что его святѣйшество желалъ знать, какъ о королѣ Августѣ, такъ и о дѣлахъ московскихъ [95]), а въ Дрезденѣ я подалъ надежду на мое возвращеніе ко двору саксонскому, но указалъ на нѣкую необходимость вернуться покамѣсть въ провинцію. Вернулся же я для того, чтобы смиренно и мирно уладить съ достоуважаемымъ отцомъ провинціаломъ одно затрудненіе. Достоуважаемый отецъ! Какъ до сего времени я всѣми силами остерегался причинить вамъ даже малѣйшее огорченіе, такъ и по настоящему дѣлу, которое представлю вамъ, убѣдительнѣйше прошу васъ отнестись къ моему затруднительному положенію скорѣе по отечески, съ состраданіемъ, чѣмъ съ неудовольствіемъ противъ меня, потому что это дѣло не такого рода, чтобы нельзя было наконецъ уладить его наилучшимъ образомъ, потерпѣвъ нѣкоторое время, особенно, если протянется рука моихъ начальниковъ хотя для скромной помощи.

И такъ, если со всею искренностію, смиреніемъ и довѣріемъ къ вашему преподобію открыться, то скажу, что не другое что меня ужасно мучитъ, какъ только нѣкоторое денежное затрудненіе, въ которое я почти противъ воли попалъ въ слѣдствіе обстоятельствъ моей миссіи, когда почти нѣтъ надежды на то, чтобы назначенные мнѣ августѣйшимъ нашимъ императоромъ чрезъ вицеканцлера имперіи и казавшіеся наивѣрнѣйшими 600 золотыхъ были выданы начальникомъ казначейства, а ожидаемая въ Римѣ выгода отъ промѣна денегъ, на которую разсчитывали и я и князь москвитянинъ, оказалась напрасною, обманувъ насъ обоихъ [96]). Между тѣмъ я понесъ значительныя и неожиданныя издержки на маль-

чика-слугу моего, возвратившагося изъ Рима, который впродолженіе четырехъ недѣль смертельно былъ въ дорогѣ боленъ и котораго нужно было лечить чистой водой изъ перловъ и другими дорогими лекарствами,—это того самаго мальчика, котораго я недавно уже начавшаго поправляться принесъ въ даръ Кутинской коллегіи и пр. Отсюда-то и произошло, что я должен отцу прокуратору провинціи 200 флориновъ. Правда, я опредѣлилъ, чтобы этотъ отецъ прокураторъ удовлетворилъ себя пока изъ тѣхъ 305 флориновъ, которые, какъ надѣюсь, уже назначены, но назначены, чтобы послать въ Медіоланъ за нѣкую шолковую матерію, привезенную мною по просьбѣ достопочтеннаго отца ректора Зноимскаго и Кутинскаго, и такъ какъ этимъ способомъ одна дыра задѣлывается, а другая открывается, то и остается у меня во всей силѣ затрудненіе и стѣсненіе; между тѣмъ, изъ любви къ доброму мнѣнію я желалъ бы, чтобы эти дѣла непремѣнно были устроены въ тишинѣ, безъ вѣдома кого бы то ни было. Безъ сомнѣнія, я могъ бы заплатить все это безъ всякаго труда, если бы пожелалъ достать денегъ у свѣтскихъ людей; но, такъ какъ я до сихъ поръ всѣми мѣрами оберегалъ добрую славу ордена и старался, чтобы никто не могъ обвинять меня въ жадности къ деньгамъ, то и теперь предпочелъ возложить мое упованіе на Бога и моихъ начальниковъ и обратить мои помыслы къ этимъ лучшимъ упованіямъ. Предославъ все это, я паки и паки прошу васъ, достоуважаемый отецъ провинціалъ, благоволите замолвить словечко достоуважаемому отцу прокуратору провинціи, чтобы согласился (если только это можно сдѣлать безъ затрудненія для вашего достоуважаемаго преподобія и для него самого) не трогать теперь здѣсь тѣхъ медіоланскихъ денегъ, а съ своимъ долгомъ потерпѣлъ еще нѣсколько. Если ваше преподобіе изволитъ согласиться и рѣшить, чтобы я отправился къ саксонскому двору, чего онъ сильно желаетъ, то не трудно будетъ заплатить отцу прокуратору провинціи, такъ какъ, въ виду моего возвращенія въ Дрезденъ, я нашелъ уже тамъ выгоднаго покупателя моихъ лошадей и повозки; изъ моего жалованья я тоже легко могу собрать эти деньги и уплатить долгъ съ процентами. Но я почелъ бы себя гораздо болѣе счастливымъ,

и чистосердечно это заявляю, еслибъ послѣ столькихъ утомленій могъ остаться въ провинціи и служить ей. Вышеназванный главнокомандующій саксонскій, а также и нѣкоторые другіе имѣютъ желаніе подставить меня къ королю Августу на мѣсто отца Воты, такъ какъ онъ находится при смерти; но къ этому у меня нѣтъ совершенно никакого желанія. Тѣмъ не менѣе я желаю вполнѣ зависѣть отъ отеческаго распоряженія достоуважаемаго отца провинціала, и затѣмъ собственно я сюда поспѣшно прибылъ, чтобы услышать рѣшеніе, какое вамъ угодно будетъ принять. Поэтому я остаюсь здѣсь въ Тухомеричахъ и не прежде рѣшусь явиться къ достоуважаемому отцу провинціалу, какъ удостоюсь увидѣть хотя бы изъ одной только строчки, что достопочтенный отецъ провинціалъ преложилъ свое неудовольствіе изъ-за моихъ денежныхъ затрудненій на сочувствіе и милостивое расположеніе помочь мнѣ какимъ нибудь совѣтомъ, какъ бы все это дѣло уладить съ сохраненіемъ добраго имени и въ тишинѣ. Если бы мнѣ наконецъ пришлось возвратиться въ Дрезденъ, то достоуважаемый грушинскій настоятель предложилъ мнѣ остановиться у него на 8 дней, впродолженіе которыхъ я имѣлъ бы время приступить къ св. покаянію, и уже по окончаніи его возвратиться къ саксонцамъ и тамъ ждать отеческаго отвѣта, и затѣмъ случая къ бесѣдѣ съ вами, достоуважаемый отецъ, котораго отеческой милости смиренно поручаю себя и остаюсь достоуважаемаго отца провинціала недостойный рабъ и сынъ во Христѣ. Ілія Броджіо. Тухомиричи. 28 ноября 1707 г.

LVII. 1698 — 1709 гг. Краткое донесеніе о миссіи въ Москвѣ.

Послѣ отъѣзда изъ Москвы отцовъ нашего ордена [37]) тамъ распространены были различныя письма, будто бы ими написанныя; но до сихъ поръ есть живые свидѣтели, что не задолго до нашего прибытія туда переводчикъ посольскаго двора по имени Гюбнеръ (Hübner), лютеранинъ, находясь въ продолженіе трехъ дней въ предсмертной агоніи, не могъ умереть, пока въ присутствіи своего священника и другихъ лицъ не признался, что онъ нанесъ безчестіе нашимъ отцамъ, что

онъ былъ выдумщикомъ этихъ писемъ [98]). Послѣ этого Польскій резидентъ господинъ Довмонтъ призвалъ тайно изъ Литвы отца Терпиловскаго, члена нашего ордена, который нѣкоторое время скрывался и служилъ католикамъ, но наконецъ былъ схваченъ русскими, съ ругательствами и побоями брошенъ въ сани и увезенъ назадъ въ Кадинъ, къ литовскимъ границамъ, не смотря на то, что господинъ Довмонтъ протестовалъ и ссылался на свои посольскія права [99]). Католики больше года не имѣли никакого священника и въ продолженіе этого времени 12 человѣкъ были совращены частію въ ересь Лютера, частію въ ересь Кальвина, а частію въ схизму. Прибывшій наконецъ императорскій интернунцій господинъ Курцъ привезъ съ собою достопочтеннаго отца Коблица, доминиканца, который почти два года служилъ (тамошней) нашей общинѣ до того самого времени, какъ въ 1692 г. были присланы: достопочтеннѣйшій господинъ деканъ кунштадскій Францискъ Леффлеръ и другой —приходскій священникъ, достопочтенный господинъ Павелъ Ярошъ, которые и служили католикамъ около шести лѣтъ, представляя высокій образецъ добродѣтели, а когда истекло время ихъ миссіи, тогда мы заступили ихъ мѣсто [100]).

1698 годъ.

Съ императорскимъ посломъ господиномъ Гваріентомъ мы вступили въ Московію и въ самый день св. мученика Петра достигли Москвы вмѣстѣ съ однимъ итальянскимъ священникомъ, настоятелемъ прихода св. Мартина въ Вероиѣ, который былъ посланъ Венеціанской республикой для служенія духовнымъ нуждамъ итальянцевъ, строившихъ въ Воронежѣ корабли.

8 мая мы начали свою миссію послѣ того, какъ накануѣ отецъ Берула сдѣлалъ объ этомъ заявленіе. Вышеупомянутый господинъ посолъ выстроилъ настоящій, вмѣстительный деревянный храмъ. Въ началѣ мы нашли едва 60 католиковъ, а затѣмъ вскорѣ, благодаря стеченію сюда народа и преимущественно моряковъ изъ Италіи, Голландіи и Германіи, мы насчитали католиковъ болѣе 400 человѣкъ. Въ этомъ году умеръ славною смертію русскій діаконъ по имени Петръ, нѣкогда обращенный въ унію съ нашей церковью блаженной памяти от-

цомъ Тихавскимъ. Этотъ діаконъ послѣ того, какъ на публичномъ засѣданіи синода, въ присутствіи патріарха Адріана, заставилъ умолкнуть всѣхъ тѣхъ, которые бранили римскій престолъ, былъ посаженъ въ тюрьму, его били, морили голодомъ и наконецъ даже посадили въ подземную темницу, но онъ остался непоколебимъ въ католической вѣрѣ и вскорѣ умеръ. Къ святой церкви нашей перешли изъ ереси три человѣка; одинъ принялъ унію и одинъ, отказавшійся отъ уніи, снова ее принялъ.

Еретики, узнавшіе по какому-то слуху, что мы изъ ордена іезуитовъ, употребили всѣ средства, чтобы или удалить насъ или нанести намъ какое-нибудь безчестіе. Особенно старался объ этомъ господинъ генералъ Лефортъ посредствомъ писемъ, сочиненныхъ отъ имени іезуитовъ и проч. Но господинъ императорскій посолъ насмѣялся надъ всѣмъ этимъ. Защитилъ онъ насъ также и отъ нѣкоторыхъ дурной жизни католиковъ, которые, ненавидя всякого рода исправленіе, возбудили противъ насъ немаловажное преслѣдованіе. Наконецъ онъ же защищалъ насъ и отъ нѣкоторыхъ монаховъ изъ конгрегаціи пропаганды, которые, на возвратномъ пути съ востока, проходили черезъ Москву и замышляли здѣсь удивительныя вещи.

Въ этомъ же году произошло страшное возмущеніе стрѣльцовъ, замышлявшихъ истребить всѣхъ иностранцевъ; но они были усмирены въ субботу передъ праздникомъ св. Духа.

Силою благодатной воды много злодѣяній прекратилось. Въ четыредесятницу были говорены проповѣди на подобіе размышленій, при чемъ каждое воскресенье были выставлены въ алтарѣ изображенія страданій Господа. Благодаря содѣйствію господъ пословъ императорскаго и польскаго, выносъ плащаницы былъ совершенъ весьма торжественно, какъ только возможно было. Таинство муропомазанія надъ многими было совершено господиномъ Пальмой, архіепископомъ анкирскимъ, который проѣзжалъ по этимъ странамъ въ Персію; съ нами служило шесть священниковъ.

Торжественно былъ посрамленъ одинъ лютеранскій проповѣдникъ, который непрестанно умалялъ честь пресвятой божіей Матери. Въ скоромъ времени затѣмъ онъ впалъ въ

сильную горячку, и въ безпамятствѣ началъ проглатывать карманные серебряные часы, а, когда домашніе, придя, схватили за цѣпочку и вытащили, то при этомъ жестоко разорвали ему языкъ и горло, и онъ умеръ. Имя этого проповѣдника Шраттеръ.

Миссіи подарена господиномъ генераломъ Гордономъ библіотека, оцѣненная приблизительно въ 300 ренскихъ золотыхъ.

Крещено 12 человѣкъ; елеосвященіе совершено надъ 4; погребено 7; пріобщено 900; сочетавшихся бракомъ было 6.

1699 годъ.

Господинъ генералъ Лефортъ, послѣ того, какъ представилъ русскимъ вельможамъ вызвавшую ихъ похвалы смѣшную комедію въ насмѣшку надъ римскимъ духовенствомъ, вскорѣ слегъ, заболѣлъ сильной горячкой и на осьмой день послѣ представленія этой комедіи, въ день канонизаціи святыхъ Игнатія и Ксаверія, умеръ.

Многіе русскіе вельможи просили обучать ихъ сыновей латинскому языку. Этимъ положено начало училищу и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе возрастаетъ число учениковъ. На постройку деревянной школы далъ средства господинъ императорскій посолъ. Въ каждую пятницу для учащихся сказывались небольшія поученія о важности грѣха и о наказаніяхъ за него и т. под. Начата тоже въ храмѣ катихизація. Въ праздники рождества Христова, богоявленія и проч., были разрисованы красками фигуры на подобіе живыхъ и представляемы были разныя мистеріи при большомъ стеченіи русскихъ и проч. Начаты также въ отдѣльныхъ бесѣдахъ разъясненія, примѣнительно къ понятіямъ простого народа, разныхъ спорныхъ вопросовъ о призваніи и почитаніи святыхъ, въ особенности о почитаніи пресвятой Богородицы. Изъ ереси присоединилось къ церкви двое. Когда умеръ отъ удара итальянскій священникъ въ Воронежѣ на Дону, то былъ выѣздъ туда за 112 германскихъ миль, чтобы итальянцы могли совершить пасхальную исповѣдь. Уничтожены препятствія и тамъ крещенъ былъ больной маленькій сынъ анабаптиста голланца, но онъ вскорѣ послѣ крещенія умеръ. Вообще крещено 9 человѣкъ; елеосвященіе совершено надъ 6; погребено 6 человѣкъ; пріобщено 750; повѣнчаны 3.

1700 годъ.

Въ этомъ году училище очень увеличилось, такъ что дѣти почти всего высшаго дворянства были въ нашемъ училищѣ. Каждую недѣлю говорилось для нихъ небольшое поученіе о доброй жизни христіанина. Представлены были небольшія драмы при большомъ стеченіи народа. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ умеръ въ летаргіи патріархъ Адріанъ, и до сихъ поръ еще не выбранъ преемникъ ему. Былъ выѣздъ за 278 германскихъ миль къ Меотійскому болоту, къ Азаку, иначе называемому Азову, ради нуждъ католиковъ голландцевъ и итальянцевъ. Сказаны были имъ проповѣди, а матросамъ преподаваемо было въ родѣ катихизаціи особенное наставленіе, и когда тамъ въ августѣ мѣсяцѣ появилось моровое повѣтріе, которому подверглось почти десять тысячъ человѣкъ, то больныхъ мы пріобщали около четырехъ мѣсяцевъ.

Бесѣдовали мы съ нѣсколькими крымскими плѣнниками турецкихъ и татарскихъ купцовъ, уведенными изъ Австріи во время осады Вѣны. Одинъ изъ нихъ, убѣжавшій изъ этого плѣна, былъ порученъ итальянцамъ, возвращавшимся въ свое отечество. Разговаривали мы также съ калмыками, которыхъ 36,000 подъ предводительствомъ монгола-хана Темира стояло у Меотійскаго болота. Нѣкоторые изъ нихъ грамотные посѣтили нашу церковку и, узнавъ черезъ переводчика о таинствахъ святой вѣры, хвалили ихъ, говоря, что подобное же они слышали въ Китаѣ или Хинѣ, а, когда имъ стали предлагать принять крещеніе, то они отказались, говоря, что рождены не отъ христіанъ, принадлежатъ не къ христіанамъ, а къ великому Ламѣ, находящемуся въ Барантолѣ.

По дорогѣ были у насъ также разговоры съ мордвинами идолопоклонниками. И этотъ народъ, повидимому, расположенъ былъ бы войти въ царство божіе по своей простой и довольно нравственной жизни, если бы этому не препятствовали управляющіе имъ.

Въ средѣ моряковъ сильно утверждена мысль, что слѣдуетъ прибѣгать къ покаянію. На одномъ изъ нихъ, который привыкъ насмѣхаться и богохульствовать, сказалось божіе наказаніе: при одномъ случаѣ богохульства онъ почернѣлъ и палъ мертвымъ. Тоже было и съ другимъ, который, не смотря

на всѣ увѣщанія своихъ товарищей, не хотѣлъ лишать себя удовольствій жизни даже во время самаго сильнаго развитія заразы: и онъ умеръ въ ужасныхъ и жестокихъ мученіяхъ, въ отчаяніи прежде, чѣмъ могъ быть призванъ священникъ. Наоборотъ милосердая матерь божія проявила свою милость надъ однимъ морякомъ, у котораго на самой груди появился смертельный карбункулъ. Эта болѣзнь иногда сейчасъ же убивала другихъ, а онъ какъ будто не могъ умереть раньше, пока, хотя и спустя продолжительный срокъ и съ опаснымъ трудомъ для переѣзжавшихъ черезъ бурное море, не былъ привезенъ къ нему священникъ, и затѣмъ, получивъ отпущеніе грѣховъ, морякъ тотчасъ испустилъ духъ съ радостнымъ выраженіемъ на лицѣ. Крещенъ одинъ калмыцкій мальчикъ и ему даны имена святыхъ Іосифа и Михаила. Изъ ереси перешли къ нашей церкви трое; возвращенъ изъ магометанства одинъ ренегатъ, въ унію обращенъ одинъ; крещено вообще 15; елеономазаніе совершено надъ 9. Погребено около 40; повѣнчано 4; пріобщено около тысячи.

1701 годъ.

Въ этомъ году продолжалось ученіе въ училищѣ и еще больше поступило въ него учениковъ изъ знати. Выстроено нѣсколько деревянныхъ комнатъ для интерновъ, дано нѣсколько болѣе торжественныхъ представленій при необычайно большомъ стеченіи русскихъ. Каждую недѣлю сказывались ученикамъ небольшія поученія. Въ церкви, кромѣ обыкновенныхъ проповѣдей, въ особыхъ поученіяхъ разъяснено было удобопонятно для народа пріобщеніе подъ однимъ видомъ и опровергнуты доводы, выставленные какимъ то проповѣдникомъ, какъ неопровержимые. Сами иновѣрцы прибѣгали на наши проповѣди и съ этого времени проповѣдники въ Москвѣ хранятъ глубокое молчаніе. Изъ ереси къ церкви присоединился одинъ, изъ магометанства одинъ ренегатъ.

Въ этомъ году русскіе тоже начали школьное ученіе послѣ основанія (какъ они называютъ) университета Петра Алексѣевича. Быть столпомъ наукъ вызванъ изъ Кіева какой-то монахъ Яворскій вмѣстѣ съ другими монахами; онъ же объявленъ вице-патріархомъ и сдѣланъ митрополитомъ Рязанскимъ и Муромскимъ,

По происхожденію Яворскій—полякъ. Онъ кончилъ ученіе у нашихъ, въ Вильнѣ, гдѣ даже былъ ректоромъ конгрегаціи пресвятой Дѣвы; но когда онъ перешолъ къ схизматикамъ, то имя его сожжено было на конгрегаціи, какъ намъ разсказывалъ о томъ славнѣйшій господинъ Потоцкій. Но, хотя у русскихъ и открыта школа, но знать твердо остается у насъ.

У нихъ тоже было устроено общежитіе для тѣхъ, которые должны были поступить въ священники, но по прошествіи немногихъ мѣсяцевъ имъ, безъ сомнѣнія, наскучила работа и они ушли. Начали они также представлять комедіи, и за каждую изъ нихъ имъ платилось почти двѣ тысячи имперіаловъ; но, такъ какъ ничего особеннаго изъ этого не выходило, то эти издержки вскорѣ за тѣмъ были обращены на свѣтскихъ комедіантовъ, вызванныхъ изъ Гамбурга [101]).

Въ этомъ году крещено 8; елеосвященіе совершено надъ 5; погребено 5; повѣнчано 2; пріобщено 770.

1702 годъ.

Ученіе продолжалось; давались драматическія представленія; учащимся говорились небольшія поученія духовнаго характера, какъ и въ предшествующіе годы; выстроено еще больше помѣщеній для интернатовъ; въ особенныхъ поученіяхъ народу разъяснено было святѣйшее таинство литургіи и его польза, и это имѣло такой успѣхъ, что послѣ этого даже не въ праздничные дни собиралось къ обѣдни народа гораздо больше, чѣмъ прежде. Къ церкви возвращенъ одинъ отступникъ и одинъ изъ ереси.

Господинъ митрополитъ Яворскій написалъ діалогъ между православнымъ (какъ они называютъ) и римлянином объ исхожденіи св. Духа. Въ діалогѣ множество нелѣпостей и, такъ какъ этимъ сочиненіемъ русскіе очень тщеславились и насмѣхались надъ нашей святой церковью, то необходимо было опровергнуть его; но чтобы это обошлось безъ шуму, мы сообщили о своемъ намѣреніи одному боярину или совѣтнику свѣтлѣйшаго царя, которому поручено наблюденіе за русскимъ духовенствомъ [102]), и который намъ отвѣтилъ: „если можете опровергнуть, опровергайте; я обѣщаю вамъ всяческую свободу“. Поэтому 19 марта мы представили состав-

ленное нами опроверженіе, въ которомъ господинъ Яворскій безъ всякихъ оскорбительныхъ выраженій, по очевиднѣйшимъ образомъ былъ уличенъ въ ложныхъ выдержкахъ, въ противорѣчіяхъ, слабыхъ доводахъ, въ незнаніи терминовъ, употребительныхъ даже въ греческихъ школахъ [103]). Тогда прекратилось все хвастовство противной партіи; по можно было думать, что свѣтлѣйшій царь съ неудовольствіемъ отнесся къ этому происшествію, потому что съ этого времени онъ сталъ относиться къ намъ весьма холодно и во многихъ случаяхъ показывалъ, что ему непріятно видѣть того миссіонера, который сочинилъ и представилъ это возраженіе. Крещено 9; повѣнчанъ 1; елеосвященіе совершено надъ 5; погребено 6; пріобщено св. тайнамъ 700.

1703 годъ.

Ученіе въ школѣ продолжалось по тому же методу, какъ и въ предшествовавшіе годы, а также и въ церкви все дѣлалось по прежнему. Кіевскія школы въ присланныхъ сюда письмахъ взялись защищать неопровергнутый діалогъ, но, бывъ два раза уличены въ противорѣчіяхъ, замолкли. Господинъ Яворскій, какъ исполняющій обязанность вице-патріарха, издалъ противъ насъ декретъ, которымъ запрещалъ намъ примѣшивать въ дружескіе разговоры съ русскими вопросы о вѣрѣ, обучать юношей и подъ угрозой анаѳемы запрещалъ русскимъ посылать къ намъ своихъ сыновей и проч.; но такъ какъ еще до сихъ поръ у насъ учатся сыновья двухъ бояръ, отъ которыхъ зависѣло обнародованіе этого декрета, то онъ и не былъ обнародованъ [104]). Такъ какъ школы у русскихъ не шли такъ удачно, какъ имъ хотѣлось бы, то еретики посовѣтовали свѣтлѣйшему царю пригласить какого-то, взятаго въ плѣнъ изъ Ливоніи, проповѣдника, назначеннаго старшимъ пасторомъ въ Маріенбургѣ, разглашая, что это второй Соломонъ. Вслѣдствіе этого князь Меншиковъ (первый любимецъ свѣтлѣйшаго царя) основалъ лютеранскую академію, далъ ей много тысячъ на библіотеку, на жалованье лютеранскимъ учителямъ и проч. и назначилъ для этого заведенія огромный каменный дворецъ; но вскорѣ оказалось, что все это будетъ безполезно [105]).

Къ намъ прибылъ въ этомъ году одинъ священникъ нашего ордена, принадлежащій къ шотландской миссіи, который до сихъ поръ проживалъ въ австрійской области. Это отецъ Іоаннъ Инесъ[106]). Изъ еретиковъ присоединился къ намъ 1; крещено 6; повѣнчано 2; елеопомазано 3; погребено 6; пріобщено св. тайнамъ около 800 человѣкъ.

1704 годъ.

Ученіе въ школѣ, равно какъ и поученія юношамъ продолжались по прежнему. Почти девяти лицамъ поручается прислуживаніе въ храмѣ. Продолжались также публичныя проповѣди о предметахъ нравственности. Для престола заготовленъ балдахинъ, сдѣланный изъ красной шелковой матеріи съ золотыми украшеніями и кистями. Чествованіе св. отца Игнатія стало еще сильнѣе послѣ того, какъ онъ въ этомъ году оказалъ особенное покровительство одной итальянской женщинѣ, умиравшей отъ родовъ, и такъ какъ священникъ находился въ это время у умиравшаго юноши и по весьма важнымъ причинамъ не могъ тотчасъ отойти отъ него, то онъ послалъ прежде къ этой умиравшей уже родильницѣ изображеніе св. отца (Игнатія Лойолы) и лишь только приложили его къ ея груди, какъ въ ту же минуту она безъ всякой боли родила здороваго и сильнаго ребенка и сама вскорѣ затѣмъ совершенно поправилась въ своемъ здоровьи.

Изъ ереси исторгнутъ одинъ.

На публичномъ спорѣ тотъ вышеупомянутый маріенбургскій пасторъ былъ пристыженъ и показано было русскимъ, что онъ не знаетъ ни восточныхъ языковъ, ни чего-либо другого. Это привело въ большое замѣшательство весь лютеранскій міръ, который прежде такъ хвалился имъ. Вышеуказанная лютеранская школа затѣмъ превращена была въ нѣмецкую школу, чтобы въ ней учились нѣмецкому языку сыновья писцовъ и переводчиковъ [107]). Въ нашу библіотеку прибавилось книгъ, на сумму почти въ двѣсти римскихъ талеровъ. Была поѣздка въ Петербургъ у Финскаго залива за 138 германскихъ миль; ѣздили ради живущихъ тамъ офицеровъ-католиковъ. Крещено 10; елеопомазано 6; погребено 9; пріобщено св. тайнамъ почти 800 человѣкъ.

1705 годъ.

Ученіе въ школѣ въ этомъ году прекращено, потому что уже шестой годъ обучавшіеся у насъ дворяне въ этомъ году взяты отъ насъ и частію отправлены на войну, частію въ иноземныя страны. Къ концу октября распространился слухъ, что свѣтлѣйшій царь рѣшилъ помѣстить на нашемъ мѣстѣ отцовъ капуциновъ, а приблизительно черезъ двѣ недѣли послѣ этого слуха наша деревянная церковь съ самою лучшею частью жилища сгорѣла передъ разсвѣтомъ $^{14}/_{15}$ ноября среди тысячи радостныхъ криковъ еретиковъ, сбѣжавшихся сюда во множествѣ, но не оказывавшихъ никакой помощи. Что часть имущества спасена, этимъ мы обязаны преимущественно искусству трехъ отцовъ нашего ордена изъ Польши, которые въ то время жили у насъ на пути въ Персію. Произошелъ ли пожаръ вслѣдствіе небрежности слуги или отъ постороняго злоумышленія, неизвѣстно. Чуднымъ божіимъ промышленіемъ пощажены были двѣ комнаты, чтобы мы не были вынуждены совершенно уйти изъ этого мѣста. Въ тотъ же день два раза начинался шумъ противъ нашего двора разъяреннаго народа, который, какъ потомъ узнано было, подстрекалъ какой-то еретикъ; но присланная вскорѣ какимъ-то русскимъ господиномъ стража доставила намъ достаточную защиту. Спустя немного времени, первый министръ здѣшней страны спросилъ у насъ, какъ мы полагаемъ, въ какомъ бы мѣстѣ, вблизи нашего двора или дальше удобнѣе бы построить монастырь для отцовъ капуциновъ. Мы, видя, куда это клонится, отвѣчали, что на этотъ вопросъ никто не можетъ дать болѣе удовлетворительнаго отвѣта, какъ сами отцы капуцины, когда они прибудутъ.

Опять мы ѣздили въ Петербургъ къ Финскому заливу и въ Нарву, а также въ Воронежъ къ одному католику, давно уже таявшему отъ чахотки. Онъ былъ большимъ благотворителемъ миссіонеровъ и Богъ сохранилъ его до самаго пріѣзда священника. Священникъ узналъ, что этого больного обманули еретики. Проповѣдникъ вице-адмирала притворился, будто онъ католическій священникъ и не надлежащимъ образомъ приготовилъ больного къ смерти. Въ тотъ же день вечеромъ

пріѣхавшій нашъ священникъ открылъ больному этотъ обманъ, далъ ему надлежащее разрѣшеніе отъ грѣховъ и на слѣдующій день, пріобщивъ его святымъ тайнамъ, предалъ блаженной вѣчности.

Изъ ереси исхищено 2; крещено 7; елеопомазано 3; погребено 7; святыхъ тайнъ пріобщено 730 человѣкъ.

1706 годъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ составленъ былъ планъ для постройки каменной церкви и привезенъ матеріалъ. Изъ суммы, пожертвованной господиномъ Яковомъ графомъ Гордономъ, изъ взносовъ азовскихъ, петербургскихъ и московскихъ католиковъ, изъ денегъ по завѣщаніямъ умершихъ отъ чумы въ 1700 году у Меотійскихъ болотъ, а также другихъ лицъ, то здѣсь, то тамъ умершихъ, составилась сумма почти въ 12000 рейскихъ талеровъ. На уплату за кирпичи и желѣзо тоже приложили нѣкоторую сумму католики, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ. 5 мая начата была постройка церкви, при чемъ работало болѣе, чѣмъ 60 каменьщиковъ, а окончена 10 августа. Безвозмездно наблюдалъ и украсилъ внутри церковь гипсомъ итальянецъ архитекторъ, женѣ котораго два года тому назадъ нашъ св. отецъ (Лойола) оказалъ помощь во время опасныхъ родовъ.

Снова наши ѣздили въ Петербургъ, и работавшими тамъ для свѣтлѣйшаго царя нюрембергскими и швейцарскими скульпторами сдѣлана для новой церкви сѣнь съ предстоящими довольно большими ангелами и проч. Изъ еретиковъ присоединилось къ нашей церкви 3; крещено 8; елеопомазано 16; погребено 18; святымъ тайнамъ пріобщено болѣе 800 человѣкъ.

1707 годъ.

Архитекторъ итальянецъ продолжалъ украшать гипсовой работой внутренность новаго храма, а тесть его фресками наконецъ въ воскресенье послѣ октавы святому отцу мы торжественно вошли въ храмъ при огромномъ стеченіи народа, и пѣли обѣдню пресвятой Троицѣ, во имя которой былъ и прежній деревянный храмъ и настоящій каменный [108]). Еще во время октавы мы взяли съ еретическаго кладбища, на которомъ погребали безъ разбору всѣхъ иностранцевъ, кости досто-

почтеннаго отца Альберта де-Бойе и погребли ихъ въ новомъ храмѣ въ часовнѣ страданій Христа и отдѣлили часть прилегавшаго къ нашей церкви сада для католическаго кладбища. Въ этомъ году начато моленіе о послѣднемъ издыханіи, чтобы испросить себѣ счастливую смерть. Оказана была помощь преподаніемъ таинствъ и милостыней 900 плѣнныхъ поляковъ изъ полка князя Вишневецкаго. Былъ оповѣщенъ черезъ объявленія на дверяхъ юбилей для мирнаго процвѣтанія новаго храма и отпразднованъ при огромномъ стеченіи народа. Многіе совершили общую (за всю жизнь) исповѣдь. Снова ѣздили къ Азовскому морю и на обоихъ берегахъ совершали требы католикамъ. Необычайныя милости оказала тамъ пресвятая Богородица многимъ и тѣлесныя и душевныя. Изъ числа этихъ милостей самая выдающаяся та, которую она оказала человѣку, уже 15 лѣтъ крайне упорствовавшему въ порокахъ и никоимъ образомъ не перемѣнявшемуся. Онъ все таки совершалъ кое-какъ установленныя молитвы пресвятой Дѣвѣ и вдругъ увидѣлъ, что образъ пресвятой Дѣвы, поставленный въ самомъ сухомъ и удаленномъ отъ моря мѣстѣ, покрытъ большой влагой, тогда какъ на другихъ образахъ, тамъ же поставленныхъ, ничего подобнаго не замѣчали ни онъ самъ, ни его друзья. Въ то же время въ него проникло обильное небесное озареніе, и сдѣлало точно другимъ человѣкомъ. Исчезла въ немъ вражда, брошены суевѣрныя предохранительныя вещества и пр. Когда въ Москвѣ было много народа изъ Польши, то у насъ по утрамъ говорили польскія проповѣди. Къ нашей церкви присоединилось изъ ереси 5 человѣкъ; изъ русскихъ, приведенныхъ сюда изъ Польши въ плѣнъ, присоединилось къ церкви 6 человѣкъ; возвратилось назадъ изъ схизмы, отступившихъ отъ насъ, 3; крещено 2 калмыцкихъ дѣтей; вообще въ этомъ году крещено 12; елеопомазано 140; умершихъ, преимущественно изъ плѣнныхъ, было 500 человѣкъ; пріобщено болѣе 2000 человѣкъ.

1708 годъ.

Для храма мы позаботились сдѣлать новый, меньшій органъ; алтари и проч. позолочены, а также каѳедра, цѣною въ 300 реп скихъ талеровъ; мощи св. Карпофорія, которыя привезъ изъ Рима достопочтенный отецъ Бѣльскій, вице-про-

винціалъ въ Литвѣ, и прислалъ къ намъ, торжественно положены въ позолоченныхъ сосудахъ близъ колонпъ, находящихся у сѣни. Исправленъ и сдѣланъ болѣе удобнымъ входъ въ фамильный склепъ Гордоновъ. Вновь устроены и лучше подобраны кулисы и фигуры для представленія священныхъ мистерій. Полъ въ храмѣ сдѣланъ изъ квадратнаго камня. Снова ѣздили въ Петербургъ, гдѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи содержалось на триремахъ болѣе 300 плѣнниковъ изъ Литвы. Изъ нихъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, можно сказать, сгнило отъ цынготной болѣзни, а не умерло, что-то около 50 человѣкъ. У каждаго изъ нихъ мы были; всѣмъ преподали св. тайны и роздали милостыню. На этихъ же триремахъ находился также одинъ татаринъ, котораго называли Карамомъ. Онъ клятвенно увѣрялъ священника, что такая же Дѣва, какую почитаютъ поляки на образѣ, убѣждала его во снѣ сдѣлаться христіаниномъ и, хотя этому его видѣнію мало придавали вѣры, но все-таки его наставили въ это время въ вѣрѣ, какъ вдругъ рѣка Нева, скованная льдомъ, пропла и впродолженіе 8 дней не было никакой переправы вслѣдствіе ледяныхъ горъ, приплывшихъ въ эту рѣку изъ Ладожскаго озера, такъ что священнику невозможно было придти къ тому татарину. Между тѣмъ татаринъ заболѣлъ сильной и смертельной горячкой. Онъ однако твердо держался своего рѣшенія принять крещеніе и вѣрилъ въ заступничество пресвятой Дѣвы. Наконецъ, на 9 день прибылъ священникъ, отыскалъ его, когда онъ уже совершенно былъ близокъ къ смерти. Священникъ немедленно крестилъ его и послѣ того татаринъ почти черезъ часъ умеръ. Въ этомъ году обращено еретиковъ 4; крещено 9; елеопомазано 70; умерло вообще, считая тутъ плѣнниковъ, 96; святыхъ таинъ пріобщено свыше 1670.

1709 годъ.

Передъ большимъ алтаремъ устроены изъ желѣза перила съ узорами, а также сдѣланы разныя льняныя вещи для храма. Мы присутствовали во время болѣзни и при смерти преосвященнѣйшаго Константина Зелинскаго, архіепископа Львовскаго. Онъ, какъ здѣшній плѣнникъ, получилъ разрѣшеніе жить въ нашемъ домѣ, въ которомъ и скончался $^{6}/_{17}$ февраля, и по распоряженію посольскаго приказа былъ тор-

жественно погребенъ въ склепѣ нашего храма. Похоронная служба была совершена надъ нимъ въ присутствіи пословъ Англіи, Даніи, Пруссіи, императорскаго резидента, голландскаго и депутата ракузскаго [109]). Пристыженъ былъ новоприбывшій проповѣдникъ, весьма враждебно относившійся къ католикамъ, и наученъ былъ подобно другимъ молчать.

Одинъ священникъ предпринималъ поѣздку къ царскому лагерю для совершенія требъ офицерамъ-католикамъ, а другой ѣздилъ въ Архангельскій портъ къ живущимъ тамъ католикамъ.

Въ этомъ году обращено изъ еретиковъ 4 человѣка; присоединенъ къ церкви одинъ армянскій священникъ для большей славы божіей.

Настоящее положеніе католическаго общества въ Москвѣ.

Въ настоящее время въ самой столицѣ Москвѣ католиковъ будетъ нѣсколько болѣе 200 человѣкъ; у Азовскаго моря слишкомъ 50 человѣкъ; въ Петербургѣ у Финскаго залива—70; въ Воронежѣ—8; въ Астрахани—7; въ Казани—5. У нихъ священникомъ францискапецъ, привезенный сюда плѣнникомъ изъ Литвы съ господиномъ Бѣльдукѣвичемъ, Быховскимъ арендаторомъ и затѣмъ отправленный въ Казань. Въ городѣ Архангельскѣ, не считая пришельцевъ изъ Голландіи и пр., которые уѣзжаютъ назадъ на своихъ корабляхъ, находится 15 человѣкъ католиковъ; при царскомъ войскѣ приблизительно 100 человѣкъ; въ общей сложности всего—450 слишкомъ человѣкъ, не считая плѣнныхъ поляковъ, которыхъ было сюда приведено почти двѣ тысячи человѣкъ, но большая часть ихъ уже вымерла отъ разныхъ бѣдствій, а другая, не будучи въ состояніи переносить такихъ бѣдствій, отреклась отъ своей вѣры; тѣмъ не менѣе есть еще до сихъ поръ много такихъ, которые тверды и ревностны въ своей вѣрѣ и предпочитаютъ всѣ бѣдствія и даже самую смерть кратковременному и постыдному утѣшенію. Да пребудетъ съ ними Богъ и долѣе!

Изъ здѣшнихъ русскихъ приняли унію 5 человѣкъ. Трое—изъ простого народа умерли; четвертый монахъ. Заподозрѣнный въ уніи и призванный на соборъ онъ, держалъ себя бла-

городно и, прочитавъ публично исповѣданіе римской вѣры, доказывалъ такими сильными доводами авторитетъ апостольскаго престола, что даже самъ патріархъ воскликнулъ: „вотъ сколько доводовъ они приводятъ, такъ что римляне всякаго легко могутъ убѣдить, кто не твердъ въ своей вѣрѣ“. Однако когда этотъ монахъ послѣ того, какъ прочитано это исповѣданіе вѣры, услышалъ со всѣхъ сторонъ поднявшійся противъ него крикъ: „сжечь его“ „утопить его“! то, упавъ духомъ, допустилъ сокрушить уже бывшій въ его рукахъ вѣнецъ мученичества, и, по любви къ жалкой жизни, публично возвратился къ схизмѣ. Но прожилъ онъ послѣ того только три года и то среди угрызеній совѣсти. При послѣднемъ же издыханіи, при чемъ случилось присутствовать нѣсколькимъ католикамъ, онъ изо всѣхъ силъ проклиналъ Фотія и схизму. Пятый, принявшій унію, до сихъ поръ еще живъ, но, будучи заваленъ множествомъ житейскихъ дѣлъ, принимаетъ мало или даже вовсе не желаетъ принимать того, что нужно для духа. Было еще около 10 уніатовъ въ числѣ плѣнниковъ, приведенныхъ изъ Червонной Руси, но, вѣроятно и, даже можно навѣрно сказать, они уже сражены бѣдствіями. Кромѣ того бываютъ здѣсь армяне католики, иногда человѣкъ 20, иногда больше, смотря по тому, какъ придется имъ здѣсь пребывать по торговымъ дѣламъ. Еще есть католики-индійцы, купленные голландскими и англійскими купцами и выведенные изъ Америки, Конго и другихъ острововъ, лежащихъ около новой Батавіи, но почти половина ихъ, т. е. приблизительно 12 человѣкъ, не смотря на то, что крещены были нашими лузитанскими и испанскими отцами, въ чемъ сами признавались, приняли русское крещеніе изъ человѣческаго угодничества. Одни изъ нихъ разбрелись, другіе умерли и между послѣдними былъ славный юноша, родомъ изъ царства Макассарскаго. Онъ былъ твердый и ревностный католикъ, не смотря на то, что былъ рабомъ у еретика. Да дастъ ему Богъ успокоеніе!

Затрудненія для миссіи въ Москвѣ.

1) Первое затрудненіе заключается въ могуществѣ еретиковъ, ибо, такъ какъ весь здѣшній народъ почти исключи-

тельно руководствуется наживой, а всѣ купцы суть или лютеране или кальвинисты или безразличные въ дѣлѣ вѣры, а то, можно бы сказать, и совершенные атеисты и всѣ они непримиримые враги наши. то своими подарками и услужливостію передъ вельможами они во всемъ берутъ силу. убѣждаютъ ихъ, въ чемъ только хотятъ. и, слѣдовательно, какъ хотятъ возбуждаютъ въ нихъ ненависть къ католикамъ, а въ особенности къ лицамъ нашего ордена, и если иногда что либо выпадаетъ или можетъ выпасть въ пользу нашей святой церкви. тогда они черезъ любимцевъ свѣтлѣйшаго царя однимъ словомъ уничтожаютъ все.

2) Второе затрудненіе—недостатокъ защиты. На насъ могутъ нападать. какъ кому вздумается: у насъ нѣтъ охраны. кромѣ щита терпѣнія. Заступничество господина Плейера. давно уже сюда присланнаго отъ императорскаго двора. не принимается, потому что онъ до сихъ поръ не могъ представить императорскаго декрета, что онъ здѣсь въ качествѣ резидента, а неблагодарные русскіе, такъ какъ ихъ дѣти у насъ уже не учатся, большею частію даже не подаютъ намъ руки и уже едва узнаютъ насъ, а тѣмъ менѣе желаютъ покровительствовать намъ. Такимъ образомъ мы живемъ какъ птицы на вѣтвяхъ.

3) Третье препятствіе—слабость католической общины, потому что. за исключеніемъ какихъ нибудь 20 лицъ. остальные въ Москвѣ—все ремесленники и слуги, остающіеся здѣсь лишь нѣсколько лѣтъ, и какъ только заработаютъ на хлѣбъ, возвращаются въ свои страны, поэтому у насъ никогда не бываетъ ничего вѣрнаго и постояннаго. Пока еще жило здѣсь нѣсколько нашихъ купцовъ-католиковъ, тогда, по крайней мѣрѣ, было сколько нибудь прочное положеніе нашей общины, а когда они перемерли. то теперь самая большая часть католиковъ мѣняется и только на время остается здѣсь. Мы даже не имѣемъ надежды, чтобы сюда вновь прибыли католическіе купцы, такъ какъ всѣ, бывшіе здѣсь изъ Англіи, Голландіи и Франціи, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, не пожелали здѣсь оставаться.

4) Четвертымъ препятствіемъ служатъ дурные примѣры и скандалы, совершаемые католиками. Быть можетъ. въ эти годы мы послужили бы Богу гораздо больше, если бы этому не препятствовали скандалы; но мы такъ несчастливы, что

рѣдко видимъ, чтобы къ этому берегу Европы приставали хорошіе люди, а не такіе, которые своимъ соблазномъ губятъ другихъ и сокрушаютъ наше сердце. Такъ какъ это по большей части такого рода люди, которые и заграницей жили слишкомъ вольно, то, пріѣхавъ сюда, разнуздываютъ совершенно свою страсть къ безчинiямъ, благодаря тому, что пороки остаются безнаказанны. Здѣсь рѣдко и наказываютъ за что либо другое, кромѣ весьма важной кражи, убійства и бунта. Все остальное остается безъ наказанія.

5) Пятое препятствіе — непостоянство русскаго народа, ибо русскіе не въ состояніи долго выносить никакого дѣла. То, что они издавна одобрили, потомъ сильнѣйшимъ образомъ ненавидятъ, и ничего другого не ищутъ больше, какъ только разнообразія. Вотъ, и мы вслѣдствіе того, что слишкомъ долго живемъ здѣсь, стали имъ противны, какъ хананеи.

6) Шестое затрудненіе — вѣроломство этого народа. Мы имѣли множество примѣровъ, что передъ нами они восхваляли католическую вѣру и сознавались въ своихъ заблужденіяхъ; но лишь только поворачивали спину, какъ не находили словъ, какъ бы достаточно опозорить насъ передъ еретиками. Въ этомъ особенно отличаются вернувшіеся изъ чужихъ странъ, откуда они привезли многія излюбленныя мнѣнія лютеранъ и кальвинистовъ и не стыдятся высказывать ихъ. Кромѣ того, трудно вѣрить хотя бы одному ихъ слову, хотя бы оно дано было публично и со всевозможными обезпеченіями, какъ мы сами испытали это въ многочисленныхъ случаяхъ.

7) Седьмое затрудненіе заключается въ томъ, что едва есть какая нибудь возможность вести бесѣды не только съ простымъ народомъ, но даже и съ лучшей частью вельможъ, такъ какъ они, лишь только услышатъ что либо относительно вѣры, сейчасъ отвѣчаютъ: „это не наше дѣло; мы вѣруемъ такъ, какъ приказываетъ намъ свѣтлѣйшій царь; если мы ошибаемся, то это не наша вина: онъ самъ (т. е. царь) будетъ отвѣчать за насъ передъ Богомъ и за насъ отдастъ отчетъ Богу“, и затѣмъ ничего другого отъ нихъ невозможно добиться. Отсюда можно заключать, что нѣтъ никакой надежды на обращеніе этого народа, пока онъ не увидитъ перваго шага къ тому со стороны его главы.

8) Осьмое затрудненіе то, что у самого царя и царскаго первенца, насколько возможно заключить изъ внѣшнихъ признаковъ, нѣтъ никакого искренняго желанія къ соединенію со святой церковью. Это ясно изъ дѣла объ убійствѣ уніатовъ въ Полоцкѣ, изъ многихъ словъ, сказанныхъ при различныхъ случаяхъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ къ уніатамъ, и изъ той комедіи, какую устраиваютъ себѣ каждый годъ зимою, когда къ римской тіарѣ привѣшиваютъ самыя безстыдныя фигуры и въ ней выступаетъ шутовской патріархъ и совершаетъ удивительныя дѣла и пр. и пр. Между тѣмъ нѣкоторые добрые наши отцы, прибывшіе сюда на короткое время, или только проходившіе черезъ эту страну, полагаютъ, будто благосклонный взглядъ или представленное (царю) стекло обѣщаетъ. Богъ знаетъ, какія блага.

Старшему сыну царя до сихъ поръ всегда назначаемы были въ учителя злѣйшіе еретики, и онъ самъ въ весьма многихъ случаяхъ уже обнаружилъ, какъ мы знаемъ отъ близкихъ къ нему людей, что онъ ни коимъ образомъ не другъ католической вѣры; да и чему тутъ удивляться, когда онъ больше всего бесѣдуетъ съ еретиками купцами, въ дома которыхъ его приводятъ его учителя, а эти купцы умѣютъ и предложить и выпить во здравіе и сдѣлать все, что въ какомъ либо родѣ можетъ быть пріятно для чувства, и въ тоже время неустанно говорить о томъ, что можетъ возбудить ненависть къ католикамъ.

9) Девятое затрудненіе — это отступники отъ вѣры. Здѣсь есть пять отступниковъ василіанъ изъ Литвы и кромѣ того: одинъ кармелитъ, одинъ доминиканецъ и одинъ изъ нашего ордена, временный коадъюторъ изъ литовской провинціи. Всѣ они живутъ такъ, какъ подобаетъ отступникамъ, и внушаютъ народу то, что обыкновенно внушаютъ отступники. Іезуитъ много разъ говорилъ съ нами, но, кажется, благодать Божія уже устранилась отъ него и онъ уже не въ состояніи перемѣниться. Онъ весь погрузился въ мірскія заботы и пороки, однимъ словомъ, это скотъ, а не человѣкъ.

10) Десятое затрудненіе, это могущество іудеевъ. Здѣсь находится весьма много іудейскихъ семействъ, прибывшихъ изъ сосѣдней Польши. Хотя они крещены, но справляютъ

шабашъ тайно, а то и довольно явно, какъ дѣлали и прежде. И такія-то люди выдвинуты на первыя должности. Одинъ изъ нихъ завѣдуетъ канцеляріей свѣтлѣйшаго царя, другой управляетъ нѣсколькими главнѣйшими вѣдомствами, третій— самый главный управитель у князя Меншикова, четвертый служитъ воеводой въ Вологдѣ (когда я проѣзжалъ черезъ Вологду, то онъ не позволилъ мнѣ повидаться съ плѣнными поляками, погибавшими тамъ въ бѣдствіяхъ), другіе пристроились на иныхъ мѣстахъ. Они-то первые и въ сравненіи съ другими самые жестокіе враги святой церкви. Эти именно люди и были причиною мученій вышеупомянутаго Петра діакона, о которомъ мы говорили въ разсказѣ 1698 года. И теперь они всѣми силами защищаютъ ересь лютеранскую и кальвинскую, а когда имѣютъ возможность вредить намъ, то въ свою очередь не остаются безъ поддержки своихъ союзниковъ [110]).

Вотъ тѣ бѣдствія, которыя давятъ нашу миссію. О, если бы милосердіе Божіе устранило ихъ, чтобы могла явиться хоть какая нибудь польза отъ миссіи для большей славы божіей!

LVIII. Соображенія касательно московской миссіи [111]).

Весь міръ, озаренный свѣтомъ евангелія, съ несомнѣнной истинностію показываетъ, какъ полезно всегда было и какъ много способствовало распространенію нашей православной вѣры святое миссіонерство, отъ самаго начала этого христіанскаго міра и до сегодняшняго дня. Но съ другой стороны, примѣры изъ разныхъ исторій показываютъ, что это священное миссіонерство часто оказывалось напраснымъ, хотя и совершалось съ благочестивымъ усердіемъ, а иногда даже было вреднымъ для нашей римской церкви. Однако не думаю, чтобы слѣдовало всячески пренебрегать этой частью самаго высокаго пастырскаго служенія изъ-за того, что иногда оно оказывалось напраснымъ трудомъ и вело къ противуположнымъ результатамъ. Я лишь думаю, что прежде чѣмъ назначать миссію, нужно съ особенною заботливостію сообразить время, мѣсто и обстоятельства. Въ иныя времена являются громадныя трудности, которыя пускаютъ болѣе глу-

бокіе корни и притягиваютъ еще бо́льшую силу болѣзни, если кто, не сообразивъ напередъ, станетъ подходить къ нимъ и въ неблагопріятное время употреблять противъ нихъ врачевство.

Къ этому роду препятствій я безъ нарушенія справедливости могу отнести непобѣдимую ненависть, съ которой въ новѣйшее время русскіе относятся не только ко всѣмъ православнымъ людямъ, но даже къ самому имени римско-католическому. Я не совсѣмъ понимаю, какая несправедливость времени или злоба судебъ возбудила эту ничѣмъ неоправдываемую ярость противъ апостольскаго престола. Если я за это буду осуждать еретиковъ, къ ежедневнымъ обвиненіямъ которыхъ, направленнымъ противъ римлянъ и нерѣдко прикрашеннымъ гнуснѣйшимъ баснословіемъ, эта грубая и необразованная страна весьма охотно открываетъ свои уши, то я подойду къ истинѣ. Но кромѣ того для усиленія этого зла, работаетъ духъ нашего вѣка, который далъ людей, столь грубыхъ отъ природы съ тѣмъ, чтобы они тѣмъ болѣе отчуждали свои души отъ насъ, чѣмъ болѣе знаютъ, что мы очень близки къ ихъ религіи. Съ неохотой прибавлю къ этому указаніе на недавнее возмущеніе русскаго народа, которое онъ поднялъ противъ государя и которое оправдывалъ тѣмъ, что государь, по его мнѣнію, думалъ возвратиться въ овчарню римской церкви. Шереметевъ вызвалъ къ себѣ ненависть своихъ согражданъ тѣмъ, что не уклонился отъ лицезрѣнія нашего верховнаго предстоятеля (папы). Его признали недостойнымъ посѣщать церкви, пока не совершатъ (надъ нимъ) крещальнаго погруженія, (каковое опять повторяется въ Кіевѣ по новому предубѣжденію противъ насъ) и онъ этимъ не засвидѣтельствуетъ, что отрекается отъ всякаго расположенія къ римлянамъ [112]). Князю Голицыну русскій патріархъ грозилъ молніей отлученія отъ церкви за то, что онъ по царскому приказу принялъ въ свой домъ господина архіепископа анкирскаго, отправлявшагося въ Персію. Многимъ другимъ было пагубно излишнее дружественное обращеніе съ католиками. На римскую религію смотрятъ какъ на язву и ядъ и совѣтуютъ своимъ избѣгать ее. Почему? потому что миссія, обвиняютъ они насъ, часто служитъ прикрытіемъ и предлогомъ для (мірскихъ) дѣлъ величайшей важности. Весьма недавно чтве-

рыхъ францискапскихъ монаховъ, отправлявшихся черезъ Персію въ Китай, много огорчило препятствіе для ихъ отпуска и постоянная отсрочка. Они сами за одно со мной убѣдились при этой невзгодѣ, какъ часто прежніе миссіонеры дѣйствовали, вслѣдствіе конечно невиннаго заблужденія, противъ своихъ выгодъ. Когда я сталъ ходатайствовать передъ княземъ Голицынымъ, вицецаремъ казанскимъ и астраханскимъ, объ ускореніи отпуска этихъ отцовъ,то съ ужасомъ услышалъ, какъ этотъ князь высказывалъ мнѣ исполненныя ненависти жалобы на миссіонеровъ, говоря, что москвитяне теперь уже гораздо умнѣе, чѣмъ ихъ считаютъ римскіе миссіонеры; онъ знаетъ, что подъ ужасными капишонами этого рода скрываются лица, состоящія на службѣ у другихъ государей, и подъ покровомъ притворной святости дѣлаются дѣла весьма важнаго значенія, чаще всего вредныя тому народу, чрезъ землю котораго они проходятъ. Для того, чтобы я не сталъ упорно отрицать этого, онъ сказалъ, что это видно изъ предложенія аликрскаго архіепископа отнять у турокъ Мекку, къ чему онъ старался возбудить персовъ, при настоящемъ и безъ того опасномъ положеніи московскаго государства, потому что, когда бы персы (что легко можетъ случиться съ невѣрными), выдали это намѣреніе, и этимъ вошли бы въ дружбу съ турками, то, безъ сомнѣнія, московскому государству пришлось бы расплачиваться за грѣхи иностранцевъ и тогда вѣроятно или вовсе не добиться мира или заключить его на условіяхъ неблагопріятныхъ. Все это прямо высказалъ Голицынъ; но онъ далъ еще большее доказательство своей сильной ненависти, когда даже послѣ двухъ приказаній, изшедшихъ по моему настоянію и въ моемъ присутствіи отъ самого царя, упорно медлилъ и отказывался отпустить отцовъ. Если бы я, въ то время пребывавшій въ Москвѣ, не снабжалъ ихъ съѣстными припасами въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, то, безъ сомнѣнія, они были бы принуждены, безъ всякой пользы отъ столь большого путешествія, возвратиться къ итальянскимъ берегамъ, и были бы предоставлены всевозможнымъ бѣдствіямъ. Они и безъ того были въ бѣдственномъ положеніи, главнымъ образомъ потому, что святая конгрегація распространенія вѣры не снабдила ихъ ни оболомъ для необходимыхъ издер-

жекъ въ дорогѣ. Но прибылъ корабль и на мои деньги было закуплено для нихъ весьма много вещей, необходимыхъ въ дорогѣ. Правда, и царь тоже приказалъ предоставить отцамъ корабль и давать пищу до самаго Каспійскаго моря, гдѣ ашкирскій архіепископъ давно уже былъ готовъ къ дорогѣ; но, такъ какъ Голицынъ не хотѣлъ этого дѣлать и противился этому приказанію царя, отправившагося тогда въ Азовъ, то мнѣ приходилось по необходимости дѣлать затраты, такъ какъ Голицынъ охотно позволялъ дѣлать это для тѣхъ, которые иначе не могли бы получить помощи. Голицынъ оффиціальными своими льстивыми словами такъ обманулъ господина архіепископа, человѣка чистѣйшей души, прикинувшись его другомъ, что ему стали извѣстны дѣла архіепископа столь большой важности и онъ нашелъ въ этомъ поводъ къ еще болѣе жестокому обвиненію римлянъ. Какъ бы то ни было, но я сожалѣю о нашей участи, до которой мы были доведены оплошной простотой нѣкоторыхъ отцовъ. Москвитяне никогда не убѣдятся, что должность государственныхъ чиновниковъ прилична тѣмъ, которые являются проповѣдниками спасенія душъ и святости того званія, какое носятъ миссіонеры. Кромѣ того отъ излишней поспѣшности и недостаточно обдуманнаго обсужденія дѣла произошло то, что господинъ архіепископъ, будучи у думнаго дьяка Украинцева, заносчиво сталъ говорить, что царское величество, въ знакъ искренняго уваженія къ нему, даже три раза цѣловалъ его руку. Этимъ онъ не добился никакой пользы, а только возбудилъ невѣроятное отвращеніе. Это доказалъ князь Голицынъ, вице-государь царствъ казанскаго и астраханскаго. Когда господинъ архіепископъ никакъ не могъ исторгнуть у него положительнаго согласія на путешествіе, то рѣшился скрывать свои чувства и терпѣть и этою податливостію надѣялся подвинуть впередъ хлопоты о построеніи католическаго храма въ землѣ астраханской. Но упомянутый князь упорно держался противнаго мнѣнія. „Если бы ты, говорилъ онъ архіепископу, даже принесъ мнѣ разрѣшеніе и приказаніе отъ царскаго величества, то и тогда не было бы моего согласія, и я, не смотря на очевидную опасность для моей головы, для моей жизни, имущества, все таки со всевозможнымъ усердіемъ противился бы твоему намѣренію“. Такъ мало на-

дежды, чтобы миссія въ это время принесла плоды, что даже тѣ два миссіонера, которымъ послѣ двукратнаго ходатайства со стороны августѣйшаго цезаря дозволено было совершать службу для пребывающихъ въ московскомъ государствѣ католиковъ, находились въ безопасности и были терпимы, только благодаря императорскому покровительству. Однако не малый страхъ, что и эта миссія будетъ уничтожена, возбудилъ доминиканскій монахъ Вильгельмъ Фелль, возвращавшійся изъ Персіи чрезъ Московію. Онъ написалъ поистинѣ злосчастнымъ перомъ въ Москву къ покойному уже генералу Лефорту, твердо державшемуся реформатской религіи, и полковнику Лима, что будетъ хлопотать у папы, чтобы на будущее время посылались въ Москву не нѣмецкіе, но другіе миссіонеры. Когда это письмо было представлено въ царское министерство, то я долженъ былъ употребить весьма много труда, чтобы убѣдить тамъ, что въ письмѣ ошибка, что миссіонеры зависятъ только отъ императора; иначе, безъ сомнѣнія, произошло бы то, что и эта миссія была бы изгнана изъ предѣловъ Московіи. Господинъ Украинцевъ самымъ тщательнымъ разслѣдованіемъ добивался узнать, на чемъ основывался авторъ письма, и не прежде успокоился, какъ я разнаго рода правдоподобными поясненіями доказалъ ему, что живущихъ въ Москвѣ миссіонеровъ посылаетъ, даетъ имъ распоряженія и содержитъ одинъ только императоръ. Если бы москвитяне, благодаря вмѣшательству нѣкоторыхъ лицъ, узнали противное тому, (въ чемъ я увѣрялъ) то и этихъ двоихъ миссіонеровъ, которые въ настоящее время (какъ мнѣ извѣстно) одни только и есть въ Московіи, не потерпѣли бы долѣе, потому что, кого пришлетъ Римъ, того никогда не приметъ Московія. Господинъ Іоаннъ Казаграндe блаженной памяти, умершій въ Воронежѣ, никогда не былъ бы туда допущенъ, если бы не измѣнилъ, по приказанію императора, званія апостольскаго миссіонера. Ибо, всякій разъ, когда самъ царь его величество разузнавалъ, кто онъ, откуда посланъ, не пришелъ ли въ эти мѣста по приказанію папы, онъ благоразумно отстранялъ эти вопросы и, ссылаясь на меня, бывшаго въ то время императорскимъ посломъ въ Московіи, говорилъ, что онъ отъ меня получилъ деньги и все нужное, а объ

остальномъ не заботится. При такомъ положеніи дѣлъ, безъ сомнѣнія, весьма многіе согласятся со мною, что при этомъ опасномъ вихрѣ событій никакой миссіи нельзя посылать съ надеждой на успѣхъ, особенно когда есть хотя слабое основаніе опасаться, что и послѣ будутъ назадъ отсылаемы пріѣхавшіе въ такомъ званіи въ московское государство.

Когда со временемъ ненависть москвитянъ къ намъ нѣсколько ослабѣетъ въ своей силѣ и когда по милости божіей надъ живущими тамъ католиками возсіяютъ болѣе живительные лучи солнца, тогда и для апостольской миссіи откроется возможность подвигаться шагъ за шагомъ и въ различныхъ частяхъ этого обширнѣйшаго царства находить и души и пристанища. Но я желалъ бы, чтобы и тогда избрали для этого такихъ лицъ, которыя умѣли бы не только свято, но и благоразумно исполнять свои обязанности, чтобы они не столько служили примѣромъ свободной жизни, сколько возбужденіемъ къ упражненію въ добродѣтеляхъ. Кромѣ того, хотя его величество царь обѣщалъ не только въ Вѣнѣ достоуважаемому отцу Вольфу, но и въ Замостьѣ его преосвященству господину папскому нунцію Авія дать свободный пропускъ римскимъ миссіонерамъ черезъ малую Сибирь въ Китай [113]), однако никакой надежды на это разрѣшеніе не видно, такъ какъ всѣ бояре до крайности преувеличиваютъ опасности, какія будто бы могутъ отсюда произойти для всего московскаго государства. Самъ царь обѣщалъ мнѣ отпустить черезъ малую Сибирь вышесказанныхъ четырехъ отцовъ францискапцевъ; однако, когда дѣло дошло до заготовленія паспортовъ, то онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и для оправданія своего непостоянства, унизительнаго для царя, сталъ ссылаться усердно на варварскіе нравы народовъ и на сильныя опасности при переходѣ черезъ эти земли. Въ дѣйствительности причиною столь неожиданной перемѣны были вышеописанная ненависть и упрямое противорѣчіе бояръ. Москвитяне убѣждены въ томъ и этого упорнаго убѣжденія невозможно побѣдить или уничтожить въ нихъ никакими противоположными доводами, что римскіе миссіонеры по своей извѣстной и дознанной хитрости изучаютъ кратчайшіе пути (въ Китай) и что они ничѣмъ другимъ, какъ предательскимъ сообщеніемъ подобныхъ свѣдѣній

пріобрѣтаютъ милость и расположеніе Китайцевъ. а отсюда можетъ произойти крайняя гибель всему московскому государству. При такомъ складѣ дѣлъ, я считаю безполезнымъ и опаснымъ какимъ бы то ни было образомъ посылать въ московское государство миссіонеровъ. Впрочемъ. я всегда готовъ допустить, что кто либо можетъ дать и лучшее мнѣніе.

LIX. 1712 г. 6 августа. Москва Письмо отца Іоанна Милана къ отцу Іоанну Миллеру. посланное изъ Москвы 6 авг. 1712 года. Подлинникъ.

Въ прошломъ году, еще до моего отъѣзда въ Азовъ, я написалъ письмо къ вашему преподобію; но, такъ какъ богемскіе стекольщики поздно ушли отсюда (какъ я потомъ узналъ) и близъ Гамбурга потерпѣли кораблекрушеніе, то сомнѣваюсь, чтобы что-нибудь дошло до вашего преподобія, а потому теперь снова приношу самую глубокую благодарность за распятіе съ индульгенціями, которое мнѣ переслалъ отецъ Штейнеръ. при чемъ сообщилъ только, что это мнѣ посылаютъ изъ коллегіи св. Климента, не поясняя затѣмъ ничего больше; потому я и не могъ думать,чтобы эта милость шла отъ кого другого, а не отъ вашего преподобія. Когда я вмѣстѣ съ итальянцами прибылъ къ Азову, то тамъ уже находился турецкій флотъ, и 50,000 турецкаго войска уже высадилось на берегъ. Если бы они прямо поспѣшили къ городу, то взяли бы его безъ всякаго труда, потому что тамъ для нашей защиты былъ только одинъ нѣхотный полкъ, котораго едва ли могло быть достаточно для двадцатой части укрѣпленій; но Богъ внушилъ туркамъ другую мысль, ибо они возвратились на корабли и направились прямо къ порту, называемому Таганрогъ, въ которомъ гарнизонъ былъ сильнѣе, куда и я также вызванъ былъ, не смотря на то, что свирѣпствовала жестокая буря. Вѣтеръ, который весьма не рѣдокъ на этомъ морѣ и обыкновенно въ продолженіе 24 часовъ носится по всему горизонту, сломалъ мачту и унесъ оба паруса нашего брига, такъ что блоки и канаты летали вокругъ нашихъ головъ и вѣтеръ, становясь все сильнѣе и сильнѣе къ четвертому часу пополудни, [114]) сталъ

бросать насъ между мелями по такимъ встрѣчнымъ волнамъ, что не было сомнѣнія, что и мы всѣ погибнемъ такъ же, какъ передъ нашими глазами потонули два меньшихъ транспортныхъ судна, если бы закатъ солнца не принесъ хоть нѣкотораго затишья и не сдѣлалъ для насъ болѣе легкимъ вступленіе въ портъ, изъ котораго я увидѣлъ турецкій флотъ, широко раскинутый по морю, потому что онъ состоялъ изъ 16 султанскихъ или большихъ военныхъ кораблей, изъ которыхъ адмиральскій былъ девяностопушечный, изъ 28 большихъ триремъ, изъ 80 бриговъ и изъ 276 татарскихъ цимберъ и другихъ подобныхъ судовъ, которыя сидятъ не глубоко и могутъ безопасно плавать по всему морю, обильному мелями. Но милосердіе божіе спасло и это мѣсто. Туркамъ помѣшали два обстоятельства: во первыхъ, тотчасъ въ первые же дни взятъ былъ въ плѣнъ Ага, который два года тому назадъ былъ вмѣстѣ съ турецкимъ посломъ въ Таганрогѣ подъ видомъ простого моряка, замѣтилъ то мѣсто, гдѣ укрѣпленіе соединено съ портомъ только палисадами и нашелъ по близости достаточную глубину для триремъ. Поэтому этотъ Ага и былъ посланъ теперь адмираломъ Ахіельпи Мегметомъ разузнать, въ прежнемъ ли положеніи находится это мѣсто; но Ага былъ замѣченъ при устьѣ какой-то рѣки, взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 15 янычарами, и сознался во всемъ, а это мѣсто позаботились защитить лучше. Во вторыхъ, были необыкновенныя и ужасныя бури, заставлявшія турецкій флотъ часто отходить подальше, чтобы не натолкнуться на песчаные берега, ибо въ этомъ морѣ весьма часто бываютъ кораблекрушенія и турки сильно его боятся. Весь результатъ ихъ дѣйствій былъ тотъ, что они заняли два укрѣпленія, находившіяся за городомъ въ полѣ, а 22-го іюля на разсвѣтѣ Мустафа Тшелеби нѣкоторое время сражался съ нашими меньшими судами въ заливѣ, прилегающемъ къ краю города, но скоро отступилъ, замѣтивъ, что въ пылу сраженія подошелъ подъ самые выстрѣлы городскихъ пушекъ, изъ которыхъ также дѣйствовали противъ его бриговъ. По прошествіи немногихъ часовъ турки высадились на берегъ, приблизительно въ числѣ 10,000 чел., на сколько мы могли судить на глазомѣръ. Противъ нихъ посланы были изъ крѣпости два полка съ пищальни-

ками и тотчасъ съ обѣихъ сторонъ началась стрѣльба изъ пушекъ. Когда же турки, не имѣвшіе конницы, замѣтили, что на помощь здѣшнимъ идетъ калмыцкая и казацкая конница, то вернулись обратно на свои корабли. Абдурахманъ Паша съ своими триремами тоже произвелъ нападеніе на цитадель, которая выстроена на самомъ морѣ и находится отъ порта на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Онъ упорно продолжалъ нападеніе до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ приближавшихся со стороны казачьихъ лодокъ, которыя обыкновенно идутъ на веслахъ и разламываютъ триремы. Абдурахманъ сейчасъ поднялъ якоря и при усиленнѣйшей греблѣ быстро отплылъ назадъ. Такимъ образомъ все на здѣшней сторонѣ тло счастливо, и непріятель не могъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Но не такой счастливый успѣхъ имѣло здѣшнее войско въ Молдавіи, гдѣ оно было окружено и заперто турками и татарами въ степяхъ и потому принуждено было заключить миръ. Не зная объ этомъ, мы 25 іюля рано утромъ увидѣли быстро плывшую изъ Крыма подъ парусами и на веслахъ трирему, которая подъѣхала прямо къ кораблю турецкаго адмирала и вскорѣ затѣмъ къ нашему удивленію весь флотъ, послѣ троекратныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, распустилъ паруса, и направилъ свой путь къ Крыму. Мы тогда думали, что это пустое хвастовство турокъ; но по прошествіи 8 дней явился Капиги Паша съ прикомандированнымъ къ нему русскимъ офицеромъ съ поля молдавскаго сраженія и привезъ намъ условія мира. И такъ 1 января, послѣ того, какъ вывезены были всѣ вещи, Азовъ былъ возвращенъ туркамъ, а Таганрогъ разоренъ, и я, вѣроятно, не скоро снова увижу эти страны. Между тѣмъ никогда въ этой странѣ я, думаю, не принесъ больше пользы, какъ въ то время, такъ какъ каждый, видя, что могущество непріятеля вдесятеро сильнѣе здѣшняго, серьезно приготовлялъ себя къ вѣчной жизни. Даже еретики стали колебаться и наконецъ (въ числѣ 6 человѣкъ) приняли святую вѣру. Къ нимъ же присоединился и одинъ плѣнный татаринъ. Онъ довольно часто видѣлъ наши священнодѣйствія и, какъ человѣкъ уже зрѣлый, сталъ предаваться разнообразнымъ размышленіямъ. Просвѣщенный и полнѣе наставленный въ вѣрѣ, онъ былъ крещенъ и помѣщенъ въ

безопасномъ и удобномъ мѣстѣ, чтобы могъ получить большую твердость въ вѣрѣ и не оставлялъ никакого сомнѣнія въ своемъ постоянствѣ.

Вмѣсто Азовской области я посѣтилъ нынѣ въ мартѣ мѣсяцѣ Казанское царство, въ которомъ находится почти 500 человѣкъ баварцевъ, французовъ и проч. католиковъ почти изъ всякаго европейскаго народа. Они нѣкогда были въ военной службѣ у короля Августа, потомъ вслѣдствіе плѣна попали на службу въ войско шведскаго короля и затѣмъ, когда снова взяты были въ плѣнъ нашими, принуждены были служить въ войскѣ подъ командой здѣшнихъ. Я исповѣдалъ всѣхъ ихъ, не смотря на то, что они разсѣяны въ этомъ царствѣ на протяженіи 240 миль и хотя я могъ это дѣлать съ великимъ трудомъ, потому что постоянно удручающая меня на четвертую недѣлю лихорадка послѣ того стала являться черезъ шесть дней, затѣмъ черезъ три дня и, наконецъ, стала обыкновенною трехдневною и продолжалась вплоть до 20 іюня. Она такъ изнурила меня, что я еще до сихъ поръ не вполнѣ оправился. По этому случаю я проѣхалъ черезъ землю нагорныхъ черемисъ, обыкновенно называемыхъ чувашами. У нихъ бѣдныхъ существуютъ смѣшныя вѣрованія, о которыхъ долго пришлось бы разсказывать. Старшины ихъ сами признавались мнѣ, что ихъ вѣра дурна и смѣшна, что ихъ обманываютъ ихъ іоппи или маги. Когда я сталъ допытываться, почему они не дѣлаются христіанами, они отвѣчали, что не желаютъ (желаютъ?) быть такими христіанами, каковы русскіе въ нашихъ земляхъ (вѣроятно, они слышали описаніе нашихъ обрядовъ отъ волжскихъ татаръ, служившихъ солдатами въ Польшѣ) и если бы можно было, говорилъ мнѣ старшина, я не отпустилъ бы тебя отсюда. Въ той же татарской землѣ и часть луговыхъ черемисъ того же мнѣнія, равно какъ siatki, а больше всѣхъ мордвины. Все это народцы простые и добрые. Такимъ образомъ огромная часть той земли съ 500.000 жителей, считая вмѣстѣ женщинъ и дѣтей (ибо столько ихъ считается), могла бы быть готова для жатвы, но нѣтъ способа помочь имъ и, хотя бы они и крестились, по тотчасъ затѣмъ ихъ принудили бы къ чему-либо другому и т. под.

Во время этого же путешествія я добрался до славнаго,

извѣстнаго зоофита, называемаго Баранецъ, о которомъ Герберштейнъ и другіе писатели говорятъ, но не какъ очевидцы, а по слухамъ отъ другихъ, что онъ имѣетъ фигуру ягненка и поѣдаетъ вокругъ растущія травы [116]); я же вовсе не нашелъ зоофита. Это не что другое, какъ тыква или, лучше сказать, довольно продолговатая дыня, имѣющая весьма нѣжную кожицу, изъ которой татары приготовляютъ нѣжную шкуру, употребляемую ими для подкладки шапокъ, а сверхъ кожицы имѣетъ весьма нѣжные волоса, подобно барашковымъ, но тутъ нѣтъ никакой головы или ногъ барана. Быть можетъ, басня получила свое происхожденіе отъ того, что эти тыквы въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ слишкомъ много, нѣкоторымъ образомъ представляютъ какъ бы стадо маленькихъ барановъ. Я тщательно разузналъ у татарскихъ купцовъ, проѣхавшихъ всю Великую Татарію и каждый годъ ѣздящихъ въ Тибетъ, въ Китай, въ Камуль и проч., не знаютъ ли они, быть можетъ, другого растенія, которое имѣло бы фигуру барана: но всѣ эти купцы единогласно увѣряли меня, что нѣтъ другого растенія Баранецъ, кромѣ этого. Тоже самое подтвердилъ мулла или магометанскій священникъ, который проѣхалъ все пространство между Яикомъ и Бухарскимъ царствомъ.

Пользуясь тѣмъ же случаемъ, я прибылъ въ могущественнѣйшее нѣкогда Булгарское или Волгарское царство. Главный городъ его Булгаръ (неправильно называемый русскими Бѣлый-Яръ) отстоитъ на 12 германскихъ миль отъ Казани и былъ расположенъ за большой рѣкой Камой у восточнаго берега Волги на возвышенности и до сихъ поръ еще видны значительныя его развалины, именно, небольшой дворецъ съ довольно большими ступенями и одинъ храмъ, который, повидимому, не былъ выстроенъ какъ храмъ хотя въ настоящее время употребляется какъ таковой магометанами. Причина того, что эти строенія могли сохраниться въ продолженіе многихъ сотенъ лѣтъ, заключается въ томъ, что эти зданія сдѣланы изъ чистаго мрамора, а остальныя постройки всего города по преданію татаръ были разрушены Тамерланомъ, равно какъ и на другой, т. е. западной сторонѣ Волги виднѣются еще развалины многихъ городовъ, которые подобнымъ же образомъ, говорятъ, были разрушены Тамерланомъ

въ то время, какъ онъ воевалъ противъ болгарскаго царя [116]). Въ настоящее время все царство населено магометанами, а между ними то тамъ, то тутъ разбросано нѣсколько русскихъ селеній. Желанію моему пройти дальше помѣшали частію болѣзнь, частію война, которую началъ Шабдиргабъ, сынъ калмыцкаго хана Аюка Темира противъ своего отца изъ-за наслѣдства Мирзы или князя Тинметъ, убитаго въ прошломъ году кубанскими татарами. Тотъ и другой собрали огромное войско, по повидимому большее войско будетъ у Шабдиргаба, такъ какъ онъ вызвалъ всѣхъ своихъ четырехъ сыновей, которые уже царьки, и носятъ самыя любимыя имена: Четерь, Тессау, Дондукомбу, Ямапъ. Изъ нихъ первый, т. е. Четерь, въ прошедшемъ году былъ со своимъ войскомъ у Азова и положительно замѣчателенъ по своей благовоспитанности сравнительно съ его грубою средой. Это человѣкъ съ прекрасной и способной головою. Ему недостаетъ только святой вѣры. Такъ какъ калмыки въ такихъ случаяхъ, т. е. когда у нихъ война, не отличаютъ друга отъ недруга, если захватятъ гдѣ-нибудь въ степяхъ, то я и не могъ посѣтить нашихъ плѣнниковъ—католиковъ-поляковъ, разсѣянныхъ по тѣмъ селеніямъ по направленію къ Астрахани. Да пошлетъ имъ Богъ утѣшеніе! Хотя ихъ и немного, но я не охотно ихъ оставилъ.

Замѣчательное событіе произошло среди чувашей. Какой-то дворянинъ купилъ нѣсколько поселеній ихъ (ибо здѣсь люди, если терпятъ нужду, продаютъ себя вмѣстѣ съ домами), и такъ какъ онъ обращался съ ними противъ обыкновенія ласково и не обременялъ излишними податями, то, благодаря этому, пріобрѣлъ у нихъ такое расположеніе, что они сами стали просить крещенія и онъ позаботился дать имъ священника своей вѣры, который никогда не совершалъ литургіи, не крестилъ дѣтей и проч., если не дарили ему или корову или лошадь или кадушку меда и проч. Такъ продолжалось въ теченіе шести лѣтъ и, такъ какъ бѣдняки не были въ состояніи столько давать, то дѣти ихъ оставались въ продолженіе шести лѣтъ не крещенными, и большая часть ихъ такъ и умерла. Случилось какъ-то, что туда пріѣхалъ для срубки бревенъ на постройку кораблей нашъ итальянецъ, которому бѣдные люди стали жаловаться на свое несчастіе.

Итальянецъ на обратномъ пути имѣлъ смѣлость разсказать это тому знатному владѣтелю селеній, который, съ трудомъ вѣря всему этому, прибылъ вмѣстѣ съ вышеназваннымъ итальянцемъ въ тѣ села и. найдя, что передано ему было вѣрно. наказалъ этого попа кнутомъ по спинѣ, изгналъ его и помѣстилъ тутъ другого священника, который подъ страхомъ наказанія кнутомъ или сожженія получилъ приказаніе не оставлять безъ крещенія ни одного младенца. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, позаботились о спасеніи многихъ дѣтей. Невозможно исчислить, какъ велики ошибки на картахъ атласа и пр. этихъ странъ: я, насколько могъ по своимъ силамъ, отмѣтилъ и въ свободное время окончу начатую небольшую карту.

(Рукою Іоанна Миллера приписано): рѣшаюсь отослать это письмо достоуважаемому отцу провинціалу и. если онъ не будетъ имѣть времени самъ прочитать его. то, быть можетъ, найдутся другіе въ Прагѣ, которымъ пріятно будетъ прочитать. Послѣ того можно будетъ положить это письмо въ шкафъ архива достоуважаемаго отца провинціала. гдѣ сложено довольно много московскихъ писемъ. Поручаю себя съ глубочайшимъ смиреніемъ отеческому расположенію достоуважаемаго отца провинціала. Оломуцъ. 7 октября 1712 года. Достоуважаемаго отца провинціала смиреннѣйшій во Христѣ рабъ и сынъ, Іоаннъ Миллеръ. Достоуважаемому отцу во Христѣ Францишку Фрагштейну, ордена Іисуса провинціалу надъ Богемской провинціей. Прага.

LX. 1720 г. 4 Марта Вратиславъ. Копія письма отца Іоанна Бауэра, написаннаго во Вратиславѣ 4 марта 1720 г.

Нѣсколько дней тому назадъ сюда прибыло шесть отцовъ капуциновъ, которые по приказанію изъ Рима,—изъ пропаганды должны отправиться въ Россію, откуда недавно изгнанъ нашъ орденъ. Четверо изъ нихъ назначены въ русскую столицу Москву, для занятія дома и, какъ они сами говорятъ, нѣкогда бывшей нашей церкви, а двое назначены въ Петербургъ. Если имъ назначаютъ домъ и церковь, принадлежавшіе (австрійскому) императору (ибо на его деньги пріоб-

рѣтена эта земля и выстроена большая часть зданія и, вѣроятно, никакого другого патрона и владѣтеля этого имѣнія нѣтъ, какъ указываетъ на это императорскій орелъ, прикрѣпленный на воротахъ дома), то нужно думать, что такое приказаніе дано изъ Рима или отъ царя, но, кажется, вѣрнѣе думать, что это назначеніе сдѣлалъ Римъ. Такъ я заключаю изъ письма, недавно полученнаго отъ превосходительнаго господина генерала де-Вейсбаха, состоящаго посломъ при дворѣ императора, которое заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

„Совѣтую вашему преподобію во-время написать отцу Теппеману, чтобы онъ далъ свѣдѣнія о числѣ его товарищей, такъ какъ это дѣло будетъ зависѣть отъ воли его императорскаго величества; потому что хотя уже для этихъ миссій назначены отцы капуцины, но они не будутъ противъ того, чтобы въ Петербургѣ и Москвѣ позаботились устроить для нихъ на счетъ царя монастырь и храмъ, какъ это можно видѣть изъ письма къ святѣйшему отцу. Поэтому его священнѣйшему императорскому величеству оставляется полнѣйшее право распоряжаться по своей волѣ домомъ и церковію, построенною на его средства. Если бы отцы капуцины ради спасенія душъ на время овладѣли домомъ и церковью, то обѣщаю сейчасъ же привести дѣло въ прежнее положеніе, какъ только возвращусь въ Москву“. Таково письмо г. генерала [117]). Но быть можетъ, дворъ нашъ самъ не желаетъ хлопотать, чтобы мы опять возвратились въ Москву, ради сбереженія денегъ. Не смотря на то, на всякій случай мы просимъ генерала написать письмо и предостеречь новыхъ миссіонеровъ отцовъ капуциновъ, имѣющихъ прибыть туда, чтобы они не передѣлывали сейчасъ церкви и нашего дома, не растаскивали книгъ, которыя пріобрѣтены по большей части на наши деньги, что генералъ, безъ сомнѣнія, и сдѣлаетъ. Кромѣ того, такъ какъ господинъ генералъ писалъ, что онъ надѣется скоро благополучно окончить свое порученіе, то я написалъ отцу прокуратору при императорскомъ дворѣ нѣкоторые пункты, о которыхъ, кажется, теперь удобнѣе всего договариваться. 1. Если мы должны будемъ возвращаться (въ Москву), то должны получить новыя вѣрительныя грамоты. 2. Пусть намъ позволено будетъ гдѣ нибудь изъ другого мѣста, а не

изъ Вратислава получать наши деньги. 3. Пусть о домѣ нашемъ будетъ сдѣлано узаконенное объявленіе, что онъ императорскій, каковъ на самомъ дѣлѣ и есть, и потому свободенъ отъ обычныхъ городскихъ налоговъ. 4. Нужно испросить, чтобы субсидія выдавалась за годъ впередъ. 5. Чтобы миссія не была обязана давать деньги миссіоперу, если онъ будетъ назначенъ на мѣсто кого либо, умершаго или больного. 6. Намъ должна быть дана свобода выѣзжать къ католикамъ, если насъ будутъ просить.

Отъ предложенія другихъ пунктовъ я пока воздерживаюсь, такъ какъ ничего навѣрное неизвѣстно, желаетъ ли нашъ дворъ имѣть тамъ людей изъ нашего ордена. Касательно этого, возбуждаетъ во мнѣ сомнѣніе новое затрудненіе, которое казначейство дѣлаетъ намъ по уплатѣ денегъ въ силу второго меморіала, какой мы представили, какъ слѣдуетъ, для полученія остальныхъ 514 флориновъ, — дѣлаетъ затрудненіе, несмотря на то, что августѣйшій императоръ въ милостивой замѣткѣ на меморіалѣ согласился на это и подписалъ. Аргументъ, какой выставили чиновники казначейства, тотъ, что отцы миссіонеры еще не прослужили года въ миссіи; но я выставилъ, думаю, равносильное возраженіе, заявивъ, что годъ миссіи окончился въ августѣ, а мы прибыли въ Вратиславъ перваго октября. Я не сомнѣваюсь, что отецъ прокураторъ сдѣлаетъ все возможное при дворѣ, но нельзя быть увѣреннымъ, что онъ преодолѣетъ всѣ препятствія. Однако, если и впредь дѣла въ казначействѣ будутъ вестись подобнымъ образомъ, то я не вижу, какимъ бы образомъ наши миссіонеры могли жить тамъ.

LITTERAE SECRETAE

Iesuitarum, qui in Russia, Petro Primo regnante, fuerunt.

1698 an. 23 Sept. Ex literis ad P. Franciscum Dubsky, Moscuâ 23 Sept. 1698 ab admodum reverendo domino Geraldo a s. Cruce, missionario apostolico-caesareo, sibi jam olim, dum adhuc Romae degeret, familiariter noto, datis.

Scripseram Dominationi vestrae, admodum eximiae, Dantisco, dum ibi per duas hebdomadas haereremus, an literae pervenerint, ignoro. Moscuâ scribere nondum licuit, quia magna literarum insecuritas et in literis interceptis quodlibet verbum ad bilancem ponitur.

Venimus post tam dolorosas expectationes, aliaque multa tandem ad terminum nostrum in comitiva domini legati caesarei [1]), qui citius sibi, quam nobis aliquid passus est deesse in via, et quoniam iter inchoavit sub protectione s-ae Matris et vestri s. Indiarum apostoli [2]), utriusque frequenter sensit manifesta auxilia. Actu dum ad Ssklow transiremus Boristhenem, leviter adhuc congelatum, glacies sub ambulante per eam Tartaro rupta, eumque fluctus hauserunt. Nostri currus graves jam transierant aliqui, plures fere restabant super ipsa glacie paucis abinde passibus; clamor ex urbe et ripa, et fere pro deploratis habebamur, sed aderant divi, absque fili laesione transivimus omnes residui. Altera jam vice in Boristhene, partim aperto, partim hinc inde glacie tecto, navis incepit subsidere una cum equis, viris et curribus, et horror praesentissimae mortis ipsos perculit equos, ut nollent se committere fluctibus, donec tandem una parte magis inclinata

navis equos violente ejecit. spatiumque fecit viris respirandi, qui et omnes salvi quamquam vix vix ripam attigere. De equis actum videbatur. quia omnes glaciatam partem versus natabant. sed dum jam paucis distarent passibus. aut sub glacie suffocandi. aut a glacie findendi. quasi manus ductu contra fluctus se vertentes. post longa volimina ad ripam duos fere viros altam et uteunque praeruptam. mire eluctati sunt omnes. Sanctis itaque comitibus, per vias difficiles et plures sub dio in nivibus pernoctationes, Moscuà tribus parvis leveis jussi sumus expectare. ubi haesimus triduo. excurrentibus ad nos excipiendos pluribus Germanis Moscuâ. In festo s. Petri martyris [3]) mane. circa 9-m. dum advenissemus ad Dewczatky Monastir (custoditur in eo caenobio soror czari Sophia magna et forti militum manu: hoc enim praemium retulit pro illa magna rivolta ante decennium suscitata). primum datum est intueri magnam et vastam et tam diu desideratam Moscuam. quae totum occupabat horizontem. quidquid enim vidimus, erat Moscua. Brevi post excepti sumus a submisso pristavo et militia equestri valde copiosa. aderat item in equis magna turba militum etc. Dominus legatus e curru suo ad czareum transiit et per quandam hominum immensitatem ad urbem devecti sumus. Caeterum superstitiosas illas et lepidas caerimonias ac competentias non adhibuerunt; d. pristavus absque concertatione prior ex equo descendit, dextram in curru absque competentia dominus legatus tenuit etc. Rumor hic fuerat, quod veniant Jesuitae. Ita Smolenscі ad nos exploratum submissi fuerunt popae tres, at contrarium tum ex moribus. tum et modo agendi prorsus dissimili edocti, amabiliori nos dein vultu intuiti sunt, patuitque nobis omnis aditus etiam ad templa et monasteria. Similiter hic Moscuae interpres linguae germanicae, natione Ungarus, quondam catolicus. nunc Ruthenus, invasit nos, quod occulti Jesuitae essemus (ita haec natio patres istos vestros abhorret. neque cuiquam, ut huc venire attentaret, suaderem), sed iterum errorem dedoctus. eum subinde palam professus est. Praeterea haec fama etiam inter haereticos in Sloboda invaluit, sed brevi mutarunt sententiam. Incredibile dictu est, quam malam de Societate habeant opinionem, aiunt

de illis. quod nonnisi seditiones et turbas faciant: Rutheni ita de illis persvasi sunt, ut putent 100 ulnis per clausam terram eos videre. et idcirco tales Argos. quod nolint habere, qui se omnibus rebus immisceant. Accessit nova contra vestrum ordinem odii causa liber gallice editus a quodam patre Philippo Avril societatis Jesu. in quo describit iter tentatum in Chinas. et valde despotica ponit de Moscis. item de czaro, quod habeat morbum caducum etc. quod nonnisi solam consvetudinem fuisse ostendit moderna ejus praesentia. siquidem motum capitis et oculorum sibi prorsus desvefecit, quod fieri non potuisset. si morbus fuisset. Fuit ille liber mox ab haereticis Genevensibus translatus in Ruthenicum. Dominus legatus caesareus defendit esse suppositititium. siquidem nulla ibi est approbatio superiorum. Nos cum catholicis suspendimus judicium. et tacite miramur: si ita est. quomodo hic liber a filio tam circumspectae religionis. qualis est vestra. edi potuerit.

In festo apparitionis s. Michaelis munus nostrum aggressi sumus in Sloboda. annuente gubernio hujus imperii. Magnus erat omnium gentium accursus. siquidem d. legatus festum maxima cum solennitate celebravit. Dixi ad concionem etc. atque sic relicto kalendario Gregoriano inchoavimus kalendarium antiquum, ut servant vicini Georgiani et pars Persiae; ad tollendum tamen omnem scrupulum nunc agimus de concessione expressa Sanctissimi, maxime propter Pascha. quod contra (!) canonem Nicaenum saepe celebrare deberemus.

In Julio ad nos advenit d. Petrus Palma, archiepiscopus Ancyranus—carmelita cum duobus sociis, iturus in Mogol. contulit cum magna solennitate personis 63 confirmationem, et tulit venerabile in octava theophorica in assistentia 6 sacerdotum. nempe dalmaticatorum. nam et his provisi sumus Armenorum catholicorum beneficentia. Magnus erat accursus. dum pontificaret. Feliciter expeditus est per Volgam in Astracan. Caeterum haec prima fuit confirmatio, hic publice collata. Ante annum (sic) quidem circiter 15, hic episcopus quidam-carmelita confirmavit, Simon nomine. sed in privato tantum cubiculo. Opportune accidit, quod d. legatus angustum et obscurum oratorium in formatum templum redegerit suis sump-

tibus. e ligno interim. donec licentia sit pro lapideo. Gregi nostro catholico, a quo hic sumus, accesserunt. Dei gratia juvante, 5 Luterani, unus a Calvino. Utinam liceret libere praedicare et annunciare regnum Dei! Quanta messis posset fieri! Si unquam. nunc plebs esset dispositissima. Neque nos horrent amplius, neque a templis suis arcent. templum nostrum accedunt, nostras venerantur imagines Rutheni, dicere solent nobis: «sumus fratres. unius matris filii». et hoc passim. E clero et coenobiis plures sunt Nicodemi [4]). Sileo Tartaros. in copia hic existentes, homines magna ex parte vere cordatos. Habent in Sloboda sua aliqui idola, sicut chinensia pinguntur; alii adorant pellem albi equi. alii profitentur se adorare magnum Lamam, de quo eadem narrant. quae in China illustrata leguntur, alii sunt mahometani, uti et Turcae hic existentes et Persae mercatores. Sileo Armenos, qui et Nestoriani et Dioscoriani et Jacobitae sunt, etiam Abyssini, qui per Persiam aut e partibus Turcicis per mare huc adveniunt cum mercibus, sed etiam Nestoriani. Sileo alias regiones Tartarorum, adeo vicinas, nam Mordicani, licet valde vicini, adhuc sunt ethnici et quidquid est ad tractum Borcum orientalem, et in tanta piscium copia non licet manus extendere ad capturam! Mordicates jam semel a popis ad fidem persvasi fuere, vel potius compulsi; turmatim enim pepulerunt omnes ad aquas et pronunciarunt formulam, iis aquam ingredientibus: «Baptizentur servi Christi in nomine Patris. Amen! in nomine Filii. Amen! in nomine Spiritus Sancti. Amen»! Quae hebetudo! Imagines illis distribuuntur postmodum cum dicto, quod ab iis omnia bona habebunt, et cum imago a Ruthenis appelletur Deus (sic cubiculum ingredientes, ubi non vident iconem Ruthenam. coram qua crucem formare possint. mox interrogant: «Niet suda Buh nass?»), mutarunt idololatriam unam in aliam; illi enim, imagines loco deorum habentes, posuerunt eas inter armenta etc., cum tamen lupi nihilominus greges invaderent, imagines cum solenni legatione Moscuam remiserunt, simul declarantes: quod malint penes antiquos deos manere. Haud dubie tales instructiones tales referunt fructus [5]). Sunt homines simplices et boni, utinam liceret eos instruere!

Invenimus hic sub adventum nostrum quendam Petrum. vere martirem. Fuit is diaconus Ruthenus, quis scit. ubi s. ecclesiae Romanae occulte unitus, qui multum fructificavit in populo pro veris sacramentorum formulis solicite laborans, ne plebs, quae potissimum materialiter schismatica est, privaretur viis salutis. Dixerat is concionem (nam et nunc in suis templis concionari incipiunt). in ea carpserunt quaedam aliqui et patriarchae detulerunt, qui hominem citavit ad publicum synodi consessum, ubi libere pontificem—caput ecclesiae. Spiritum Sanctum a Patre Filioque procedentem etc. confessus est. caesus, catenis vinctus, domo et bonis exutus, in exilium pulsus est. Dicunt eum jam in miseriis expirasse, alii volunt combustum esse. Si ita est, utinam mei meminerit apud divam misericordiam. Sancta et innocens fuit anima. Adhuc cum conveni prius, quam ad synodum raptaretur, petentique benedictionem apprecatus fui: «Dominus det tibi os et sapientiam» etc. Et vero in argumentis et responsis adeo fortis fuit, ut (sicut quidam boiarini ipsi confessi sunt) totam synodum fecerit obmutescere. Acta synodi, etiam bono pretio oblato, non potui habere descripta, celant enim omnimode. Tentabant nobis affingere, quasi apud nos ultimo percepisset sacramenta, sed probari non potuit, imo valido argumento adversarii pudefacti sunt [6]).

Advenit huc pauper quidam catholicus, solam gallicam sciens, (suspicor fuisse laicum religiosum, aut in Persiam, aut in Chinas tendentem, nullo tamen modo se manifestare voluit, alias adjuvari forsan potuisset), venit autem sine passu, et quia in ejus sarcinula igniarium inventum fuit, pro incendiario et exploratore gallo habitus, in graves catenas, manibus, pedibus, collo conjectus, inter lacrymas abductus est, quo? nunquam rescire licuit. Prudentius transivit d. Laurentius von Duyne, horologiarius et mathematicus insignis, fere tamen ab ipsis catholicis periculum subiisset, ita saepe inimici hominis domestici ejus. Inter Anglos et Hollandos recenter advenas copiosos non numeramus fidei nostrae, nisi 40 circiter. Ex meis autem Italis, Graecis et Dalmatinis ad 80, praeclaros omnes et ferventes fidei cultores. Utinam adhuc plures veniant.

Dum festa nostra pentecostalia celebramus, advenit nuntius infelix de seditione strelitiorum, quorum pars una jam appropinquabat Moscuae, alii ex Casan et Astracan una cum cosacis Zaycensibus conjuncti secuturi erant. Expedita illico militia, quae tamen procul ab urbe non audebat recedere, ne complices in urbe, quo se jam aliquot strelitii impraticaverant, tumultuari inciperent.

Caesi sunt pridie sss. Triados (quod est nostrae ecclesiae titulare) rebelles, prudentia potissimum et strenuitate nostri domini generalis Gordonii. Primaria illorum fuit intentio excindere funditus Germanos et eorum Slobodam (qui ictus nationem istam nosque omnes, ei associatos, semper manet, si, quod Deus avertat, serenissimus czarus fatis decederet). Ad majorem metum faciendum miles tartarus obequitabat Slobodam, clamans czarum esse mortuum. Unus e nobis ad urbem, alter ad Slobodam, alii alio determinati fuerant, ut ubique animabus provideretur in ejusmodi periculo, et cum martirio non liceat, saltem ex charitate poneremus animas, quas absque hoc serius citius necesse est in manus Creatoris reddere. Videtur de hoc nos periculo praemonuisse praesagium in cubiculo, quod olim inhabitavit et in quo expiravit laudatissimae e Societate Vestra, et nisi fallor, ex Bohemiae provincia, memoriae vir p. Albertus de Boye. Domini mei confratres explicuerunt illico illud, dicentes, imminere infortunium et advocandam manum auxiliatricem divinae Matris, quae et adfuit. Honoro ego praefatum vestrum patrem privato cultu, quoties coemiterium (in quo penes Abyssinum mercatorem et alterum colonellum catholicum superimposito lapide cum inscriptione sepultus est) transeo, et per ejus merita Deum mihi rogo propitium; est enim hic magna fama ejus virtutis [7]).

Nunc videre est patibula repleta rebellibus. Nuper et cosacis sua dedere praemia, dum penes arcem iis capita, manus et pedes absecuerunt. Homines durissimi,dum manus absecarentur, ne minimum ediderunt signum doloris vel gemitum, acsi non essent illorum manus, imo unus adhuc, elevato e trunco supposito capite, circumspexit et immoto vultu consideravit, quomodo sibi pedes absecarent.

Rediit ad nos serenissimus czar 1 Septembris stylo novo. audientiam dedit benevolam et detecto capite domino legato. ubi et nos (quod hactenus factum non fuit) caesarei simul et apostolici missionarii ipsi credentiales nostras. quas rubro serico involveram. extradidimus. et ad oculum manus admissi post fuimus. Sequenti die in Sloboda nostra convivium grande instituit, cui et dominum legatum interesse voluit. Acriter boiaros lavit in eo convivio (et certe rationem nimis magnam habuit ex eorum praesumptionibus), unumque post epulas per manum sauciavit, ac nisi dominus Le Fort intercurrisset, penitus interemisset. Fuit ille sauciatus knez Jurowitz Radamanowsky [8]), hostis catholicismi infensissimus. qui p. Franc. Löffler, natione Germanum, curaverat e cubiculo. in quo nunc habito. per vim ad carceres abripi. et justo Dei judicio. ut ipse primus lueret, et forsan adhuc magis luet, et plures cum illo. jam enim illis promisit czarus. Mandavit serenissimus czar, ut strelitii. qui e rebellibus perdonati fuerant. huc afferantur. et jam pro iis expediti sunt milites.

Descensurus est brevi Waronischium et lustret oeconomiam navium. Deus nobis diu conservet hunc hominem. Omnia bona speramus sub eo, maxime si Deus dederit felicitatem, ut secundo Marte conficiat hoc bellum [9]); tunc credo sereniora adfutura tempora. Dominus Le Fort valde se nobis exhibet benevolum, saltem ad oculum. et uxor ejus, quae catholica est, magna est ecclesiae nostrae benefactrix. Haeretici (qui hic numerant 5 praedicantes,—3 Lutheranos. 2 Calvinistas) honorifice et confidenter nobiscum agunt. et ultro visitant saepius; licet hoc denarios nostros non parum decimet, minime tamen curamus, multa enim per hoc bona fiunt: caute tamen semper circumspiciendum est, et quoniam occulte ac quasi per transennam multa facimus, ita ut origo nesciatur, unde veniat. rabulae eorum non habent ansam nos aggrediendi. Hoc brevi tempore edoctus sum in Moscovia utilissimum axioma practicum esse: multa facere et pauca dicere. Plausus Deo donare. qui, si pro gloria ejus necesse fuerit, etiam hos donabit. interim solidum spectare fructum.

Ecclesia nostra, quoad ornatum, magis ac magis crescit. in apparatu, quoad missam, provisi sumus sane magnifice.

et recentissime tum dominus legatus Poloniae, tum dominus legatus noster novos adjecerunt ornatus sacerdotales, et dominus quidem legatus caesareus e materia argento, auroque divite. una cum indumento altaris similis materiae etc., alii alia, quisque pro suo posse. Musica fit solennis a domini legati musicis cum tubis et tympanis. et in festo quidem s. Angeli Cust. ejusmodi habuimus musicam, cujusmodi non facile in vestris partibus audivi; fecerunt eam Hollandi et Vallones catholici. qui recenter advenerunt. Alliciunt haec magnam copiam haereticorum curiosorum. Interim conamur. ut parvuli aliqui instruantur in musica, quos de sumptibus nostris alimus, ut, abeunte domino legato, cum advenae musici non soleant venire, nisi in solennioribus, saltem talis—qualis sit musica pro decore s. ecclesiae communibus dominicis et minoribus festis.

Victus ratio hic quidem est facilis utcunque, nam perdicum par unum emitur 4 coperis (sic), hoc est 8 kr., attagen 2 vel 4 kr. aliquando etiam uno crucifero, similiter reliqua aetilia; vitulus integer 20 vel 30 kr.; sed materia pro indumento (quod minime putassem) intolerabili pretio, ita ut vestis simplicissima infra 40 fl. vix procurari possit, similiter pelles (excipio ursinas) aequali, si non faciliori pretio Viennae emi possunt. Zobelii ingenti sunt pretio; rationem dant, quia Sinenses illos repulerunt et rapuerunt spatium terrae, in quo felicissima fuit zobeliorum captura. Verbo: reliqua omnia ingenti hic sunt pretio, et licet multum insumamus in equos, qui sunt prorsus necessarii ob locorum distantiam ingentem et vias inboipe impenetrabiles, multum in familiam, quae 8 capitibus constat, in parvulos, discentes musicam, in pauperes catholicos etc., nihilominus Deus submittit plura, et boni Armeni ac Persae non transeunt, nisi apud nos deponant aliquod munusculum, quod repudiare non audemus. Prope attulerunt literas a p. Ioanne Baptista de Lamazy, qui est vestri ordinis, seu Iesuita, in Perside, mox trans mare Gaspium, in civitate Scamachi, ubi jam 20 annis moratur. Scribit bonus senex gaudia sua, quae habuit ex conversione Saxonis, et ex percepta victoria contra Turcas, ante annum reportata; addit, in Persia non sperandum motum

contra Turcas. eo quod Persae arma non ament. sed nimis mollis mentis sint ii, ad quos pertineret. Praeterea ait lamentabilem ibi accidisse casum, eo quod duo religiosi certi ordinis monastici, abjecta cuppa, mahometani facti sint, et unus ex iis vir gravis et superior.

Ex Chinis reversa jam est caravana cum domino Irenbrandt. qui ductor erat: jactavit ille se hic, quod tam belle patres vestros ibi morantes deceperit, qualiter se finxerit catholicum et cum rosario templum frequentarit, atque ita passum et merces per eorundem patrum intercessionem acceperit, alias vix accepturus. Utinam scirent hoc boni patres, hic enim non potest illis perscribi, nam si casu aliquo literae interciperentur, pro Iesuita haberer, et capite meo actum esset, nec non et latoris. Unus tamen haereticus durissimus, qui ubique per Europam vagatus fuit, nec spes remota de illo convertendo, ut narrant, qui illum prius noverunt, in Chinis cum vidisset tantum fervorem christianorum et patres vestros adeo copiosos baptizantes ethnicos, melioribus stimulis agi coepit et serio conversus est, sanctamque huc fidem secum attulit, quam ut liberius profiteri posset, hinc discessit ad partes catholicas.

Scripsit pr. generalis vestri ordinis domino legato nostro, rogans, ut transitum patrum in Chinas velit conari aperire, et est de facto spes bona, quod succedet. Est bonus dominus valde addictus vobis, et in hoc negotio nullis parcit sumptibus, qui sunt hic ad aliquid efficiendum potentissimus aries.

Hodie fui in civitate, apud aliquem e potentioribus mercatoribus rogatus ad mensam; est homo polioris genii et geometricis etc. delectatur; habet commercia in Chinas, ibidemque suum factorem. Hic ab eodem factore accepit literas, in quibus insinuatur inter reliqua, quod patres Romani, qui ibi sunt, incipiant pati persecutionem et remoras in baptizando, non autem explicat quid? qualiter? Est mihi hic homo valde pretiosus, quia per eum promovere possum et accipere, quae volo, debeo tamen caute, ne innotescat. In Octobri altera ab inde veniet caravana et cum ea hujus mercatoris homines; spero apportandas quaspiam ab iis literas cum novis. In Februario ad Chinas discedent novi homines mercatores.

Elapso festo B. Virginis. accepimus tractamentum czareum consuetum; erat hujusmodi: cum omnes essemus congregati in aula legatorum. qui habueramus audientiam. processerunt ex arce. ex culina czarea ducenti Rutheni usque ad nos per pas-us fere 600. Primus praecessit pristavus. post eum 50 personae cum pocalibus argenteis inauratis. quorum majora in altitudine tres spithamas habebant. capacitatis obstupescendae, reliqua non multo minora; post eos portabantur cibi in scutellis grandibus argenteis. multis etiam inauratis. numero 109. Ubi grandiores erant scutellae. ut in quibus cygnus. apri caput etc., duo erant portantes; post eos formidabiles duo canthari argentei deaurati; post hos 15 vasa grandia stannea cum vino, cerevisia. medone. cremato. Ubi hoc ordine pervenerunt. mensa instrata est panno aureo. reliquus apparatus omnis ex argento. Fecerunt hoc singulari cum pompa domino legato caesareo. qui hic valde aestimatus est: polonico non dederunt cibos nisi 22. danico nonnisi 20. suedicus quia tantum characterem habet commissarii. tractatus non est.

Accepimus heri folium impressum Hamburgi, ubi scribitur sic: Es ist von dem Kayserl. Envoye aus Moskaw durch einen Expressen bericht worden. das der Czar seine Religion changiret und die catholische angenommen,welches eine grosse Rivolta verursachet, also dass die meisten Bojaren zu denen Tartaren übergangen.

Finxerunt hoc bestiae ad faciendum odium domino legato, quem in tanto favore esse pati non possunt. Sed ipsa fabula nimis hebetiter conficta est, ut passim explodatur; puto. quod multum temporis non effluet. et brevi etiam nos adgredientur. sunt enim aliqui insignissima sathanae instrumenta, praesertim e Calvinis, quorum non ita multi nobiscum agunt, sicut Lutherani et alii.

Communico suae Dominationi tria alphabeta, ut iis uti possit, dum placuerit huc scribere. est enim hic modus domino legato deliberatus et judicatus pro securissimo. Placeat super literas facere coopertum et inscribere: Perillustri ac gratioso D-o Franc-o Karpowitz. domino ac patrono gratiosissimo, Moscuae. in der Teutschen Sloboda. et addere subtus: Winasomska (W Jnosiemska) Sloboda. etc...

Dominum Franciscum Xaverium Leffler, qui nunc redit ad suum decanatum Letovicium, optarem omnibus ibi vobis summe esse commendatum; credat sua Dominatio, quod hic et magna egerit et magna passus sit, et vobis magnum honorem procuraverit ac eum tuitus sit: petiit per me commendari vestris Olomucensibus. Faciat, oro, ut, si possint, data occasione vices reddant optimo viro.

Mi domine! Brevi in litaniis addam: a monachis libera nos Domine! Transiverunt hic monachi aliqui diversis vicibus. Bone Deus! quantum turbarunt statum ecclesiae nostrae! Illi cor et vultum habuerunt pro eodem, et e vultu amicabili judicabant cor rectum, errore pessimo, atque ita a s. ecclesiae hostibus, quorum hic copia est, blande inducti fuerunt in dicta et dispensationes etc. mirabilia sane. Ut obviarem igni exurgenti, valde laborandum fuit, et ss. angeli adfuerunt, favorque domini legati: alias magna fuisset confusio sanctae ecclesiae, sed Deus vertit laqueum in capita hostium. Non est in hac missione modus agendi, ut in aliis, alibi enim per Turciam, Persiam etc. nationes habent suos consules, hic vero quisque arbitratu suo vivit; si scandalum committitur, non est cui deferas, vel qui tibi assistat, sed mille humiliationibus, mille precibus agendum est, ut aliquid emendationis impetretur, per fortia enim nihil hic agitur.

Sunt et aliae difficultates huic loco singulares, quas interim praetereo, quae requirunt omnia magnam virtutem et animum, quem ut divina bonitas mihi constanter largiri velit, dignetur Dominatio vestra exorare.

De templo nostro lapideo an facultas danda sit, nescio, quid sperare possimus, de facto enim serenissimus czar est curis occupatissimus aliis, ut necdum consultum sit proponere. Quae foris bona cum eo acta sunt, videtur mihi, quod serpens quidam malesanus suis susursis omnia fecerit in auras evanescere. Utinam fallar! Sed nimis certa habemus rei argumenta; attamen spero, exurget Deus et ecclesiam sanctam adjuvabit, et dissipabit inimicos ejus. Dixit non ita pridem unus e primariis bojarinis haec formalia: oportet nos omni modo impedire, ne ecclesiam habeatis ampliorem et magis formatam, alias nostra evacuabuntur templa et omnes ad vestras accurrent cerimo-

nias. Deus causae suae aderit, faciamus pro Deo, quid possumus, et Deus faciat pro nobis, quod non possumus.

Parcat Dominatio vestra tumultuariae scriptioni per partes, nunc hoc, nunc illud, prout menti occurrit, conjeci diversis temporibus in chartam. Adjicio rudi penicillo, seu verius calamo adumbratam nostram residentiam et interiorem templi faciem [10]).

Jam plane nobis advexerunt bibliothecam ad domum nostram, dono missam a domino generali Gordon, aestimatam 670 fl. vestratibus. Selectissimis pro usu nostro libris constat.

Accepit nunc plane bonus amicus e Polonia, quod dum transiret czarus Samosciam, ibidem adfuerit nuntius apostolicus dominus Paolucci, cui czarus donavit crucem, valde pretiosam; dumque videret in se affectum valde propensum czari, petivit, ut permitteret liberum transitum operariis in Persiam et Chinas, ac singulariter egit pro vestra Societate. Czarus autem respondit: Judaeos et Iesuitas habemus proscriptos e regnis nostris. Dum autem instaret nuntius, tandem respondit: Per me licet, veniant, sed nolo assecurare contra latrones etc., viderent, quomodo transeant. Deus bone! et quomodo potest assecurationem praestare suis mercatoribus? Ecce, mi domine! quam vos sitis exosi! Dixit proxime supremus cancellarius, quod czarus, confecto bello, adhuc visitaturus sit Italiam, Hispaniam, Daniam, Galliam etc. et a rege Galliae quidem quod expresse invitatus sit, non est dubium. Optarem, ut Dominatio vestra aliqua occasione conveniret dominum Franciscum, supra memoratum; mira oretenus intelligeret.

Ego multa hic scripsi, quae nolim, Dominatio vestra promiscue communicet; novit enim multos esse garrulos, qui narrant res absque consideratione. Deus avertat, ut aliqua hic scripta vel per rumorem huc devenirent, non essem tutus de capite. Habemus exemplum recens de aliquibus, tantum privatam personam concernentibus, multo magis haec infortunium parerent. Scripsi autem illa Dominationi vestrae, quia literas non postae, sed tutae certaeque occasioni commisi, qua quia cautura est, Dominatio vestra observet, quae alias monui in ad me dandis, neque alphabeto isto, de quo supra, utatur, nisi semper apponendo jusculum, quasi vel responde-

ret ad quaestionem mathematicam, vel communicaret artificium aliquod etc. reliqua ingenium dictabit Dominationi vestrae. Sigillo etiam non nisi externo utatur, minime se eum, qui est prodere, dignetur, ipsa enim correspondentia cum homine vestri ordinis periculum non leve causaret. Cum reduce domino legato caesareo pro tenuitate mea non obliviscar Dominationis vestrae. Interim me ei totum consecro, affectum que, quo jam tum, dum Romae viveret, me prosequebatur, identidem flagito, ac maneo Dominationis vestrae humillimus ac sincerus Geraldus a S. Cruce missionarius apostolicus caesareus. Moscuae in Sloboda extraneorum 1698 23 Sept. stylo novo.

P. S. N. B. [11]). Rogatur humillime reverendus p. rector. ut has reverendo patri Emmanueli ob speciale, quo sine dubio perfundendus est, ex tam gloriosa sui p. Alberti memoria solatium, communicare dignetur. Idem r. p. Emmanuel humillime cum reverentissima salute pariformiter rogatur, ut perlectas r. p. Dworsky, mox r. p. Falek, dein r. p. Pable, ac demum etiam p. Wietrowsky pro se solis legendas (neque enim hic illas publicae luci proposui) exhibere ne gravetur; vereor quippe, ne si per plurium manus pergerent, pauperi correspondenti, cum quo mihi quam cautissime agendum, periculum aliquod injiceretur. Praeterea, si r-o p-i Emmanueli notitia hic aliquando abs me contracta suspicionem circa has ipsas movet aliquam, et hanc oro premat, penitusque seponat, quod idem factum cupio ab aliis. Franciscus Dubsky.

II. 1699, 23 Iunii. Literae P. Francisci Aemiliani. Sine inscriptione. Copia.

Reverende in Christo Pater, P. C. Impossibile fuit hactenus suae Reverentiae aliquid de missione nostra transcribere, nulla enim literarum securitas; ipsius illustrissimi domini legati paketa aperta fuit, an hic, an in Polonia, nescitur, adeoque neque per ejus occasionem fidendum erat; voluissem scribere per reduces duos parochos, sed quia vehementer hic illis minati sunt, quod eorum res ante transitum limitum in Smolensko visitare velint, nolui scripturam committere periculo.

Primum. quod suae Reverentiae supplicamus, est. ut dignetur esse tam benigna et supplere, quod nos praestare non possumus, maximas videlicet rependere gratias il-mo d. legato reduci. qui nostri per viam curam gessit exquisitam. in termino vero genuinae matris vices supplevit etiam cum expensarum et commoditatis suae detrimento. Templum, bibliotheca, oeconomia nostra et pauperes hujates semper cum gratitudine ejus recolent memoriam; quidquid potuit his circumstantiis, nostri causa egit; Deus rependat millies; ego certe memoriam ejus ad altare Domini nunquam omissurus sum.

Ingressus noster fuit fortunatus, quia eximia prudentia domini legati ita omnia instituit. ut fierent connaturaliter, neque moverentur quaestiones aut dubitationes, atque ita omnia facta sunt, acsi deberet sic esse. cum audacia et libertate prudenti. Tentationes tamen non defuerunt. Non parva sollicitudo nobis incussa fuit in Lithuania, 50 milliaribus ante ingressum Moscoviae; ipsi nostribus auribus excepimus rumorem. quod Iesuitae ingrediantur Moscoviam, et 4 milliaribus ante Smolenskum popa nostros famulos hospitio recipere noluit, dicens: quia vobiscum vehitis Busurmannos, sive paganos Iesuitas, sed benignus Deus in gratiam s. matris societatis elusit haec omnia. In Smolensko nos tentati fuimus a popis, tentatus hic Moscuae in prima mox conferentia d. legatus, sed et haec feliciter elusa sunt.

Nova cura, dum domini parochi hujates missionarii ex longa nobiscum conhabitatione suspicionibus agitari coeperunt, sed nil in nostrum detrimentum emersit. Alia cura-discipulus meus, hic me conveniens, sed Dei providentia factum, ut in statu esset lamentabili et egente; nummis, fateor, non peperci, donec e miseriis eruerem; semper gratum et fidelem expertus quidem sum; quia humana omnia sunt mutabilia, tamen in hoc non fidens et libertati apostolicae consulens, testimoniales a Slavonicensibus petii per patrem Knittel, quibus jam obtentis, nil formido, deberet enim (si scripto contrarium ostendere possim) prius sustinere triplicem haustam, ut vocant, sive flagellationem publicam, prius quam contra me evinceret quidquam. Maximum autem et humana ope vix evasibile periculum erat. cum reversus fuisset cum czaro do-

minus Le Fort; puto enim nos ultra biennium vix latere potuisse; summam enim de nobis, nescio, e quibus foris haustis rumoribus, suspicionem habuit, et rescivi sermones ejus, privatim mihi relatos, ad extra vero ostendebat omnem humanitatem et affectum. Extremo itaque malo extremum Deus adhibuit remedium, mortem videlicet, quae enim hic sustulit in festo canonisationis ss. patrum nostrorum Ignatii et Xaverii.

In Moscoviae Sloboda vel quasi anteurbio, quod Germanorum vocant, invenimus campum laboris nostri, qui multo sudore et patientia eximia egebit multorum adhuc, si Deus faverit, missionariorum. Credimus experti, quod pie defunctus P. Tichausky dicere solebat, dulcius esse in extrema barbarie laborare, hominem inferiorem spectando; ibi enim sola barbarie, hic vero et barbarie et exquisitissimis agitur fraudibus praeterea. Hoc vero animos hucusque (Deo gloria) nobis prorsus non dejicit, imo auxit, ut eo fortius stemus pro partibus Dei, quo potentiores hic sunt vires diaboli.

Invenimus in hoc loco nationes pene omnes europaeas. Lingua germanica passim adhibetur etiam apud alios in concionibus, et norunt eam omnes, hic degentes exteri, praeter quam et quilibet ruthenicam adhibere et addiscere conatur. Grex noster catholicus maxime pusillus est ex omnibus, sed, quod pessimum, ita eum reperimus morbidum, ut solus occupare possit hominem industrium et ovicularum sibi commissarum saluti serio invigilantem; quotidie enim fere revidendus est catalogus, et nunc de hoc, nunc de illo investigandum, ut omnes advertant se in recenti conservari memoria, omniumque curam accuratam haberi, quà industria plures, quam duodecim, conservati sunt hactenus, ne lenociniis adversariorum (quae hic norunt magistraliter) traherentur in devia; obviandum scandalis et sceleribus, et hoc eo difficilius, quam alibi, quia quae alias ferro et igne puniuntur a justitia, hic sciuntur magna ex parte esse indemnia; apud homines autem parum divinis deditos, si videant hanc libertatem, facile conjicere est, quantis sit opus ictibus, ut eliciatur vel scintilla amoris erga virtutem, quo solo et obsecratione et longanimitate et ferventibus precibus ad divinam mi-

sericordiam hic agi potest. Fortitudo quidem etiam necessaria est, sed solum ad resistendum, neque video, a quo hic haberi possit assistentia, cum non sicut alibi consules suos aut protectores habeant nationes exterae, sed omnes vivant in chao, et quilibet clamet: «est libera regio!» Accedit ad hoc, quod magna pars hic degentium sint homines, qui quaesierunt asylum ex aliis regionibus vel ob malefacta profugi vel proscripti, inveterati in malis suis, cum quibus quantae possint esse difficultates, sua Reverentia sibi facile persuaserit; fecit tamen optimus Deus, ut plures ab inveteratis malis evigilaverint, et serio meliora cogitarint; multi a longo tempore non expiati ad s. confessionem adducti sunt, et unus ex eis (soli Deo honor), qui, a quo missio haec inchoata est, a nullo sacerdote ad sacramentum poenitentiae perduci potuit; omnes denique, Dei gratia adjuvante, ad paschalia sacramenta perduximus, excepto unico ex archipelagi insulis oriundo, Italo, at speramus, quod et Deus hanc nucem franget.

Invenimus hic sacellum ligneum in longitudine 18 passuum; altitudo ejus, ubi stabat populus, ut manu contigi potuerit, sed sumptibus domini legati redactum est in formam templi, ita ut in longitudine numeret passus 36, in altitudine aequaliter ad 10 ulnas elevatum est, et duplici ordine fenestrarum e vitris majoribus exornatum, instructum praeterea commodo et quasi triplici choro. Praeter altare majus sanctissimae Trinitatis (hic est titulus ecclesiae) habet aram s. Crucis et Beatissimae Virginis; ara ss. Angelorum est in fieri; haec interim, donec bona venia serenissimi ligna vertantur in lapides. Praesepe, sepulcrum etc., quanto potuimus, apparatu ereximus, magno Ruthenorum et haereticorum e Sloboda concursu, etiam festa solenniora ornatu novo et novo conamur augustiora reddere, quod uti et decor ecclesiae valde commovet animos seductarum animarum. Ornatum sacrum invenimus sat copiosum et decorum, nil deest nisi monstrantia, loco cujus utimur radio argenteo inaurato, qui paululum palmam excedit. Auxit ornatum illustrissimus d. legatus caesareus sacerdotali vestitu, apparatu calicis et antipendio (antipedio?) e materia argento et auro divite; adjecit item iconem D. Virginis thaumaturgae recentis in Ungaria, cum cortinis e persica

attalica, urceos argenteos, flores artificiosos etc., ornatum item alium adjecit illustrissimus d. legatus Poloniae; pro novis duobus ornatibus materiam pretiosam domina La Fortiana suppeditavit, alii alia quisque pro suo posse. Templo adjacet habitatio nostra unius contignationis, sat spatiosa, ut ex apposita charta videre placebit [12]); hinc inde tamen invenimus ruinosam, quas ruinas nostris sumptibus potissima ex parte restauravimus. Hic enim pauperes evangelizantur, neque multos potentes et divites numeramus in nostra communitate, adeoque maluimus nobis subtrahere, quam communitatem gravare, et eo liberius muneri apostolico vacare possumus, quo minus sumptuum a communitate petere cogimur, minor enim est dependentia, et utinam prorsus in omnibus ab eis absolvi possemus! Et esset communitati gratius et gloriae Dei dilatandae utilius. Pro usu missionis hujus illustrissimus d. generalis Gordon Scotus donavit bibliothecam, pretiosum nobis et valde oportunum thesaurum; auxit eam pluribus libris d. legatus caesareus; catalogum hic appositum videre licebit totius bibliotheculae [13]).

Hortus sylvetum erat; hunc in statum pristinum et meliorem redigimus sumptibus concurrentibus domini legati caesarei cum solatio communitatis magno; aquam item, quae per totam aream tempore pluvio et in resolutione nivium stagnare solebat, derivavimus in cisternam neoconstructam, ne ob hanc molestiam tam multi posthac arcerentur ab accessu templi.

Est etiam in habitatione nostra locus scholarum, qui utinam bono praeceptore provisus esset, magna nobis fama et communitati honor et gloriae Dei augmentum adjiceretur; ipsi adversarii proles multas huc pro instructione darent, quibus paulatim pietas instillari posset. Ut suae Reverentiae syncere cogitationes nostras patefaciamus, optimum esset, si homo societatis nostrae in saeculari vestitu hic curam hanc habere posset. Promisit d. legatus se facile pro eo sumptus procuraturum. Deberet autem esse homo provinciae nostrae ob meliorem unionem et convenientiam; quid enim diversitas provinciarum faciat et quomodo praevalere possint affectus humani, jam sat docuit Moscua, dum Prutenus cum Boëmo hanc missionem administraret; gratis est,—longinqui-

tas regionum veterem Adamum non occidit, sed sopit. Praeterea homo eximiae prorsus et excellentis virtutis esse deberet, praesertim humilitatis et patientiae et castimoniae, mille enim periculis exponetur: nil eum deterrebit, nisi solus Dei amor, est enim haec regio singulariter exposita selectissimis diaboli insidiis. Musicam deberet scire, saltem certe in organo et cantu peritus esse, sine his enim nil prodesset; praeterea si non linguam utramque, saltem certe germanicam nosse deberet, et praeterea in hac gente variabili resolutus esse ad omnem casum mortis et infortunii.

Utinam sua Reverentia hominem ejusmodi laicum nobis submittat! Sed haec sunt simplices cogitationes nostrae: dijudicare dignetur sua reverenda Paternitas. Esset quidem votum nostrum singulare, et huic missioni singularissima utilitas. Accederet praeterea hoc emolumentum, quod providere posset oeconomiae nostrae, atque ita liberius juventuti et animabus p. Ioannes vacare posset; de facto enim, ut melius res agerentur, inter nos divisimus: p. Ioannes oeconomiam, ego, quod templum et ejus res concernit, curo et quae alias occurrunt.

Quod haereticos hujates concernit, sunt hic religiones diversissimae, praeter nos autem duae solum habent exercitium publicum. Prima Lutherana, numerant duo templa ex lapide sat spatiosa et gratiosa, praedicantes numerant 3. Est haec factio numerosissima. Secunda est Calvinistarum, qui habent unum templum ex lapide, praedicantes duos, sunt praeterea: praedicans unus in Archangel, alter in Bialogorod, tertius apud ferrifodinas, quartus apud naves. Apud Ruthenos quoad religionem utrique in odio sunt, et auxit hoc odium gratia magna, quam habuit generalis Le-Forte apud czarum, non enim Luteranos inter et Calvinistas discernunt Rutheni. Praedicantes hactenus triumpharunt et nos quasi catholicos habuerunt despectui, sed penitius rem considerando judicabam non semper in metu inutili manendum, sed exaltandum vexillum Christi; suaviter itaque et crebrius inculeare conatus sum majoribus de eorum communitate, quos conveni, ut recogitarent non esse spectandum majorem numerum communitatis, sed formulam licentiae concessae propter exercitium a czareis majestatibus, quae pro omnibus partibus aequaliter sonat; 2-do,

considerandum. quod nos a majestate augustissima caesarea Romani Imperii huc mitti consvevimus cum publicis credentialibus et expressa protectione, quod non fit cum eorum praedicantibus, qui licet in gratiam mercatorum Sveciae, Daniae, Hollandiae, Angliae hic tolerentur, nemo tamen praeter Suecum praedicantem est in expressa protectione. 3-io, Suecus praedicans ideo hic toleratur singulariter, quia unum templum graecum est in ditione Succa, et ex hac re gloriari volunt. Magis nos gloriari et fortificari possumus ex hoc, qui ad Budam et in tractu Quinqueecclesiensi et in Transylvania templa Graecorum numeramus plurima et nunc ad instantiam legati Moscovitici in novam protectionem recepta sunt. 4-o, a nobis nunquam adversus eos illam incivilitatem factam et commissam esse, neque dum tractamus controversias (ut testari possunt eorum praesentes qui fuere homines) vel verbulum, quod in minimo laedere posset, prolatum, quod tamen eorum praedicantes fecerunt hactenus tam insulse non sine perstrictione magnorum monarchorum; quibus rationibus assensi praedicantes compescuerunt, ut de facto de scommatibus in cathedra nil proferant, nobisque omnem exhibeant extraordinariam humanitatem, praesertim Calvinus praedicans Stumpfius Heidelbergensis, qui tamen, vivente Le-Forte, erat insolentissimus. Indicibile, quantum Calvinistae acerrimi fidei nostrae hostes, vivente Le-Forte, triumpharint. Indicibile, quantus idem Le-Forte pontificis et Iesuitarum hostis. Unicum ejus delicium erat libellus epigrammatum contra papam et Iesuitas, quem volvere et revolvere solitus erat; quanta ille hic de patre Wolff, quanta de eodem frigidi et mali catholici in gratiam Le-Forte sparserunt. Literarum fingendarum artifex erat dexterrimus. Semel totus fascis ad nos allatus fuit; sperabat forte a nobis aperiendum, sed delusus est; nunc hac cura nos divina bonitas liberavit [14]).

Quod Ruthenos concernit, ex iis habemus hostem maximum principem Boris Alexiowitz Galleczin, vice-regem Casani et Astracani, fratrem illius, qui pulsus erat in exilium, dum patres nostri hic essent. Est enim in hac opinione, quod si non adessent sacerdotes catholici, plerique fierent Rutheni; neque multum fallitur, ipse enim in hoc est ingens aposto-

lus, obit mare et aridam, ut vel unum faciat proselytum. Quot jam per ejus blanditias perierunt! Caeterum, veneratur sacerdotes romanos, utcunque nos jam invitavit aliquoties indirecte, de facto autem necdum consultum videtur illi innotescere, usque dum sciamus bene ruthenice; solet enim semper movere discursus de pontifice, cui si non possit prompte responderi ruthenice, ut praesentes bene intelligant, timendum est, ne sibi triumphum faciat et victoriam fingat. Unica vice cum accessi occasione archiepiscopi Ancyrani, hac transeuntis et apud eum divertentis, sed nil motum fuit. Alter est magnus archidiaconus ecclesiae cathedralis furia contra Romanos; sunt et alii seniores bojarini et mercatores, juniores tantopere non curant. A patriarcha moderno nil habemus, quod metuamus; ipsius vita est dormire, comedere et crematum bibere; jam a longo tempore nullas obit functiones publicas ob continuam corporis indispositionem. Compensarent forte languorem ejus alii episcopi et archimandritae, sed fastuosum suum furorem non audent depromere; sunt enim valde humiliati a czaro, qui eos crebrius asinorum nomine compellavit, ubi tamen possunt, non feriantur [15]).

Fuit hic vir optimus sacerdos unitus, nomine Sylvester [16]), quem cum unitum suspicarentur, insimularunt, quasi complex esset rebellium, nec quieverunt, donec bono viro (ut moris hic est) in platea super trabem caput fuisset decussum. Alter diaconus, Petrus nomine, ob unionem hic maceratus, post omnibus confiscatis in exilium missus est; vehementem sui admirationem movit, dum staret in synodo et omnes faceret responsis suis obmutescere.

Pridie suae captivitatis adhuc me occulte accessit, et de quibusdam dubiis egit, et in genua provolutus inter lacrimas se Beatissimae Virgini et S. Ioanni Nepomuceno in templo nostro commendavit [17]).

Reversus nunc est Roma e collegio greco p. Palladius, qui hic potuisset magnum fructum facere, sed monachus alter eum detulit ad patriarcham de unione, qui eum inclusit in carcerem monasterii novi s. Salvatoris, ubi de facto manet [18]). Nuper apud Ruthenum aliquem inopinato reperi ab eo por-

rectam supplicam patriarchae hujati, quam hic apponam latine versam.

Clementissimo domino patriarchae Andreae ex corde bonam salutem faveo. Si mentionem meae indignitatis sustines, scito me in tantis miseriis et afflictionibus comprehensum, ut paululum a sepulcro absim. Causam percipe: concessum mihi fuit nuper sapientissimos oculos magni archidiaconi conspicere, qui mihi haec verba protulit, quod ego me Romae a Deo separaverim, eum abjuraverim et in eum spuerim et Romanum Deum acceperim; at quem ille Romanum Deum intelligat, prorsus nescio. Respondi illi, quod Romae nullus Deus alius colatur, quam Pater creator coeli et terrae et Filius ejus unigenitus Jesus, salvator mundi et Spiritus sanctus, in tribus personis unus Deus, quem colui in Moscua et Romae colui, nec ad ullum fictitium Romanum Deum accessi. Dixit mihi praeterea, quod propter hoc 49 annis deberem vivere in poenitentia, cum sic et quidam episcopus poenituit. Respondi, quod me subjiciam judicio sanctae orthodoxae verae orientalis ecclesiae pro omni dicto, si in quod laberer. Etiam prima Maji contigit mihi loqui cum reverendissimo p. Probo, oeconomo magnae ecclesiae, qui mihi objecit, quod cum dolo huc accesserim et non bono animo reversus sim in Moscuam. Miror summe, quod de me tam indigna et iniqua afferant tuae Clementiae, sed et pro his obligatus sum Deum exorare et placare, passione enim excaecati nesciunt, quid faciunt. Inclino me profundissime suae Illustrissimae Dominationi et rogo, dignetur me ab hoc mortifero dolore liberare, in quo haereo, et judicem accersere p. Iosephum; omnia confiare potest p. Iosephus, si Ill-ma Dominatio mandare dignabitur. Inops monachus Palladius in doloribus haerens profundissime me inclino.

Deus det illi summam constantiam! De liberatione ejus, quantum expiscari potui, despero. Ita daemon causae suae timens omnem plantulam conatur sopire et suffocare in ipso exortu. Iesuitae apud illos hujates popas in primario odio sunt. Utinam, statim, initio dissimulata persona intrassent nostri patres hanc regionem, meliori in flore, credo, quod multa essent. Nobis millesima pars (sancte asseverare possum) non liceret, quae nunc licet, si scirent nos esse Iesui-

tas: omnia enim haberent suspecta. nigriores enim carbone. illis depicti sunt Iesuitae ab haereticis. Allatus huc fuit liber sub nomine nostri patris Philippi Avril. Amsterdami impressus et dedicatus domino Lubomirsky Polono. in quo fit de czaro mentio. quod habeat morbum caducum etc. et excessus Ruthenorum in bacchanalibus. Mox Calvinistae eum verterunt in ruthenicum. et ad conciliandum missionariis catholicis odium tradiderunt czaro et aliis majoribus. Sed ex parte catholica ostentum est. hunc librum esse suppositium. Ex diversis argumentis mihi autem summe placuit haec observatio catholicorum, quam inter reliquas inseruerunt dicentes: si Hollandi Calvinistae tantam habent curam de honore suae Majestatis. debuissent librum illum sibi submissum non imprimere. sed cassare et remittere authori, cum sit editio prima. ut non per totum mundum evulgarentur res ejusmodi. atque ita telum retorsum est in hostem, qui de facto hac de re silet. Frater unus Dominicanus. ex Persia hac transiens. natione Gallus. nomine Falle, homo. ut apparebat, aliquantum adusti cerebri. causam hanc assumere volebat et scribere librum contra Avril et societatem: adhuc ei (ad evitandam nostri manifestationem) suggessimus consilia, quae si adhiberet, certi fuimus, quod nil futurum esset. Voluit librum imprimere in Curlandia Mettaviae. sed non successit: tentavit demuo Vilnae successu pejore. Optandum esset. ut homo ille intra claustri septa teneretur. Promisit hic. quod quamprimum Romam venerit. huc mittere velit loco clericorum aliquot Dominicanos. qui missionem procurarent.

Illustrissimus d. legatus. dum excurreret in monasterium famosum, quod vocant novam Ierusalem. dignatus est me secum accipere. Ad praesentiam domini cancellarii Siberiensis curiae nobis omnia ostenderunt tum in templo, tum monasterio notatu digna. Egi cum monachis ad familiaritatem usque, dumque ex occasione incideret discursus de patribus societatis, incredibile, quantam illi bilem et rancorem adversus eos prodiderint. Tantum facit una phantasia et opinio! Mirum hoc. quod jam plerique non prohibeant nos ab ingressu templorum. et ab uno quidem popa hic Moscuae usque in ipsa sancta sanctorum (ut vocant), sive ubi conserat sacerdos, ad-

missus sum. Altaria, fateor, (quorum jam aliquot admissus vidi) juxta rituale orientalium accurate et sat munde adornata sunt, sed in sacerdotibus celebrantibus, quoad s. caeremonias, magna est indecentia: dolendum, quod tam splendido et pretioso ornatu quoad sacras vestes provisi sint: sciunt tamen, quando volunt, sacras caeremonias sat exacte juxta rituale exhibere, ut adverti, quando in praefato monasterio nobis praesentibus habebant liturgiam: sed denique deest spiritus vivicans.

Etiam reliquias etc. permittunt nos videre, imo et attingere, quod nullatenus permittunt Lutheranis aut Calvinistis, quos quoad religionem extreme detestantur. Investigavi accurate, quantum potui, quoad formulas sacramentorum, quae de facto incorruptae hic adhibentur in omnibus sacramentis; inveni tamen per intervalla corruptas fuisse ante annos non ita multos, et baptismum pro majoribus administratum ita, ut episcopus pronuntiaret formulam et alter sacerdos baptizaret etc. Nescio autem, quo bono authore abusus ejusmodi et vitia sublata jam sunt, et sacramenta quoad materias et formam suae integritati reddita, ita ut bene sperem de salute multorum e plebe, qui in inculpabili ignorantia sua bene vivunt et pure materiales sunt schismatici. Multos certe conveni e plebe vitae innocentissimae, sed in nulla re fidei instructos. De resurrectione mortuorum, cum alicui proposita fuisset quaestio, stupuit, diuque sat agendum fuit, prius quam sibi persuaderet. Saltem hic fructus colligi potest sine periculo, ut simplicibus instillemus, quae sunt de necessitate medii, et animi praeparationem habeant ad obediendum verae ecclesiae in omnibus: cum eis enim plus agi non potest, sunt enim proprie jumenta, sicut quiscunque populus Americanus esse potest, et ejusmodi universalia non sunt contra illorum religionem, libentissimeque audiunt. Certe lacrymis deplorandum, quod populus iste fame quoad animam perire debeat, non enim audiunt conciones ullas: hoc fit saltem, ut legant post decantatum evangelium ex ambona homilias s. Chrysostomi slavonice: sed, bone Deus, populus praeter verba sonumque nil intelligit. Melius fit in ecclesia cathedrali, ubi super quodlibet evangelium leguntur homiliae simplici et pro captu ac-

comodato modo. compositae a quodam episcopo Lithuano unito ritus graeci [19]). Unus hic erat p. Andreas Basilianus, vir nostris partibus addictissimus, qui multum instruere solebat plebem per conciunculas suas, sed jam diem obiit; alter fuit Petrus diaconus (de quo supra), nunc in exilium missus est: unicus superest pro concionibus capax, p. Poborsky, czari confessarius, nostris partibus benevolus valde. Nil est in causa, nisi poporum negligentia, quod nullus inveniatur pro his rebus aptus; libros certe habent plurimos et pulcherrimos tum e. ss. patribus, tum ex aliis translatos in ruthenicum, danturque illis gratis absque pretio, sed nemo est, qui legere velit. Hinc illa miseria, quam ipsi Rutheni fatentur et deplorant, ut popae nesciant, etsi vellent, plebem in fidei mysteriis instruere. Plebs libentissime conciones audiret, et dum veniunt ad templum nostrum, aperto ore, immoti auscultant, licet nil intelligant. Audivi optari a plurimis, ut liceret nobis dicere ruthenice, sed de hoc spes nulla est, quod nobis concedendum sit. Russia sive Moscovia non est nux infrangibilis, si optimus Deus misereretur, tantum opus esset unicâ licentiâ czarea; indicibile, quanta populi copia partibus nostris accederet. Hoc, fateor, sine martyribus non ageretur negotium, sed hoc est, quod pro praemio a Deo grati suscepturi essemus. Sunt multi monachi vel uniti, vel unioni proximi, plurimi de rebus nostris optime sentientes. Kyoviae unum totum monasterium est unitorum, qui dexterrime sciunt eludere technas hujatium, passim tamen ab hujatibus vocantur haeretici; item non procul a Moscua urbe totum monasterium unitum, cui praeest archimandrita, vir sapientissimus et sanctae vitae, qui semper evocat candidatos occulte ex Polonia. Scit sua prudentia omnia bellissime disponere, de facto omnes habet Polonos in suo monasterio, sed bene ruthenicam callentes, qui supponuntur esse Rutheni ab aliis. Deus secundet ejus intenta pro solatio s. ecclesiae. Sunt tamen haec de facto solum tribus personis sub secreto nota [20]).

Sunt plurimi alii, quos solus metus ab unione deterret. Plebs hujas, tametsi monachos latinos abhorreat et fugiat, nobis tamen ostendit affectum: jam binis vicibus expertus fui, ubi, cum interrogassent, an essem pastor catholicus, in-

demnem me reliquerunt et omni cum honore exceperunt. Possumus libere in vestitu nostro ecclesiastico accedere, quo volumus, et studio dum etiam partes urbis longissime dissitas aut templa accederem, nunquam superindui pellicium aut togam viatoriam, ut ita plebs magis assvefieret, quod intendi deberet maxime. affectus enim plebis in Moscovia nobis utilior est et securior, quam affectus magnatum, qui omni tempore dubio fortunae expositi sunt, nec ipsi sat sciunt, quo loco res eorum sint, et de facto summe cavendum, ne apud aliquem eorum singulariter intrantes simus, cum czarus pene omnes in suspicione infidelitatis habeat bojarinos et alios magnates. Affectum vero plebis potissimum lucrari hic oportet mansuetudine, quae etiam ferissimos emollit animos et quam singulariter a sacerdotibus expectant, et magna patientia, supportando invicto animo insulsos illorum mores, nullumque, quocumque tempore accedat, repellendo, quo quidem fit, ut homo ne uno momento quasi suus esse possit, et cogatur in seram saepe noctem diei negotia rejicere: sed scimus nos ideo esse missionarios, ut non nostrae, sed aliorum commoditati invigilemus.

Multum etiam facit distributio medicamentorum pro infirmis: utinam divina bonitas tantum mihi largiatur de sumptibus, ut parvulam e simplicibus medicamentis componere possem apotheculam! Multi imo plurimi pereunt defectu saepe exiguorum medicaminum. In tanta vastitate duo medici nostri catholici, non est possibile, ut sufficiant pro ejusmodi derelictis, cum potissimum czari et magnatum servitiis detineantur. Eleemosinas quoque magnas apud templum nostrum accipiunt, quod illis non fit ab haereticis, propter quod catholicos summe depraedicant. Optandum esset, ut gens haec studiis se applicaret, ingenia enim non desunt; affulget nunc spes aliqua. Ex bojarinis jam latine loquitur praefatus Boris Galeczin, qui in hac lingua instructus fuit a nostro quodam patre Polono, quem Moscovitae ex Lithuania captivum huc attulerunt circa annum 1649, quem Iesuitam de facto mire a virtute laudat idem princeps etiamnum. Praeter eum alii duo bojarini latine loquuntur, nempe, bojar Artemonowicz [21]) et bojar Chlebow. Italice loquitur uterque et Demetrius et Theo-

dorus Galleczin. item bojar Lapuchin. frater czarissae, qui summe ambiit conversationem nostram, sed honeste nos subtrahere debuimus, cum enim czarissa in monasterium retrusa et repudiata sit, nescimus, quo loco ille apud czarum posthac futurus sit, ne de nobis mala veniret suspicio. Sunt et alii multi, qui loquuntur italicam, et mandato czari lingua italica hic publice docetur a duobus monachis ex Corcyra oriundis. P. Ioannes in se assumpsit onus docendi latinam, et jam aliquot sunt congregati parvuli Rutheni bonae indolis, quos nullo modo impedimus in religione illorum, sed statis diebus ad eorum ecclesiam mittimus, cibos esuriales apponimus suo tempore etc., quod intelligentes alii plures se missuros appromiserunt; fuerunt enim popae initio contrarii, dicentes certe, a nobis pervertendos; interim hoc nobis sufficiet, ut erudiantur et capaces fiant ad legendos authores nostros, quod Possevinus noster olim summe optavit. Colligent alii, spero, veniente tempore, ex hoc copiosum fructum. Mathesin aestimant et stupent, sed sumptus pro praxi necessarios non volunt intelligere. Obtuli hinc inde aliqua munuscula optica et alia: libentissime accepta sunt et mirifice dilaudata; in recompensam missi pisces, gallinae, crematum etc. quae in nostra moneta quinque grossis comparari potuissent facile. Habeo praeter filium domini generalis Gordon et alios Ruthenos discipulos. Quanta opus erat persuasione, ut ordinate et a primis rudimentis inciperent, omnia enim volunt habere cito, omnisque moræ impatiens gens est. Nunc usque ad triangulorum solutionem pervenimus, illique ex se ipsis habent solatium. Utinam Deus daret, ut aliquando exurgerent hic studia; hinc Kioviae et in vicinia ejus plurimi sunt uniti, quia ibi studia vere in flore sunt etiam altiora, illuminato enim intellectui facile est invenire veritatem.

Mercatores multi et de plebe plurimi templum nobis optant ex lapide, imo et a quibusdam mercatoribus non minimum sperarem auxilium pro educenda fabrica, sed e communitate nostra (scribere malo, quod verum est, quam officiose dissimulare) nemo fuit, qui hactenus ursisset propric, et nisi illustrissimus d. legatus curam hanc assumpsisset et fecisset mentionem, nemo vel verbulum perdidisset, sed fuerunt con-

juncturae ejusmodi. ut negotium perfici non potuerit. Speramus tamen in bono Deo, quod causae suae assistet. Fateor, quod multi e bojarinis obsistent, maxime Boris Galleczin, qui publice protestatus est in quadam occasione, se omnimode restiturum, dicens: si catholici haberent templum ordinatum, in quo sua rite peragere possent, templa nostra multa evacuarentur, habent enim aliquid singulare in caeremoniis suis, quod plebem nostram dementaret, catholici. Sed et Deus hoc confringet obstaculum! Caeterum, quoad Ruthenos, optaremus, ut possemus reducere omnes illos, qui in absentia sacerdotum catholicorum transiverunt ad schisma illorum, quorum sane non est parvus numerus. Sunt inter illos et alius speciei apostatae, nempe a religione sacra et a fide. Unus est diaconus dominicanus Laureczky, homo jam senex, qui agit interpretem, alter laicus nostrae societatis, Vilnae apothecarius quondam, nunc conditionem hic habet in apotheca czarea, alligatus uxori. Monialis una profuga huc venerat a Belgii partibus; disposuit optimus Deus, ut de ea mirabili casu innotescerit, agere cum illa hic fuit admodum difficile: diu lusit operam, tandem in tutum collocata est, Deo juvante.

Praeter Ruthenos et negotium nobis est cum Armenis et Persis mercatoribus, sed solatiosum, solent enim ecclesiam nostram frequentare et nobiscum familiariter agere, quamvis non omnes sint ritus romani aut uniti, sed multi Eutychiani et Nestoriani: quia tamen a Ruthenis non admittuntur Armeni universim ad ecclesias, omnes simul nostram accedere solent ecclesiam. Solet per eos scribere ad nos p. Ioannes Bapt. Lamazzi, nostrae societatis missionarius Seamachiae, trans mare Caspium, primus noster ad bimestre sive 540 milliaria vicinus, negotiaque sua commendare expedienda; habuit et hanc correspondentiam cum parochis praedecessoribus nostris. Tartari hic sunt omnis generis; habemus ex iis duas personas in gremio ecclesiae nostrae: unum Tartarum Kalmukam, alteram Tartaram Mongulensem. Sunt Tartari duplicis sortis hic, nempe, qui captivi ex Crim, Oczakow, Budeziak et ex parte maris nigri Armeniam et Trebisondam versus ad littora habitant, sunt omnes mahometani. Vidi illos Armeniam versus notatos in tabulis geographicis sub nomine Cumaniae vel Commaniae; pro-

prie autem vocantur Cubanenses Tartari a Cuban, primaria eorum mansione. Multi etiammum apud eos sunt captivi christiani, quondam in Ungaria capti et eo divenditi; aliqui ex iis se fuga salvarunt, ubi de facto hic duo sunt ex Kaiserstein-iano regimine, sed multis fuga ad Ruthenos in majus cessit infortunium, dum per vim rebaptizati sunt et coguntur vivere more Ruthenorum et aeterni esse selavi in pejori servitute (ut verisimiliter mihi affirmatur) quam apud Tartaros. Felicissimus ille fuit e Gondoliano regimine in caede Veteranii captus, quod huc advenerit, dum adesset d. legatus, qui eum in suam recipit protectionem et foras devehit. Praeterea qui ex parte Astrachani ascendunt usque ad flexuram Wolgae, usque ad Zagatay et regnum Tibetarum, omnes sunt mahometani, alii vero ethnici. Qui sunt Mordnates ethnici, adorant pellem equinam, non autem hi a Moscua procul absunt; qui fluvium Obus versus (ut mihi dixit affinis domini cancellarii Siberiensis), ut sunt Ostiaki, Tangussi. Tingöesti etc., animalia, quae illis maxime nociva esse solent, adorant, reliqui addicti sunt magno Lamae de Barantala, e quibus et Moscuae sunt; habent item hic sua idola mirabilia privatim. Samogitae, penes Archangelum habitantes, pro Deo adorant e pasta mirabili factum cornu arietis. Hunc deum manibus nostris tractavimus, abripuit enim illis eum d. generalis Gordon, dum in partibus illis commendaret.

Quid in Iugoria? An ibi etiammum vestigium sit religionis nostrae, quam 1249 eo intulit aliquis Dominicanus, requirens eos populos, a quibus discenderunt Ungari, et ibi inveniens, rescire nil potui; hoc solum mihi affirmarunt, qui cum illis egerunt, eos more Ungarorum nostrorum incedere et linguam habere specialem; an ungarica sit, quia eam ipsi ignorabant, affirmare non poterant [22]).

Similiter conveni mercatorem, qui Tibethani regni notitiam habuit (hinc enim intra duos menses eo devenire possunt et solent in Tibeth, sive ut Russi vocant, Devet), sed nil quoque rescire potui, aut illi mihi affirmare, an ibi adhuc sit vestigium s. fidei, quam v. p. Andrade eo intulit circa 1626, et nostri patres dein aliquo tempore propagarunt.

Cum Tartaris Mahometanis parum fructus sperandum est,

sunt enim admodum duri, citius tamen emolliendos crederem quam veros Turcas; qui sunt Tartari ad Wolgam et trans illam, mistum habent mahometismum cum multis hebraismis, non enim minus, quam Iudaei, apertis fenestris clamitant, dum sunt fulgetra et tempestates etc., ut videre licuit in hic etiammum praesentibus.

Cum Ethnicis putarem maximum futurum fructum, plerosque enim (ut observavi hic, dum diversis occasionibus conveni per interpretem eos) inveni esse non ineptos pro regno Dei; sed interim inter suspiria et gemitus cogimur esse otiosi spectatores tanti interitus tantorum populorum. tantarum terrarum, quas invidia diaboli per Moscorum dolos et pertinaciam clausas tenet. Hic quidem si Tartarum emam, possum eum baptizare, sed nunquam illi fidendum erit; licet enim omnia mea furaretur, aut correptionem (correctionem?) sufferre nollet si ad Ruthenorum asylum confugiat, salvus est, ut jam plura hic exempla docuerunt. Morduates sub avo moderni czari ad ruthenismum compulsi fuerunt; eo enim missi popae turmatim eos ad aquas perduxerunt, quibus transeuntibus aquam pronuntiarunt formulam baptismi, post dederunt illis cruces et icones ruthenicas, dicentes: hi erunt Dii vestri (semper enim in rutheno imaginem nomine Dei vulgo nominant). Hic tota instructio, post quam autem collocassent in hordis suis Deos hos et extraordinaria paterentur damna, omnibus in saccos convasatis per legatos remiserunt Moscuam, dicentes, se velle in pristinis moribus perseverare; pro recreditivis legati acceperunt flagellationem, et ire permissi sunt, suoque arbitratu vivere, ut de facto.

In Siberia, quae jam magis et magis habitata fit per exules, eo missos, etiam quidem templa et popos suos habent Rutheni, sed minoris valoris sunt et luridiores quam hujates. Unum ante aliquot annos hujas mercator Philatilow promovit in Chinas, qui ibi, nescio, in quo loco facultatem obtinuit extruendi ecclesiam. Prima mox die, dum aperta ecclesia perageret liturgiam, duodecim Sinae se rutheno schismati adjunxerunt, quod videntes patres nostrae societatis effecerunt, ut templum clauderetur, et popa redire cogeretur extra muros ad vicinam Moscorum terram; ita quidem illi narrant. Hinc illae

lacrymae! Caeterum, ingrata gens hujas considerare deberet grandia beneficia, a societate accepta. Eo tempore, dum nos jam hic sumus, huc adductus est in catenis wojewoda illius terrae Ruthenorum, quae vicina est Chinensibus. Hic miserat homines suos ad praedandum; fecerant damna diversa etiam Sinensibus, qui petiverunt satisfactionem a wojewoda illo. Constrictus timore Sinensium wojewoda aliquibus decussit capita, aliquos truncavit nasis et avribus, quod rebellionem magnam concitavit apud populum illum, non ferentem, ut wojewoda plecteret, quod ipse jusserat, volebantque se et terram suam tradere Chinensibus, quod patres nostri impediverunt, pacaruntque turbatum statum, ut huc allata exhibent testimonia, elapsa hieme allata. Habui totam rem e cancellaria (pro nummis enim omnia haberi possunt), sed translatorem, qui describeret, ad manum non habui.

Ante annos item non nimium multos, quia Rutheni terminos suos transgressi fuerant et partem terrae sibi addixerant, ubi copiosior est zobelinorum captura, nec Sinensibus restituere volebant, Sinae contra eos processerunt cum 300 millibus armatorum, cum Rutheni non haberent duodecim millia, delevissentque illos, nisi nostri patres se interposuissent et pro eis deprecati fuissent, ut oculatus testis et ipse ibi praesens colonellus, jam pie defunctus dominus Schmalenberg edixit. Et tamen alter ejus collega Ruthenus Golowin, ut se purgaret de perditione terrae, non erubuit omnem culpam in Iesuitas rejicere, quod ipsi contra eos exercitum duxerint etc. [23]).

Dum ibi fuisset legatus hujas mercator, qui etiammum hic adest, nomine Isenbrandt, nec admissus fuisset, nisi nostri patres juvissent eum; ipse vero se inibi cum suis haereticis finxit perfecte catholicum, unus tamen ex eis, chyrurgus, qui nullibi in tot regionibus converti potuit, ibi a nostris patribus syncere conversus redivit, et nunc ex hac regione discessit in partes catholicas. Utinam plures, ut illum, promovere possemus foras! proprie enim inter saerum et saxum haeremus, et nobis charum esset, hic multos habere catholicos, sed simul et dolori est illos jugiter videre expositos gravissimis damnationis periculis, quae enim et quanta sint ruina-

rum pericula, facili quisque amans veritatis, si vel modicum hic moratus est, edicere poterit.

Sed. ut ad Sinas revertar, fatentur ipsi Rutheni, quantis amoribus et paternis affectibus a nostrae societatis hominibus adjuti sint, mireque illos dilaudant, et quantum in mercatoribus est. certus, imo certissimus sum. quod nostros homines libentissime secum deveherent; esset enim illis res immensae utilitatis, et commode illos haberent, sed diabolus obsedit viam per magnates, a calvinistis instigatos. Cum enim haec regio valde interessata sit cum Hollandis et nunc etiam quoad mercimonia cum Anglis, in hoc laborant maxime, ne Iesuitis hoc breve iter pateat; mallent enim omnes e Sinis exterminare, quam vel uni commoditatem ad Sinas penetrandi permittere; dicunt enim, ubi Iesuitae sunt, res suas nullam habere benedictionem, et non esse nisi mera infortunia. Cum autem discursus causâ res tentaretur, an non saltem alium sacerdotem catholicum mercator quispiam secum accipere posset, responsum mihi datum est. quicunque per Siberiam tentaret eo venire. suspectum fore, ne sit Iesuita, atque ita mercatorem illum incursurum periculum capitis et perditionis omnium bonorum, quod mihi confirmatur ab excellentissimo domino legato. qui dixit patres illos Franciscanos, qui proxime hinc iter per Siberiam tentabant ad Chinas, de facto a Ruthenis haberi pro occultatis Iesuitis, et se proxime interrogatum esse, an Iesuitae ipsius jam discesserint.

Videt itaque sua reverenda Paternitas, quanta diabolus in hac regione contra Societatem moliatur, et quanta adversus nos hic praesentes ageret, nisi dilectissimus S. Michael archangelus pro nostro singulari protectore assumptus eum coerceret.

Accessit huc 6 mensibus, prius quam adveniremus, p. Laurentius van Dugune e Belgio, per 12 annos in Hollandia missionarius noster; egit hic apothecarii nostri catholici chymicum, sed in occasionibus et compagniis prodidit nimis juris canonici notitiam etc. et ex hoc, uti et ex sacramentorum frequentatione incurrit suspicionem, quod occultatus religiosus sit, fuissetque in gravi periculo, nisi persona quaedam timorata prudenter periculum dissipasset et eum sub specie fa-

muli cum Armenis in Persiam promovisset. Per quam viam dein in Chinas moverit, certo rescire non licuit. Contuli hic cum Armeno aliquo mercatore, qui callebat Italicam, qui mihi exhibuit viam alteram per Samarcandam, breviorem ea, quae est per Tobolsko et Sibiriam, sed quoniam repente ejus principalis se resolvit ad discessum, cum ultra convenire non potui, consequenter plenissimam non colligere notitiam potui. Quantum accepi, voluissem transmittere, sed manca est charta. Deus dabit occasionem ulteriorem. Potuissem plura quidem rescire, sed non expediebat; debet enim haec homo expiscari quasi transcurrenter et per transennam, ut non advertatur intentum. Currentis discursus gratia semel projectum fuit: cum Iesuitae sint divites, si munera afferrent, forte argentea vel aurea clavi sibi hanc viam aperire possent. Responsum fuit ab homine hujatium rerum perito: certe illos promoverent usque in Tobolsko, sed abinde periculum esset, ne privatim interficerent, et spargerent, vel occisos a barbaris, vel periisse infirmitate, hoc enim Ruthenis esse per modum nihili. Denique quod Possevino nostro obstitit, ex Anglia tempore Elisabethae huc propagatus haereticorum furor, hoc de facto summa gloriae Dei ponit obstacula, hoc iter Sinense occludet, donec S. Michaelis gladius (in cujus apparitionis festo missionem incepimus) solvat nodum Gordium. Orandus est optimus Deus, ut e capite czari effument malae illae de Iesuitis conceptae opiniones, quas Lefortii suggestiones apud eum formarunt. Sentiant de illo alii quodlibet, certum est, quod sit tamen sagacis ingenii princeps; sed, quod dolendum, nimium volabilis et praeterea irretitus vitiis, quae sola ab illo Le-Forte discere potuit, virtutes non callebat. Sed non est abreviata manus Domini. Licet omnes parum boni sperent, nos tamen spem non deponimus, forte optimus Deus (in quo solo et unico hic spes locandae sunt) faciet mirabilia. Propter hoc non segnius operandum est; qui enim attendit ventum (sapientiam pure humanam), nunquam seret, multo minus metet.

Curiositates czarus quidem amat, sed eas praecise, quae bellum et igniaria concernunt; de reliquis licet valde ingeniosis (ut a quibusdam hic parata fuerunt) non curat de facto.

Prius valde favorabilem se exhibuit partibus catholicis, ante quam e terra hac discederet ad visitandas regiones; post reditum vero nec beneficia, nec maleficia ab eo accepimus, redivit enim cum ingenti adversus sacerdotes catholicos, maxime Iesuitas disgustu, in hac a Le-Forte fixus opinione, quod illi causa sint conclusae pacis. Ita sive sit bellum, sive pax non accepta, fecerunt Iesuitae [24]). Ex parte expedit, ut non simus in gratia et favore singulari de facto, donec magis evolvatur turbida nubes seditionum. Sciet Deus dare et suis temporibus favorem, si placuerit. Gliscit de facto in corde ejus scintilla aestimationis sacrorum nostrorum: an vero vera sit, an praecise ficta, sat penetrare non possumus: scimus enim gentem hanc nil attendere, nisi suam utilitatem. Quis scit, quid speret a sanctissimo nostro? Sat jam cautos facere potuit Basilius (Ioannes) czarus tempore Possevini, qui genium hujus gentis mundo abunde palam fecit. Scheremetow, a quò rediit, magnifice quidem fidem nostram depraedicat et laudat dicitque, se de facto propter persecutionem confratrum omnia dissimulare: quid autem lateat, an verum, an falsum, quis penetret! Aulicus ejus, Karbatow nomine, conversus fuit sive unitus Romae ab admodum reverendo patre nostro, uti ejus ostendunt patentes, venitque ad nos et nos allocutus est, tanquam patres societatis, quod habeat salutem a patre generali et a p. secretario, in cujus cubiculo fecisset professionem fidei. Nos hoc inopinatum elusimus hoc medio, ei persuadendo, quod forte deceptus fuerit hac voce: salutate nostros patres, per ty (tytulum) nostros intelligere debuisset sacerdotes catholicos, ita enim vocamus nostros sacerdotes omnes, qui sunt catholici presbyteri; at ille reposuit: nunquid negare potestis, quod pater generalis sit vestrum caput? Respondimus ei indirecte: patrem generalem Iesuitarum nil habere connexionis, multo minus caput esse clericorum secularium. Penes hoc mansit. Est quidem ille anima bona, sed hic nemini, nec sibi ipsi fere fidendum est, et quod malum est pro hac regione, est homo paululum simplex, praesumpsit enim quidpiam non quidem tantae importantiae, sed quod potuisset ingens malum creare apud gentem suspiciosam. Hinc valde pro neo-unitis orandum

est, ut Deus spiritui fervoris, quem habent, etiam spiritum discretionis adjungere dignetur [25]).

Tulerunt huc secum e nostris partibus redeuntes bojarini multos exteros, inter quos maximum laborem nobis crearunt adolescentuli adducti nostrae religionis, pro malo enim usu eos adhibebant. Peccata enim in coelum clamantia hic sunt per modum blictri; nec dum 4 menses effluxerunt, ubi se bojarinus aliquis cum risu reliquorum in publica tabula jactavit, a se non nisi 80 juvenes corruptos esse. Utinam nemo tenerioris aetatis in hunc regionem adduceretur. Aliqui salvati sunt; magnum in hoc opus praestitit d. legatus caesareus, ad liberationem cooperando. Utinam et alii nostrae communitatis cooperari voluissent serio! Sed multa verba erant blanda et nullius efficaciae opera; at Deus haec suo tempore judicaturus est. Esset liber integer conscribendus, sed haec interim pro generica notitia.

Ut communicatio literarum nobiscum haberi possit, saltem aliquando, dominus legatus caesareus redux provisurus est et intimaturus suae Reverentiae. Rogamus suam Reverentiam enixissime, dignetur conferre cum reverendo patre Knittel, ut aliquo modo, si possibile est, intertenimentum nostrum in securitatem et certitudinem transmissionis deducatur. Sciet ille bene vias aliquas occultas, quibus hoc effici possit. Cum enim hic vivere debeamus ut clerici, vestigia, quantum fieri potest, praedecessorum terenda sunt, et consequenter opus mediis. Sufficit nobis gratia caesarea, eaque cum humillima gratiarum actione contenti sumus, modo suo tempore adsit, nil enim rejici potest in reservam; si enim vestitui, equo, famulis etc. providendum sit, in hac caritate temporum, prope finem termini vix aliquid ultra invenitur. Accedunt praeterea eleemosinae, quae hic evitari non possunt, et nisi d. legatus aliquando succurrisset, vix ullum invenissem, qui praebuisset auxilium. Negari autem eleemosinae illae vix possunt. Est hic seniculus, qui primus hic sacerdotes fovit cum sua magna molestia, quam a Ruthenis perpessus est, nilominus eos manutenuit; fortuito naufragio in summam redactus est pauperiem. Huic negari non potest. Est alia senicula, quae nostris patribus, maxime pie defuncto p. De Boye (qui hic in

summis adhuc laudibus est) in infirmitate maxima bona praestitit, nunc vix panem habet ipsa, quem rodat. Sub alio praetextu ibi conamur facere, quae possumus, bona. Fuerunt puellae hic non paucae ob pauperiem a parentibus ipsis sceleratis expositae vitae lubricae, adjutae multae et aliquae in tutum collocatae. Contingit nostros neoconversos (Dei gratia ab haeresi, in quibus spes est, reliquos computare indignum enim est, conversi sunt 7) pati persecutiones, citari ad judicia aut pati infortunia, quo primum refugium, quam ad nos? Hic (salva semper vita clericali) mallem aqua et pane vitam tolerare, quam non succurrere. Incredibile enim, quanta per hoc bona fiant et quanta pro futura disponantur. Et hoc facere tenemur, si recogitemus, nos non huc missos, ut curemus cuticulam, sed Deo serviamus et proximo; magna fieret gratia et opus bene impensum foret, si in hac parte ab extra nobis a pia quapiam anima succurreretur; quamquam et foris sint multae indigentiae, hic tamen pro animabus derelictis sunt singulares.

Occurret forte alicui, quod vix opere pretium sit pro loco ubi omnia sunt inconstantia, aliquid impendere; sed, si hoc argumentum valeat, quam paucae fuissent regiones conversae, quam misera foret Anglia inconstantissima etc. Hoc esset singulare intentum et solatium diaboli, si desereretur Moscovia a Societate, quia hinc longissime semper arcere conabitur. Singularis item gratia, si succurreret quispiam quoad praemia catechetica, hic enim nonnisi casu accipi possunt ab Armenis et ingenti debent pretio solvi.

Adjungo Reverentiae suae, si forte Deo placuerit aliquem e nobis cum temporis processu evocare ad aeternitatem, dignetur provincia huc mittere hominem peritum in linguis, praesertim germanica, böemica vel polonica (polonica faciliorem ad ruthenismum dat viam), gallica et italica, si Germanus est, hollandicam addiscet facile, denique quotquot linguas sciverit, omnes proderunt, hominem contemptorem sui et qui sciat multa facere et pauca dicere de factis, satagat, haec enim hic nobis ad bonum S. Matris nostrae tenenda via est; plausus nec desideramus, modo gloriae Dei bene sit. Si audeo simplices meas cogitatianes aperire, optime huc valeret vel

p. Basenheim vel Braida vel Quiquerre. Mortuus est clericus Italus apud naves; loco hujus discedo eo. cum paschalia necdum peregerint, interim p. Ioannes providebit communitatem.

Commendamus nos humillime paterno favori et totius provinciae sanctissimis sacrificiis et precibus, quibus admodum nos indigere videt sua Reverentia, maneoque humillimus et indignus filius p. Ioannes Milan. nunc vero Franciscus Aemiliani, parochus Slavonicensis, missionarius caesareus in Moscua. Moscuae 23 (13) Iunii, 1699.

III. 1699, 15 Decemb. Literae P. Francisci Aemiliani. Sine inscriptione. Copia.

Admodum reverende et eximie domine! Ab ultimo per dominum legatum promotis non scripsi alias ad admodum reverendam Dominationem, quam per dominum baronem Bügsdorf a nobis in Octobri discedentem, quas et spero jam pervenisse. Causa ulterioris silentii fuerunt insidiae hujatium, qui omni modo insidiabantur literis meis, habebant enim suspicionem, quod forte nescio, quae scribenda invenire possent ad dominum Gvarient. Ex condicto expedivi tres literas (quas tamen totus mundus legere poterat) ad praefatum dominum. quae an omnes pervenerint, mihi adhuc rescire non licuit, adeoque fidere non poteram, ut sincere scriberem Dominationi suae.

Status nostrae ecclesiae, ut initio fuit florentissimus et felicissimus ad invidiam aliarum partium, sic nunc mirabili Dei permissione multum debilitatur. Minutus est grex, quo ad numerum, quia exteri Angli, recentes advenae, in quibus numeravimus 20 catholicos. Hollandi, e quibus 40. Itali, e quibus 80 erant catholici. jam pridem licentiati sunt, nunc vero recenter licentiati sunt 8 magistri navium Veneti cum aliquibus officialibus et pluribus aliis. Debilitatus est grex noster quo ad vires, quia columna nostra d. generalis Gordon huic mundo valedixit 29 Novembris st. v. Adfui ei usque ad extremum, pluries per hanc infirmitatem (quae

erat cholica ventosa) sacra professione expiatus et sacra synaxi provisus est. Dum ei conferrem extremam unctionem, rogavit, ut uterque interessemus, eaque peracta nobis valedixit. Sub meridie aderat serenissimus, dumque me videret adstantem, interrogavit: »estne hic tuus medicus?« Reposuit dominus generalis: «ita serenissime! Defacto mihi corporales medici non prosunt, unicum habeo solatium medicum animae meae». Super quod serenissimus reposuit: «dobro, batzka, niemozesch lutschi gielat» (optime, mi patercule, non potes melius facere). Consultabat deinde serenissimus ipse cum medicis praesentibus, variaque ipse suggerebat media, reversus postmodum, dum ibi vigilarem, hora undecima noctis, cumque videretur esse melioratio cum ingenti consolatione discessit, at brevi post ejus discessum vehementer invaluere dolores, ita ut diceret mihi: pater, ad quid ultra pro mea sanitate oratis, actum est, paremus iter; brevi itaque post, eo desiderante, incepimus commendationem animae, et ille quasi signo dato incepit agonizare, postquam prius adhuc forti voce Deo gratias egisset tenerrimas, quod non sicut alii tam multi absque sacerdote et sacramentis in tot occasionibus mortuus fuerit in desertis Tartariae; petivit adjungi psalmum—Miserere singulariter, valedixit breviter conjugi et benedictionem dedit filiisque ac filiabus, quos recollecta voce jussit recedere, renovavit pactum quo ad signum de danda absolutione et in particulari denuo fracta voce assignavit absolutionis materiam, item renovavit propositum acquirendi sacras indulgentias, subito incepit vox magis debilitari, nilominus actus fidei, spei, charitatis, quantum poterat, ipsa voce fracta sequebatur, subitoque se signans sancta cruce, percussit pectus ac manum meam apprehendit, intelligibilis denuo se cruce munivit et signum dedit ac denuo pactum servari quo ad sacras indulgentias admonendo et inclamando sanctissima nomina, quae aliqualiter voce cum ter repetivisset, vocem plene perdidit ac conversis in Beatissimae Virginis appensam prope lectum imaginem oculis eo ipso tempore, quo serenissimus anteriorem cameram intrabat, omnibus fuit sensibus destitutus. Accedens serenissimus cum videret me recedere ad caput, ne ejus dexteram occuparem, «maneas hic, pater», ait, «et fac tuum officium, sicut vis,

nec te impediam». Inclamavit ei inter haec: «Peter Iwanowicz, noscis ne me»? At ille nec oculum a Sanctissimae Matris imagine amovit nec signum dedit, dum post duas leves convulsiones suaviter expirasset, dumque serenissimus ipse apprehenso speculo explorasset, an adhuc signum esset vitae, nullumque reperisset, me intuens dicebat: Pater, judico jam esse mortuum». Cumque idem insinuassent et medici, feci consueta, dumque acciperem in lagunculam aquam benedictam pro aspersione, accedens quaerebat, quid hoc esset. Dico: «sancta aqua». «Bene, optime facis», reposuit, clausitque oculos defuncto, eumque osculatus suffusis oculis, discessit serenissimus. Vix ab eo discessi, cum evocatus fui ad suae Majestatis medicum d. Zopol, qui nunc coepit assurgere et in florem venire, ut potuisset auxilio esse ecclesiae nostrae. Laborabat petechiis per quatuor noctes. Vestem detrahere nullam potui, ut omni momento praesto essem, ingentem enim mortis ostendebat formidinem, et magno egebat solamine. Expiravit tandem 4 Decembris st. v. ut speramus feliciter. Quantus labor, admodum reverende Domine, in executiendo mortis metu fuerit cum hoc pie defuncto domino, est indicibile. Vocavi in suppetias patrem Ioannem, at utrumque vero lassum fecit. Credo, quod Deus illi per has immissas angustias gratiam fecerit, ut deleret in hoc saeculo, quae restabant.

Sic itaque defacto propric absque omni sumus auxilio humano. Dominus noster Carbonarius defacto nil potest, cum sit in exigua gratia suae Majestatis, nec etiam videtur eam facile recuperaturus. Lutterani, Calvini habent patronos suos, et residentes et legatos et commissarios haereticorum principum: nos neminem. Dominus generalis Gordon paulo ante mortem commendavit serenissimo nostram communitatem, cui reposuit serenissimus: «nie bogis, batzka»! (Non timeas, patercule). Et quantum quidem concernit serenissimum, nil sollicitarer, quia nimis manifeste quo ad religionem pluris nos facit, quam caeteros; sed quia circa illum sunt multi susurones fidei nostrae inimicissimi, optandum esset, ut haberemus aliquod scutum. Utinam posset fieri, ut nobis secura occasione transmitteretur paragraphus ille, quem Viennae proposuit dominus Wozniczin, hujas ibi legatus de protectione habenda super

graecum ritum ad Budam et in partibus aliis nostri augustissimi. est enim in eo reciproca promissio, quod nos in pari libertate tutandi simus hic Moscuae [26]); deberet autem firmosa esse scriptura, quod authentice desumpta sit, signo alicujus majoris authoritatis. Scribo super hoc domino Guarient et domino Dolburg. Si sua Paternitas cooperari dignata fuerit, singularis nobis fiet favor; fuerunt enim per solam relationem hujus rei multum retusi audaces animi haereticorum.

Dum funus esset domini generalis, curavit nobis dici serenissimus, ut omnes omnino faciamus caeremonias, ut consuetudo est, item ut s. sacrificium dicamus, licet acerrimum frigus fuerit tunc, quale non recordantur hujates fuisse a 20 annis. In concione funebri laboravi una cum aliis octo fere diebus, extrahendo e tomis, in quibus ipse pie defunctus vitam suam conscripserat [27]), at frustra. Quidam enim serpentes haeretici, timentes, ne noster generalis haberet quid gloriosius, quam Lefort, egerunt apud czarum, ut pridie funeris sub noctem veniret mandatum, ut dictio funebris fiat polonice. Fecit praestantissime pater Ioannes, quantum poterat. Serenissimus aderat modeste, dum in domo thurificaretur et aspergeretur funus, ducebat milites suos deinde in ordine, per vices deinde aderat in sacro et concione, jam in templo, jam in sacristia, prout tempus a militibus liberum ipsi favebat. Dicunt de czaro quidquid velint, certum est, quod in eo talenta sint eximia. Attonitus vere steti (inexspectatissima mihi enim res erat), dum apud dominum generalem, pie defunctum, discursum faceret cum medicis, quodlibet nominans vocabulis propriissimis, in medicina usitatis, jam latinis, jam graeco-latinis, ut medicina solet, exempla historiarum et testimonia, verbo, esset insignissimus princeps et nostrae parti faventissimus, si non venenosi tam multi eum circumstarent, qui bonum nostrum omnimode impediunt. Affectum valde magnum mihi exhibuit apud pie defunctum dominum generalem, ita ut valde multum admiraremur hoc. Eodem die funeris ad nos ire permisit czarivicium sive filiolum suum, qui curiose lustravit omnia et cum reverentia magna templum veneratus est. Adfuit brevi post et ipsa czarewna, soror ejus Nathalia cum omni modestia et decore se in templo gerens. Utinam Deus

tangat cor serenissimi! Ab hoc dependet totum. Ingens brevi seges fieret, si solum daretur facultas cuilibet ad libitum. Martyr noster Petrus diaconus, de quo alias scripsi, vivus nempe martyr etiamnum manet constans, licet in exilio in monasterio, nempe Archangeli ad littora, vivat arcto pane et modica aqua, inclusus carceri subterraneo. Fecit actus constantiae, multos et magna dignos historia. Utinam hic esset, qui haberet gratiam serenissimi, ut ei referre posset verum rei statum, non dubito, quin libere evaderet paupereulus ille. Palladius e carcere liber est, necdum tamen ei licet facere liturgiam: habet defacto instruendos aliquod principes, non tamen plene illi fidunt. Caeterum optandum est, ut pupilla et orphana missio juvetur valde precibus sanctorum virorum, omnem enim undique movet lapidem diabolus, ut perturbat, sed exurget Deus! Humillimus servus, Franciscus Emiliani.

IV. 1701. II Januarii. Moscuae. Literae P. Francisci Emiliani S. I., missionarii. Sine inscriptione. Copia.

Admodum reverende ac eximie domine! Quamprimum appuli in Asoph, exinde dedi literas ad eximiam Dominationem, quas pater meus socius se dicit promovisse per magistros Venetos reduces, spero itaque extraditas. Commoratus sum inibi usque ad festum sancti Andreae, dum enim ad finem Julii pararem reditum, saeva pestis grassari incepit, quae novem millia hominum intra trimestre abstulit, nonnullos etiam e nostris marinaris, quos in hac occasione deserere non potui. Ipse contraxi malum et ulcus venenatum erupit in collo, quod me certo ad interitum perduxisset post multorum dierum inediam et noctium insomnia, nisi nocte, quam credebam decretoriam, voto ad Divam Sacromontanam facto, ulcus se ipso ruptum fuisset, et brevi secuta sanitas. Contraxi altera rursus vice et in brachio dextro erupit carbunculus, sed adfuit eadem Diva auxiliatrix. Sedato utcunque malo, dum aliqui e magnatibus redituri essent Moscuam, rogavi, ut me eis adjungere possem. Illi aureis verbis mira spondebant omnem assistentiam et securitatem, sed mox prima

nocte ab uno eorum (cujus tamen filio mira praestita sunt beneficia Romae a sanctissimo piae memoriae) in insula deserta derelictus fui, ut nec regredi nec progredi possem. Steti ibi usque ad tertiam horam post mediam noctem et paulum aberat, ne a cosacis rebus omnibus spoliarer et occiderer, nisi unus ex eis mei misertus, ut reliqui manus abstinerent, impetrasset, itaque ex insula se proripuerunt, me relicto uteunque indemni. Tertia post mediam noctem hora advertimus, quantum per tenebras et exiguum, quem habebamus, ignem, poteramus, quod motus fieret aliquis in Tanai vidimusqe appulisse utramque navim, quibus pons impositus erat, sed vectorem nullum, nisi juvenculum unum, qui solus regebat, pro quo alias quatuordecim aut saltem decem requiruntur homines, assecutus fui rursus eundem meum magnatem in step sive desertis, sed rursus ad alterius fluvii ripam derelictus. Si transire volui, notabili summa solvendi erant vectores, sed denuo eum assecutus usque Voilucam, quae prima post desertum civitas est, cum eo perrexi. Ibi ille a me petiit, ut sibi venderem parvulum Calmucum, quem emeram et mecum devehebam; cum autem dicerem, nobis non esse licitum exercere ejusmodi mercimonia, apertam incepit prodere furiam, negabatque se permissurum, ut ultra cum eo pergerem, insidias etiam struebant per wojewodam loci, ut mihi parvulus eriperetur.

Quod advertens et nolens sanctum tradere canibus (jam eum baptizaveram, Josephi Michaelis nomine imposito) resolvi solus discedere, licet ab inde usque ad Livensem urbem omnia sint crudelibus latrociniis infamia, et aliquoties vita mea in filo pependerit, ita dicendo, ipsique duo vectores mei contra me rebellare inceperunt, ita ut ipsi dominos agerent et ego equisonem agere debui ac equis inservire et apud eos vigilare, nisi voluissem eos perdere. Nomen, quo vocabar, aliud non erat, quam «romanus diabolus», «romanus canis», «romanus spurius» etc. Propius Moscuam sereniora sperabam, sed secus evenit, audita enim clade (de qua Asophii nil adhuc innotuerat imo nec de obsidione), quam passi sunt ad Narvam et quod duo colonelli ad Suecos transfugerint, indicibile, quantum contra Germanos odium ostenderint, fuique

rursus duabus vicibus vix ungue distans a morte, quam mihi ebrii et tumultuantes rustici minabantur, inter quos solus et unus versabar. Exinde per residuos dies usque Moscuam non solum in hospitiis, sed et in via publica ab omnibus mille et mille acerbissimis opprobriis exceptus fui, ut de momento in momentum pugni et verbera expectanda fuerint. Non exaggero, sed in veritate scribo, infimus de plebe scurra non potuit pejus tractari, pro quibus omnibus benedicatur Deus, pro quo nunquam sat pati possumus! Dulcia haec fuerunt, modo Deus mihi conservaverit meum parvulum Iosephum Calmukum, quem nunc in latina instrui facio, ita tamen ut non obliviscatur suam calmucikam. Forte dabit Dei bonitas, ut, tempore procedente, multa apud suam gentem operetur pro gloria Dei; est enim gens illa, cum qua multum egi, non inepta pro s. evangelio. Optarem, ut esset secura occasio eum promovendi ad partes nostras, ut ibi in tuto instrueretur, hic enim omnia varia sunt et in omne momentum incerta.

Quid in missione sit actum, uti et de Tartaris cum quibus egi, in separato scripto annotavi, quod si dignum judicaverit eximia Dominatio, dignetur communicare praepositis, cavendum tamen esset, ne veniret in manus saecularium.

Adveni huc Moscuam ultima die anni, 31. Decembr. styl. vet. et omnia inveni in statu lugubri, ecclesiamque nostram magna parte vastatam, siquidem complures imo plerique officiales nostri catholici aut occisi sunt aut capti, restant artifices cum viduis et desolatis, quibus pro lytro multa expendenda sunt. Non video, quomodo sumptus congregare possumus pro manutenenda ecclesia et pro procurandis necessariis, siquidem ab officialibus ita dispersis vix aliquid sperandum est. Deus moveat cor alicujus, ut etiam hujus missionis recordaretur. Succurri de mea parte tot et tantis miseris, qui in dies pulsant ostium, ut me ipsum ad statum mendici redegerim: sed spero, divina bonitas, in qua una hic spes omnes collocare oportet, quae me nunquam deseruit, neque nunc derelinquit. Rogo humillime et enixissime eximiam Dominationem, dignetur omni modo et diligentia efficere, ut tandem stabiliatur extraditio nostri intertenimenti. Fuit missus ordo a domino Schmettau ad nostrum campsorem, ut nobis singulis

semestribus anticipetur. Hoc confisi, iter Asophiense et alia aggressi sumus nostris sumptibus (a catholicis etiam hic nil sperandum, quia ipsi sunt miseri, et novit Illustrissimus dominus Guarient et alii, qui hic fuerunt), nunc vero manemus in sicco, quia campsor dicit, sibi missum esse contraordinem a domino Schmettau, ut nil nobis det, nisi acceptis novis literis id jubentibus. Jam non videmus, unde nobis vivendum sit. Deus daret, ut semel circa hoc aliqua fieret stabilitas, nemo enim credit, nec facile, ignoratis circumstantiis, sibi sat persvadere potest, quanta haec sit vexa et quantum tormentum quantumque periculum jacturae famae et nostrae existimationis, vel enim nos in suspicione habent, quod simus religiosi, qui nil habent de suo, vel quod simus ex necessitate hac advenae, quod utrumque hic praejudicat fructui s. evangelii.

Pro praeceptore, qui simul organista et cantor est, singulis annis solvuntur 50 rubli, sive 208 imperiales; pro sacristano 12 rubli; pro iis qui tempellum mundant et ejus supellectilem lavant, 8 rubli; pro lignis ad calefaciendum tempellum et sacristiam et scholas 10 rubli; pro vino pro sacrificio et ablutione circiter 9 rubli; pro cera et lampade coram Venerabili per totum annum impenduntur plus quam 15 rubli, quod jam ascendit universim ad 104 rublos, quorum sumptuum potissima pars nunc nobis incumbit, cum a communitate in veritate vix 25 rublos possimus colligere. Sileo eleemosynas, quae viduis et pupillis dare necesse est, cum enim id faciant apud synagogas suas Lutherani et Calvinistae et quidem sat liberaliter, etiam nos aliquid proportionale pro tenuitate nostra facere cogimur. Praeterea semper aliquid vel in apparatu vel in aedificio emendandum est, quae an non superant possibilitatem nostram, facile judicabit eximia Dominatio. Post omnia tamen etiam in hac caritate temporum libenter ex ore nostro detrahemus, modo saltem semel firmaretur et in bonum ordinem redigeretur intertenimentum nostrum, pro quo humillime et flexis genibus precamur eximiam Dominationem suam; nisi enim hoc fiat, certo provideo nostram missionem parum aut nil fructificaturam, et nos in continua mortificatione et prostitutionis periculo fore, neque si literae domini Schmettau

emaneant (quod in his belicosis temporibus, turbata Polonia et bello intricata Suecià cum Moscovia, facillime fieri potest) ullum remedium est, si quidem nullus, nullus omnino est, qui interim nobis accommodando succurrere posset. Supplicamus itaque humillime per quidquid possumus in tempore nobis fieri auxilium.

Alterum, pro quo humillime rogare audeo, est, ut dignetur sibi habere commendatum latorem horum, qui totum suum negotium patefaciet eximiae Dominationi. Optimo exemplo hic vixit et insuper magna prudentia, ubi enim alii simplicitate sua non laudabili impingebant, hic salvus erat, insuper nostram missionem liberavit a grandissima cruce et totam catholicam communitatem a prostitutione, suo consilio amovendo hominem sacerdotem scandalosum. Non commemoro charitatem, quam infirmis sua arte medicinali exhibuit et alia. Ego certe semper eximiam hominis virtutem suspexi eumque reveritus sum. Utinam eximia Dominatio et reverendus dominus Waldthaus ejus vota secundent. Ab Armenis et aliis omnibus optimam habet testimonium, fortique animo manutenuit per annos complures missionem in Erzerum. Dignetur, obsecro, ei loco nostri, qui multum ei obligati sumus, vices reddere, et in hoc quod optat, pro viribus adjuvare. Si linguam germanicam aut slavonicam scivisset, fuisset hic nobis valde utilis et velut angelus de coelo missus.

Quod Narvam attinet, hic adjungo. Transfugit e czareis officialibus quidam ad Suecos, ipse natione Suecus, nomine Ioannes Gummert, capitaneus supremus igniariorum, serenissimo inter primos familiaris et intimus, cui confidebat plurime. Lutteranus, qui eis omnia pandit, cum enim prius pessime haberent directa tormenta, post ejus fugam Sveci accuratissime eo, quo necesse erat et utile, suas direxerunt machinas, et succursus Svecorum, qui sat debilis fuit, oportuno loco, quasi manu ducerentur, irrupit in castra. Dicitur, eis colonellus, qui Calvinus erat, ipse removisse equites Frisios et viam pandisse, qui etiam a propriis militibus occisus erat. Benedictus Deus, quod nulla perfidia fuerit in ullo officiali catholico! Regimen serenissimi Probrozenskianum magnam ab ipsis Suecis laudem habuit, quod etiam, absente

colonello, strenue pugnavit. In pugna e nostra communitate occisi sunt: d. colonellus Kragen, d. Tourlaville, d. Antonius Schada, d. Franciscus Kothanka, d. Jean Hiaux, d. Ioannes Just, d. Constantinus Czarus tubicen. Antonius Mineur, perillustris d. Lang, domini Achintoon duo affines etc. Alii de quibus adhuc non certo constat, capti in pugna: illustrissimus d. Achinton, d. Jacobus Gordon, d. Henricus Gordon, Nicolaus Serrieur minor; post pugnam et armistitium captus est d. Carbonarius et alii multi, quibus tamen pauci compatiuntur, eo quod nimium Svecis fiderint et cum potuerint, non abierint [25]).

Adhuc unum rogarem, quod eximia Dominatio facile poterit demandare alicuji ex suis. Conveni in regione cosacorum et ad Crimenses et Cobanenses limites multos Austriacos, qui tempore obsidionis Viennensis novennes vel vetennes a Tartaris rapti fuerunt, et usque nunc vivant selavi Tartarorum partim, partim cosacorum. Magno meo solatio, audientes adesse sacerdotem e terra caesarea, me ultro adierunt et protestati sunt, se vivere et mori in ea fide, in qua nati sunt, crucem adhuc sciebant facere et modicas precatiunculas fracte germanice dicere, de reliquo nil. Iuvi animos eorum prout poteram. Cum fugam suaderem, quae facilis erat, renuebant, dicentes se nescire, an victum inventuri sint in terra nostra, cum omnia illorum probabiliter perierint. Unus adhuc recordabatur sui nominis, quod vocatus fuerit Michael Traxer; dicit se fratrem habuisse Viennae in Leopoldstadt, parentes et amicos in Wienmarck vel Fichemarck. Si esset possibile aliquid rescire aut insinuare amicis ejus, ille enim parat reditum, dignabitur facere magnam charitatem.

Rogo humillime, dignetur eximia Dominatio super negotio nostro convenire Eminentissimum, si esset pia aliqua anima, quae vellet huic missioni succurrere aliquo adjumento, nunc tempus foret, vix enim pejora expectare possumus de reliquo; in futurum spero, quod in hoc genere molesti non erimus amplius ulli.

Reverentissimo domino Walthaus dignetur nos commendare quam demisissime. Moscuae 11 Ianuarii anno 1701. Servus obligatissimus, p. Franciscus Emiliani. P. S. Obsecro,

dignetur curare, ut nobis adjutorium, quantum fieri potest, sit velox.

V. 1701 an. 11 Ianuarii st. vet. Moscuae. Literae Ioannis Berulae, S. I. missionarii. Sine inscriptione. Originale.

Admodum reverende Domine! Accepi in Novembri, quas Reverentia vestra dedit in Octobri, et multum exhilaratus fui, rescitis tot rebus, quas antea ignoravi. Ingemui morti tam sancti papae, prout etiam dominorum confratrum, mihi olim familiarium. Deus conservet reliquos pro gloria sua! Ego et dominus confrater meus bene per gratiam Dei valemus. Redivit ille Asoffo ultima Decembris anni lapsi 1700, postquam abfuisset Moscua 9 mensibus et ultra. Quid interea temporis tum Asoffi, tum alibi egerit, ipse non dubito perscribet: ego gaudeo illum advenisse, tantisperque respiro a laboribus, quos nunc cum illo divido.

Schola mea semper profecit denuo accedentibus et accessuris novis discipulis, ita, ut sperem numerum trigesimum brevi aequaturos. Me miserum! quod non habeam occasionem comparandi praemia, quae duplo et triplo pretio libenter persolverem, modo adessent. Sicut autem Lutherani discipuli crescunt, ita membra catholicae nostrae communitatis decrescunt, mortuis jam quasi omnibus primariis et nonnullis nuper ad Narvam partim occisis, partim captis. Templum magna ex parte solet esse vacuum diebus etiam festis, quia pauci scilicet sunt residui, et illi utcunque frigidi. Sumptus pro necessitatibus ecclesiae et persolvendo praeceptore atque sacristano hactenus contribuebantur a communitate, et ipsa eleemosyna indiga, cujus causa non unus nostram domum frequentat. Lutherani et Calvinistae quantum abundant pane! quantum gratia et favore apud Serenissimum! Totis diebus apud illos moratur, cum illis epulatur et laetatur; cum interim nemo fere catholicorum sit, qui plene sit satur et serenissimo familiaris. Patientia! venient fortasse meliora tempora. Patriarcha hujas, homo vetus et oppido simplex, elapso Septembri, ut noster serenissimus, oculos clausit; nullus ei de-

facto successit nec forte succedet, volente ita serenissimo ob rationes, illi soli notas. Vices illius gerit archimandrita quidam, cognomine laworsky. Kioviâ nuper evocatus, et hic metropolita creatus, serenissimo ob doctrinam (est enim emeritus theologiae professor Kioviae) utcunque clarus. Absolvit hic, ut audio, altiora studia Vilnae, simulans se unitum, sed detecta tandem larva, fertur, non usque adeo honorifice inde expeditus; hinc exiguus de facto in Romanos affectus. Placet, ut dixi, serenissimo, non item populo, quia est «oblevanecz» id est superfugor: (ita eos vocant, qui superfundendo baptizant, prout defacto Kioviensis cum Romanis facit) metuitque populus, ne, si fieret patriarcha, novitates induceret aliquas; hinc magis erga alterum inclinant, non ita doctum, sed tamen non omnino rudem, virum probum, aetate magis provectum, nostris non specialiter infensum, metropolitam Novogardiensem[21]), qui locus non procul Narva dissitus est. Ad hunc locum subsistit defacto ruthenus exercitus, mature contra Sveciam acturus. Accedent his, ut pro vero passim asseritur, varii generis Tartari, praesertim Circassii et Kalmukii, qui ferro et igne grassaturi, et totam Sveciam creduntur in cineres redacturi. Vult serenissimus efficaciter ulcisci injuriam non tam virtute Suecorum, quam nequitia quorundam officialium illatam, qui e castris transfugerunt ad hostem, et intima consilia, quorum conscii erant, aperuerunt. Unus eorum nomine Gummert, natione Svecus, serenissimo ante prae reliquis in deliciis, in poenam perfidiae habet nunc patibulum ante suam domum in Sloboda nostra, suspensa ejusdem effigie et appensa competente epigraphe. Benedictus Deus, quod nemo catholicorum fuerit e numero perfidorum, quamquam vulgus non faciat discrimen, et cladem Germanis simpliciter adscribat. Quae impudentia Hamburgensium, qui ausi sunt imprimere in novis, capta esse a Suecis ad Narvam 40,000 Tartarorum, cum nulli ibidem comparuerint. Ex horum lectione mandavit serenissimus, ut hic quoque erigatur typographia germanica, et nova hic impressa spargantur per orbem, Hollandis interim ad notam acceptis. Aliquot ab hinc mensibus detecta hic est nova seditio, quam aliqui e clero moliebantur, sculptis novis decem praeceptis, quorum authorem indirecte incu-

sabant serenissimum: 1-o barbae debent tonderi (grande piaculum!); 2-o vestitus germanicus debet portari: 3-o parucae capiti superponi; 4-o tabaca impune sumi et quidem per nasum, quod credunt peccatum esse contra naturam; ideo hactenus sumebat per os absque peccato. Haec et alia in neo-decalogo exaggerabantur, inter populum spargenda ad promovendum odium; sed in tempore aperta serenissimum excitarunt ad novam indignationem, qui monasteria militibus circumdari et tamdiu custodiri praecepit, donec deveniret ad authorem. Rescitus author quidam e patriarchio senex presbyter capite plexus est. Caeteri, qui creduntur machinationis conscii, defacto arcte custodiuntur in carcere [3]). Contigit et aliud lepidum: archimandrita deprehensus cum aliqua, quae non erat ex ipsius mandra, raptus a militibus, et deposito cucullo, apposita sociae fasciâ et vitta ductus est per mediam urbem ad carcerem, populo partim vidente, partim suspirante [31]). Haec et similia non sunt hic nova, nec amplius mirabilia [32]) Audivi, serenissimum habere magnum desiderium reformandi clerum, quod profecto summe est necessarium. Quanta ignorantia in pastoribus! quanti errores in administratione sacramentorum! Haec non latent serenissimum; ideo bene zelat necessarium spirituale bonum. Dicitur patriarcha defunctus questus esse coram serenissimo contra meam scholam, periculum enim esse, ne pervertantur discipuli, cui serenissimus: cur, inquit, non instituis filios, qui idem officii filiis nostris praestare possint? Ad haec obmutuit hujas sanctissimus. Ejus vero jam defuncti successor vicarius Iaworsky, ut literarum est amans, ita et doctrinae inter Ruthenos promovendae zelans, advocasse dicitur Kiovienses professores, ut hic etiam Ruthenos in literis informent; sed vocati nondum comparent, nec, si comparuerint, eum, quem sperant, facient profectum ob complures causas. Ego praeter latinam brevi docebo etiam germanicam, quam video Ruthenis in votis esse non minus, quam latinam; ex quo capite non timeo, ut Kiovienses, si venerint, abstrahant mihi discipulos; crescet quidem labor, sed spero, Deum vires quoque suppeditaturum ad opus sui causâ susceptum. Deus servet serenissimum incolumem, quo vivente bene speramus, vitâ functo prope desperamus. Haec nostratia.

Quid extra Moscoviam agatur, fere ignoramus. Spargitur electum novum pontificem Romanum nomine Urbanum IX. Item nepotem regis Galliae designatum esse Hispaniarum haeredem. Hoc si verum est, multos, non dubito, in aliis principibus motus excitabit. Dignetur Reverentia vestra eo, quo in praecedentibus usus est stylo, mihi nota facere, quae digna notatu judicabit, praesertim quae concernunt defunctos notos, et alias inter familiares mutationes. Libenter deponam pro posta imperialem, modo similem praecedenti epistolam accipiam. Lator harum Carolus de Los est frater e societate, e Turcica missione redux, qui Moscuae 4 mensibus substitit, et multa hic acta narrare poterit. Non lubet illi in suam provinciam Gallo-Belgicam redire, sed optaret in aliam transire, cui auxilio vel saltem consilio dignentur succurrere, quantum fas esse judicabunt. Commendo me cum reverente salute ad omnes domesticos, praesertim caput domus, et maneo admodum reverendae Dominationis vestrae servus obligatus, Ioannes Berula (mp). Moscuae in Sloboda Germanorum. 11 Ianuarii st. vet. 1701.

VI. 1701 an. 16. Febr. Moscuae. Literae Ioannis Berulae missionarii Moscuae. Sine inscriptione. Copia.

Eminentissime princeps, domine ac patrone observandissime![32]) Oblata occasione accedimus per literas Eminentiam suam, et provoluti ad pedes osculamur sacram purpuram, mille gratias referentes pro omnibus bonis in nos hactenus collatis. Vivimus ambo sani et incolumes ad obsequium Dei et proximorum. Pater Franciscus, consumptis in Asoff penes mare nigrum novem mensibus, redivit Moscuam pridie novi anni 1701. Quid ibi et in aliis locis egerit, ipse, non dubito, perscripsit aut perscribet. Ego mansi domi et bene cum templo et scholis meis occupatus fui. Habeo in schola mea praeter alios principes et bojaros etiam fratrem principis Petri Alexievicz Gallicin, praesentis Viennae legati, qui inter caeteros excellit; proxime etiam accedet princeps Dolgoruki et alii plures. Venerunt huc aliquot Kiovienses monachi, et jam

inceperunt scholas docere; sed nemo ex meis vult ad illos ire. Minantur monachi effecturos se apud serenissimum, ut omnes mei cogantur scholas illorum frequentare, quod ne fiat. praeveni, docendo praeter latinam etiam germanicam linguam, quam serenissimus amat et Kiovienses ignorant. Visitavi nuper reverendissimum metropolitam vice—patriarcham (patriarcha mortuus est elapso Septembri) qui magnum mihi honorem et affectum ostendit. Est theologiae Kioviensis professor emeritus, praecedente anno a serenissimo Moscuam vocatus, et propter doctrinam aestimatus, ejusque voluntate metropolita et vice-patriarcha factus. Una circiter hora mecum sermonem habuit plenum affectu, animum tamen illius nondum penetrare potui. Non placet mihi, quod olim dicatur fuisse Romanocatholicus, nunc autem alius, nisi forte Deus animum rursus mutaverit, aut mutaturus sit in melius. Placet ille serenissimo, non item populo, quia baptizat more nostro, quia juvenis est, annorum scilicet 40 et quia doctus, timent enim novitates. Ille e contra ostendit zelum suum concionando, sacerdotes docendo et aliis modis.

Nostra communitas semper minuitur, multis mortuis et nuper ad Narvam a Svecis occisis vel captis.

Nullus absolute modo est, qui esset serenissimo aut specialiter charus aut notus; Lutherani e contra et Calvinistae habent plurimos, qui semper serenissimo sunt ad latus. Qui de facto sunt Moscuae officiales catholici, jam se parant pro castris, quibus abeuntibus vix aliquos viros in templo habebimus, foeminas autem sat multas, praesertim pauperiores et auxilio indigentes, quibus libenter succurrimus, quam diu ipsi aliquid habemus. Utautem habeamus, Eminentiam suam denuo imploramus, dignetur efficere, ut nostrum intertenimentum in tempore percipiamus, quia campsor hujas nihil vult nobis dare, nisi novum iterum mandatum veniat Vratislaviâ. Ex hoc intertenimento vivimus non tantum nos, sed pauperes et orphani, quos ex misericordia sustentamus; si autem nostrum intertenimentum non venerit, omnes esuriemus. Singulariter supplico Eminentiae suae, dignetur pro discipulis meis vere praeclaris aliqua subministrare praemia, imagines, agnos, rosaria etc., quia haec omnia Ruthenis sunt

gratissima et hic non venduntur, nec possunt acquiri pro pecunia. Tam ego, quam omnes mei erimus obligatissimi Eminentiae suae pro favore et gratia, cui me nunc humillime commendans, pedes exosculor et manco Eminentiae suae cliens et servus obligatissimus, Ioannes Berula, pontificio-caesareus in Moscovia missionarius. Moscuae 16 Februarii anno 1701.

VII. 1701 an. 29 (?). Febr. Literae P. Francisci Emiliani. Sine inscriptione. Copia.

Admodum reverende ac eximie domine! Dum hinc discederet dominus episcopus Carmelitanus Elias, per ejus quendam hominum expedivi literas ad eximiam Dominationem. spero quidem eas pervenisse; si vero forte necdum advenissent, praesentibus molestare praesumo et rogare, per quidquid possum sacri, ut in sequentibus quantum possibile erit, dignetur succurrere et allaborare, ut si possibile est, aliquod fiat auxilium missioni, de facto enim vere status ejus lamentabilis est, ubi ex quolibet hinc Viennam advena (si de nostra fide dubitaretur) poterunt, si verum dicere velit, intelligere. Dominus Guarient habuit notitiam plenam pro ut tunc miseriae erant, quae nunc increverunt incomparabiliter; puto autem, quod tempus ei sufficiens non fuerit ad eas efficaciter proponendas, quia percepimus eum abiisse Constantinopolim.

1. Rogamus humillime et instantissime, ut extraditionem nostri interteninenti sibi quis curae sumere dignetur, ut regularis ejus fiat extraditio, indubitatum enim est, si illud nobis emaneat, quod ne unus sit de facto, qui nos adjuvare possit, praeterquam quod male affecti augustissimo (de quibus quidem parum refert) exinde occasionem sumant risus. Nostri antecessores in omnem eventum habebant suum perubium (peculium?) proprium; hoc nobis non est, ditiores de communitate mortui sunt ita ut defacto nil restet, nisi paupertas et miseria. Pupilli occisorum filii et filiolae nobis providendi sunt complures, qui sunt absque amicorum adjumento, et si deserantur, absque omni dubio perditi sunt insidiantibus tot partibus adversis. Ego, si aliud medium non fuerit, cogar separatim a patre Ioanne tenui

me sustentare victu et quod adhuc residuum est modicum, illis impendere, si interrenimentum vero emanserit, divina bonitas extraordinarium nisi faciat quid, innocentes animae patientur stragem, de quo me Deus spero excusatum habebit. Quod enim me attinet, licet usque ad panem et aquam redigar, faciam quod potero, adjumentum ab alio nullum nec sperabile nec impetrabile; summa gratia, si impetrare possim, ut vel in domos recipiantur. Si defacto est difficultas, quid si (quod Deus avertat) eminentissimus fatis concedere deberet, futurum esset? Licet de facto sint tempora bellica, spero tamen horam aliquam reperibilem, quâ haec licet odiosa invenirent aurem benignam.

2. Officialibus toto nunc anno absentibus (quanquam pauci restent, plures enim jam recensentur mortui) et hujatibus lytrum colligentibus pro iis, qui sunt in captivitate, nil est, unde provideatur nostrae ecclesiae, per omnem enim diligentiam nec viginti rublos sive quadraginta imperiales potuerunt colligere, praeterquam quod haec collectio faciat odiosam missionem apud populum nunc pauperem, non videmus, quid agendum, nisi ex nostro detrahamus et succurramus. Quid igitur nobis futurum sit residui facile cogitandum. Non enim defacto hic eo pretio vivitur commodo quo ante, et itinera meo sumptu peragere debeam, nemine succurrente.

3. Praeceptor a domino Kurtz huc adductus jam prope in novum annum servit communitati, de facto non erit, unde solvatur; uxoratus est; si moriatur insuper, ab ecclesia succursum praetendet ejus conjux, ut hic moris est, et judicaretur injuria, si non fieret; morbidus et parum idoneus ideirco, ut eo bono ordine, quo conveniret, serviat ecclesiae: optat exire foras, sed unde media? Dominus Kurtz, dum eum adduceret, promisit ei pro itinere ad reditum; succurrendum afforis (a foris?) utinam id procurari posset, et nobis substitui alius coelebs, sic enim nobiscum habitare posset, nec esset opus in annos singulos solvere hospitium decem rublonibus. Dominus Guarient scripsit in hoc puncto consensisse augustissimum: utinam cito videremus effectum, magna enim est necessitas, et si homo diligens foret, Calvinorum et Lutheranorum primariam magna ex parte juventutem acciperet eorumque scholas

evacuaret; necesse est autem simul esse organistam et hominem pro hac regione valde virtuosum capitisque non duri. Si forte non est occasio aut metuit huc se viae committere, ipse (si dant veniam) pro eo venire eumque adducere paratus sum quantocius. Magna et valde magna ejus est necessitas. Mirabitur forte aliquis, cur nos ipsi ejus vices non subeamus, sed sciendum est, quod id a nobis factum fuerit, quod ubi viderunt haeretici, nobis non fidebant, sed proles a scholis retrahebant, circa praeceptorem autem non habent ejusmodi considerationem.

Dignetur, obsecro, haec data occasione loco eo, in quo auxilium sperari potest, proponere, ruinamque plenariam ab hujate missione avertere, quae licet forte minus videatur fructifera, forte tamen optimo Deo non minus aliis missionibus erit grata. Unicum est post Deum quod a foris sperare possumus auxilium, hic enim vere dignentur credere nos nihilum habere spei. Si benigna foret (maxime quo ad anticipationem intertenimenti) resolutio, dignetur pro benignitate sua id quantocyus communicare. licet enim vel ad Rigam vel in Novograd essem, literas certo accepturus sum, quanquam ante Majum me non putem discessurum, imo nec possum, si quidem sumptus sufficientes necdum adsunt.

Serenissimus necdum reversus est e limitibus Poloniae; hic interim triplicem instruunt artigleriam; pro ea etiam e singulis hujatibus templis contributa est una vel altera campana, quorum ingens ad admirationem usque apud fusoriam officinam convenit multitudo.

Patriarcha Adrianus (homo hebes et famosus crematurius [33]) mortuus est in Septembri, fere eo tempore, quo noster sanctissimus. Loco ejus alius patriarcha creatus non est nec creabitur (quum scitur), et serenissimus publice dixit non fuisse in usu, ut plures essent quam 4 patriarchae, Moscoviae eum non competere. Ejus loco dirigit ecclesias quidam metropolita Iaworsky, olim lector philosophiae et theologiae in Kiow. Ostendit se nobis affectum, est tamen rumor, hunc affectum ei ex corde non procedere. Nunc alii venerunt 20 monachi ex Kiow, qui docent humaniora, philosophiam et theologiam, fundavit enim academiam serenissimus et con-

victum pro alumnis, qui sacerdotes fieri desiderant. Filii poparum omnes compelluntur ad studia latina, atque ita finis metuitur scholarum nostrarum, omnes enim adigentur frequentare academiam. Item erexit gymnasium pro instructione pilotarum, ubi ab Anglis instruuntur 130 Ruthemi [34]).

Monasteriis et episcopis bona accepta sunt omnia, ex quibus illis datur annue, quantum ad eorum sustentationem et templorum conservationem sufficit. Occasionem dederunt monachi, qui fecerunt sculpi quasdam figuras, quas inter plebem volebant dispergere Titulus eorum fuit: «decem praecepta Deo contraria». Prima repraesentabat Ruthenos libentes tabacam, altera portantes vestes germanicas etc. Alius vero saecularis Taletzky scripsit librum, in quo ex Daniele et Apocalypsi volebat ostendere, quod serenissimus sit antichristus, quem librum approbavit metropolita Tamboviensis, et alii popae sunt interessati [35]).

Haec fere nova defacto. Adjungo pro directione, quod dominus episcopus [36]), dum hic esset, male nobis sit interpretatus, quod requiem non habuerimus pro sanctissimo pontifice, nos enim post abitum ipsius celebravimus. Licet enim vir sit optimus, non est tamen harum regionum gnarus, siquidem volebat illud requiem fieri solennissime, invitato legato Daniae, qui ei svasit (subdole ad faciendum risum), ut invitaret omnes praedicantes et etiam dominos quosdam Ruthenos, coram quibus orationem dicere volebat de primatu Petri, quod prorsus non expediebat. Si forte foris de hac re sermo esset, scient quid rei sit.

Humillime me commendo, admodum reverendae et eximiae Dominationis cliens ac servus obligatissimus. p. Franciscus Emiliani. Moscuae 29 Februarii, 1701.

VIII. 1701 an. 23 Iunii. Literae P. Francisci Emiliani, missionarii Moscuae. Sine inscriptione. Copia.

Admodum reverende ac eximie domine! Volui hisce solum insinuare eximiae Dominationi —5-ta Iunii jam nobis extraditum intertenimentum. Adeoque pro hoc currente anno sine

cura sumus et liberi molestia. pro quo Deo mille grates et post Deum Eminentissimo, ac omnibus aliis cooperantibus agimus. Utinam et futuro tempore in hac forma missioni provideretur. quod quidem summe et extreme est necessarium. Rogamus iterum. humillime dignentur, data occasione, facere mentionem de residuis punctis. quae transmisi eximiae Dominationi per apothecarium principis Petri Galleczin. nempe de bono caelibe homine, qui hic praeceptorem ageret. item si quae bona anima fovet, quae adjiceret adhuc ecclesiae aliquam provisionem. cujus sumptus ordinarie in hoc consistunt: 50 rublones sive 150 floreni dantur praeceptori, 8 rublones sive 24 floreni vetulae. quae lavat pro templo, 12 rublones sive 36 floreni sacristano. praeterea procurandum est pro sacrificio vinum. item cera, ligna pro hyeme, ut calefiat dominicis et festis, item in censum, reparanda et curanda linea etc. Sartis tectis ex nostro intertenimento prospicimus, est enim de facto communitas insufficiens ad haec praestanda. Felix erit missio, si hoc impetravit (sic!), potissima enim pars nostrorum hominum sunt officiales et chirurgi, de quorum copia nulla unquam securitas. —hodie vivi, cras mortui. cum multis exponantur periculis. adeoque templum nostrum perpetuo fluctuat, jam ascendit, jam descendit, iterum ascendit, iterum descendit. nunquam aliquo fixo stat pede, cui rei facile esset remedium per aliquam ejusmodi fundationem. Scimus bene foris, in devotiunculas expendi saepius centenos et centenos. Speramus, quod Deus movebit cor alicujus, ut sumptus aliquos conferat pro S. Christi sponsa, in his Europae solitudinibus gemente et suspirante.

Insinuo praeterea, apud nos hic moratum esse cum magna nostra... in Moscoviam ingressu cum archiepiscopo Ancyreno Palma ibat in Persiam missionarius; dum essem in Asoph, interim rediit cum episcopo Elia, cum quo ex hac patria discedere non volebat, vixit hic scandalose, nunquam (a quo redii, certo scio) per 5 menses confessionem adiit ac sacrum dixit. mira spargens inter heterodoxos de missionariis catholicis, apud principem Boris Galleczin promisit se manifestaturum omnes nequitias, quas concinasset praefatus archiepiscopus; sed eximia prudentia principis rejecit hominis imprudentiam.

Tentavit idem apud r. d. Poborsky serenissimi confessarium. sed et ibi aurem non invenit; tandem et nos invasit, abiensque minas sparsit. se contra nos tempestatem moturum foris. si quid forte moveret. fastus mendaciis thraso. Haec pro directione insinuare volui. si non aliud commisisset, quam quae nobis constant. meretur. ut ei fides omnis derogetur. Habet ejus notitiam valde bonam d. episcopus Elias. Nomen ejus est Guilielmus de Brugne.

Rumor est huc venturum, nescio. an legatum. an nuntium. an residentem ex nostris partibus. Utinam! Nunc quisque tuto contra nos sibi licere putat, quod libet; duos jam pupillos Calvinistae authoritate sua nobis eripuerunt. Nullunde auxilium. nullunde protectio. Si sic pergant. werden wir unsern Kram bald müssen einlegen. Utinam vel unicum hominem haberemus alicujus authoritatis! In Deo nunc spes tota est. Dignetur. obsecro. nos una vel altera lineola responsi. Ab anni spatio a foris nullas vidimus literas. 23 Iunii 1701. Humillimus servus et cliens p. Franciscus Emiliani. missionarius caesareus in Moscovia.

IX. 1701 an. 15 Septembris. Moscuae. Literae Francisci Emiliani S. J. Sine inscriptione. Copia.

Scripseram eximiae Dominationi Azovio. et cum rediissem Moscuam paratumque invenissem ad iter nostras partes versus d. episcopum Eliam per quendam ejus viae comitem, laicum Iesuitam (nomine Carolum de Loss) iterato scripsi. qui autem in Iunio adhuc fuit Varsaviae, ut intellexi. Iterum scripsi per quendam apothecarium nostrum catholicum, nomine Grentzen. qui cum principe Petro Galliczin Viennam hinc abiit. quas incluseram domino Dalberg. Scripsi demum per postam. insinuans nos intertenimentum accepisse. An aliquae ex his pervenerint, ignoro [37]). siquidem a Martio elapsi anni usque ad 15 Augusti praesentis anni nullas a foris datas videre licuit; an in turbata Polonia perditae aut qualiter factum sit. ignoramus. Magno nobis gaudio fuit intelligere de domino Guarient, huc venturo [38]), utinam cito! Opta-

rem, ut hae meae literae adhuc advenirent, priusquam Vienna discederet, insinuavit enim praefatus dominus per literas Pleieri [39]), ut si quid nobis apportandum esset, illud notificaremus. Inter alia valde necessarium esset, ut apportarentur libelli precatorii germanici et etiam, si haberi possent, polonici et alii libelluli spirituales, sicut passim foris imprimuntur: si etiam essent aliqui affetivi [40]) germanici, maxime postillae vel concionatores tres vel quatuor, catholicis in Azow de hoc providi cum meo proprio detrimento; Bialogradensibus in transitu providere non potui, sicut nec aliis, qui tamen valde expetunt et sua pecunia solvere parati sunt; ex defectu horum librorum solent auscultare postillas haereticas, quibus Lutherani et Calvini abunde provisi sunt, et plurimas erroneas addiscunt doctrinas, ut aliquos invenerim, qui nomen habebant catholici, sed re ipsa credebant perfectissime lutheranice. Dolemus, quod non meliorem habuerimus notitiam et sub ingressum hujus regionis ex vano metu omiserimus nobiscum deferre libros aliquos asceticos nostri fori. Sunt hic Martyres Tanneri: utinam dominus Guarient secum deferret et confessores, et si quid aliud, maxime pro sacra solitudine aptum benefica manus adjicere voluerit, sive quidcunque in genere meditationum. Ante omnia pro hac missione esset opus utile, si in aliqua charta imprimeretur actus contritionis non nimium prolixus, idque linguis germanica, polonica, italica, nam gallica, anglica, hollandica Amstelodamo spero nos impetraturos a patribus in Kreytenberg, qui sunt nostri boni amici, per quos etiam (si necesse foret aliquando, et si Polonia magis turbaretur), ad nos literae secure promoveri possunt. Alterum, quod optaremus, est, ut si fieri potest, apportaretur aliqua quantitas vitrorum convexorum. Necesse est saepius facere bonum amicum sibi e hujatibus, ut in hac vel illa difficultate assistat: unus tubus opticus, vel microscopium trium aut duorum vitrorum, vel cistula delineatoria etc. ejusmodi gratiora saepe illis accidunt, quam nummi; vitra vero ipse elaborare amplius non possum, quia habeo alia, in quibus tempus utilius teram; quae mecum apportavi, sat multa jam in diversos usus impensa evaporarunt; hic emere est gratis prodigere pecuniam, siquidem sit vitrellum elaboratum

e scutella quatt or unciarum unius pedis indubitate ducatus petitur pro eo. cum unicus tantum hic sit ejusmodi artifex. Orientalibus. qui huc veniunt. mercatoribus sub nomine legatorum ex Camul, sive ut hujates vocant Buchdanska zemlja. item ex Palcka. Sarrichan etc. [41]) nil gratius offerri potest. quam munusculum aliquod ex vitris et speculis compositis coordinatum. potestque hac occasione aliquid boni vel fieri. vel disponi. vel major notitia acquiri. Libenter ea vitra solvam; de reliquo non sit consideratio, e quibus scutellis sint elaborata; mittantur promiscue. quibus si aliqua majoris sphaerae objectiva adderentur, eo gratius accidet. Forte dominus Gall Pragensis in hac parte adjuturus est: si dignaretur mihi pretium assignare. libenter et cito et secure assignabo.

Serenissimus perseverat in intento suo de erigenda academia. Jam adsunt praeceptores omnium classium e Kiovia. viri boni et nobis amici hactenus. spero. et in futurum Discipuli nostri ad illos et vicissim illorum ad nostros veniunt disputatum crebrius, quod utrique parti acceptum est. cum ita acuatur fervor. ingenia vere ad admirationem praeclara sunt. sed semper. semper laborandum. ut perseverent in caeptis. Dominis Martinianis (quorum factio hic potentior) parum placet successus nostrarum scholarum; ipsi novas extruxerunt scholas: sed licet novae sint, sunt tamen vacuae; ipsi eorum homines suos ad nos mittunt filios. Utinam, utinam praeclarum aliquem hominem caelibem habere a foris possemus praeceptorem. qui parvulos diligenti curae sibi sumeret; utinam sic fieri posset. sicut respectu Transsylvaniae [42]); sed magno selectu opus foret. cum hic sint animae pericula extraordinaria. Licet omnia reliqua in me assumpserim, tamen p. Ioannes est abundantissime occupatus sola juventute copiosa, quae adhuc copiosior assumi posset, si esset alicujus praeceptoris auxilium. Illustrissimus metropolita Rhezanensis. qui vices agit patriarchae. pergit adhuc se amicum ostendere. Vir insignis est. olim Kioviae professor theologiae. et nunc credo contra, quam ante. non esse fictam amicitiam. Pro plebe et juventute curavit cathechismum imprimi more Canisiano praeter ea, quae orientali ecclesia sunt propria, adjuncta ultimo Gennadii instructione; ipse facit conciones dominicis et festis in hujate

cathedrali. Similiter easdem conciones facit serviculus quidam, vir optimus, nobis aeque benevolus, qui e Kioviensi monacho consecratus est metropolita Sibiriae, vir (quod rarum) germanae sinceritatis, quod valde prodest populo, qui prius vix sciebat ea, quae sunt de necessitate medii [43]).

Optat valde illustrissimus metropolita, ut cito incipiant disputationes theologicae, ut alii etiam possint audire rationes Romanorum et meliorem de iis opinionem concipere. Nos quidem in hac parte Dei gratia muniti sumus, solum optaremus, ut adhuc nobis adesset tomus conciliorum, praesertim primi septem; de sanctis patribus habemus quantum praeter propter sufficit; rationes tum e grecis tum e nostris authoribus abundant. Volebant quidam exteri huc advenae (latinitate tincti partim in Anglia, partim in Suecia) facere volare Carthesium, sed junctis viribus velut sententiae transsubstantiationi praejudiciosae contradictum est; si sunt aliqua solidiora et selectiora contra Carthesianos argumenta, etiam ab aliis principiis petita, spero, quod aliquis professorum pro Dei gratia ea in chartam breviter conjiciet et nobis communicabit, ut ea aliis, latinae gnaris nobilibus hujatibus possint communicari. Hactenus solum Suarii et Scoti (qui prae manibus sunt) argumentis ordinariis formulas substantiales tuiti sumus; praevideo autem hujus scholastici belli non ita facilem et citum finem. Faciet itaque magnam gratiam, qui breviter in charta aliqua selectiora argumenta nobis communicare dignabitur. Rogarem item humiliter, si dignaretur ab aliquo eruditiore mathematico explorare per aliquem, an quis novus author aut aliquid novi editum in Algebra, ejusque mihi authoris vel authorum nomen consignare. Ad stuporem meum tres permanserunt mecum, qui spinas omnes Euclidaeas et trigonometricas superarunt, absolutis geometricis. Algebram incipiunt ita jubente eos serenissimo, qui eos multum collaudavit. An vero opera nostra serenissimo grata sint, nescimus; hoc rescivimus, quod quidam egerint, ut a nobis aufferentur discipuli, sed serenissimum non voluisse hoc facere, de reliquo hactenus in omni occasione omnem nobis ad extra affectum ostendit. Narravit nobis Armenus quidam, quod fuerit Romae et Viennae quidam, qui se di-

cebat Tartarum orientalem et quod petierit missionarios. Si sic vera sunt omnes circumstantiae, sicut hic Armenus retulit, non est dubium, quin fuerit impostor. De maximo Chano, quem Boschuclul—chan vocant, hic habetur bona notitia et utcunque de tota illa regione, de qua alias.

X. 1701 an. 15 Nov. st. vet. Moscuae in sloboda Germanorum. Literae Ioannis Berula, S. J., ad p. Ferdinandum Walthauser, societatis Jesu provincialem. Pragae ad S. Clementem. Orig.

Reverende in Christo Pater! Etsi scio patrem Franciscum Aemiliani, socium meum, scribere ad Reverentiam vestram in materia missionariorum ad spirituale Italorum obsequium mittendorum, scribo tamen et ego, mentemque et desiderium aperio, humiliter rogans, ut Reverentia vestra petitioni nostrae satisfaciat et nobis copias auxiliares e suo gremio mittat. Necessariae hae sunt ob multas causas, a p. Francisco insinuatas, ob quas non expedit mittere alios, quam suos. Collatis invicem sententiis judicamus (salvo majorum judicio), nullum huc melius valere quam p. Ioannem Steiner, tum ob linguae germanicae et boëmicae notitiam hic omnino necessariam, tum ob eruditionem et scientiam, nunc ibidem pernecessariam, dum artes et scientiae hic egregium sumunt initium, dum acciti Kiovienses erigunt gymnasium, et nos, sparsis hinc inde vocibus, quasi ad certamen provocant, ad quod etsi paratos nos esse vicissim ostenderimus, nunquam tamen ventum est ad arma disputationum, sola cuduntur praeparatoria. Ipse vice—patriarcha assumptus est Kiovia e theologiae cathedra, qui nunc gymnasium hujas suprema dirigit authoritate et doctrinam omni conatu promovet. Fortem nuper insultum fecit contra meam scholam, svadens serenissimo, meam ut cassaret scholam et discipulos ruthenos transferret ad urbis gymnasium, qui primum tergiversans, cum iterato rogaretur, demum respondit in hunc modum: „quod bene caeptum est, non est illico terminandum“. Hoc mihi ille retulit, qui mensae una tunc accubuit. Miror sinistrum hujus antistitis oculum, cujus tam magnum anno prae-

terlapso affectum expertus sum; imo non miror. cum ejus zelum considero erga gymnasium a se erectum. Pungit nimirum ea res Kiovienses, quod videant complures principum et bojarorum filios meas scholas frequentare, quos variis modis ad se pertrahere conati sunt et defacto conantur. Philosophiam et theologiam, uti spargitur. brevi docere incipient, accitis Kiovia non solum magistris, sed et discipulis; nosque jam tempestive sibi designant oppugnatores; hinc bonum credimus fore, ut submittatur, qui possit non tantum resistere, sed et palmam ferre, qualem judicamus esse patrem Steiner. Accedit, quod sit vir in conversatione gratus, qui suo agendi modo Ruthenorum poterit capere animos, qui nunc scientia mire delectantur, quam antea prorsus aversabantur. Non obest, quod linguam forte neseiat Italicam: huic enim defectui paratus est succurrere meus p. socius, cujus zelus prurit ad succurrendum Italis, et laborandum non tantum in Asoff, sed et vicinis terris. p. Steiner ergo posset manere in Moscovia, p. Franciscus circa maritima, quae jam anno praeterlapso utcunque peragravit. Si tamen circa p-m Steiner nostro desiderio non posset fieri satis, optamus p. Gregorium Hanel, ad hanc Spartam nostro judicio etiam capacem, aut alium similem, prout visum fuerit Reverentiae vestrae. Quia vero pro duobus novis sacerdotibus est licentia, bonum esset, si priori adjungeretur alter, Italicae vel Gallicae gnarus, qui vel cum p. Francisco operaretur extra Moscuam, vel Moscuae informaret juventutem in lingua gallica, quam ego modo informo in latina et germanica. Non tantum serenissimus, sed et alii principes videntur super omnes alios aestimare linguam Gallicam, cujus sunt cupidissimi, modo adessent magistri. P. Franciscus Quiqueré vel p. Basenheim non videntur male ad hoc valere, prior praesertim ob plurium linguarum notitiam. Quoscunque Reverentia vestra judicaverit mittendos, veniant ad laborandum prompti, comoediis bene instructi (quarum unam Kiovienses nuper produxerunt et plausum tulerunt; nos ad similia provocamur, sed defectu loci tantisper differimus), praemiis etiam egregie muniti, sine quibus hic prorsus torpet ingenium. De modo mittendi et sustentandi praedictos patres dignabitur Reverentia vestra con-

sulere eminentissimum cardinalem a Kollonitsch. cui similiter notitiam hujus negotii damus. et ejusdem dispositioni rem committimus. P. Palladius Rogoiski, Nissae olim Reverentiae vestrae cliens, nunc est Moscuae higumenus. sive praepositus in monasterio, in quo degunt monachi Kiovienses magistri [44]): Vir est egregius et sincerus. quem jam aliquoties conveni. Salutat ille et se commendat, magis autem ego sanctissimis missae sacrificiis et affectui, manens Reverentiae vestrae servus obsequentissimus, Ioannes Berula (mp.). Moscuae in sloboda Germanorum. 15. Novembris st. vet. 1701.

Inscriptio: Admodum reverendo in Christo Patri Ferdinando Walthauser. Societatis Jesu per provinciam Boemiae praeposito provinciali—Pragae ad S. Clementem.

XI. 1701 an. 23 Novembr. Moscuae. Literae sine subscriptione et inscriptione. Copia.

Obsecro servari haec omnia sub rosa propter praesentes Viennae Ruthenos. 23 Novembris 1701, in festo s. Clementis. Moscuae.

Admodum reverende ac eximie domine. Discedente a nobis Venetias domino capitaneo navali Luca Lizza pro adducendo novo populo marinariorum securam habui occasionem aliqua perscribendi.

Status noster hic est talis, qualis navigantium in alto oceano, qui nesciunt. quae tandem eos fortuna expectet, aut quem tandem portum obtenturi sint: sic aliquando nos consolatur spes meliorum, aliquando rursus conterret metus pejorum. Maxime spem nostram confirmat et erigit illud: cor regis in manu Domini. Licet enim nihil positive in nostri favorem actum sit, nil tamen etiam contra nos; miramur adhuc (cum tamen absque omni auxilio humano simus et rabidis Calvinorum et nunc potentium Lutheranorum inimicitiis et insidiis circumdati), miramur, inquam, adhuc, quod serenissimus etiamnum tantopere versus nos fuerit benevolus. Nuperrime enim, dum instinctu cujusdam majoris personae, chariores suae majestati rursus impetum fecissent contra scholas

patris Ioannis, in quibus est flos hujatis nobilitatis, post multa indifferentia responsa tandem illis dixit rotunde serenissimus: «quod bene inceptum est, non debet tam subito et cito finiri». Etiam in aliis occasionibus, quando interfuit administrationi sacramentorum, semper postea suis ostendebat, non esse substantialem diversitatem, et dum sacro interesset nostro, toto tempore bojarinis explicabat, quid hoc, quid illud, ad elevationem vero utramque tacebat et submisse more orientalium adorabat publice. Utinam multae et ferventes pro eo fiant preces bonarum animarum, ut Deus adhuc paucos dissolvere dignaretur laqueos, ut expeditius bono summo conjungi capax esset; partim jam in altera vita luunt, qui hoc optimo principi injecerunt laqueos, partim eos adhuc Dei expectat judicium. Si non esset Calvinus et Lutheranus, quanta hic bona possent fieri! Sunt quidem et aliqui e Ruthenis infesti, sed mitius.

Miramur tamen, et nos non sat capimus, quod d. metropolita Rhezanensis, defacto officium patriarchae sine titulo tamen patriarchae administrans, fuerit illa persona, quae egit per magnates apud serenissimum contra scholas nostras, cum tamen adeo affabilem et benignum se nobis hactenus ostenderit; miramur praeterea, quod tam avide et diversis modis ac trochleis nos elicere conatus sit ad aliquam disputationem super processione Spiritus sancti ex Patre et Filio. Nos declinavimus, quamdiu honeste potuimus, sub praetextu, quod in hac regione de controversiis inter nos et Ruthenos non sit nobis licitum publice disputare sine publica licentia et authoritate, nihominus a pluribus et diversis tentatum est saepe, ut nos inducerent. Post reditum ex Azoph rursus recruduit ille disputandi appetitus. Occasionem dedit aliquis monachus, qui hic transiens dedit aliquod scriptum, in quo continebantur argumenta latinorum de processione Spiritus sancti, argumenta quidem bona, sed levi brachio conscripta, quia forte bonus vir non praevidit, quae erant secutura. Scriptum illud bojarinus, cui praesentatum erat, exhibuit praedicto metropolitae, qui illud refutavit sex circiter philyris, quae refutatio tam magni est habita, ut judicaverint illi a nullo latino posse responderi, et nobis coram dicebatur in faciem, quod nil ultra

sit. sic dicendo. proponibile. Respondimus, ut ante. si fuerit facultas nobis data a supremo, nos esse responsuros, ut illi petant hanc facultatem. rogavimus. Quia autem advertimus tandem ex nimio eorum pruritu. quod magis quaereretur triumphus, quam veritas. in hoc enim confidebant. quod ille metropolita duos cursos theologicos docuerit in Kiow. item quod pateretur fama nostrae s. ecclesiae. cum jus defensionis ubique sit licitum, judicavimus, nos fore extra periculum, si non amplius declinemus. In elapso itaque festo s. Theresiae a majori bojarino quodam et familiarissimo suae majestatis ad prandium sumus invitati. Considentibus dictum est venturum metropolitam; videtur autem ille mutasse resolutionem suam et tentaturus vadum misit aliquem juvenem loco sui theologum, qui foris in philosophia quondam dicitur fuisse discipulus reverendi patris Holzbecher, qui advenit, dum levaretur mensa. Rogavit bojarinus. ut consideremus demo. et protracto scripto metropolitae, illud mihi porrexit. interrogans, an possit illi responderi. Dum primum aspexissem argumentum et ejus refutationem, dixi: omnino: etsi non sim obligatus defendere dicta monachi. quia tamen bonum est argumentum et fidei conforme, potest responderi.

Argumentum erat hoc: Quidquid est in Patre, excepta paternitate, communicatur Filio, sed virtus spirandi est in Patre: q—r. (quare)...

Refutatio erat sic: Major est falsa, quia innascibilitas non communicatur Filio. Interrogavi: quid sit innascibilitas. an absolutum, an relativum, et cum neutrum assignari posset, dixi: a nostris vocari et etiam ab orientalibus negationem relationis, ab aliquibus etiam praedicatum privativum. adeoque esse extra quaestionem, cum dicatur: quidquid est... adeoque bonum esse argumentum et per hoc non solutum. cum per hoc non excludatur virtus spirativa. Cum autem fierent ratione syllogismi difficultates et esset periculum deviationis inutilis, ut etiam bojarinus ille, latinam callens, facilius caperet. posui argumentum in dilemmate: vel voluntas faecunda communicatur Filio vel infaecunda? Si faecunda, habetur intentum; si infaecunda. q—r. (quare) pro priori habetur voluntatis ad intra terminus et consequenter Spiritus s. prior esset

Filio. Post multa tandem admisit communicari faecundam. sed non esse faecundam ut in Filio. Ostendi breviter, cum Filius sit absque productione per voluntatem. nil posse assignari. quod faecunditati voluntatis. ut est in Filio. obstet. Dixit assignari in scripto. quod jam ex manibus meis repetierant, neque juxta promissum mihi reddiderant. Legerunt itaque ipsi ex scripto hanc causam. quia alias Pater adjuvaretur a Filio. Negavi sequelam. cum idem sit principium. quo sive eadem indivisa voluntas in utroque. eadem virtus spirandi. consequenter Filius nil adjungit, nil adjuvat. Ursit, proponendo argumentum ex eodem scripto. si Filius non adjuvat. ergo Pater est principium adaequatum. Distinxi consequens: prout lq. (loquor) adaequatum. significat totam virtutem spirativam; prout significat etiam omnem conditionem necessariam. n. (nego): necessario autem pro priori ad terminum voluntatis. voluntas faecunda est in supposito non tantum Patris, sed et Filii cui necessario communicatur, et voluntas exit in actum, cum in ea subsistit Pater et Filius.

Fuisset hic finis nostrae disputationis, sed curiositas domini bojarini urgebat. ul etiam ad reliqua argumenta metropolitae fieret responsio. Lectum est itaque sequens: Pater se solo potest producere Filium, ergo etiam se solo produci Spiritum sanctum.

Negavi conclusum ex eo, quod pro priori ad terminum intlg. s. Filium inveniatur solum suppositum Patris, pro priori autem ad terminum voluntatis eadem voluntas reperitur in Patre et Filio etc. q—r (quare) disparitas.

Lectum aliud: Totam virtutem spirandi habet Pater, totam virtutem spirandi habet etiam Filius, ergo duo sunt principia totalia.

Respondi: n. cn. (nego conclusum) qui non sunt duae virtutes, consequenter neque duo principia. Ostendi usitato argumento d. Thomae, quod ad unitatem substantivi sufficiat unitas formae, licet multiplicentur supposita.

Lectum aliud: Si pater et Filius ratione unius virtutis spirativae sunt unum principium, ergo ratione duorum suppositorum erunt duo principia.

Respondi: n. cn. (nego conclusum) quia per supposita non

multiplicatur virtus spirativa, absoluta non multiplicantur in divinis per relativa etc.

Lectum est aliud, quod valde mirabar vel proponi: Actiones sunt suppositorum, sed supposita sunt duo, s—q (sequenter) et actiones duae, s—q principia duo.

Respondi et explicui axioma: actiones sunt suppositorum, hoc est: actio nulla attribuitur, nisi supposito, nisi subsistenti—c. (concedo); tot sunt actiones, quot sunt supposita—n. (nego). Ostendi ab instantia actionis creativae ad extra, quae attribuitur tribus suppositis etc.

Lectum est aliud: Si propter unam virtutem spirativam Pater et Filius sunt unum principium, cur propter generativam et spirativam Pater non est duo principia?

Respondi et ostendi: licet ad unitatem substantivi sufficiat unitas formae, ad pluralitatem tamen substantivi non sufficere pluralitatem formae, nisi etiam multiplicentur supposita, eo quod quoties concreta numerantur in plurali, toties etiam numerentur supposita etc. Instantia data de artifice, habente plures artes etc.

Lectum fuit ultimum argumentum, quod adhuc magis mirabar, sic: In divinis reipsa praeter essentiam et personalitates nihil est, d. (dein) non potest esse Filius principium Spiritus sancti ratione essentiae, quia essentia nec spirat nec spiratur, nec ratione filiationis, quae ut proprietas non communicatur, nec ratione utriusque simul, quia totum filiale suppositum dicit solam naturam cum proprietate personali: q—r (quare) nullo modo etc.

Respondi: hoc argumentum nimis multum probare, et illud applicui Patri et pari ratione ostendi, eum nec posse generare nec spirare. Respondi dein directe, ostendendo et explicando assertionem latinorum ea methodo, qua proponit Suarius in materia de Trinitate. Annuebant et dicebant se fuisse in alio supposito; scriptum autem amplius nobis dare nolebant, neque eos publice moliri adhuc victorias, neque privato ostendunt amplius appetitus ad scholastica certamina, dicuntur tamen. Haec breviter annotavi ob directionem suarum Dominationum; nil finxi, sed ut gesta sunt; testem habeo patrem Ioannem [45]).

Lutherani et Calvini nobiscum de facto agunt, quod volunt. pupillos rapiunt, imo et causas matrimoniales nostrorum decidunt et quae non? neque mirum, quia ne unicum quidem habemus hominem, qui pro nobis serenissimo loqui auderet. Serenissimus certe ejus modi inconvenientias non toleraret, saltem haberemus hominem, cujus praesentia aliquantum retunderet eorum audaciam. Fuimus valde territi elapsa aestate, dum passim spargerentur nova, quod d. Pleyer esset futurus hic residens, et de facto ille de se jactat certam spem.

De hoc applaudit legatus Danicus et haeretici, qui illi hoc ex corde favent, ut iterum habeant causam nos explodendi, dum ejusmodi homo ab augustissimo constituitur residens, qui ab illis ipsis passim vix non pro infami habetur, qui maluit hactenus negligere confessiones paschales et ipsum jubilaeum, quam a se amandare personam, cui adhaeret. Dicit se quidem illam accepturam in uxorem, si residens fiat: sed mihi videtur esse sicut cum ministris justitiae, etiamsi enim legitimentur, semper tamen adhaeret adhuc aliqua macula. Faveo homini omne bonum, modo non sit in Moscovia. De reliquo, coram Deo teste, mea conscientia assecuro nil posse fieri pejus pro ruina nostrae ecclesiae, quam ut ille fiat residens. Ex sola spe jam praesumpsit facere minas de aliquibus scamnis ex ecclesia ejiciendis, de competentiis et, quid scio, quibus, quae non nisi infantili cerebro possunt occurrere. Scimus praeterea et foris testari possunt r. p. Franciscus Leffler et r. p. Paulus Larosch, antecessores nostri, quid contra illos molitus sit; scimus et nos, quae tum contra p. Ioannem in particulari, tum contra me cum quodam cucullato tentaverit, et quae contra utrumque [46]), quae ex corde libenter ignoscimus, et nec os aperiremus, nisi videremus hoc vergere in irreparabile aut saltem non facile emendabile sanctae ecclesiae detrimentum. Quod hoc summe esset in diminutionem respectus augustissimi, nolo addere, quia est extra forum meum, etiamsi viginti demonstrationes facile suppeterent. Rogo itaque amore Christi suam r—dam Dominationem, ut dignetur haec communicare eminentissimo, vel cui judicaverit, ut tandem ab hoc metu liberemur, et ecclesia a dedecore. Novi hic residentes, qui adsunt, Hollandum, Danum,

Succicum. regis Poloniae, qui omnes sunt homines maturi. praeclari et bonorum qualitatum, versatique per omnia, quorum aliquando musicum solet agere noster Pleyerus instar famuli adstans, dum illi mensae assident, et quilibet illorum potest computari instar parentis respectu hujus juvenastri. Quid nobis honoris, quid authoritatis erit, si ille fieret eorum collega, a nullo eorum aestimatus? Non sunt jam hic illa tempora, in quibus ex argilla credebatur aurum, sed exigua adhuc restat quoad veram rerum aestimationem inter nos et hujates differentia. Quilibet igitur facile judicabit hic debere esse virum praeclarum et maturum et bonae perspicacitatis ex supposito, si placitum esset hic augustissimae majestati constituere residentem, qui de facto utilissimus foret nostrae ecclesiae ab omni humano auxilio destitutae: sufficeret negativum auxilium, sola viri praeclari praesentia sat esset, qui etiam, si paululum practicus est, hic per lateralia mercimonia, ut alii residentes faciunt, sat bonum commodum inveniet.

Utinam esset aliquis ex Böemia, fidus Deo et suae majestati, nobilis, maturior, cui haec Sparta deferretur, deberet tamen guarus esse et germanicae et, si possibile est, etiam aliarum linguarum, quanquam hoc non sit de essentia; multum enim hic boni poterit facere, si sciat linguam boemicam, si polonicam, adhuc est melius.

Postmodum rogamus, quantum possumus, ut si unquam, maxime hoc anno venturo dignentur sibi habere commendatum nostrum intertenimentum. Non est alia res, in qua nos possint ruinare, nisi per detentionem intertenimenti; est autem hujatium haereticorum bona cum Wratislaviensibus correspondentia, sicut defacto res evolvuntur. Periculum autem est, ne cum alia illis desit occasio, saltem in hoc quaerant ultionem, cum enim Deus dederit suam sanctam benedictionem, ut apud Ruthenos simus in valde magna aestimatione comparative ad tempora elapsa, et e contra utriusque partis praedicantes contempti et vix aspectu dignati a plerisque Ruthenis, cujus aestimationis occasio valde magna fuit, patris Ioannis invicta patientia et constantia in erigendis scholis, merito metuimus, ne in acquirendo intertenimento aliqua nobis ab illis fabricetur nequitia. Utinam aliquis sche-

dam cambialem foris ad se acciperet et nobis transmitteret. ut non esset opus expectare. usque dum moneamur ab hujate campsore Lutherano, qui schedam potest detinere, quam diu illi placet, et illi foris semper dicent cum veritate. quod dederint mandatum. Accedit. quod advertamus in posta nobiscum male agi, undecunque hoc malum proveniat. nullas enim nostras literas videmus promoveri. Optimum esset. literas cum scheda cambiali dirigere ad hujatem mercatorem Italum. dominum Franciscum Guasconi, uti factum est proxima vice. Humillime et quam maxime rogamus, dignentur in hac parte habere curam nostri quam diligentissimam et tempestivam.

Scripsi Eminentissimo, rogans. ut dignaretur adhuc facere favorem et procurare a nostro capite Romano adhuc duos sacerdotes nostros pro missione in Asoph et Taganrok. pro qua est liberrima et indubitata facultas ab ipso serenissimo. item a domino admiralio et a domino commissario illius terrae. Possunt esse absque omni cura et metu, et obsecro. ne ab ullo sibi permittant fieri aut injici scrupulum, neque permittant se ab hoc deterreri: obsecro. quod haec facultas non sit expressa in scripto particulari, quia sufficit passaporto domini capitanei, qui hanc securitatem ipse oretenus poterit suae Eminentiae exponere, et quia advertimus. quod se foris adhuc dirigant juxta veterem modum hujus regionis, qui jam exolevit. ut in omni securitate pergeremus, et ut nil haberent. quod metuerent: quod tamen erat superfluum, adhuc ante abitum domini capitanei denuo interrogatum fuit, et denuo amplissime confirmata facultas haec. Si sanguineis possemus rogare lacrymis, rogaremus, ne velint hanc tam selectam occasionem negligere, aut illam in alias manus permittere devolvi. Rogo, procul monachos! Nimiam illorum habemus experientiam, si enim qui inter eos munia obierunt sat magna, sunt eo usque incauti, ut aliquis hic in publica tabula coram haereticis officialibus recensuerit sensum gloriosae memoriae defuncti pontificis de Moscovia et affectum praejudiciosum de quibusdam bojarinis. qui Romae apud eum habuerant audientiam. et alia periculosa, ita ut cum aliud medium non esset. debuerim ei publice contradicere. ut turbarem opinionem haereticorum. Si hoc illi. quid

de aliis expectabimus? Haec autem non fingo, sed sub fide sacerdotali asseuro esse vera, quod in illis circumstantiis narrata sint. Sileo, quae ab illis diversis occasionibus hic contra nos tentatae sunt insurrectiones et concitationes aliorum, item arrogata aliquando in nos potestas, quae omnia tamen suaviter discussimus, licet illi aliquid pejus mererentur. De uno aliquo Nicolao de Bruyn, qui audio nunc Viennae est (de quo etiam attestabitur reverendissimus d. episcopus Elias) scripseram foras, sed valde timeo, ne literae sint interceptae. Quale hoc sacerdotis monstrum! Ipsi stupuerunt Rutheni, et proxime cum execratione ejus denuo mentionem fecit aliquis ex hujatibus grandioribus. Audio, quod ille adhuc contra nos aliquid moliatur foris; sed Deus belluam convertiet. Est admirabilis ipsius vita, quam hic duxit, et admirabiliores insidiae, quas nobis struxit. Sit tamen, quod qui mitterentur, essent viri optimi, ut etiam multi fuerunt, qui hic transierunt, est tamen spiritus valde diversus et Moscoviae in modernis circumstantiis parum utilis. Spero, quod quilibet judicabit expedire, ut fratres ejusdem matris hic simul sint, idque propter concordiam, quae hic unice est necessaria, dum a tot inimicis cingimur. Quod illi duo missionarii essent nostri confratres, de hoc obsecro nullam sibi curam sumant. Et nos de facto apud astutiores sat manifesti sumus de eo, quod in re est; sed aliud hic est, quam aliqui mendaces forte et libertini vellent, quia nostra tribus est apud hujates Ruthenos in bono et magno concepto; solus est Lutherus et Calvinus, qui eam odit, et vel concubinis vel aliis luxuriismis irretiti quidam mali catholici.

Et macula illa tribui nostrae, hic quondam insita[41]), Deo aeterno laudes, penitus sopita est, quod non sat mirari possumus. Sic itaque obsecro, circa hoc sibi non velint facere ullam considerationem, sed dignentur securissime confidere, non enim, nisi certus essem et certissimus, assecurarem, et idem a patre Ioanne Berula intelligent. Nihilominus, quia dixi infestos valde nobis esse Lutheranos et Calvinos, qui etiam habent aliquos fautores sat magnos, ut via securissima procedatur, res in summo habenda est silentio; si autem forte veniret in notitiam principis Galliczin Viennae haec data

facultas, nullo modo expedit monstrare singulare gaudium. sed tota res ad speciem quasi frigida tractanda esset, nisi non multum esset in hac re positum. et utinam sic posset fieri. ut illi manerent in hac opinione. quasi aliquos missificantes ex Foro Iulio essent accepturi. Ne detur itaque occasio haereticis imprimendi mendacia in novalibus pro consueta sibi impudentia et fingendi integra in Moscovia monasteria et conventus ex occasione duorum missionariorum. necessarium erit. ut unus vadat in veste sacerdotali. ut clerici saeculares portare solent, alter autem in vestitu laico saeculari sub specie servitoris vel oeconomi. vel sacristani hujus sacerdotis. Opus autem erit hic magna eorum et patientia et prudentia. ut non se gerant nimis graviter per viam vel arrogent sibi specialem authoritatem. cum hoc tamen moderamine, ut non etiam vilescant turbae nauticae. cum qua huc venturi sunt. quanquam in hoc adjuturus sit ipse d. capitaneus. verbo. deberent sua talenta occultare. ut apparerent homines. de quibus nil metuendum est ulli. usque dum hic fuerint. Tunc enim. Deo dante. cum eo, qui in vestitu laico fuit. descendam in Asoph. ubi suam assumet clericam. neque ulla erit consideratio, licet de eo prius turba nautica non sciverint; tota res jam ibi incaminata est quam optime, alter vero loco mei remanebit in Moscovia.

Adveniunt enim et incipiunt tempora. ubi hic opus erit homine aliquo valde praeclaro. Utinam eum impetraremus, de quo scribo et etiam p. Ioannes reverendissimo praeposito Waldthausero. Est, fateor, ille homo majoribus dignus officiis; sed credo. quod magis spectabunt. qua re dignus sit Deus. quam qua re digni homines. Linguam scire debet uterque Italicam. ut melius et connaturalius procedat negotium; sufficit, si ille, qui mansurus est Moscuae. aliqualiter sciat italice, praeterea germanicam et boemicam bene etc. Omnia requisita habet ille, qui a nobis putatur, timemus autem. ne sit nimis charus dioecesi. De ipso securi sumus, quod voluntas ei non deerit. Est r. d. Ioannes Steiner, qui habet omnem temperaturam, quae nunc pro nova Moscua potest vel cogitari vel desiderari, et humanitus discurrendo. vix esset, a quo major hic fructus posset expectari. et magnum honorem facere posset sanctae ecclesiae. Opus enim nunc habemus aliquo insigni homine. ma-

xime cum nunc apud Ruthenos incipiant doceri speculativa, et aperiantur diversarum conversationum cum magnatibus occasiones. neque est opus, nescio, quam solida corporis constitutione pro Moscua; inveniret hic labores viribus suis corporalibus non onerosos. Alter autem, qui mecum descensurus esset, deberet esse bonae complexionis, licet non ad apparentiam solidae, saltem talis, quae non morbis tentetur multum et capax, qui varietatem victus et miserias corporales multas possit sufferre, vigilias, insecta, nautarum crassities etc. etc. Quo ad plura se resolverit, tanto minus errabit; item, quod prae caeteris illi perpendendum, homo, qui habeat animam suam in manibus suis, tam quia fere regulariter singulis, aliquando trienniis, aliquando quadrienniis vel quinquenniis ibi regnat infectio pestifera. Spero tamen, quod, Deo adjuvante, illi malo tam facile et cito non succumbet neque ille neque ego, nam et cautelae non desunt; necesse tamen est pro eventu esse resolutum, tum propter itinera, quae in terra etiam tempore pacis infestantur a praedonibus Tartaris, in mari autem ipsum elementum est, quod securitatem non promittit. In omnibus bene et magnae adhibentur cautelae, sed tantum dico, oportet resolutum esse, quia ibi vere aliquando necesse est vivere velut folium in arbore, inopinato forte rapiendum et forte non. Sed quid multis? Meo tenui judicio puto haec omnia esse in r –do d—no. Quiquerre, qui propter linguas valde ibi esset utilis. Promitto, quod fideliter in omnibus, quae forte viderentur difficilia, illum pro omni possibilitate mea sublevabo, non tantum instar socii, sed etiam instar famuli, quamdiu optimus Deus mihi dignabitur vitam largiri et vires. Forte alicui occurreret, non esse opere pretium in loco infectionibus pestiferis obnoxio instituere missionem. Sed ille, qui hoc objicit, utinam haberet notitiam, quod non tantum trienniis, sed singulis annis ad Scio, Smyrnam et alia littora archipelagi et insulas, ubi sunt missiones nostrorum, soleat esse infectio, sed tunc omnes se recipiunt sub papilions in liberam auram, sicut et elapso anno prudentiores faciebant, quorum poteram sequi consilium absque jactura ullius animae, et in veritate nunc agnosco, quod tenebar eos sequi, sed forte Deus permisit sic ad majorem aedificationem.

NB. Malum illud infectivum non tantopere exteris, quam hujatibus est nocivum. Valde commode ibi nobis attendere possumus et tamen debitum animabus praestare servitium: bonum esset, si posset conquirere foris aliquam, sic dicendo, apotheculam, ubi essent antipestilentialia et etiam medicamenta, quae sunt contra scorbutum: optandum item, ut aliqua secum ferret munera, ut sunt perspectivae, vel alia ex vitris artificia. Si forte acquireret unum vel alterum parvulum horologium rotabile, beatissima res! quia valde sunt utilia ejusmodi munuscula ibi exhibita, wojewodis hujatium et myrsis Tartarorum, suntque instar clavis, quae multas vias aperit. Sat esset, si ferret secum diversa vitra convexa; jam illa applicabimus. Quo plures res ejusmodi secum tulerit, eo ibi beatiores erimus et plures occasiones pro Deo operandi nobis aperiemus. Libros item aliquos non ornatarum, sed apostolicarum concionum. Segneri jam est hic et quidam p. Tyram et Hartung dominicales et philippicae Si praeterea aliquos attulerit succosos et nervosos conciomatores, bene fecerit; item oblivisci non oportebit aliquorum librorum, qui valent pro spiritus renovatione et sacra ascesi. Modo aliquomodo illos clausos servet, potest secure deferre, et magnam faciet gratiam. Non timeant confinia in Smolensko, ibi enim confirmatus est gubernator d. Sultikov, qui illis nullam faciet molestiam, neque res illorum visitabit. Securissimi sint, tum quia ille vir est discretus erga etiam sacerdotes catholicae partis, tum quia hic mos ille non amplius usitatus est, saepe neque ipsa mercimonia visitantur et regio, quoad venientes, est libere aperta. Valde bonum esset, imo fere necessarium, ut ratione nominis faciant, quod ego feci. Si illis datus fuerit passus particularis ab augustissimo, nil esset aliud ibi ponendum, quam N. N. sacerdotes, quos concessimus capitaneis et marinariis in Moscoviam euntibus. Non exprimendum, ut unus maneat Moscuae, quia hujates scribae et diaki sunt sicut animalia, qui mox possent facere difficultatem ex re, quae nil est, et si esset absens serenissimus, facerent nobis turbas. Beatissimum autem foret, si eminentissimus illis procuraret recommendatitias a serenissimo duce Venetorum, in quibus non esset opus exprimere nomina, sed in genere commendare tan-

tum missionarios, qui saluti nautarum inservituri sunt. Haec, dico, essent pro meliori: de absoluta necessitate sufficit illis hoc tempore passus domini capitanei et, si huc pergant in consortio d. capitanei, quod unice optandum, possunt foris omnem de illis curam seponere. Offeret se quidem d. capitaneus ad accipiendos secum propriis expensis; sed rogo humillime, non velint acceptare, quia expertus sum, qui vult esse amicus Itali, non tangat ejus nummos. In hoc est de facto tota vis, ut eminentissimus dignetur suscipere hoc negotium, et d. capitaneum omni prorsus cura liberet, eumque assecuret de adfuturis sacerdotibus, cum primum Venetiis Viennam redierit, et ita ille obligatus est facere, quia ita nobiscum pacti sumus et haec est absoluta mens officialium, quorum literas apud me habeo, ut totum hoc negotium relinquant in manibus suae Eminentiae, et ei ipse sat inculcavi. Quales autem sint illi missionarii, nil prorsus debet dici huic capitaneo: sat est, quod sciant illi majores inferius officiales, quod totum negotium dirigatur ab eminentissimo cardinale Kollonitsch, quod indibicile apud eos excitabit gaudium, quod syncere attestari possum.

Caeterum pro meo tenui judicio de illa missione valde bene spero, quia magna et valde magna illius impedimenta posuerat diabolus, quae Dei virtute disjecit S. Michael, in cujus festo apparitionis ibi, elapso anno, divina inchoata sunt, et quod mirabilius, ille dominus officialis, qui fuerat meus juratus hostis et Deo valde contrarius, est primarius fere hujus missionis author et impulsor et capax, qui ingentia pro Dei gloria faciat. Vestimuram ei et s. sacramenta negaveram, quia sic obligabar, licet mihi perdenda fuisset vita, ille autem maxime ab aliis instigatus pro sua potestate eo usque me redegit, ut crediderim, quod contabescam; Deus autem vicissim illum sic concussit infortuniis, ut quasi aliqua vis altior naturâ, omnibus manifeste appareret et ipse palam exclamaret, qui non est altro ch' una scommunica o particolar maledictione da Dio; praeterea ipsi incussit malum pestiferum. Quamprimum resciví hoc, licet ipse essem convalescens et acerrimos haberem oculorum dolores, quos mihi longe magis exacerbatura erat aura marina, resistere non potui

instinctui divino, neque deesse meae obligationi, sed in aperta navicula ad eum properavi, eumque inveni vix homini similem, qui vix se capere poterat prae solatio, dum videret sacerdotem, et plenus lacrymis ac singultibus, in terram prostratus, vix oculis suis credebat, facileque admittebat omnia, quae ei facienda, imponebantur, et ab eo tempore constans et fervens multa pro Deo operatur. Adscribo hanc gratiam animabus purgatorii, quia continuam feci memoriam pro iis, qui ibi mortui sunt, dum hae regiones essent sub dominio Venetorum, antequam Turcae haberent Constantinopolim, et nostrorum officialium ibi occisorum in expugnatione.

XII. 17 1 an. 25 Novembris. Moscuae. Literae P. Francisci Emiliani. Sine inscriptione. Originale.

Reverendissime domine, pater ac patrone colendissime! Perscripsi fuse statum nostrum reverendo d. Eder et rogavi, ut eas literas dignaretur expedire etiam ad reverendissimam Dominationem, itaque non praesumo praesentibus quo ad plura taedium facere. Solum supplex procido ad pedes reverendissimae Dominationis humillime rogans, ut dignaretur etiam cooperari et impetrare a Romano nostro capite, ut duo adhuc nobis faveantur sacerdotes ex nostra diaecesi, pro quibus plena est facultas a serenissimo, hac conditione, ut duo Moscuae, duo in Asoph et Taganrok serviant catholicis. Scripsimus, quo ad singula, quae occurrere possent, tum eminentissimo d. cardinali a Collonitsch, tum etiam r. d-no Eder. Necessarium autem erit, ut unus eorum loco mei maneat Moscuae et alter mecum descendat in Asoph, ita enim utrique loco melius provisum esset; quia autem Moscua jam incipit induere aliam faciem et etiam altiores scholas inchoant et dantur occasiones scholasticarum controversiarum et aperiuntur conversationes magnatum, valde opus est insigni aliquo homine, qui possit magistraliter satisfacere, et qui sit insignis prudentiae, qui in futuris temporibus nobis omnibus possit consilio et dexteritate succurrere, praeterea qui etiam habeat passiones suas bene mitigatas, et praeter solidas virtutes alias maxime habeat longanimitatem et constantiam, licet aliqua secus eve-

niant, maxime autem ne sit tetricus, sed composite hilaris animi.

Hactenus potuimus utcunque satisfacere et Deus singulariter succurrebat; sed cum detur occasio quibuslibet rebus melius prospiciendi, obligamur tum p. Ioannes, tum ego haec humiliter insinuare suae reverendissimae Dominationi. Vereor quidem, et non sine causa, confido tamen, quod reverendissima Dominatio male acceptura non sit, si praesumam cum debita submissione nominare personam aliquam, quae in summo gradu utilis esse posset Moscuae in modernis circumstantiis et nobis omnibus pro fundamentali subsidio et solatio,—nempe esset is r. d. Ioannes Steiner, qui praeterea scit linguam utramque et notitiam habet controversiarum, quoad Lutheranos et Calvinos, et alia multa; propter quae scio quidem illum aestimatum esse in dioecesi, sed consolor me, quod sciam etiam dioecesim curam habituram et reflexionem super hanc regionem, nunc a tenebris emergentem, et consideraturam necessitatem, quae est, ut hic praeclarus aliquis homo constituatur, vix spero inveniendum alium, in quo cum aetate vegeta ita omnia essent requisita pro hoc loco.

Spero, reverendissima Dominatio ignoscet, quod haec ausus fuerim proponere, melius faciet reverendissima Dominatio, et a nobis demississime acceptabitur, quidquid factum fuerit, quam nobis post mille speculationes posset occurrere.

P. Ioannes valde magnum emolumentum fecit missioni et famam per instructionem nobilium Moscovitarum, licet ingenti patientia opus habuerit et animo magno: et per hanc occasionem aperta fuit via pluribus e magnatibus innotescendi. Deus illi retribuat et benedicat. Habemus defacto apud seniores affectum, quia vident suam utilitatem et totam nostram vitam coram oculis suis habent exploratam, quia nobiles illi velut in parvo seminario nobiscum vivunt et nuper ipse serenissimus, ut nobis narratum, contra alios nostros inimicos oretenus has scholas defendit, adeoque nullo modo expedit patrem Ioannem Moscua moveri, praeterquam, quod corporis vires non essent sat durabiles, et commodius, ut unus, jam habens notitiam hic Moscuae, remaneat.

Quoad meum socium, quem optarem in Asoph, puto, quod

minus difficultatis inventurus sim apud reverendissimam Dominationem, si praesumam supplicare pro r-do d-no Quiquere, qui praeter vires corporis etiam habet linguarum praesidium et omnia alia requisita. Fructus esse posset, Dei gratia succurrente, praeterquam quod succurratur genti nauticae, ut etiam juventus illi, qui parvuli ex Austria et Ungaria asportati sunt et nunc inter Tartaros et cosaccos sparsi vivunt; item captivi in Crim, quia et illuc naves applicabunt, et cum fiant mercimonia etiam terra cum Cobanensibus et aliis Nagays et Tagesthanis, quis novit quid et ibi optimus Deus faciet. Praeterea per illud desertum ante Asoph, orientem versus et occidentem, permissu serenissimi, semper vagantur Calmuki-ethnici, inter quos etiam aliquae animae captari possunt. Maxima autem mea spes est, ut, relicto socio in Asoph cum nautis, venire possim Astracanum, ubi potissima pars mercatorum e Tartaria majore convenit, item ex Mogol et Gazarrat et remotis Indiae. Spero, quod iter non foret sine fructu. Humillime supplicamus, ut dignetur serenissimum nostrum ferventissimis adjuvare suorum suffragiis, ut divina bonitas dignetur eum liberare ab omni impedimento divinarum gratiarum et cumulare suis benedictionibus.

Quoad hoc negotium insinuatum supplicamus, ut quibus commissum fuerit, illi velint transigere in accurato silentio, de quo utinam dignaretur et reverendissima Dominatio aliquid insinuare Romanis, idque propter causas fusius annotatas in literis r. d. Eder.

Pene oblitus fuissem addere, quod haec missio non sit pro paucis annis, sed ad eum modum, quo est in Moscua, quia supplicatio porrecta est ab officialibus terrestribus et marinis, qui ibi mansuri sunt per tempus vitae et, Deo volente, cum ibi a serenissimo facta fuerit scala franca, etiam alios advocaturi.

Humillime me recommendans paternae gratiae, supplico, mihi bene precari dignetur, et in hoc negotio clementissime succurrere nobis, qui jugiter pro obligatione nostra reverendissimae Dominationis memores vivimus. Reverendissimae Dominationis indignissimus cliens, p. Franciscus, Emiliani, missionarius caesar. Mogenae. Moscuae 25 Novembris 1701,

XIII. 1702 8. Februarii Viennae. Literae Ioan. Eder. Sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo pater praeposite provincialis. Suscepit hodie Vratislaviam deferendum brachium S. Saturnini martyris Roma a Ch-er Michaele Güttner, submissum pro ecclesia nostra Lignicensi Ill-s d., baro de Sternberg.

Excellentissimus d-s generalis Rheingravius significavit mihi, se hac hebdomada centum imperiales pro patre Daniele Schürer, regiminis sui capellano, depositurum.

Heri eminentissimo cardinali a Kollonitz locutas sum de novis missionariis, in Moscuam destinandis; innuit ille, p-m Milan non habere pro termino Asoph, sed meditari transitum ad Sinas, qui compendiosissimus sit per Moscoviam: plura etiam de expensis se mihi communicaturum dixit, ubi d. capitaneus Venetiis rediturus sit, qui sibi ante abitum Venetias locutus sit, cui committendi erunt novi missionarii. Dixit mihi etiam proprio motu r. p. Gabriel Haverey, ad s. Annam rector et magister novitiorum ac eminentissimi confessarius, provisurum eminentissimum de mediis.

Quoad intertenimentum duorum missionariorum Moscuae commorantium, ut mature assignetur, dirigaturque assignatio ad mercatorem catholicum Italum, scripsi ill-mo domino baroni de Neudhardt, vicepraesidi camerae Silesiticae, qui nuper Viennae praesens obtinuit expectantiam super officium praesidis camerae Silesiticae in casum vacantiae.

Me in sancta humillime commendo ac maneo Reverentiae vestrae servus in Christo, Ioannes Eder. Viennae 8. Februarii A. 1702.

XIV. 1702. 10 Mart. st. vet. Moscuae. Literae P. Francisci Emiliani. Sine inscriptione. Originale.

Admodum reverende ac eximie domine patrone colendissime! Reduce apothecario hujate accepi transmissas ab eximia Dominatione libros omnes, ita ut annotati fuerant, inter quos

reperi, quem singulariter disiderabam, de venerabili Simone Pragensi, pro quo et singularissimas ago gratias. Calendarium Tyrnaviense vix una die in manu mea fuit; debui illud uti et librum illum curiosarum quaestionum relinquere in manibus domini vicepatriarchae.

Scripsi multoties eximiae Dominationi et diversis occasionibus, ut his tumultuosis temporibus, si unae non pervenirent, pervenirent saltem alterae; sed quaeso, nolit nobis vitis vertere, si multa saepe petimus et molestamus. Petimus plura, ut obtineamus, si non omnia, saltem aliqua. Ultimo scripseram per aliquem capitaneum navalem Italum, nomine Lucam, de quo quidem rumor fuit, eum occisum in Lithvania, sed nunc advenit Italus Varsaviâ, asseverans, se eum invenisse Varsaviae in bona sanitate eique se locutum esse. Ex literis illis intellexerit eximia Dominatio vehemens desiderium gentis marinae et aliorum officialium de habendis missionariis. Scripseramus quidem ambo et optavimus, si veniret r. d. Steiner mansurus Moscuae; sed totum considerando, dolendum esset, si aliquis valde pretiosus, qui in cultiori regione fructificare posset melius, huc transmitteretur, cum hic adhuc non possit satis videri, quid sperandum sit proprie aut timendum. Spero, Deus suggeret singulariter eximiis Dominationibus, quid factu opus. Quicunque autem demum destinatus fuerit, ut maneat Moscuae, si unquam, tunc modo necesse est, ut sit bonus utraquista [49]).

De studiis altioribus nuper scripseram, optandum esse, ut esset aliquis, qui possideret illa magistraliter; sed nunc in ulteriori progressu disputationis cum vice-patriarcha inveni hoc minus esse necessarium. Fecerant hujates ei initio magnam famam, et nos ipsi putabamus plus esse, audientes eum docuisse duos cursus theologicos; sed, ut synceram veritatem fatear, nec me quidem illum agnosco superiorem, imo postquam accuratius mihi paululum impressissem materiam de Trinitate, quod ipse videre debui, magnifice me circumspexi victorem, et ipse publice me appellavit eruditum et perfectum theologum, quod amplissime videre debuimus. Voluissem transmittere ejus objectiones etc., sed impossibile, ut scribendo sufficerem, adeoque coactus sum in aliam

occasionem differre. Hactenus actum est de processione spiritus sancti ab utroque. tum argumentis, tum etiam textibus, sed textus mihi diuturnum et molestum laborem fecerunt, tum ob continuatam lectionem, tum ob conquisitionem sanctorum patrum graecorum, cum de facto adhuc non sit tanta librorum copia in hac regione. Sed si inceperit feliciter navigatio mercatorum ex Asoph, jam constituimus, ut nobis apportentur tolerabili pretio Constantinopoli. si tamen nummi fuerint et intertenimentum nobis nunquam emanserit Nunc de capite ecclesiae alteram vult assumere controversiam, si quidem quoad primam nil amplius occurrit: sed. Deo laudes. bene provisus sum.

Rogamus humillime. dignetur eximia Dominatio iterum curam habere nostri intertenimenti, ut in tempore adsit. Valde nobis necessarium est ob multas expensas factas in aliquot majora cubicula extructa pro habitatione principum et nobilium, qui apud nos student, inter quos et Naryskinii et Apraxinii vicini, amici Serenissimi. quibus negari non potuit. sed faciendum fuit omni possibili modo, ut apud nos habitare possent. Iam adhuc unum aedificare debemus pro venturis principibus Galawkiniis, quorum dominus parens est, sic dicendo, pupilla oculi apud Serenissimum. Praeterea et pars nobis subtrahenda, ut sucurramus ecclesiae indigentiis, pro qua nullus fere amplius contribuit, senioribus jam mortuis; praeter illa, quae in quinque juvenes catholicorum nostrorum proles expendimus, quos servare necesse est tum propter ministrationem, tum exitum, tum ut praeceptorem adjuvent in musica. Humillime rogamus, dignentur his maxime temporibus, quibus credimus foris nummorum angustiam fore, de nobis maxime sollicitari, ne coepta pro Deo cogamur interrumpere.

P. Ioannes ad tres jam exhibuit actiunculas. breves quidem, sed ab actione juvenum valde elegantes, cum magno solatio hujatis nobilitatis, quae interfuit, et fecimus apparatum comicum licet duro labore non contemnendum, quod hujatibus multis, utpote non visum, erat admirationi.

Item pro missionariis in Asoph dignetur eximia Dominatio agere, quantum judicabit; valde magna necessitas est, ut illis succurratur, et illi iterum iterumque scripserunt, rogan-

tes; timeo, ne illorum intertenimentum faciat aliquas remoras. Si habeam socium resolutum, ex mea parte libenter paratus sum etiam quocunque modico ibi vivere, sed forte cum minori fructu, si hominum gratiae alligatus fuero.

Quidam hic ex Anglia et Hollandia advenae tentarunt inducere Carthesii et cujusdam Locque philosophias, et aliqui, licet non intelligerent, tamen illorum jactationibus et novitate capiebantur; sed Deus submisit opportunam occasionem, ut eos conveniremus, instigante quodum magnate. Illi igitur primo protestati sunt contra terminos scholasticos et argumentationes; ego promisi, me non usurum terminis scholasticis formaliter, materialiter etc., sed argumentationes non posse omnes excludi, cum ipse Carthesius, (quem mihi jam procuraveram) primum statim suum principium proponat argumentative nempe: „ego cogito, ergo sum". Admiserunt ergo, quod enthymemate omnino uti possimus. Dico igitur et de hoc ipso principio discurramus, quod Carthesius dicit esse primum et ego nego, probans sic contrarium: est aliquid prius hoc principio, ergo non est primum. Antecedendo probavi: ens simpliciter est prius accidente, q(uare) propter consequentia cogitatio est accidens, ergo esse est prius, ergo non cogitatio, sed esse est dicendum primum principium, et licet hoc argumentum sit ineptum et nec impetat Carthesium, tamen, quod mirabar, hic haeserunt, et mordicus defendere volebant in omni sensu ly (?) cogito esse primum principium. Cum ergo videremus nobis cum parum versatis esse negotium, aperte illis ostendimus svavi modo, quod nec initium percipiant Carthesii quidem, eo quod Carthesius loquatur non de quocunque principio, sed de initio sive de illo, a quo incipit philosophatio, sive quod inter intelligibilia est primum perceptibile, tale dicit esse cogitationem non qualemcunque, sed reflexam, quae advertat suam cogitationem et inde inferat esse etc. Et illo ictu illorum authoritas pene deleta est. Caeterum, in illo Locque potius atheum, quam philosophum invenio. Bone Deus, qualia saepe monstra huc important! Alius allatus est author Hollandia, qui praeter alia mordicus tuetur physicam veritatem de sole stante et mundo moto. Explicatum illis est, quid sid differentiae inter hypothesin

et physicam rei veritatem, et ostensum: tum stante candela et moto globo, tum stante globo et mota candela easdem prodire phases, adeoque hoc non certo sequi esse verum et ita physice se habere, quod correspondet omnibus apparentiis. Voluerunt tamen habere argumentis refutatum, quod valde magnum et operosum fecit nobis laborem.

Ita eximie Domine fecimus, quod possumus, et Deus facit pro nobis, quod non possumus nos. Utinam, si aliquis dominus legatus veniret, secum ferret sacerdotem, qui interim per aliquod tempus hic vices meas suppleret, ut possim excurrere ad officiales. Intelleximus aliquo rumore, esse mortuum reverendissimum d. Gonzalez, an certum, nescimus.

Humillime me commendo eximiae Dominationi humillimus cliens I. Franciscus Emiliani.

XV. 1702. I. Aprilis.(Viennae). Literae Ioan. Eder. Sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo pater praeposite provincialis! Accepi heri Rigae datas a patre Casparo Pasche, quas accludo [22]) pro notitia reverendae Paternitatis vestrae, si forte ill-s d-s comes Zinsendorf, hic assessor consilii bellici eundem patrem pro commoratione secum in Suecia desideraret. Apud me nulla de facto ab illo insinuatio facta est, nec per ullum alium. Si deinceps fieret, revocabo me, uti debeo, ad reverendam Paternitatem vestram.

De impetrata facultate pro duobus missionariis, in Moscoviam mittendis, ab admodum reverendo patre nostro notitiam dedi eminentissimo cardinali a Kollonitsch, qui respondit, se providere velle de fundo sustentationis eorundem, ut stabilis sit missio, convenisse se cum capitaneo illo, qui nunc Venetiis moratur et secum novos illos missionarios deducturus est in Moscoviam, ut mature se per literas moneat de tempore sui reditus Viennam, quâ monitione facta, velit per me reverendae Paternitati vestrae notitiam dare de submittendis huc missionariis duobus novis.

Adduxi ad eundem Eminentissimum priori mense duos apostatas, unum fratrem laicum, natione Moravum, ordinis carmelitorum calceatorum, ex Poloniae monasterio profugum ac Vratis-

laviâ et Znoymâ [33]) a nostris ad me directum, qui ab Eminentissimo apud religiosos ejusdem ordinis hic, absque poenis ut reciperetur, adjutus est, alterum sacerdotem, Nissâ a nostris submissum, ex ordine s. Francisci, pro quo adhuc laborat Eminentissimus, qui etiam anno priore clericum, natione Bohemum, ex monasterio profugum, hic impetrata ei remissione poenarum, pp-s capucinis restituit. Ad meam interventionem p. Pasche quartum submittet Rigâ.

Hodie iterum excellentissimo domino generali Rheingravio jocutus sum de patre Daniele Schürer, futuro capellano regiminis, quod quia ordinatum prius fuerat ad imperium, jussus erat pater Pragae subsistere, nunc vero quia proficisci jubetur in Italiam, evocabitur pater Sopronium, centum vero imperiales intra quinque dies deponendos promisit generalis, de quo informo patrem Schürer.

Me in sancta humillime commendo ac maneo reverendae Paternitatis vestrae servus in Christo, Ioannes Eder. Viennae 1 Aprilis A. 1702.

XVI. 1702. 18 Maji. (Schamakii). Literae p. Ioan. Lamaze, s. I. ad. p. Emiliani s. I. Moscuae. Originale.

Admodum venerande Domine! Quas tibi referam gratias, nescio, pro tuae erga me amicitiae tam insigni officio, quod in tuis, mense Augusto scriptis literis praestitisti, putabam te jam in Germaniam a multo tempore discessisse. Me meam opinionem fefellisse maxime laetor. Et tuas mihi literas aliquam aliquoties consolationem allaturas confido, rogoque, ut illud amicitiae officium te adimplere non pigeat.

De Thibet nihil ego prorsus audivi, nec Hispahani per 26 annos, nec hic per duodecium. Floret quam maxime Sinica missio, praesertim ob summan regis christianissimi erga missionarios magnificentiam. Impense et maximo fructu in Maduré laborant nostri patres. Sunt in Ponticheri ad mare Bengalicum mercatores nostri Galli, cum electa missionariorum manu; missus est jam tertia vice a rege Galliae r. pater Zachard in Siam cum multis patribus e nostra societate, sed quid actum in illo regno sit, nondum accepi. In Georgia et

civitate Gangia strenue vineam Domini colunt r-di patres capucini, a propagandae religionis congregatione in illas barbaras regiones missi. Nos hic advenas et diversarum nationum mercatores cum charitate recipimus et illorum pietatem, quantum possumus, missae sacrificiis, sacramentorum administratione et concionibus, quas ego singulis diebus dominicis lingua turcica habeo, fovemus. Simeon patriarcha et Issai archiepiscopus nos apprime diligunt et a religione catholica non abhorrent, imo unus ex illis est catholicus, occultus tamen (propter metum Judaeorum et Pharizaeorum).

Habuimus hic per mensem integrum satis importunum terrae motum, qui singulis noctibus ter aut quater domos concutiebat, et quia Armeni processionaliter iverunt ad unius montis cacumen, ut ibi funderent preces et Dei misericordiam implorarent, ut civitatem a tanto periculo eximeret, muletam a gubernatore impositam ducentorum fere tomanorum passi sunt.

Mercatorum et illorum, qui Astrakano veniebant, et istorum, qui illuc ibant, tristissimum naufragium sine dubio audivit vestra Dominatio. Fere ad duo millia tomanorum merces periere, non quidem a mari absorbtae, cum mare ipsum omnes ad littus ejecerit, sed latrones has, quibus pepercerat mare, ingenti perfidia diripuere. Aliquid tandem recuperatum est, sed magnis impensis et summa sollicitudine.

Kopchin, quem in Indiam czar Petrous miserat, hic Schamakii 24 Ianuarii mortuus est, et quidem sua culpa, quia cum aliquantulum aegrotaret, ex piscibus nimium manducavit [43]). Elephantem deducebat ad magnum Moskoviae ducem, et his Schamakiensibus maximam delectationem non visum antea in his regionibus stupendum hoc animal, affert.

Apparuit hic cometa per aliquot dies initio Martii, et postea evanuit.

Dominus Avedik, qui defert literas regis Poloniae ad regem Persiae, profectus est Hispahanum versus 6. Martii.

Habuimus hic et per aliquot dies tractavimus domi nostrae dominum Frangui Lutheranum, et ego non quaesivi, qua de causa huc venerit. Illum tamen ut amicum recepi, quia illum

mihi dominus Meyer commendaverat. Abivit Niczovam. post aliquot dies iterum rediturus.

Commendo me vestrae Dominationis et ejus socii ss. ss. (sanctissimis precibus) servus in Christo humillimus Ioan. Baptista Lamaze. I. (Iesuita).

Venerabili domino Emiliani caesareo missionario dignissimo. Moskouam.

XVII. 1702. 24 Mai (Viennae). Literae Ioann Eder. Sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo pater praeposite provincialis!

Appropinquantem magni nominis Ferdinandi natalem trigesima Maii celebrandum reverendae Paternitati vestrae filiali affectu apprecor. quo die. uti et duobus subsequentibus terna missae sacrificia pro longaeva incolumitate reverendae Paternitatis vestrae Deo sum oblaturus.

Quas ill—s d—s de Guarient 21-a hujus Moscua sibi commendatas mihique inscriptas ad me deferre dignatus est, reverendae Paternitati vestrae his acclusas praesento [51]). Communicavi easdem eminentissimo cardinali a Kollonitsch 22. hujus. qui dixit adesse quidem Venetiis reducem d—m capitaneum Luca. se vere in praesentibus circumstantiis Sueciae regis Varsaviam cum exercitu properantis turbatâque Poloniâ ac Moscovià patres misfionarios novos,uti intendebat, cum eodem domino capitaneo mittere non posse. Subjiciebat se expensas in Goldbergenses missionarios nostros. ubi templum, pro quo agit, Melitensi ordini redditum fuerit, donec catholicus parochus stabiliri possit, velle conferre. Si quid reverenda Paternitas vestra pro Moscuae existentibus patribus missionariis submittere, uti prioribus innuebat, voluerit, placeat sive Pragâ, sive aliunde Viennam ad me dirigere, etsi enim d. capitaneus Luca intendat propediem Viennâ discedere, offert se ill—mus d. de Guarient, qui constanter zelat pro missione illa et pro viribus proprio aere comparata solet submittere ad secure Moscuam promovenda.

Me in sancta humillime commendo ac maneo reverendae Paternitatis vestrae servus in Christo Ioannes Eder. Viennae 24. Maii A. 1702.

XVIII. 1702. I. Sept. (Schamakii). Literae I. Bapt. Lamaze s. I. ad p. Emiliani, missionarium Moscuae. Originale.

Venerabilis Domine! Binas. ut spero, simul epistolas meas recipiet Dominatio tua, nam unam jam a multo tempore Ioanni filio Nazaret dedi. et, ut audio, simul Moscuam petet cum domino Savvat, qui has novas literas tradet tibi. Bonaventura catholicus noster nuper huc Astrakano venit; illum putaram mihi aliquas literas tuas allaturum. sed mea spes vana fuit; igitur ut sciam, quid agatur in Europa et quid iagat Dominatio tua, fere per integrum annum expectandum mihi est; nam quod ad bella attinet, quid factum sit, imo an sit bellum, prorsus ignoramus.

Tauricii christiani Armeni magnopere vexantur a Turcis et jam ut facilius dignoscantur, jussi sunt, ut ad pileum panni violacei coloris frustum assuant, neque illis licet, dum pluvia ingruit, aut luto foedantur vici, e domo egredi. Et Hispahani et aliis in locis hujus Persiae omnis vis adhibetur, ut legem christianam abdicent: mihi quoque scripsere missionarii quidam, in regionibus Turcarum omnes nutare missiones. quia jam a nullo sibi timent isti miseri infideles. Schamakii etiam Armeni miris modis divexantur, muletae sine ulla ratione imponuntur. et rustici ita opprimuntur. ut omnes fere de deserendis oppidis cogitent et. si tutum asylum haberent, nullus omnino remaneret.

Ab extraneis mercatoribus frequentatur sacellum nostrum Aliquos servos et pueros baptismo lustramus, sed vix unum aut alterum scolasticum habemus. Magnae consolationi et auxilio nobis esset navium europaeanarum constructio et accessus ad nostra littora. si duces et nautae catholici essent. sed hucusque, quos vidimus, omnes lutheranae sectae sunt addictissimi. aliqui tamen sunt honestissimi urbanissimique viri; inter hos praecipuus est dominus Meyerus. ad hunc proxime accedit dominus Frangui. quem aliqui putant esse ministrum. quem ego in domum nostram excepi et per aliquod tempus ut fratrem et domesticum nostrum tractavi.

Ex mercibus, quas post naufragium Armenorum Bachouen-

ses diripuerant, pauca restituta sunt sed ex margaritis et lapidibus pretiosis nihil omnino repertum.

Poloni duo patres e societate nostra jam a tribus mensibus Erivani degunt, neque adhuc mihi compertum est, an ibi mansuri, an alio sint profecturi, et r. pater Zapolski mihi saepe literas Constantinopoli mittit asseritque semper se venturum huc et nunquam apparet.

Domine mi! Pergratum mihi feceris, si sine ullo incommodo tuo, quoties potueris, mihi aliquid scribas. Nos in hoc angulo mundi latemus, neque post Christum aliud consolationis genus habemus praeter amicorum per frequentes literas consortium. Salutem plurimam dico venerabili socio tuo, orate pro me, quaeso, ut Deus omnia mihi peccata condonet, orate, ut istos Armenos convertat. Ego quidem hoc unum maxime opto, venerabilis Domine.

Servus in Christo I. Bapt. Lamaze I. (Iesuita).

XIX. 1702. I. Martii. (Viennae). Literae Ioan. Eder. Sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo pater praeposite provincialis.

Expedio hodie mihi a reverenda Paternitate vestra commendatas ad patrem Georgium Pruxelli.

In negotio p. Milan iterum locutus sum eminentissimo cardinali a Kollouitz, ubi et de expeditione novorum (missionariorum) cum capitaneo Luca, et de expensis, qui respondit, se in tempore me moniturum et de omnibus informaturum.

Requisitus a me ill. d—s baro Neudthardt de provisione matura intertenimenti pro missionariis Moscuae rescripsit datis 16. Februarii, se disposuisse, ut sine ulteriori ordine illis per semestria determinatae pensiones exacte persolvantur, quod per d. Pleyer, residentem caesareum, ordinatum sit. Communicavi has Eminentissimo, qui mihi commisit, ut suo nomine gratias agerem ill—mo d—no baroni Neudthardt simulque significarem d—m Pleyer nec residentem caesareum esse, nec futurum, consultius fore, si per Italum mercatorem Vascons, uti anno priore, intertenimentum provideretur. Com-

missa per literas expedivi, ad quas nondum habeo responsum. Novit Eminentissimus ex literis Moscuâ datis [84]), nulla ratione expedire, ut d—nus Pleyer fiat residens caesareus, ac ideo nititur impedire.

Conveni excellentissimum d. generalem Rheingravium in negotio patris Danielis Schürer, qui demandavit suo officiali, ut cum primum levaverit apud cameram aulicam pecuniam pro regimine suo maturo ad imperium statim centum imperiales pro capellano novo ad me deferat, quem vult interim Pragae morari, cum per Bohemiam regimen sit ad imperium profecturum

Me in sancta humillime commendo ac maneo reverendae Paternitatis vestrae servus in Christo, Ioannes Eder. Viennae 1-a Martii 1702.

XX. 1703, 28. Febr. styl. nov. (Moscuae.. Literae p. Fr. E(milian). Sine inscriptione. Originale.

Admodum reverenda ac eximia Paternitas! Domini patriotae nostri, e Boëmia huc advenae cum vitris et aliis artificiis crystallinis, hanc occasionem dederunt, quâ possem inservire paucis hisce lineolis eximiae Paternitati et quadantenus satisfacere meae obligationi. Praestisissem id saepius, nisi prohibuisset turbata Polonia. Vivimus hic itaque velut in Americanis partibus, vix scientes, quid agatur foris, et si quid audimus propter diversas partium et nationum relationes, quid credere debeamus, adhuc nescimus; unum interim nobis restat in dies meminisse augustissimi nostri nutrisii, Dominus conservet eum etc.

Dominus collega meus jam magis et magis convalescit, in festo enim s. Xaverii repente eum invasit potentissima arthritis, quam dum curant emplastris forte nimium potentibus, malum omne se recepit ad intra et potentissimas causavit febres calidas, ita ut in festo ss. Innocentum signa essent morientis, quâ die cum sacro oleo munitus fuisset, et spes medici evanuisset, facto ad divum Indiarum apostolum voto, nobis nil minus expectantibus, svaviter coepit aliquo tempore obdormiscere et sudare, et uno verbo benignâ intercessione amabi-

lis illius sancti revalescere; reiterat jam labores scholarum. licet non omnimodo firmis adhuc viribus. Benedictus Deus! Maximae mihi afflictioni fuisset, si scholae interire debuissent. hocenim per interruptionem fieri potest facillime; sunt enim occasio multorum bonorum scholae istae. Elapso anno. absente Serenissimo, hujas archiherai (αρχιερευς),sicut eum vocant, sive metropolita Rhezanensis, administrans (sed sine titulo) aliqua patriarchalia nempe illa, quae solum spirituales functiones concernunt, edidit decretum satis (clare dicendo) crassum et grobianicum contra nos et scholas nostras. Illud per bonum amicum communicatum nobis fuit in tempore. a nobis autem super illud factae sunt annotationes, quibus monstrabatur, primarium motivum illius decreti niti falso fundamento, et effectum est, ut nullum inveniret, qui vellet decretum illud promulgare, quidquid minaretur anathematum [49]). Primarii pro nostris stabant partibus, facile suum commodum advertentes, quod plus hic discerent intra mensem (absque jactantia dicendo et pro laude Patris collegae) quam apud illos miseros Cosakos (sunt enim Kioviâ vocati monachi) intra annum.

Erant elapso anno ferventissimi in nobis impetendis proponendo controversias praefati monachi; sed. Deo juvante, ita excepti sunt, ut omnem disputandi animum jam amiserint, et dum nuper apud dominum bojarinum Leonem Cyrillidem convenissem, philosophiae professorem (qui est Carmelita apostata) et sermo incidisset de epistolis Domasi ad d. Hieronymum, protestatus est, se nolle controversias. licet hac protestatione nihil se salvaverit, et agnoscunt omnino hujates et dicunt, nos esse doctiores illis; sed per hoc non moventur magis ad veritatem, dicunt enim putridam illam cantilenam, quod etiam ethnici philosophi fuerint doctiores multis sanctis et deiferis episcopis; sed sapientioribus et capacioribus ostensum est, quod sancti gregum pastores semper habuerint sufficientem aptitudinem ad docendum et coarguendum, ut Paulus requirit, et hac inductione in materia fidei comparavi, unde potui, selectiores aliquot controversias, maxime opera domini Nicolai Comneni Papadopoli, moderni professoris canonum Patavii; Utinam plura illius haberemus! Saltem nobis constaret catalogus operum, quae

edidit. quod ab eximia Paternitate facillime reseiri posset. et si nobis communicaretur catalogus ille. singulariter demo obligati erimus. Doleo. quod non aliquos ex suis libris vendiderit monachus ille Polladius Rogoisky. qui studuit Nissae. Olomucii et tandem Romae in graeco collegio. qui maxime sumptibus sacrae congregationis et serenissimi ducis Florentiae huc secum advexit bibliothecam librorum ad minimum quingentorum. selectorum, et e ss. patribus. conciliis et controversiis constabant plerique. nunc autem omnes sunt in manibus adversariorum. siquidem ille mortuus est elapso Ianuario, et res ejus omnes ad se traxit metropolita praefatus. Intravit bonus ille monachus Moscoviam plenus bonae spei, sed ab intimo suo accusatus apud defunctum patriarcham Adrianum. quod occulte unitus esset. prius quam rediret Serenissimus e partibus exteris. suspensus est ab omnibus sacris et in carcerem conjectus. in quo mansit semestri; tandem vocatus ad synedrion jussus est edicere causas coram patriarcha illo Adriano. ob quas Romanis accessisset, cum illas bene et sat docte compositas recitasset e charta, exclamavit patriarcha: videtisne. stupetisne satis, quam sophisticas, quam astutas rationes habeant Romani, ita ut quiscunque non solide fundatus in sua fide facile ab illis seduci posset. et cum omnes pro suo bardo zelo (nullus enim vel modicum doctus adhuc tunc erat Moscuae) furenter exclamarent: «ignem!», alii: «aquam!», miser ille. perturbatus, palmam martyrii. quam alii tam avide quaerunt. sibi in manibus infringi passus est, et infelicissima creatura denuo publice transiit in errores Photii. Contigit hoc ante meum discessum in Asoph. noluimus tamen de hac re quidquam scribere sperantes adhuc Marcellinum, mihi quidem certissimo constat (certâ quadam viâ) illum resipuisse, ne autem signo publico testaretur suam resipiscentiam praeceps morbus loquelam intercludens impedivit. Deus sit propitius animae ejus! Utinam ejus sortis homines prius bene statum explorarent et non cuilibet se confiderent, maxime hoc hic opus est, praeter indefessam auxilii divini implorationem“).

Inter dissolamina Deus tamen in hoc nobis dedit solatium, quantumcunque indignis. ut tantum credit habeamus apud

hujates. ut si veniat aliquid novi doctrinale, nobis soleant communicare. et exquirere sententiam, per quod est occasio impediendi progressus errorum; nemo enim credit, quanta ex Anglia et Hollandia librorum monstra huc allata sint. Proxime in manibus habui tractatum, editum in Anglia et dedicatum Godefrido. episcopo Cantuaransi (qui jactabatur, ut ingeniosissimus partus a quibusdam hujatibus). quô nil in orbe credo magis stupidum et impium simul, applicat enim author principia staticae methodo speciosae algebrae et ostendit ex comparatione. quâ in aliquibus gradibus minuitur et tandem deficit motus, ita et in credibilitate fieri successu temporis minutionem et tandem defectum. et ita ostendit naturaliter cessare debuisse legem Moysi, praedicit tempus interitus legis Mahometicae, et tempus, quo necessarium sit perire legem Christi. Ostendi breviter, authorem esse asinum in christianismo, utpote qui ignoraret, legem Christi niti authoritate indefectibili et consequenter stupide conclusisse a defectibili ad indefectibile; ostendi praeterea idiotam in staticis, qui Galilaei fundamentum de motu gravium, tanquam indubitatum supponat, cum de facto passim reprobetur, et hoc solum ostendisse, quod noscat aliquo modo primo primam praxin algebrae speciosae, licet et in hoc nil singulare praestiterit. Ab hoc tempore sepultus est gratiosus iste tractatus, et turba calvinistica in jactantia cautior. Sunt Calvinistae, quantum ad religionem, summo odio hujatibus et abominationi, quod omnibus omnino careant caerimoniis, mitigaturi hoc odium Angli mercatores, quorum plerique praesbyteriani sunt, advocarunt ex Anglia praedicantem praesbyterianum, qui ante tres hebdomades incepit suum opiticium in synagoga nova, quam pro se praefati mercatores praepararunt. Utuntur superpelliceo crucifixo, altari tecto etc.; atque ita Hollandi soli remanent et Calvinismus multum est debilitatus, quia non nisi tres circiter inter illos sunt mercatores potentes, reliqui plebs, neque omnes Calvini, siquidem et Mennistae et Quakeri sub Calvini nomine gaudent latere.

Appulit nuper Taganrokium ex Crimaea dominus Saba, mercator Rascianus, oriundus e Bosnia, qui et Venetiis et Constantinopoli suas quoque habet negotiationes. visurus, si

et hic partem negotiorum constituere posset. Speraremus plures brevi venturos etiam Italos aut quasi Italos, sed non videtur esse sufficiens securitas vel aliquid metui in mediterraneo mari; advexit secum quendam nobilem, qui se dicit esse cavallerum di s. Marco, hominem (ut mihi officialis inde veniens retulit) apprime eruditum, callentem graecam, latinam, italicam linguam, in controversiis omnibus peritissimum, ita ut pro sacerdote suspectus haberetur. Quid hominis ignoro, avet, audio, nostram praesentiam, et nos ejus, speroque brevi adfuturum.

Serenissimus noster ante duas hebdomadas discessit Varonischium; curavit dici per dominum Pusskin, ut conarer habere paratos spiritus illos sympathicos, qui etiam interposito assere conjunguntur, qui fere idem sunt cum vulgari illo atramento sympathico, sed fortificati et aliter applicati, et hos paratos habeo; praeterea specula usteria, qualia Viennâ adveximus (quia priora illa per incuriam cujusdam officialis destructa sunt, dono enim data erant ad res mathematicas Serenissimi) et haec me crudelem laborem constiterunt, omnia enim propria manu solus cogor agere, nunc, Deo juvante, ultimam manum impositurus sum. Vult ipse ad nos venire. Utinam, eximia Paternitas! plura mihi constarent, praesertim in genere sympathicorum, rara aut in physicis curiosa nova. Totus in his vivit Serenissimus; sunt talia in abundantia apud dominos medicos, a quibus utinam instinctu suae Paternitates aliquis bonus amicus exquireret et nobis communicaret, magnam lucraturi essemus gratiam apud Serenissimum. Narravit mihi praefatus dominus Pysskin bojarinus, Moscuae civitatis gubernator secundus et bonorum temporalium patriarchatus administrator, inter Serenissimi intimiores, totam vitam renovari Serenissimo et cor subsilire, si quid ejusmodi videre et rationes physicas audire possit. Bis ad me ipse in persona venit praefatus dominus, surgens et superurgens, ut properem. Licet autem noctes diebus jungerem, impossibile erat intra duarum septimanarum spatium perficere laborem, qui duos menses requirit propter tot inunctiones et siccationes lentas, quod dum ipse vidit curam, postmodum retulit, ut dixi, Serenissimum haec cupere post reditum. Poteram, fateor, millies de-

sperare ob defectum materialium tam bonorum, prout foris reperiuntur, sed adscribo sanctorum angelorum et venerabilis parvuli Simonis Abeles intercessionibus, ut cederent omnia ad votum.

Deus benedicat domino illi nominato, in quo plus quam parentem semper expertus sum, qui nos semper protegit et in omni occasione pro fama nostra depugnat acerrime. Mirabilis Deus! et hic est patruus patriarchae Ioachimi, qui acerrimus noster hostis erat, et patres nostros Moscuâ exegerat, ita Deus dum ab omnibus nostratibus columnis deserti sumus (mortui enim sunt Gordon etc.) erigit columnas, unde minime speravimus[54]).

Dignetur, obsecro, praesentes etiam communicare eximio domino Rede. Adjungo nova e Persia a patre Lamazzi, missionario societatis jam octogenario, quanquam nil sit ita singulare. Reverendissimo Waldhaus submississime nos dignetur commendare, qui utinam, data occasione et mediis, nobis dignaretur succurrere duobus adjutoribus, quod vehementissime est necessarium.

Commendo me gratiae eximiae Paternitatis indignus cliens, p. Fr. E. Moscuae 28 Febr. styl. nov. 1703.

XXI. 1704. 26 Aprilis. (Hradistii). Literae Ioannis Slota, s. l., ad praepositum provincialem Pragae, Ioan. Miller. Originale.

Reverende Pater provincialis. Ex literis et relationibus Moscuanis intellexi, summe desiderari plures ibi e provincia nostra sacerdotes, obstare autem pericula (ita scribit p. Ioan. Berula) viarum et pecuniae defectum. Utrumque Deo auspice zelum societatis minime retardare potest. Ac proinde, ut inspirationi divinae, cujus ductum unice sequi adnitor, satisfaciam; syncere animum meum reverendo patri provinciali aperio et hisce demisse me offero ad missionem Moscuanam, in quam a multis annis feror, consciis quam plurimis nostris in theologia condiscipulis. Si reverendus pater provincialis dignaretur mihi spem aliquam facere obtinendae missionis, magnis animis tum linguae graecae, tum aliis scientiis perdiscendis, fini intento necessariis, me pro posse impenderem.

Hradistii. 26 Aprilis 1704.
Reverendi patris provincialis servus et filius in Christo Ioannes Slota. Reverendo patri in Christo, patri Ioanni Miller societatis Iesu, per provinciam Bohemiae praeposito provinciali. Pragae ad s. Clementem.

XXII. 1704. I Maii. (Brunae). Literae Eliae Broggio s. I. ad praepositum provincialem in Bohemia, Ioannem Miller. Originale.

Reverende in Christo p. provincialis. Non memini me profecto unquam solidiori perfusum solatio, quam elapsis diebus, audita videlicet tam insperata propositione, nomine r p. provincialis facta a r. p. rectore nostro. Ego divinae majestatis providentiam prorsus singularem circa apostolicas meas intentiones (quas in rei veritate a teneris fovebam) non possum non admirari, pro quo simul r. p. provinciali hisce singularissimas reddere gratias quidem conor, non tamen sufficio. Faxit divina bonitas, ut, ubi negotium executioni datum fuerit, non desim ullatenus (quod firmissime confido) solatiosae expectationi superiorum meorum et praeprimis r. patris provincialis, et licet infirmitatis et insufficientiae meae mihi abunde conscius sim, Deo tamen adjuvante et indignum hoc instrumentum sibi eligente, spero fore, ut possim omnia in eo, qui me confortat.

Interim, antequam hora adsit, quae me evocet, agam ea tanto ferventius et sic temporis adhuc residui rationem observabo, ut adhuc proficiam in iis, quae credam expeditioni meae salubriter profutura; non ignarus videlicet, quantus campus multa pro gloria Dei et proximorum salute agendi mihi tam gratiose offeratur. Praestolabor proinde ultimam a r. p. provinciali directionem, cujus paterno prorsus affectui et gratiae dum me submississime commendo, una permaneo reverendi patris provincialis indignissimus in Christo filius et servus Elias Broggio. Brunae, 1 Maii 1704

Reverendo patri in Christo, patri Ioanni Miller, societatis Iesu per provinciam Boemiae praeposito provinciali.

XXIII. 1704. 23. Iunii. Oppaviae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad p. Ioan. Miller, S. I. per provinciam Bohemiae praepositum provincialem. Originale.

Reverende in Christo p. provincialis. Acceptis a r. p. provinciali patentibus, magnis animis iter aggredior et quidem cum tanto generali, qui nomine Caesaris prius ad regem Poloniae cum expeditione necessaria properat, cujus sum in eodem curru semper individuus comes. Obtulit mihi et pro mea dispositione mille florenos cuicunque collegio applicandos, quos propediem mihi extradendos plus decies asseveravit. Cogito proinde ex his 120 florenos collegio Brunensi reddere, reliquum dispositioni r. p. provincialis ex integro committere. De efficacia hujus promissi non dignetur r. p. provincialis dubitare, quia comperio in meo excell. d. generali talem virum, qui multorum opinione major esse potest et debet. Fateor, si semel alterave vice aliquid suspecti in eo observarem, recederem a mea sententia, sed de facto non possum, cum tam candidus erga me sit verbo et opere. Expensas, fateor, grandes habet, siquidem Grosgloviae pro factis sumptibus ab officialibus, ibi per quodpiam tempus commorantibus, sex millia deposuit; equos et apparatus coëmit, ubi potest.

Nihilominus post triduum Cracoviae nervus pecuniae moschoviticae ei certo obvenit, unde, si non citius, hos mille florenos ad r. p. provincialem promovere satagam [58]). Rogo proinde, ut r. p. rector Brunensis modicam habeat patientiam. Pro paterno documento filiales gratias refero. Deo infallibiliter adjuvante, agam ea singulariter, quae a me merito sancta mater Societas requirit. Quare dum me iterato in paternum affectum humillime commendo, una permaneo r-di p. provincialis servus et filius in Cristo El. Broggio. Oppaviae. 23 Iunii 1704.

Reverendo patri in Christo, p. Ioanni Miller, Societatis Iesu per provinciam Boëmiae praeposito provinciali.—Nissae.

XXIV. 1704. 29. Iunii, in festo SS. Petri et Pauli. Cracoviae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad p. Ioan. Miller provincialem. Originale.

Reverende p. in Christo. p. provincialis. Accepi Oppaviae primum idque ante ipsum abitum epistolam r-di p. provincialis una cum patentibus, super quam etiam aliquale responsum dedi. Nunc scribo Cracoviâ, quo pridie SS. Petri et Pauli incolumis et vegetus appuli, discessurus inde die tertia abhinc. Mitto primo r. p. rectori Brunensi schedam cambialem pro pecunia. Viennâ levanda, qu(ae) citius fieri non potuit ob niniam properationem, qua insidias, hinc inde structas, Svecorum evadere voluimus et feliciter evasimus, minus nunc metuentes, cum excellentissimus generalis ex hoc termino characterem legati caesarei prae se ferat. Feci heri cum Excellentissimo contractum, ne in incerto et labili starem. Subscripsit se igitur et sigillo munivit in sequentibus: primo victum pro me, vestitum, famulum, duos equos, quos ipse uti et famulum alat et solvat, praeterea quolibet mense 16 fl. dabit obligatus dominus generalis; si vero eum mori contingeret, primo jure mihi extradentur ex cassa ejusdem 50 aurei in specie, quo commodius in Provinciam reverti possem. Praeter haec promittit innumera alia oretenus. Et sic mihi de temporalibus non opus erit ullatenus sollicitari, ut tanto melius spiritualibus vacare possim.

Movebimus proinde Cracoviâ posteras recta Leopolim. Ego certe hinc discedam cum ingenti solatio et gratiarum actione pro tam nobili charitate a rr. pp. nostrae Societatis mihi praestita, cum paene et hi, isti et illi me sibi vendicare certent. Comedi festo ss. Petri cum solo excellentissimo d. generali in collegio ad s. Petrum; pro coena ejusdem diei invitatus sum a r. p. provinciali, hic praesente, ad novitiatum ad s. Barbaram; pro die crastina vero sibi id charitatis domus professa expetiit. Verissimae, amantissimae charitatis viri sunt, quos omnes uti et me in affectum paternum enixissime commendo, maneoque r-di p. provincialis servus in Christo et filius indignus Elias Broggio. Cracoviae, festo ss. Petri et Pauli. 1704.

P. S. Illos 1000 fl., de quibus nuper, extradere hic non potuit d. generalis. ex eo, quod legatum Moscoviae hic non deprehenderimus, a quo notabiles pecunias levandas habuit. quod enim pecuniae de facto superest Excellentissimo, necessarias adhuc pro residuo itinere cum tot officialibus se habere ait, sancte tamen se suo tempore extraditurum asseverat.

XXV. 1704. 23. Iulii. Leopoli. Literae Eliae Broggio S. I. ad praepositum provincialem Societatis Iesu in provincia Boemiae. Originale.

Reverende p. in Christo. p. provincialis. pater amantissime. Dedi nuper ad suam r-dam Paternitatem epistolam. scriptam Sandomiriâ. idque alteram. tertiamve a meo discessu. si proinde cursor salvo appulit. plurimum gaudeo. Digressus sum extra iter meum aliquot milliaribus Leopolim. capellae videlicet coëmendae gratia pro ss. missae sacrificio, siquidem jam vicibus tribus cum summo dolore meo illud omittere coactus sum. Excellentissimus meus interim lente tamen Moschovitico succursui millium 15 perrexit obviam; ab eodem pecunias levaturus pro itinere residuo sequar cum propediem. Excellentissimus meus dominus optimus est (licet cruciger, cui ab ordine crux gestanda relinquitur praecise, ut signum honoris. non professionis), sed mediorum aliquem defectum in itinere tantum patitur ob nimias expensas in tot officiales; accepturus ea erat a legato Moscoviae, quem Sandomiriae apud regem convenimus. Verum ser. rex ipse 18 millia ab eo mutuo extorsit. Agitur de itinere conficiendo tantum usque Kyoviam, quod jam est in ditione Mosci, abhinc 60 milliaribus, ibi enim et annona et pecuniae pro nobis deposita sunt; in his tamen omnibus ita progredimur, ac si copia pecuniarum adesset, siquidem a serenissimo rege Poloniarum scripto accepimus liberum et liberale ubique transitum, quod et experimur in copioso victu pro nobis et equis, quacunque nos transire contingit; pecuniae tamen tanta penuria est, quin omnibus officialibus saltem mediocriter satisfiat, siquidem a quodam mercatore nuper aliquot centeni aurei suppeditati sunt, ex quibus ego complures accepi pro capella mea coëmenda, postquam in mero quasi joco et cum omni

suavitate meo Excellentissimo reditum meum in provinciam minatus sum, ni apparamenta pro sacrificio tempestive faceret procurari.

Hodie, id est 22. Iulii, haec nova veniunt Leopolim a r. p. rectore ipso (viro incomparabiliter insigni in hac provincia) mihi communicata, nempe: tandem, urgente succico generali Horn, in regem Poloniae electum esse palatinum Poznaniensem d. Letsinsky. Hunc promulgavit archiepiscopus Posnaniensis 11. Iulii ad occasum solis cum tormentorum explosione et frequenti acclamatione: «Vivat rex Stanislaus I-us». Factum id est contra omnes leges Poloniae, siquidem soli archiepiscopus Gniesnensis et episcopus Kujaviensis jus habent proclamandi regem electum. Ex senatoribus nemo adfuisse fertur. Saxonicus succursus interea in bonis neo-electi regis usque pridie electionis horrendum grassabatur, et omnia in contributionis onera subegit. Autumant hujates, scintillas sub cineribus ex nunc erupturas in incendio. P. P. nostri in Polonia regi Augusto optime affecti sunt, et pro ejusdem felicitate orant indesinenter, similiter populus per universam Poloniam minorem. Orandum denique, ut in omnibus fiat sanctissima voluntas Dei.

Oblitus sum nuper proponere dubium suae reverendae Paternitati circa facultates meas; interim suppono, me omnes ipso facto accepisse, quod in hanc Spartam destinatus sim, quas nempe missionarii tales habere solent. Hodie impetro ab archiepiscopo hujate licentiam et jus benedicendi utensilia pro sanctissimo missae sacrificio, exceptis his, quae unctione egent; pluribus non egeo, nisi augmento gratiae divinae, et continuatione meae optimae valetudinis, uti et pretioso affectu reverendi patris provincialis, cui sinceram et fidelem saepius de me et meis perscribam informationem.

Literae, quae a r. p. provinciali ad me promoveri possent, mitti possent Wratislavià recta Lembergam, sive Leopolim, ad Lembergensem rectorem vero schedula adnecti posset, ut eas promovere velit ad collegium ultimum Ostrogiense, inde, si vicissim r. p. rector requiratur Ostrogiensis, promovebuntur Kyoviam ad mercatores, per quos facile Moscuam. Titulus vero mihi sequens inscribendus foret: r. d-no

Ambrosio Roggi. excellentissimi d. generalis de Rosa capellano. Moscuae apud ex. d. de Rosa deponendae. Valde enim gratum accideret rescire subinde suffragia defunctorum nostrae provinciae, et quae adhuc praeterea mihi intimanda forent; quod si tamen meliorem commoditatem literarum rescivero, intimabo Moscuà quam primum. His me interim paternagratiae et sanctissimae memoriae filialiter commendo maneoe que r. p. provincialis indignus in Christo filius Elias Broggio [58]).

XXVI. 1704. 21. Septr.—2. Oct. Moscuae. Literae p. Ioan. Franc. Emiliani S. I. ad p. Ioann. Miller, praepositum provincialem Soc. Iesu in provincia Bohemiae. Originale.

Reverendissima ac eximia Paternitas, mecaenas clementissime! Licet a primis annis reverendissimae Paternitati obligatus et transcriptus sim totus, nunc tamen, si quid velim dicere, cogor dicere plus quam totus, ob characterem illum, quem intima consolatione humillimo et filiali affectu veneror precorque, dignetur, quo praesentes, eo quoque affectu absentes suos prosequi, utpote magis paterno favore indigos. Utinam jam apud nos essent messis tempora, speraremus singulariter adjuvari a reverendissima Paternitate in iis, quae ad Dei gloriam sunt. Interim vivimus in vere perpetuo, in viridi spe, herba se quidem sat disposita ostendit, sed ut in fructum erumpat, dependet ab unius solis efficacia, quae etiam (ut confido) non deerit, modo Deus conservet Augustissimum nostrum et felicem planetarum conjunctionem, quam nobis impetrare possunt ferventia amicorum Dei suffragia, hoc enim est primarium et fere unicum, quod nobis de facto praestari potest auxilium oportunum. Plura expressius scribere prohibet incerta securitas occasionis; spero autem brevi certiorem adfore occasionem, qua mediante dignabitur plenius statum nostrum percipere. Interim veneramur singularem Dei providentiam, quae nos quasi omni vento expositos inter potentissimorum inimicorum haereticorum furias, quibus in nos concitare conabantur Ruthenos absque omni protectore aut humano auxilio, non solum illaesos conservavit, sed etiam illis

partim prostratis. partim humiliatis, supra capita illorum extulit succreverunt quidem Hydrae nova quaedam capita, sed et nobis Deus quosdam submisit Hercules — duos generales catholicos, d. Ogylby et d. Rosa, qui secum huc attulit salvum et incolumem r. d. Broggio, gratissimum nobis hospitem et inexpectatum. Est prater eum hic nobiscum commorans alius r. d. Anglus, sicut et ipse clericus, quem secum attulit comes Iacobus de Gordon, atque ita jam pro interim sufficienter provisum videtur. Det Deus, ut brevi sequantur tempora ejusmodi, quae plures adhuc requirant missionarios, utinam omnes ejusdem sortis clericos, chorales enim de facto vere non tantum hic non prosunt, sed et eximie impediunt, ut jam nos docuit multiplex experientia.

Humillime nos omnes commendo paterno favori et gratiae. Reverendissimae et eximiae Paternitatis indignus servus et cliens. Ioannes Franciscus Emiliani, missionarius Mosc. Moscuae 21. Sept.—2. Oct. 1704.

Reverendissimo ac eximio d-no, d. p. Ioanni Miller (titulus), d-no ac patrono colendissimo.

XXVII. 1705. 6. Aug. Vilna, ex castris. Literae Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum p. Ioan. Miller. Originale.

Reverende in Christo p. provincialis. Spe securioris postae ex hisce terris scribo et suam r-dam Paternitatem plurimum salvere jubeo. In ultimis meis informavi plene r. patrem provincialem, quomodo et qua de causa, ita dicendo, venditus sim a d-o generali Rosa excellentissimo d. generali ab Ogylby, campi mareschallo pedestris exercitus [60]). Praefatus d. gen. Rosa omnimo tandem post varia patrocinia officium suum obtinuit, idque primum mense majo anni currentis. Militat is in equitatu, ut locumtenens equestris mareschalli Scheremeti; equitatus vero totus in Curlandia operatur contra Succos, sed nuper paulo infelicius, siquidem nostri cum 16 aut 20 millibus eggressi sunt 8 millia Succorum ad Mithaviam et amisisse dicimur victoriam cum aliquot millibus. Primus cursor tulit Vilnam (ubi ipse serenis-

simus czar apud nostrum peditatum totum 30 millium vel ut alii 40 moratur). Scheremetum praeter morem suum aliquantum animis concidisse et retrocessisse, comissoque proelio inter cadavera nostrorum non esse repertum generalis (sic) Rosa; ex quo suspicantur Mosci, generalem Rosam (quod semper metuebant Mosci) vel ad Suecos fugisse, aut ab iisdem esse captivatum. Secundus tamen cursor dubie quidem asserebat, hunc generalem post omnia repertum esse, quidnam in re sit, rescietur tandem.

Nos moramur ad Vilnam, nihil aliud praestolantes, quam ut Succi prius ab equitatu tum nostro, tum saxonico, item ab exercitu Visnovecii sub Varsovia ictum notabilem accipiant, quo accepto, et peditatus suas inchoabit operationes, credo ad Rigam, siquidem pro oppugnatione illius omnia necessaria in summa copia habentur. Meus campi mareschallus eo, quod naves transmiserit Rigam et adhuc propter alia, grandi disgratia notatus est apud ser. czarum, ita quidem, ut resignaverit petatque, finita hac campagna, dimitti ad terras caesareas, quam petitionem (tanta est, hic praesertim, favoris humani constantia) non illibenter Mosci exceperunt.

Me p.p. nostri ubique in collegiis magna prosequuntur charitate et humanitate: gaudent una ex parte, quod Noster adsit moscovitico huic exercitui, quia multos favores et immunitates a serenissimo czaro eis procuro (qui Serenissimus saepius domos nostras cum summa satisfactione jam invisit), dolent ex altera parte de mea praesentia in his circumstantiis, ex eo, quod nobilitas polona apprehendere incipiat etiam patrem Societatis huic, ut credunt, sibi pernicioso exercitui adesse. Ego desuper praestolor sententiam reverendi p. provincialis, an videlicet, finita hac campagna, cum meo excellentissimo moderno reverti debeam, an diutius in hac missione manere, cum me d. generalis Rosa (si vivit) libentissime rursus apud se haberet, mihique neque cum divina gratia animi vires, neque bona constansque desit valetudo pro missione continuanda, et licet terris jactatus et alto, inter meras fortunae cum meis dominis vicissitudines, vivam, nihil mihi tamen divina bonitas deesse hactenus permisit, ita ut inter haec disturbia animorum (quae olim oretenus enarrabo) summa

mihi commoditatum facta sit occasio. Serenissimus czar et omnes paene Mosci me Societatis esse resciverunt, et nullatenus id male, sed optime hactenus acceperunt. Imo nuper Polociae, dum primarii duo aulici catholici sibi Succas matrimonio jungere debuerant, Succaeque copulationem fieri a ministello cuperent acatholico, ipse serenissimus czarus litem diremit. «Ite, inquit, vocate ad nos p. Eliam Iesuitam nostri campi marschalli, ille copulet». Vocatus igitur, post meridiem aderam, factaque praevia instructione sponsorum in praesentia cum Serenissimo omnium procerum Ruthenorum, duo paria copulavi cum summa complacentia Czari, dumque praevie altariolum in cubiculo curarem instrui, ipse Serenissimus imaginem crucifixi adferens rogabat: „Pater! valetne pro vestro altari Deus ruthenicus?“ „Ita, reponebam, Serenissime, cum eundem Dei filium repraesentet, valet omnino“. Finita copulatione jussit perhumaniter me a principe Alexandro haberi. Certum est, monarcham hunc tenacissime addictum esse suae fidei hominibus, secundo catholicis, ad oculum haereticis, pessime unitis nostris, quos vehementer execratur. Quam funestus casus cum unitis accideret Polociae, ex hoc loco necdum esse consultum judico, ut perscribatur. Dicit quidem princeps hoc saepius, optare se ejusdem esse posse fidei cum romana, sed conditio ponitur mirabilis et impossibilis. Risi ego nuperrime, dum legerem in impressis novalibus hic Vilnae, Romae factam esse propositionem coram pontifice, qua proferebatur in medium desiderium unionis Mosci cum Romanis. Sed qui status hujus notitiam habet, alius est sententiae, quam ut talia sibi persuadeat, quanquam divinae majestati nil impossibile sit.

Non vellem, ut gravius adhuc Mosci impingerent, alias vae Vilnae et Lithuanis, nec ipsis germanis officialibus bene ominamur! Hujates magnatum filios salvant suaviter alio, Germaniam versus. Ratio horum est, quia Rutheni in more habent, imo libentius, quam pecuniam, in terras suas abducunt juventutem utriusque sexus. Sed plura ubi fors, elapso in futurum anno, me reverendo patri provinciali ad obsequia stitero, cujus paternae gratiae dum me demissiosime commen-

do. una permaneo r-di p. provincialis indignus in Christo filius et servus Elias Broggio.

Plane dum claudere paro, venit cursor, nuntians, Saxones equites sub Varsavia cum Wissnovecio caesos a Suecis, ductoremque ipsum d. generalem Peykul (non Patkul) captum etc. Si sic, male! Grandis confusio timenda [61])

XXVIII. 1705. 13. Aug. Vilnae ex castris. Literae p. Eliae Broggsio S. I. ad rectorem collegii Brunae. Originale.

Reverende in Christo p. rector. Posteriores aliquantum praecedentibus has ad r. p. rectorem expedio, rogans humillime, nomine duorum p. p. nostrorum missionariorum in Moscua, ut acclusa epistola gratiâ r. p. rectoris Viennam promoveatur, cum contineat negotium annui stipendii dictorum patrum, aut potius eorum fundationis.

Scripsi in prioribus, res bellicas nobis non e voto cedere in nupero conflictu ad Mithaviam, strenue se quidem nostri Rutheni gesserunt duce Scheremeto, amiserunt tamen victoriam aliquid de re tormentaria minori et aliquid de impedimentis. Suecorum manserunt 5 millia, nostrorum plus sex. Ad Varsaviam dux Saxonicus captus, reliqui dispersi. Serenissimus czar heri filium suum remisit Moscuam, ipse vero alt (sic) incognito ab hujate exercitu fors in Curlandiam abiit hodie mane. Creditur contra Löwenhaubtium ductorem copiarum succicarum brevi alter conflictus futurus, ipso fors Serenissimo praesente, qui antehesternum dixerat, se velle adhuc confligere semel, seu vincat seu vincatur, finito conflictu vero, pacem cum Suecis inire, et potius contra Turcas arma sua convertere. Quaesivit ex me heri serenissimus czarus, utrum non posset a nobis haberi praeclarus mathematicus, sed practicus in omni genere matheseos, praesertim in curiosis et mechanicis rebus. Promisi me quantocyus indagaturum. Placetne id ipsum a Reverentia vestra proponi r. p. provinciali, an talis quispiam inter nostros sit. Peteretur abs dubio pro aula serenissimi czari, quem si serio (uti videtur) Serenissimus habere voluerit, absque dubio, cum omnibus requisitis

sumptibus me pro eodem adducendo in provinciam ablegavit. Excurram his diebus Vilnâ ex professo ad d. generalem Rosa ad equestrum exercitum, ut pecuniam illam pro collegio Brunensi levem.

Heri malum omen pro Moscis apparuit, quando uno ictu fulminis 17 Mosci milites, agentes ad rem tormentariam excubias prostrati, e quibus unus in loco mortuus, alii sedecim afflati decumbunt aegerrime.

Addo: Vilnam pp.-bus nostris esse Warsavia perscriptum, patres aulicos omnino esse expeditos ex aula Viennensi, sed non creditis, cum sua Reverentia mihi aliud perscripserit. Deus det nobis gratiam etiam in oculis hujus principis, cujus saepe sum memor in missae sacrificiis. Intellexi ab hujate r. p. praeposito, congregationem indictam Romae pro 17 Ian. Si ita, precor ex animo, ut r. p. rector non amplius sit rector, sed elector novi generalis, de quo non dubito. Cujus paternae gratiae dum me iterato commendo, una permaneo r. p. rectoris in Christo servus Elias Broggio. Vilnae, ex castris 13. Augusti 1705 [62]).

XXIX. 1705. 2. Oct. Ex castris ad Grodnam, Literae p. Eliae Broggio S. I. ad p. Ioan. Miller, S. I. per provinciam Bohemiae praepositum provincialem. Originale.

Reverende in Christo p. provincialis. Quae Glogoviae 20. Iunii a r. p. provinciali scriptae sunt, erant omnino primoprimae, quas accepi mense Septembri; tantum tamen mihi attulerunt solatii, ut jacturam caeterarum non tam aegre feram, sed quam humillimas pro iis agam gratias.

Apud meum d. campi mareschallum firmum fixumque est, redire ista hyeme Viennam, atque adeo et me sors eadem manet. Dominus iste dicitur futurus campi mareschallus apud Venetos, meque a se dimissum non vellet. Verum quia nixus eo favore, quem apud sereniss. czarum ejusque primos ministros experior, quaedam acturio pro missione Moscoviae dilatanda, forte videbitur r-do patri provinciali (ubi multa de hac missione cum sua Reverentia contulero), ut Moscuam

cum uno alterove socio remigrem. Interim dignetur r. p. provincialis quorundam explorare animos, an in hanc Spartam propenderent, sed candide fateor. tales esse oportere, tamquam selectos. quales unquam exquisitis dotibus ornati imperatori Sinarum submittuntur. Serenissimus czarus enim sic capiendus est: amat is tales. qui practici exquisiti sint. docti in theologicis, docti in astronomicis etc. Nam veritatem fatendo, ego per picturam primo aulae innotui et gratus factus sum. Haec interim, donec ipse coram adesse possim.

Nostra campagnia tota fuit talis: in Curlandia habuimus pugnam unam; Succi quidem facti victores. sed cruenti. nos cedere campum debuimus et amittere cum tormentis 13. quaedam impedimenta. Post haec in eadem Curlandia auctae nostrae copiae obsederunt Mithaviam et aliam adhuc arcem. quae omnia cum tota Curlandia expugnata sunt. Nunc exercitus major stat ad Grodnam cogitabatque ire Varsaviam, sed nihil inde factum. imo de hibernis cogitatur, si quae nova memorant aliud quid, fides illis adhibenda non est [63]).

Commendo me pretioso affectui r-di patris provincialis, manecoque indignus in Christo filius Elias Broggio.

R-do p. in Christo p. Ioanni Miller, Societatis Iesu per provinciam Boemiae praeposito provinciali.

XXX. 1706. Brevis expositio missionis Moscoviticae ejusdemque modernus status usque ad annum 1706.

Substantia hujus missionis ejusque finis in eo consistit, ut non tantum degentibus in urbe Moscua catholicis de mediis ad salutem prospiciatur adhibita plena et sibi libere exerceri permissa sacramentorum administratione, sed et ad longinquam viciniam, ubi sparsim degunt catholici, in negotio salutis saepius excurratur. Ut tamen etiam aliquis fructus in ipsam Moscorum gentem derivetur, patres missionarii a sex circiter annis scholas palam instituerunt, coeperuntque primum pauculos domesticos in literis et moribus tam salubriter et tanto cum effectu erudire. ut famâ tanti profectus excíti urbis Moscuae bojarini et principes filios suos turmatim paene patri-

bus missionariis instituendos commiserint; quo factum, ut scholae istae paene e memorum principum et primariorum filiis consistant. Quam insigniter vero hic modus missionis ipsi serenissimo czaro Moscoviae placuerit, patet ex dicto, quod Tikoczinii anno 1705 mense Novembri coram serenissimo rege Poloniarum Augusto protulit dicens: «Romano-catholicos plurimum aestimo et amo: ipse enim duos ejusmodi Romano-catholicos presbyteros in urbe Mosena habeo, qui licet ut Jesuitae sine mea facultate Moscuam ingressi fuerint sub praetextu ecclesiasticorum, quia tamen viri insignes ad omnium aedificationem vivunt, juventutem gratiose erudiunt et omnibus placent, libenter illos Moscuae tolero et habeo».

Affectus ulterior sereniss. czari ex hoc colligi potest, quod anno 1704 diploma dederit, quo patribus missionariis facultatem contulit imposterum templum ex lapide construendi, quod hactenus non nisi ligneum habere licuit; est autem multorum bojarinorum judicium, quod si quaedam literae interventionales ab augustissimo Romanorum imperatore ad czarum Moscoviae mitterentur, ipse magnus dux totius templi novi negotium ad suas expensas facile susciperet. Factum proinde, impetrataeque ejusmodi literae ab augustissimo caesare Josepho I. hoc currente anno 1706 datae ad serenissimum czarum, in quibus Augustissimus noster non tantum protectioni et gratiae suae czareae majestatis suos patres missionarios, Moscuae degentes, recommendat, sed et specialem gratiam a serenissimo czaro flagitat, ut videlicet praefatus magnus dux imposterum patres missionarios saltem e terris caesareis ad Chinas abituros per Moscoviam transire non tantum non impediat, sed et ad felicem transitum cooperetur. Quae literae juvantibus superis, ut speramus, suum effectum feliciter sortientur [61]).

Ex haereticorum pessimis praesertim contra Societatem sufflaminationibus dum anno 1705 serenissimus czarus Lithvaniam cum exercitu ingrederetur, non adeo cum bona nostrorum opinione terras has ingredi observabatur. Quia vero a patribus nostris tum in collegio Polocensi, tum Vilnensi, Grodnensi item et aliis valde humaniter exceptus fuit, non tantum ora-

tione salutatus. sed et in triclinio saepius prandio recreatus. auditus est Polociae domum e collegio redux dicere: «Ecce reperio Iesuitas multum alios, quam mihi descripti sunt: sunt profecto viri insignes. humani, qui se cum omni modestia intra limites suos continent». Quam opinionem de Societate bonam palam in arce Polocensi contestatus in illo ferali casu et exacerbatione contra sacerdotes unitos Basilitas dicens: «Quae vestra audacia. patres, quod me tam inhumaniter et absque respectu laedatis? Nonne coloni vos estis respectu pp. Iesuitarum, qui viri nobiles et primarii sunt. et tamen aliter et humanius hactenus mecum egerunt etc. etc.» [65]).

Signum pariter non mediocris erga Societatem nostram affectus seren. czari desumi quoque ex hoc potest, ut cum cautissimum sit alienigenas, praeterquam actuales milites. ad exercitum Moscorum tolerare. ego tamen utpote campestris missionarius unus et solus in exercitu asservatus sim. Et licet serenissimus czarus mox resciverit. me de Societate esse. nunquam aliquid in contrarium habere videbatur. Imo cum ad aulam illius complures catholici reperiantur accideritque, ut quidam subinde matrimonio cum Suecis faeminis jungerentur, ipse serenissimus czarus non pro ministello haeretico (quod mulieres illae quidem ejusdem sectae optabant), sed pro me mittere dignatus, ut ritu catholico nuptias in praesentia illius benedicem, quod et binis vicibus Polociae factum cum magna tanti ducis satisfactione.

Non desunt etiam in ipsa aula primarii e Moscis, qui multum Societati favent, paratique sunt omnem lapidem movere, ut Societas pro bono publico in Moscua stabiliatur. Et licet solummodo propter plebem consultum non sit de facto, in vestitu proprio incedere. spes tamen est, ut plebs magis et magis patribus nostris assuefacta tandem in hoc puncto rudem persvasionem suam de nostris penitus sit dimissura, qua superata absque dubio credimus missionem hanc ad longe majus divinae gloriae incrementum perventuram.

XXXI. 1706. Literae p. Francisci Ioannis Milan S. I missionarii Moscuae ad p. Ioan. Miller, S. I. per provinciam Bohaemiae praepositum provincialem. Originale.

P. C. Fere annuum tempus est, a quo paratas teneo literas, quas summe desiderassem secure ad suam Paternitatem posse promoveri. sed usque modo talis occasio nulla unquam erat, ut tandem vere et syncere foris constaret, quis noster status sit. de quo, prout in rei veritate est, praeter collegam meum et me nemo alius suae Paternitati poterit referre. quantumcunque putet hujatia sibi perspecta. Interim spero, quod divina bonitas mihi tandem ejusmodi largietur occasionem, advertitur enim, quod foris a quibusdam aliqua pejora dicantur et describantur, quam sint. et vicissim aliqua meliora laudentur, quam se re ipsa habeant. nempe quoad nos, caetera enim hujus regionis negotia nil me tenent sollicitum. Interim summatim loquendo, fere a biennio sumus in eo statu, ut magnis et efficacibus apud Deum suffragiis vehementer egeamus, quibus me humillime commendans maneo humillimus in Christo servus et cliens Franciscus Ioannes Milan.

Dominus Elias spero se conabitur expedire quantocyus a suo servitio militari et finem facere missionis suae Moscoviticae, quam invenit bonus vir longe aliam, quam sibi persuaserit. Adm. reverendo ac eximio in Christo patri Ioanni Miller (titul.), domino a patrono meo collendissimo.

XXXII. 1706. 14. Aprilis. Viennae. Literae Josephi I. imperatoris ad Petrum Alexievicium czarum Russiae. Copia.

Josephus divina favente clementia Romanorum imperator semper Augustus, ac Germaniae, Hungariae, Bohemiae (etc.) rex etc. Serenissimo ac potentissimo domino tcari et magno duci Petro Alexievicio totius Magnae, Parvae et Albae Russiae autocratori (etc.).

Serenissime et potentissime princeps, amice et frater charissime!

Magno nobis solatio esse fatemur, dum intelligimus. Serenitatem V-am missioni nostrae caesareae in urbe Moscua adeo hactenus benevole affectam esse, ut nostri illic degentes missionarii non tantum ex pastorali animarum cura sibi libere exercere permissa, sed ex indefesso labore in erudienda literis et artibus juventute fructus multum dignos referre audiantur. Nos igitur, qui missionem hanc nostram caesaream in ditionibus Serenitatis Vestrae constanti favore hactenus conservatam cura quoque et amore singulari prosequimur, plurimum etiamnum in affectu fraterno Serenitatis Vestrae confidentes, amice, fraterneque postulamus, ut sibi Serenitas Vestra praefatam missionem nostram hisce praesertim temporibus commendatam specialius habere, ejusdemque missionis viros in instituendis praecipue pro bono publico scholis zelantissimos, nostra quoque causa in protectionem suam tanto libentius suscipere velit, quanto certior esse Vestra Serenitas potest nobis id prorsus fore gratissimum.

Alterum, quod eodem fraterno studio et cura a Serenitate Vestra contendimus, est, quod non raro evenire scimus, qualiter missionarii e terris nostris haereditariis ad vastissimum illud Chinarum regnum pro reducendis ad christianam legem populis piissime solent ablegari, miseret nos autem tot virorum, qui cum grandi temporum dispendio et sumptuum praeter continua maris et Oceani pericula, eo terrarum hactenus aut vix pertigerunt aut calamitose pervenerunt.

Devinxerit nos itaque Serenitas Vestra etiam quam plurimum, si pro celeberrima sua et gloriosa christiani nominis fama missionarios saltem e nostris regnis et provinciis Caesaris ad Chinas deinceps abituros, per terras et ditiones suas benevole annuerit Serenitas V-a proficisci. Nos quod superest eandem divinae tutelae commendamus Vestraeque Serenitati prosperos rerum successus etiam atque etiam apprecamur.

Datum in civitate nostra Viennae, die decima quarta mensis Aprilis, anno Domini millesimo septingentesimo sexto, regnorum nostrorum Romani decimo septimo, Hungarici decimo nono, Bohemici vero primo.

Serenitatis Vestrae bonus frater Josephus. V-t (verificavit) Fridericus Carolus comes de Schönborn. Luco (?) Dolberg [66]).

XXXIII. 1706. 12. Iunii. Cracoviae. Literae Eliae Broggio. Sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo pater provincialis. Ut suae reverendae Paternitati secura occasione et cum rigorosa circumspectionis status hujatis valde mirabilis informationem mittere possem. literas quidem Cracoviae scribo. sed ad postam hujatem dare ob periculum violandarum literarum a postariis regiis dum minime expedit. consulto ad duas postas Silesiam versus hodie Cracoviâ recedo eo solum fine, ut postae reperiam securitatem.

Quamprimum igitur 6. Iunii urbem hanc attigi. insinuavi me in aula regis Augusti per familiarem epistolam ad quendam mihi notissimum transmissam. Rex inaudito marescalli Ogilvii theologum hic adesse et ad Moscos properare, misit ad me ad collegium S. Petri die hesterna intimum suum ministrum: illustrissimum d. de Dannitz, qui haec formalia dicebat: Gaudere regem, me hic adesse, offerrique mihi ab eodem diploma, vi cujus acceptis per Poloniam postariis equis tanto facilius ad serenissimum Czarum pervenire possim, modo id obsequii praestare vellem et literas ad Czarum secretissimas mecum deferre ita, ut princeps Alexander primus Czari minister nil resciat, qua super re ipse rex mecum loqui vellet (hic facio parenthesin et suaviter insinuo statum Augustum inter et czarum ab intimo regis ministro mihi fuse communicatum . Czarus, dum mense Decembri anno 1705 excurreret in urbem Moscuam, regi Augusto Grodnae remansuro cum plena potestate tradidit ruthenicum exercitum, adeo quidem, ut locumtenens Augusti esset princeps Alexander. Interim ad finem Iannarii a. 1706, appropinquantibus ad Grodnam Sueeis, Alexander, quo nescio praetextu, abiit ab exercitu. Rex, id resentiens, scribit Czaro Moscuam: Alexandrum prae timore fugisse ab exercitu, cum maxime illi esse praesens deberet; se enim esse impeditum (scribebat rex), quominus pariter ad exercitum permanere posset, siquidem cum suis Saxonibus Rheinschildio obviare duceret necessarium. Abiit itaque rex

Augustus, relicto Ruthenorum exercitu sub commenda generalis Ogilvii abstractisque militibus propriis Cracoviam attigit.

Interim facta ad Moscos confusione, vix miles e manibus Sueci evaserat, perditis tamen tormentis quasi omnibus uti et impedimentis numerosissimis. Czarus ergo indignatus regi Augusto, inflammante cum contra regem principe Alexandro, memore accusationis infamis, quam passus est ab Augusto, cepit resolutionem retrahendi copias suas pariter Moscuam versus, uti Augustus fecit reducendo suas Cracoviam. Nunc igitur dum novam quaerit rex Augustus apud Czarum amicitiam uti et principem Alexandrum, utrobique sicce expeditur, non quidem cum plena repulsa, sed cum ejusmodi signis, ut rex revera colligere non possit, quotam apud serenissimum czarum et Moscos sonuerit.

Legatus Moscoviae, qui quidem hic adhuc apud regem moratur, vellet unire animos disgregatos, quaesit etiam media, doletque summe, quod ne unam fere epistolam secure possit ad Czarum promovere, rogabat me igitur per omnia sancta, ut secretas pariter epistolas mecum deferrem, obtulitque et ille mihi per diploma postam per Cosaciam totam, uti et alias gratias (sciendum enim, quod noster exercitus stet Kyoviae in Cosacia) atque adeo sic operose Cracoviae rogor et requiror, ut ipse stupeam, quod et rex et ministri adeo meum obsequium desiderent, persvasi, quod religiosi secure has ditiones transeant, quas omnino in veste religiosa me pervadere oporteret.

Verum cum mihi hoc negotium valde periculosum videatur, ut ego me tot periculis objiciam in causa rei politicae, paucula consilii capiendi gratia suae reverendae Paternitati in hac speciali epistola desiderans desidero proponere. Motiva, quae me possent ad hoc onus suscipiendum inducere, fors essent primo: quod gratiam utriusque principis lucrari possim, Mosci et regis Augusti res ejusmodi exacte expediendo, uti et vix dubitandum, quod ulterius adhiberer pro ultro citroque in his negotiis peregrinando in modernis rerum circumstantiis. Secundum esse posset motivum, quod lucrando et regis et alterius affectum multa ad bonum missionis impetrare tanto facilius possem. Sed retrahit ab illo, quod res instituto nostro

mihi non videatur conformis: et a quibusdam non bene faventibus Societati fors magis per hoc meum obsequium noceri posset: accedit, quod affectus Czari sit incertus (siquidem patribus Capucinis nuper per diploma reapte extraditum, Moscuae fundationem obtulit monasterii; et tamen jam tota spes cecidit in puteum. ita ut mihi capucinus regis confessarius p. Benignus heri multum hac super re conquestus fuerit, Czarum jam omnis capucinici monasterii oblitum esse). Ego tamen his omnibus consideratis et propositis suae reverendae Paternitatis paternam cupio praestolari resolutionem. quid factu opus? Si placet, ut me periculis vitamque meam exponam, pergam porro animose, modo ex obedientia jubear proficisci. Si contrarium mandare, ad hoc paratissimus.

Nihilominus, ut insinuem necesse est, quod me sic agere oporteat, ne hic et nunc Cracoviae regem Moscique legatum offendant (offendam?), qui me proprie prensant pro instrumento suorum gravium negotiorum expediendorum. Agam fors proinde sic, aliquotque milliaria conficiam Cracovià Leopolim versus, rediboque infra aliquod tempus cum praetextu, impossibilem esse transitum; inveniam enim quaedam argumenta credibilitatis, quibus certo principales persvadebuntur. Interim judico, me adhuc aliquo tempore in his partibus morari debere, rex enim adhuc sperat, Czarum redituram in Poloniam, cum modo praecise putetur se de novo armare contra Svecum, uti et Augustus hic idem agit Cracoviae, quam munit strenue frementibus Polonis, quod tot domus (imo et templa in periculo sunt aliquot) dirutionem patiantur.

Insinuo his pariter, quod falsum sit, filium Czari cum matre motus concitasse Moscuae contra parentem, uti et plura similia de Moscovia, quae de facto pace fruitur.

Ubi sua reverenda Paternitas rescripserit, dignetur tantum Cracoviam ad s. Petrum dirigere epistolam, et ut nostro inscribere; verum ad punctum propositum tantum scribatur curte v(erbi)g(ratia) judico ut id fiat, vel non; ut prosequatur iter, vel moretur; vel mox redeat, sicut denique sua reverenda Paternitas determinaverit. His me in omnia sancta commendans, maneoque reverendi patris pro-

vincialis humillimus in Christo servus et indignus filius El. Broggio. Cracoviae ad. s. Petrum 12 Junii 1706.

P S. Eximo ex cooperto hanc epistolam ex professo in ipsa posta, et addo. regem Augustum abiisse Cracoviâ seu retrocessisse me spectante abitum, Suecos Kalissio venire Cracoviam pedetentim. Ego vero 5-ta posta Cracoviâ redux. abiturus Siradium. passus sum infortunium a praedonibus, qui mihi rapuerunt totam lineam, copiosam supellectilem cum omnibus lectisterniis, reliquis valde industrie salvatis, atque adeo paulo... quiescam et induar, nondum tamen deterreor a... futurorum fructuum [67]).

XXXIV. 1706. I. Iulii. st. vet. Moscuae. Literae Ioannis Berula. Sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo Pater! Consumptis jam prope undecim annis extra provinciam, rursus in eandem redire et fratrum coetui uniri animitus opto, et cum omni indifferentia flagito, ob multas quidem causas, sed maxime ad colligendum spiritum, quam collectionem mihi summe necessariam, coram Deo judico, quocum etiam in oratione contuli negotium prius mature, ut puto, perpensum. Si me revocare placuerit, ego habito annutu occasionem redeundi securam quaeram sine ullis aliorum expensis, sufficienter provisus domesticis. Si etiam mei loco alius mittendus erit successor, in expeditionem illius offero centum imperiales currentes, quos pater Elias Broggio secum in Silesiam devexit, ad nos spectantes. Quod si quacunque de causa durum videretur me revocare, saltem tertium in auxilium nobis dignetur submittere socium, qui et patri Milan in concionibus et mihi in scholis, utrique in excursionibus possit opem ferre. Quamdiu annuum nostrum salarium a camera Silesiae accurate percipiemus (uti hactenus percepimus), tres inde sustentari socii honeste possumus.

Templum nostrum lapideum usque ad fornices jam ascendit, speramusque ad finem Iulii fore perfectum ad extra, quo se tantum extendet templi corbona, quinque circiter florenorum rhenensium millium, interior vero ornatus, imo et exte-

riores adhuc ornatus requirent alterum tantum a Dei providentia expectandum. Commendo me sanctissimis sacrificiis r-ae v-ae et affectui paterno, maneoque r-dae v-ae servus in Christo, Ioannes Berula. Moscuae 1. Iulii st. vet. 1706.

PS. Successor debet esse utraquista [66]), occasionem penetrandi Moscuam suppeditabit p. Broggio.

XXXV. 1706. 12. Aug. Grodnae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum, Ioannem Miller. Originale.

Reverende in Christo p. provincialis. Frustraneum duxi post binas Cracovià datas dare alias ex intermedio itinere ad suam reverendam Paternitatem, quam praesentes ex urbe Grodna.

Mutatis igitur ex parte regis Augusti quibusdam circumstantiis, resolvi et ego iter meum pro gloria Dei ulterius. Difficile quidem omnibus videbatur tot inter et fere manifesta pericula tamque procul cum uno puero et auriga peregrinari, postquam insuper, uti scripseram, reculis meis plus quam 100 imperialium, damno in Minore Polonia despoliatus sum, non violente, sed per occultam nequitiam Walachorum; et brevi post haec a Svecis detentus triduo ad Calissium, ex eorum honesta quidem custodia evasissem. Post ejusmodi, inquam, pericula cepi per hanc benedictam Poloniam characterem meum manifestare, et me ablegatum suae majest. caesareae ad aulam regis Augusti et inde ad ser. czaarum verbis et literis probare, tanta quidem felicitate, ut ubique locorum mihi equi gratis subministrentur authoritate regia, omnemque a nobilibus et militibus experiar humanitatem et securitatem tum in viis, tum hospitiis, imo ipse d. generalis Smigielsky mihi nuperrime 20 equitum desultoriorum salvum conductum usque Grodnam dederit. Spero proinde, quod nunc felicius progrediar.

Rex Augustus 10 leucis Grodnà distat, properatque Kyoviam, ut communis fert rumor; ibi enim se cum Moscis intendit conjungere contra Suecos, qui omnino fraum (fraudem?) habere dicuntur Kyoviam oppugnare, ex quo patet, s(eren.) czarum inter et Augustum rursum bonam esse intelligentiam.

Rumores alios non praesumo intimare, donec brevi fors ex ipso fonte hausero. Hoc tamen comperio: Moscos cum magna strage e Lithvania elapsae (elapsa?) vere recessisse non tam gladio aut armis, quam contagione coacti; siquidem praeter duos generales, aliosque complures officiales 7 millia periisse morbis dicuntur intra unum quasi mensem; verum non curat ista ser. czaarus, qui paratum habet militem contra Suecos sat numerosum, sed hoc tantum male, quod Brandenburgus ad confinia Prussiae 10 millia selecti militis Sueco occulte impracticasse dicatur. Audiemus proinde de eventu, cui, si Deus optimus faverit, ipse interesse conabor.

Alterum est, quod comperi: nimirum omnia falsa esse, quaecunque in Germania dicebantur de proelio et victoriis Suecos inter et Moscum. Mosci enim recesserant usque in limites suos absque eo, ut illos Sueci persequerentur. Cosaccorum quidem 4 millia a Suecis deleta sunt, Moscorum vero fors mille a rusticis Lithvaniae occisi. Haec certa.

Hodie abeo ad ser. regem Augustum, cum cujus aula deinceps usque ad Moscos cogito progredi. Haec interim, plura, ubi S-mum attigero. Me interim paternae gratiae quam humillime commendans, maneo r-di p. provincialis Elias Broggio [69]).

Reverendo Patri in Christo, Patri Ioanni Miller per provinciam Boemiae Societatis Iesu praeposito provinciali.

XXXVI. 1706. 24. Aug. Novo-Grodek. Lithv. Literae Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum. Originale.

Reverende in Christo p. provincialis. Die 20. Augusti assecutus sum tandem s. regem Augustum cum sua aula Novogrodecae in finitima Lithvania. Apud hunc cum die tertia audientiam haberem, jussit me sua castra vel potius aulam sequi, ut tanto securius ad ser. czarum pervenire possim. Speramus nos itaque venturos in conjunctionem cum ser. czaro ejusdemque copiis, verum nil adhuc resciri certi potest, ubinam morentur; communis tamen opinio est, quam sumsi ex ore legati Moscoviae die hesterna, serenissimum czarum mo-

visse Kyoviâ 23 Iulii nos versus cum pedilatu et tormentis principem vero Alexandrum cum equitatu praecessisse 16 millium. Singulis momentis ideirco expectantur literae a dicto principe, ut rex Augustus iter suum ulterius dirigere noverit. Mysteriosum hoc bellum est, cujus elucidationes non licet chartae exprimere. Ego plurimum gaudeo, hic undique reservare gloriosissimos progressus domus Austriacae, quae hinc inde est sat in oculis, unde rumor ille (qui tanquam certa historia cum nonnullorum plausu jactabatur maxime hic locorum) aliquantum mitigatur etc. Deus conservet ser. regem Augustum, qui de se princeps certe optimus est. Pro intentionibus meis et expeditione feliciori dispono interim ad hujatem aulam nonnullorum animos, qui in effectu desideratum cooperentur, cui pro viribus opellam meam conferam. Si quae nova in Germaniâ nostra hâc campaniâ resonuerint de pugnis et numero Moscorum, fides minime adhibeatur, quia nil adhuc anno isto nec triste nec laetum accidit; hoc tamen ut certum habetur: Moscum advenire cum 60 millibus rursum ad nos. Quid illo praesente accidit, non omittam referre calamo, quidquid relatione dignum fuerit. Caeterum mens mea est: ut accepto quam primum a ser. czaro responso per postam in Moscuam urbem tantisper excurram, visurus, quonam in statu missio nostra vertetur, indeque suam caesaream majestatem, dominum et fundatorem nostrum clementissimum informem de eo, quod ipse oculis spectavi, cum vana hic spargantur, quibus fidem necdum adhibeo. Negotium proinde totum sanctissimae memoriae suae reverendae Paternitatis demisse commendo, unaque permaneo r-di p. provincialis indignus in Christo filius et servus, El. Broggio. Novo-Grodeck Lithv. 24. Aug. 1706 [70]).

XXXVII. 1706. 20. Octobr. st. n. E. castris ad Petrikoviam. Alexander, sacri Romani Imperii princeps a Menschikow, eques s. Andreae et albae Aquilae, generalis gubernator Ingriae et Östoniae, Sacrae Tzareae Majestatis equestrium exercituum supremus dux et generalis etc. etc. Copia.

Ex concessa nobis a Sacra Tzarea Majestate plena potes-

tate hisce ss-mo domino, domino Clementi XI, divina providentia pontifici Romano, patri ac pastori sacrae Rom. ecclesiae universali reverenter notum facimus, quod ad novissimam instantiam augustissimi et invictissimi Romanorum imperatoris Josephi I-mi factam Suae Serenissimae Czareae Majestati per venerabilem ac doctissimum patrem Eliam Broggio e Societate Iesu. missionis Moscoviae procuratorem, omnino per nos ceu constitutum plenipotentiarium non tantum Sua Tzarea Majestas liberum fidei romano-orthodoxae exercitium in urbe Moscua confirmet, sed et inceptum antehac ludum literarium nobilitate Moscovitica florentissimum informatum scholarum gymnasium ad eruliendam praecipue procerum nostrorum juventutem erigi liberaliter permittat; uti et ecclesiam de lignis antehac duntaxat exstrui permissam, nunc ejusdem formam de lapide structuram (prouti actualiter exstruitur) fieri plenissime concedat, missionariis terras regionesque Moscoviae (uti pro antea clausae fuere) nunc plenissime aperit, ut tanto securius et compendiosius ope nostra adjuti in dissitum Chinorum imperium valeant proficisci. In cujus rei fidem principale sigillum nostrum appressimus et manu propria subscripsimus. Dabamus e castris ad Petrikoviam die 20. Octobris st. n. a. 1706 [71]).

Alexander princeps plenipotent. (Hoc est moscovitice subscriptum).

XXXVIII. 1706. 28. Octobris. Moscuae. Literae p. Francisci Emiliani. Sine inscriptione. Originale.

Reverendissime domine patrone colendissime. Licet primas, de quibus dignatur mentionem facere, non acceperim, tamen indicibili cum solatio accepi Reverendissimi literas datas 15. Maii, quas huc promovit ex Polonia d. Elias, quibus lectis intellexi felicem Romà reditum, de quo Deo singularissimas ago gratias, utinam rd-m Dominationem diutissime servet incolumem, quod ut animitus exoptem singularis mihi incumbit obligatio a prima mea juventute, cujus in dies memor vivo.

De incendio non est quod singulariter compatiatur Reve-

rendissimus, quia longe majus bonum inde emersit, videlicet templum lapideum, quod quoad structuram praeter omnem spem nostram jam est finitum; sed simul etiam finiti omnes nummi, scilicet 2000 rublorum sive 4000 imperialium et aliquid supra, adeoque pro tribus altaribus, scamnis, cathedra, organo etc. reliquo ornamento ad intra nescimus unde subsidium, quia impendimus jam extremum posse nostrae parvulae et non divitis communitatis. 2000 imperialium pro initio donavit ill-mus d. comes Jacobus Gordon, 1000 circiter contribuerunt mei veteres parochiani Itali Azovienses et pauci ibidem officiales, reliqua sunt vel legata, vel operose collecta per particulas. Ex officialibus aliis bellicis tam magnis quam parvis, qui ante biennium circiter advenerunt, nullus vel obolum contribuit. Hercules nostri nobis male successerunt et dici potest quod Isai c. 9. v. 3 [72]).

De amicorum nostrorum operationibus et promotionibus intra provinciam cum magno gaudio percepimus, Deus illis benedicat, et utinam nobis quoque concedat aliquid solidi et veri fructus operari pro gloria sua.

Dominus confrater libenter se conformat voluntati majorum, si autem tandem post biennium foret aliqua mutatio, optandum esset, ut mitteretur aliquis non tantum solidae patientiae atque humilitatis, aeque et non minus ad patiendum quam agendum promptus, sed etiam cui nil deesset in literatura et in linguis, nempe ut sciret germanicam, gallicam, italicam (belgicam hic facile addiscet) prae omnibus autem et certo in modernis circumstantiis vel moravicam sive bohemicam, vel polonicam, de orientalibus minor est necessitas. De reliquo ex quo motivo dominum confratrem hoc desiderium incesserit nescio, hoc tamen fateor, si spectem praesentia et vel maxime futura, me ipsum secundum inferiorem hominem hoc desiderium tentaret, nisi me reflecterem, me jam a philosophia obstrictum voto de tota vita missionibus consecranda, adeoque dico cum apostolo, in hoc positi sumus, ultra non sollicitus ubi, modo fiat voluntas Dei per moderatores.

Dominus Elias meminit in suis literis cujusdam negotii sibi commissi, quod spero constabit rd-mo de Gymnade etc. Nos putamus unanimiter, ex hoc negotio nihil futurum et

idem praedixissemus, si d. Elias super eo nos interrogasset, videtur enim praematurum et absque fructu: 1) Quia tales merces, quas mittendi proponere deberent, in nulla fere sunt aestimatione apud Summum, adeoque nec apud multos alios, adeoque quamcunque essent multi et seduli institores, si emptores desint, quid proderunt? 2) Tales officinae a diversis jam nullo successu sunt tentatae, et licet nostra florverit aliquo tempore, jam tamen labescit, quia ex his mercibus nec vident fructum laudis, nec aestimationis nec promotionis, adeoque non empturiunt. 3) Quia persvasi sunt, quod ab ejusmodi institoribus non quaeratur nisi solum emolumentum Latii, ideo minus illis confidunt, et minime si essent plures numero. 4) Intertenimentum ob mille vel potius infinitas rationes non expedit illis accipere ab iis, ad quos mitterentur (quas praestaret referre oretenus quam scripto) adeoque ex sua deberent habere regione et quidem plus pro uno capite quam annos 100 imperiales ob ingens rerum pretium, quod vix in his disturbiis videtur sperabile. Accedit, quod illi negotium sit commissum a persona, quae de facto vix poterit se ipsam juvare, multo minus coepta secundare [73]). Si d. Elias voluisset nobis procurare aliquid favorabile, procurasset adjumentum pro solvendo praeceptore, quem, quia solvere non possumus, infantes alterius sexus disperguntur per scholas Lutheranornm et Calvinistarum magno cum nostro dolore et suo periculo, et ordo ecclesiae valde turbatur quoad divina officia propter ejus frequentem absentiam, quae in vitio dari non potest, quia quaerere sibi debet unde vivat, similiter quoad ceram, vinum, ligna etc, pro ecclesia molestissima nobis incumbit et fere sine fructu mendicatio, a qua si nos eripuisset, tunc immortalizasset nomen suum, sed excusant eum mala tempora. Quoad informationes, quae aliquando foras proferuntur, dignentur parcam adhibere fidem, excipio dominum confratrem meum, cui omnia bene sunt perspecta; boni enim viri aliquando falluntur, dum vident multa splendere, statim enim etiam putant illa calere, quae consequentia apud nos non tenet, sed non vitio vertendum est, quia memini, quod tum ego tum dominus confra-

ter primis annis huic eidem errori fuerimus obnoxii, dum melius nobis innotesceret [74]).

Novi hic nil nisi, quod extraordinarie in Sloboda nostra grassata sint incendia hoc anno, et bis iterum fuimus in proximo periculo a vicinis, qui conflagrarunt. Utinam tantum nobis subtrahere possemus, ut cum tempore unum vel alterum cubicellum lapideum possemus exstruere, praeter templum enim omnia sunt lignea, licet jam post nostrum incendium longius a se remota, forte non erit ingratum videre delineationem ruditer factam et properanter totius nostrae domus una cum tempello novo Ss. Trinitatis sicut de facto videtur, quam hic adjunxi; dignetur ignoscere, quod non meliorem mittam. Interiorem templi faciem adhuc delineare non possum, quia omnia adhuc sunt imperfecta ad intra, et ipse adhuc nescio, qualiter erit [75]).

Commendo me humillime paterno affectui, dignetur nostri singularissime meminisse in ss. suffragiis, vivimus enim sicut apocalypsis meminit de angelo Pergami. Maneo humillimus servus in Christo p. Ioannes Franciscus Milan miss. caesar. M.(oscuae) 28. Octobris 1706.

XXXIX. 1706 4. Novemb. Oppaviae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum. Originale.

Reverende in Christo pater provincialis. Die hesterna feliciter redux ab exercitu Moscovitico Oppaviam attigi, unde per praesentes suae r-dae Paternitati compendiosam expeditionum mearum mitto informationem.

Postquam ad aulam ser. regis Augusti ipso rege in prima audientia id mihi svadente Moscos in Lithvania praestolarer, praemiseram subinde ad principem Alexandrum tunc cum Czaro Kyoviae morantem unam alteramve epistolam, in qua perscripsi, quidnam in commissis haberem a nostro augustissimo imperatore; metuens proinde, ne se sereniss. czarus subito (uti spargebatur) itineri maritimo committeret, rogabam principem Alexandrum, ut in absentia tam diuturna Czaari quidam plenipotentiarius constitueretur, qui suae Caesareae

Majestati in petitis nomine seren. czaari satisfaceret, quod et factum. Intellecta enim praevie petitione Caesaris Czarus ipsum principem Alexandrum absolutum constituit plenipotentiarium, qui apertis sui loco Caesaris literis in omnibus punctis plene affirmativum responsum perscriberet Quare principi praefato venienti cum exercitu equestri Lublinum occurri cum mea expeditione, aliquotque hebdomadis apud eundem cum multarum gratiarum experientia commorans tandem cum literis ad augustissimum imperatorem nostrum felicissime expeditus sum. In his literis (quarum copiam mox Viennâ suae r-dae Paternitati submittam) liberrimum imprimis fidei exercitium, templi lapidei erectio (quod jam sub tecto esse dicitur) de novo confirmantur. Item plene concedit Czarus, ut ludus autehac literarius in formale scholarum gymnasium a moscovitica nobilitate imposterum tanto copiosius implendum transmutetur, quod gymnasium insuper specialibus privilegiis condecorare seren. czarus sancte appromittit. Denique suum imperium Moscoviticum patribus missionariis deinceps in Chinam abituris plenissime aperit idem magnus dux Moscoviae, desideratque, ut hujus gratiae statim fiat periculum, mittendo quotquot lubet in Sinas missionarios [76]). Praeter hanc autem epistolam omnium harum gratiarum concessivam et suae Caesareae Majestati inscriptam jussit ser. czarus in majoris fidei argumentum literis imperatoriis accludi formale decretum sigillo pariter munitum et manus appressione, et quidem ipsi summo pontifici inscriptum, ubi desideratur, ut sua Caesarea Majestas suae caesareae epistolae inclusum hocce decretum Romano pontifici transmittat [77]). Quia vero nunc in commissis habeo, dato ad id plenissime mihi viatico a praefato principe Alexandro, non tantum cum hac caesareo-czarica epistola excurrendi Romam, sed et ibidem cum summo pontifice agendi de nuntio apostolico in Moscuam quantocyus mittendo, imo mecum reduce adducendo: ideo specialiter expectabo etiam r-di p. provincialis sensum desuper; quod negotium, si ratum pariter habere placuerit, esse credam necessarium, ut suam rd-am Paternitatem Vienna redux ubicunque conveniat(-am?), simulque proponam de quadam fundatione, ujus mentio facta est nuperrime Romae per domīnum comi-

tem de Gordon equitem Melitensem, ad quam summus Pontifex se valde propensum exhibuisse dicitur etc. Interim subnecto residuum, quod me Viennae expedire oportet, nimirum. Imposuit mihi princeps Alexander, ut suae Majestati Caesareae proponerem oretenus quaspiam graviores rationes mittendi quantocyus legatum quempiam ad ser. czarum. Item offert suae Caes. Majestati ser. Czarus omni hora 40 millia contra rebelles Hungaros petiturque responsum desuper. 3-tio requisitus sum, ut si augustissimus imperator esset aliquantum difficilis ad ineundum novum foedus cum Czaro, idque quam primum conarer Romae agere apud summum Pontificem, ut Sanctissimus id ipsum Caesari propria svaderet epistola. Ecce haec tota summa novae expeditionis meae. Quia vero quaedam mihi ad politicam spectare videntur et esse extra sphaeram meam (cujus semper memor sum), procedam in his valde caute et moderate, visis rerum circumstantiis, et re prius bene digesta ad limam, antequam per linguam prodeant; lubensque paternum et sapiens consilium suae r-dae Paternitatis desuper intelligerem. Die crastina movebo Oppaviâ Olomucium, inde Brunam, Viennam; cogor enim properare ex eo, quod deferam mandatum Viennae residenti Moscovitico, ut se immediate conferat ad dictum principem Leopolim, quandam instructionem nomine Czari excepturus, et mox reversurus; in quem finem ei duo millia in auro mecum defero. Quare ubi Viennam attigero, pluribus suam r-dam Paternitatem informabo. Interim Brunae constitui, ut vestis Societatis pro me parata sit, qua amictus inposterum et Viennae et alibi comparebo. His me proinde paternae gratiae quam humillime recommendans maneo r-di P. provincialis servus et indignus in Christo filius El. Broggio. Oppaviae 4. Novembris 1706 [78]).

PS. Hodie postquam nunciaturam regni Poloniae Oppaviae commorantem de rebus moscoviticis informassem, praeses reverendissimi hujus nunciaturae binas mihi formavit epistolas, quas deferrem eminentissimis cardinalibus Paullucio et Spada, qui mihi ad felicem rerum successum apud Sanctissimum assisterent.

XL. 1706. 25 Novembris. Commotovii. Literae Ioan. Miller sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo Pater. Patrum Capucinorum [79]) provinciae et meum arbitrium est, concedendum esse R. v-ae, ut Romam ad Ss-mum iter suscipiat eique omnia sibi commissa fideliter deferat; nisi forsan nunc negotia R. v-ae interturbasset, aut penitus succidisset, pax facta inter Augustum regem et Suecum, quae inscio Czaro cusa et procusa fertur. R. v-a autem simplici rerum sibi commissarum propositione contenta ad procurandam eorum executionem se non immittat. Pari ratione fieri potest, ut augustissimo nostro Josepho omnia exponat, quae ad eum deferenda accepit, sive scripto sive viva voce; sed vel maxime abstineat ab urgenda aut procuranda propositorum executione.

Porro, si R. v. cum p. Czakert (cum quo omnia communicare velit) judicaverit, in his rerum conjuncturis, Romam esse concedendum, et me prius conveniendum, poterit id fieri, quia ab nunc ad novum annum usque Pragâ non procul distabo. Si vero per literas omnia expediri possent, ad evitandum circuitum, sumptuum augmentum et expeditionem accelerandam ac maturandam Viennam recta in Italiam proficisci posset.

Deus R. v-ae in omnibus assistat sua gratia, ut negotia illum, qui ad ejus majorem gloriam conducens est, exitum sortiatur (?). Sit R. v. mei etiam in sanctis omnibus memor. Commotovii 25. Novembris 1706. R. v-ae servus in Christo Ioannes Miller.

XLI. 1706. 4 Decemb. Viennae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum. Originale.

Reverende in Christo Pater provincialis. Ad epistolam suae r-dae Paternitatis 4ª hujus mihi extraditam [80]) sequentia

repono. Quamvis subtimuerim, ne quid negotiorum meorum ob imperatam Augustum inter et Suecos pacem turbaretur. video tamen et pacem hanc fictitiam fuisse et augustissimum Josephum nostrum propterea minime esse culpabilem, adeoque omnium judicio res etiammum manent inconcussae.

Die 1-ma Decembris amabilem et familiarem prorsus audientiam habui apud augustissimum nostrum imperatorem. Expeditio Romana in negotio noto illi multum placuit ex eo. quodad facilitandum negotium apud Sanctissimum suam pretiosam operam ultro obtulerit optimus caesar; verum desiderat idem Augustissimus a me sibi id obsequii prius ante Romana praestari. ut videlicet quantocyus excurram in Poloniam et si possibile. ad ipsum Czarum; eique in occulto (invigilant enim potenter Suecі, Viennenses praecipue, utrum Augustissimus noster cum Mosco familiarius correspondeat) literas majoris momenti deferam et nomine suae Majestatis quaedam Czaro proponam. et in quibusdam assecurem etc. Ego hanc occasionem redeundi tantisper ad Moscos non invitus amplector, cum paene necessarium judicem ultimate explorare Moscorum constantiam in modernis circumstantiis, et utrum aliquid in harmonia religionis non turbetur propter tentatam (quamvis nunc irritam) pacem illam Suecum inter et Augustum exeluso Mosco; et an non apud suspiciosam hanc gentem aliquantum mutatus sit affectus erga nostrum imperatorem. Quae si omnia integra deprehendero et pristino affectu inconcussa, tum tanto magis fundate et securissime Romam dein mense Februario progredi potero ad Sanctissimum in optatissimo religionis negotio, ex nunc itinere hoc aliquantisper de summe rationabilibus causis suspenso.

Crastina dies mihi destinata est pro secunda audientia apud Augustissimum nostrum, spero itaque, quod brevi Viennâ in benedictam Poloniam progrediar. Mitterem copiam epistolae a me ad Augustissimum nostrum delatae, sed cum eam Augustissimus etiamnum apud se retinere dicetur, copia hactenus haberi non potuit. Interim mitto copiam decreti Sanctissimo domino nostro inscripti, quod licet passim describi non debeat, ne prius notitia illius Romam perveniat, quam a me Sanctissimo extradatur, potest tamen legendum nostris communicari, ut

tanto ferventius sibi negotium hoc religionis saluberrimum in precibus habeant commendatum [81]).

Quod epistolam p. Berulae [82]) concernit, optarem, ut vir ille saltem usque ad perfectionem templi ibidem moraretur, tum parum dein missioni puto obfuturum, si illius loco alius substituatur. Caeterum. quod scribit. me 100 imperiales mecum in Silesiam deportasse. qui serviant ituro novo apostolo Moscuam, intelligendum est de rebus Sinicis, quas in pecunias redigi Pater voluit 400-rum florenorum; intelligo autem, illas etiamnum Pragae haerere et necdum venumdatas, sed de hoc minus. Quod si scirem, me moderna excursione non nisi in urbe Moscua Czarum deprehensurum, consequenter me obligatum fore usque in Moscuam ire cum literis et expeditione ab Augustissimo, bonum omnino foret, ut quidam, sed valde insignis commissarius mecum mox eo tenderet; 100 imperiales pro via illi interea suppeditare posset provincia, acceptus in pignus meam infallibilem fidem de iis restituendis in proximo reditu. Siquidem cortinae hae sinicae, quae Pragae haerent, facillime in Poloniam mecum apportandae aestimatorem sui invenirent et in pecuniam redigentur. Sed quia pro his omnibus tempus breve, et defectus certitudinis, utrum nunc hoc ipsissimo itinere usque in Moscuam iturus sim, putarem totum differendum usque ad illud tempus, quo Romà redux (si Deus optimus voluerit) dein non tantum cum duobus aut tribus sociis, sed et pecuniis ex nova Romana fundatione provisus Moscuam novos operarios comitando tendere vellem. Pluribus si, quod optarem, suam r-dam Paternitatem ipse convenire possem, qui me interim paternae gratiae filialiter recommendans maneo r-di P. provincialis humillimus et indignus in Christo filius et servus Elias Broggio. Viennae 4. Decembris 1706.

XLII. 1706. 18 Decembris. Viennae. Literae Josephi I. imperatoris ad tsarum Moscoviae. Copia.

Josephus (Praemissis titulis). Exprimere verbis non possumus, quanto nos gaudio affecerint literae a Serenitatis vestrae plenipotentiario illustrissimo Alexandro a Menschikow, nostro

et Sacri Romani imperii principe Petrikowiâ die 20. Octobris nuper ad nos datae, quibus nobis significavit, Seren-tem v-am votis nostris per devotum nobis et dilectum patrem Eliam Broggio delatis perlibenter annuendo non solum liberum fidei Romano-orthodoxae exercitium in urbe Moscua confirmasse, sed et insuper inceptum ibidem ludum literarium p. p. missionariorum Moscuae degentium in formale gymnasium commutari liberaliter concessisse atque praeterea patribus missionariis in Chinam discedere volentibus terras regionesque Moscoviae (quae hactenus clausae fuerint) plenissime aperuisse. Praeterquam enim id ad divini numinis cultum promovendum cedit, indeque immortalis gloria Serenitatem v-am manet, nos etiam eidem pro luculenta haece fraterni sui erga nos studii declaratione plurimum debere profitemur. Quapropter amplissimas eo nomine Serenitati v-ae gratias agimus, eandem animo persvasum habere cupientes, nullam nos unquam ejus rependendi occasionem praetermissuros esse. Et sicuti fraterna Serenitati v-ae amicitia et benevolentia nobis nihil antiquius ac desideratius est, ita et tum constanter colendae tum augendae cum Serenitate v-ae mutuae et fraternae amicitiae cupidissimi sumus, prout praedictum p. Eliam hujus epistulae nostrae delatorem pluribus explicaturum non dubitamus, qui de caetero Serenitati v-ae prospera quaevis a Deo opt. maximo fraterno affectu apprecamur. Viennae die 18. Decembris 1706.

Ad czarum Moscoviae pro p. p. missionariis [83]).

XLIII. 1706. 24 Decemb. Viennae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum. Originale.

Praemissa felicissimorum festorum nascentis Domini apprecatione, uti et votis pro novo anno reverentissimis hisce filiali observantia significo, quod licet ante aliquot jam dies expeditionem meam ab Augustissimo nostro plene acceperim, detentus sum nihilominus ab excell-mo domino comite Schönborn. vicecancellario Imperii, usque per proxima festa; mihi, qui plurimum iter accelerare cupio, invito prorsus haec detentio accidit. Intendit enim bonus dominus pro suo zelo ergo nostram

missionem (me hac in parte ne minimum agente, minus urgente) assignatam ab Augustissimo sexcentorum aureorum pro fabrica ecclesiae Moscuanae pecuniam ex aerario evincere, et quamvis meo judicio nihil inde futurum sit, nolui tamen excellentissimi d. vicecancellarii Imperii consilium videri contemnere, sed pure in ejus gratiam adhuc per sacrum festorum triduum hic morari et Brunam mox dein ad novum annum certo redire.

Quamvis secretorum mihi commissorum tenax sim, insinuo ex caeteris illud, quod ordo Sanctae Crucis, qui ab augustissima imperatrice vidua distribuitur inter primarias foeminas... etiam offeratur Czaricae demui principali (quae hanc sanctam crucem ab aliquot annis... ensasse dicitur et nunquam impetrare potuit), nunc vero unica conditio ad hoc requisita est, quae ut purificetur, augustissima imperatrix vidua plenam mihi commisit potestatem, cujus rei felicem spero eventum et Societati nostrae multum profuturum [84]).

Interim vadam rursum ad benedictam Poloniam, in qua mihi nunc majori multo cautela opus, quam unquam ante, per quam, ut iens et rediens illaesus proficiscar, sanctissimam memoriam suae r-dae Paternitatis humillime imploro maneoque r-di P. provincialis humilis in Christo servus et filius Elias Broggio. Viennae 24. Decembris 1706.

Reverendo patri in Christo patri Joanni Miller, Societatis Jesu per provinciam Bohemiae praeposito provinciali—Pragae.

XLIV. 1707. 28. Januarii. Moscuae. Literae p. Francisci Emiliani ad p. Ioan. Miller Soc. Jesu provinciae Bohemiae provincialem. Originale.

Reverende in Christo pater. P. C. felicissimumque praesentis anni auspicium ac progressum!

Illis, quas elapso anno acceperam a p. R., fusioribus respondi [85]), quia autem responsum incidit in idem tempus, quo arma gothica movebant in Saxoniam, dubito an pervenerit. Repeto igitur brevissime, quae tunc scripseram, nempe si decursu temporis collegae meo daretur successor,

is deberet esse selectae patientiae et humilitatis, item sufficientis prudentiae ad caute se gerendum inter innumeros quos habemus adversarios, praeterea et scire linguam germanicam (hollandicam facile hic addiscet), gallicam, italicam et vel polonicam vel boëmicam certo, reliquae linguae sunt quoad melius esse, hae autem omnes nominatae absolute necessariae, supponeretur praeterea non habiturus defectum quoad literaturam.

De Broggiano negotio quoad scholas licet vix aliquis sit futurus successus, si tamen annueretur, forte expediret lentius procedere, cum enim ab omnibus credatur impetus belli si non gothici, saltem sarmatici derivandus contra has terras [86]); tempora non videntur esse pro talibus negotiis opportuna, praeterquam quod persona illa, a qua et per quam petita est haec gratia, sit omnibus odiosa, consequenter ejus opera et favores obnoxii ruinae [87]). Et omissis omnibus aliis considerationibus, quae sat multae occurrerent, certum est, quod non permitterentur altiores scholae, sicut jam pro certo expiscatus sum; sed ipsi ducerent eas uti nunc, nos ergo deberemus illis semper praeparare juventutem, quam illi deinde secundum sua principia imbuendam assumerent, quod non videretur pro emolumento s. Ecclesiae. Sicut hucusque docuimus nil est praejudiciosum, quia non quemcunque, sed e nobilibus nobiliores suscipimus, qui ad theologiam non disponuntur, consequenter nullum ecclesiae damnum, imo et fructus saltem, quod de facto qui prius habebamur Tartaris aequales, nunc agnoscamur christiani, imo non tantum christiani, sed multi aliquid amplius sentire incipiant. Item cum a nobilitate reliqui dependeant, videtur esse et fructus notabilis, quod apud nos occasionaliter multa audiant virtutem et bonitatem vitae attinentia, quae alioqui non perciperent. Nec honori nostro quidquam praejudicat schola hic extructa et Lutheranorum directioni tradita, quia post humiliatum praepositum (quid scit d. Elias) successor ejus (praepositus enim mortuus est) rursus ita humiliatus est a nobis, ut nullius prorsus sit aestimationis [88]). In hac regione spero annuente divina gratia spero nobis non praevalituros; sed quod jam per complures annos gemimus (?) est, quod Londini a quodam mercatore prae-

divite Benjamin Udroff pro natione graeca in variis scientiis excolenda sit extructum collegium, conveni duos Graecos inde reduces, qui et Italiam viserant, reperique eos multa et magna hausisse venena; utinam nulla juventus ex hac regione eo mittatur, quod tamen est in fieri, et urgent quidam zelotae, spero exurget Deus dissipans!

Ecclesia nostra lapidea nunc ad intra perficitur initio dato a majori ara, quae praeter iconem Sanctissimae Triados tota ex gypso erit, habetque statuas s.P., et s. Ind. Apostoli, has enim addere petiit aedilis in grati animi signum, quod uxor ejus Itala ex partu vicina morti, attacta icone s P. eo ipso momento enixa sit, etiamnum incolumis cum prole. Est ecclesia nostra tam amoena, ut meliorem nec optare nobis possimus. Utinam et Deus ibi adderet copiosiorem et potentiorem communitatem catholicam, vix hic aliquid notabile fieri poterit (ordinarie loquendo), nisi huc adveniant hic victuri mercatores catholici; sed hoc Sattan omni modo impedit, itaque dignetur nobis assistere ss. sacrificiis.

P. collega meus humillime se commendat, libenter acquiescens voluntati superiorum quoad ulteriorem commorationem. Ego vero infinitis titulis obligatum me agnoscens sum servus perpetuus J. Franciscus Milan.

Reverendo patri in Christo.p. Joanni Miller, Societatis Jesu provinciae Boemiae praeposito provinciali.

XLV. 1707. 8. Martii. Moscuae. Literae p. Francisci Emiliani. Sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo Pater! P. Christi. Intra breve tempus binas suae Reverentiae scripseram, quibus insinuaveram, quae qualitates esse deberent illius, qui destinaretur ad succedendum patris Berula, item proposueram quandam considerationem, quae nobis invicem conferentibus occurrit, ob quam non videretur expedire hic pro nunc alia forma scholarum, quam de facto a nobis habeatur, sciet autem sua R-a Deo inspirante melius nobis judicare, quid expediat.

Scripsit nobis proxime p. Br. et fuse insinuat, quae velit impetrare et petere in favorem nostrae missionis, sed inaniter omnia et vere otiose, in favorem nostrae missionis si potest procurare aliquod subsidium pro fabrica, laudabimus eum, reliqua nec necessaria sunt nec expediunt, quidquid enim pro hoc loco effecturum se sperat, totum nititur tali favore, qui potius nobis futurus esset periculo, quam emolumento, sufficit, si haec missio quandoque in genericis terminis ab Augustissimo habeat quandam recommendationem ad Serenissimum nostrum, ut advertant et super nos fieri reflexionem, reliqua secundum temporis et loci exigentiam fient facile per partes; sunt enim aliae hic circumstantiae, quam foris ut advertimus referantur, quas chartae committere nequeo, sed p. Joannes foras veniens genuine repraesentare poterit, non enim veram ideam hujatis missionis effigiare potest p. Br., cui centesima pars non constat eorum, quae constare deberent. Caeterum, si p. Br. velit immortalizare nomen suum omissis iis, quae hanc missionem tangunt, omnes vires possibiles eo intendat, ut pateat per Sibiriam iter ad Chinas, et sunt de facto ejusmodi hic circumstantiae, ut non sine magno fundamento sperare possimus felicem petitionis exitum. Hoc unicum agat, et abunde actum erit, neque hoc ulli infert aut periculum aut praejudicium sicut aliae petitiones; si pro hoc Augustissimus interponat authoritatem suam, valde spero optatum successum.

Loquor autem de transitu per Sibiriam, quod signate exprimi debet, ne fiat sicut ante novennium, ubi promiserant liberum transitum ad Chinas, et cum advenissent patres Franciscani Itali, dixerunt, se intellexisse transitum per Persiam, non per Sibiriam. Et si concederetur (quod per s. Ind. Apostoli merita confido), nullum tempus negligendum esset; sed non hic mox monendi, ut explorato tempore itineris etc. suam Reverentiam genuine informaremus, hic enim omnia mutationibus sunt facile obnoxia, adeoque favoribus utendum quantocius. Consultum itero videretur, ut plures aliquantum mitterentur personae, inter quas si et me juberent esse superiores, iter illis faciliteretur. Sed de hoc fusius cum concessum audierimus, interim rogo, dignetur per aliquem

urgere patrem Br., ut reliquis omnibus omissis huic petitioni instet; sunt enim quoad hoc prorsus favorabiles hic circumstantiae, ita ut videatur aliquid singulariter disponere divina providentia.

Mitescente nunc aurâ rursus fabricae admovemus manum speramusque, nos festo ss. Trinitatis (quod etiam titulare est) habituros divina in novo templo, licet non omni ex parte perfecto. Si suae Reverentiae placet huc aliquas literas dirigere, poterit fieri quandocunque libuerit via postae, dummodo literae quartam partem phulyrae non excedant, illas enim literas dignetur sigillo saeculari clausas mittere p. Joanni Steiner, qui faciet inscriptionem et diriget sic, sicut ei scripsi.—Servus in Christo J. Franciscus Milan. Moscuae 8. Martii 1707.

XLVI. 1707. 19. Martii. Moscuae. Literae p. Francisci Emiliani ad provincialem suum in Bohemia. Originale.

Reverende in Christo Pater! P. Christi. Multiplicies jam scripsi suae Reverentiae, utinam omnes pervenissent, vix tamen possum dubitare, quin certo pervenerint saltem unae; insinuavi in illis, quae nobis hic expedirent et quae non, minus enim recte ex defectu notitiae nobis visus est informasse d. Brog. et super eadem materia etiam se dicit scripsisse collega meus jam sat pridem ad suam Reverentiam. Praesentibus audeo esse importunus suae Reverentiae proponendo humillime unam postulationem, quae an factibilis sit nescio, adeoque illam praecise propono, contentissimus futurus, quocunque responso me dignabitur. Summa rei haec est: Missio haec post Augustissimum vix ulli magis obligata est quam familiae Gordonianae, tacendo quae ipsis missionariis constanter exhibuit, selectam et utilissimam huic missioni procuravit bibliothecam et quidem sat numerosam, templum nunc lapideum maxima ex parte ipsa aedificavit providitque de ornatibus, plura pro possibili semper parata facere; sed maligno quorundam affectu, praesertim illius, in quo tantum spei ponit d. Brog. [89]), vehementer persecutionibus afflicta est et non levibus damnis per fas et nefas attrita, ita ut vere

compassione dignissimi sint, maxime autem compassione dignus nepos defuncti d. generalis Gordon, optimae educationis et talentorum, de quo optaretur, si possibile esset, ut susciperetur in alicujus convictus fundationem, scio quidem meo tempore a r. P. provinciali adjutum fuisse aliquem Buttler similiter Scotum, eo titulo quod illa familia fidele servitium exhibuerit Augustissimo c ntra Walstein et susceptus fuit in convictu Olomuceno, idem autem titulus praeter alios etiam in Gordoniana familia reperitur, quia autem difficultas temporum forte interim foris mutarit circumstantias, nescio quid spei haberi possit; si tamen aliquid esset factibile in hoc negotio a sua Reverentia, humillime et impensissime rogo, dignetur eum quem possibile fuerit exhibuere favorem. Commendans me paterno affectui. I. Franciscus Milan. Moscuae 19. Martii 1707.

XLVII. 1707. 23. Mart. Brunae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum Vetero-Pragae, Ioannem Miller. Originale

Quoniam ipsum Moscoviae Czarum una cum filio haerede in Russia Rubra conveni, atque iisdem rationes expeditorum ab Augustissimo nostro detuli, tum tanto celerius cum iterata expeditione ad Augustissimum caesarem redeo, moturus hinc propediem Viennam. Quaerit bonus Czar operose ingredi in magnam illam confoederatorum allianzam, timens ab omnibus aliis deseri, quo successu?—patebit. 80 millia parati militis moscovitici ipse per Poloniam spectavi, qui nemine resistente comedunt bona terrae et regno afflictissimo dominantur. Serenissimus czarus imperatori nostro addictissimus est, unde quae hic et nunc expedio, semper feliciter. Dolendum, quod quidam respectus ultimatae felicitati (quod patenter praevideo) sint posituri obicem [90]).

Quoad res religionis Serenissimum czarum in optimo statu et firmo reperi, neque destiti hac vice agere, ut praefatus Serenissimus Romam mox ablegatum Moscum expediret. Quod et me praesente fecit, jussitque principem Courrakin se itineri intra hebdomadam accingere confectisque optimi

tenoris ad Sanctissimum literis expeditus princeps, me actu praecedit Venetias, ibidem aliquo tempore moraturus, quem operose rogatus sum subsequi et mea pariter Romae peragere [91]).

Invitat Czarus resoluto animo plures P. missionarios in Moscuam, ubi beneficio Moscorum materialia abundanter subministrantium, templum Patres nostri elegans perfecerunt. Negotium ampliandae ibidem fundationis utraque nunciatura tum Polonica tum Viennensis in se suscipiunt creduntque certo: Sanctissimum bonis mediis hanc coeptam missionem amplius radicaturum. Det divina bonitas, ut in tanto Moscorum imperio christianitas imposterum sine schismate fulgeat.

Si quid r-do P. provinciali occurrerit intimandum, dignetur Viennam literas dirigere et consilia paterna humiliter praestolabor, qui me interim paternae gratiae demississime commendans maneo r. P. provincialis humillimus in Christo servus et filius Elias Broggio. Brunae. 23. Mart. 1707.

XLVIII. 1707. 25. Mart. st. vet. Moscuae. Literae Ioan. Berula sine inscriptione. Originale.

Reverende in Christo Pater! Pro litteris ad me per p. Pollak missis, et annutu redeundi paulopost in Provinciam, humillimas refero gratias. Expectabo libenter successorem, qui ubi advenerit et aliquam rerum hujatium notitiam imbiberit, ego commodam occasionem quaeram redeundi in Provinciam. Templo jam prope perfecto et schola semper magis deficiente mea hic praesentia non est necessaria; multae vero causae redeundi ad Fratres. Quod tam mea quam aliae scholae hic deficiant, causa est militia, ad quam discipuli e schola rapiuntur voluntate principis, nullo familiarum aut literarum discrimine; hinc nullum est Ruthenis motivum studendi, potius in pagis delitescentium, quam in scholis sese manifestantium. Si difficultas est, quoad viaticum successoris, offero in subsidium 100 et ultra florenos, qui apud p. Pollak servantur, ad nos spectantes.

Studet Vratislaviae rhetoricae juvenis quidam nobilis Gabriel Bukowen dictus, cujus ego hic aliquot annis curam habui et non ita pridem Vratislaviam ad studia misi. Hunc. Societatis candidatum, etiam atque etiam Reverentiae vestrae commendo utpote juvenem vitae, hic innocenter actae. talentorum mediocrium. quae tamen intelligo ab illo Vratislaviae bene exculta esse; prudens praeprimis est. et fervens in religione, futurus cum gratia Dei praeclarus suo tempore operarius, et forte in Moscovia missionarius. Commendo me sanctissimis Reverentiae vestrae sacrificiis et manco R. v. servus in Christo Joannes Berula. Moscuae. 25. Martii st. vet. 1707.

XLIX. 1707. 6 Aprilis. Viennae. Literae p. Eliae Broggio S. J. ad provincialem suum. Originale.

Reverende in Christo pater provincialis. Multum ac sincero doleo, suam r-dam P-tem circa ea, quae aura Polona et Lithvaniae perperam contra me detulit. anxie affligi; si tamen sua Reverentia oppositum de me benevole sibi persuadere dignatur, recte judicat sua r-da Paternitas.

Cracoviae hactenus fui quinquies, semperque recta in collegio s. Petri diverti, in domo simpliciter nulla ibidem fui, nec prandii nec visitae gratia; solum stimulantibus nostris aliquot templa, idque semper matutino plerumque, subintravi. Notorum ibidem habeo neminem tam ex nobilibus quam ex civibus, si quis me vero aliunde nosse didicit, extra culpam est. Ratio gerendi talis vestitus per Poloniam a Moscis undique repletam est eadem, quae mutatio vestis patrum nostrorum in Moscovia; caeterum quaeratur ex pp. Cracoviensibus, utrum ante quadrantem anni non comparuerim in vestitu meae religionis Cracoviae, quando videlicet urbs carebat Moscis. Boni Poloni! cum et Augustissimo nostro et serenissimo Czaro sint infensissimi, quidem et eorum displiceat missionarius etc.

Dicor per Poloniam incredibilia jactare, forte vitium est climatis, expertus omnino sum, quod quidquid bonis patribus

pro solatio de favore Czari erga religionem catholicam refero, nullatenus sibi persvadere volunt; si enim, inquiunt, sincere Czarus Catholicis afficeretur, cur hoc catholicum regnum ita exsugit etc.. non considerantes, quid belli exigat necessitas!

Quod incedam tantum, saecularibus intricatus negotiis, est judicium ignorantis ea, quae tracto. Accludo suae Paternitati copiam mihi ex Imperii cancellaria transmissam epistolae, quam nuper ab Augustissimo nostro ad Czarum detuli [92]), ex qua patet, quid negotium tractaverim; praeterea, quae cum summo Pontifice partim tractantur, partim tractanda sunt, quorum instrumenta heri exhibui r. p. Grünstiler, cum adhuc penes me sint. Nunquam proinde ultrocitroque haec summe ardua et periculis plenissima confeci itinera hactenus, quin a Czaro ad Augustissimum et vicissim fundatas deferrem epistolas, prouti et actu a Czaro amicabilem defero, sed copia ejus nondum habetur, quia crastino die primum Augustissimo nostro eam offeram. Si quid mihi (uti omnino fit) ab utroque hoc monarcha oretenus expediendum defertur, facio id cautissime et pure per modum denunciationis.

Solvitur pariter Lithvanis scrupulus de spebus Moscoviticis; spes moraliter certas esse, probant decreta sigillo et subscriptione firmata, quae Augustissimus noster in manibus habet; certissima ablegatio non tantum mea, sed Mosci principis, de quo nuper Romam ad summum Pontificem, qui actu praecedit, commissio praeterea, ut petatur nuncius apostolicus etc., quod si forte perversi animi Lithvanorum sibi persvadent. Serenissimum Czarum haec ad oculum et ficte tantum agere, idque aliquando eveniret, tantum inde dedecoris mihi et Societati metuo, quantum homini decepto a quodam (ex gratia) fide dignissimo viro ac proinde laboris exantlati nunquam pudebit, ut non puduit p. Possevinum. Oppaviensibus de prandio illic sumto somniantibus pariter compatior; relicta enim uno fere milliari a sinistris Oppavià, transii; urbem non nisi in perspectiva videns, hoc enim vice coactus sum per pagos et oppida solum iter agere ex eo, quod in caesarearum patentium mihi ubique per terras caesareas vulgo Vorspann data sint ad iter accelerandum, quod ut

certum constat tribus famulis meis, ut vitae testibus, iter mecum agentibus. Haec breviter.

Caeterum optarem, ut Polonia pariter proderet suae r-dae Paternitati ea, quae ago pariter pro aedificatione et illorum bono; quandocunque enim res permittit, tum meis sumtibus accipio socium ex collegiis illorum. Ita recenter Cracovià accepi p. Chizeizki, mendicum domus professae ad 40 milliaria usque Leopolim non vulgaribus expensis; ita nuper r. p. rectorem Petrikoviensem ad triginta aliquot milliaria, ita Calissio Varsaviam usque magistrum syntaxeos etc. omnes et peregrinationis et passivae liberalitatis amantissimos. Non memoro gratias, bonorum libertationes, per me et vestitum meum procuratas a Moscis, ubi illi ne aditum quidem ad Moscorum principes et generales habebant. Aber genug.

Pro clausula: Quod si hoc vitae genus, quod nunc ago, non creditur arduum, optarem onus hoc in cujuscunque humeros transferri; sua r-da Paternitas autem id sibi de me omnino persvadere dignetur, quoad unicum obedientiae apicem me quocunque momento, relictis cum s. Petro etiam apostolicis retibus summa cum promptitudine revocabilem in Provinciam experietur; cupio enim esse semper in manibus superiorum, ut qui hoc modernum missionis genus non petii, sed pure oblatum suscepi, ita ab eodem nunquam sponte recedere, sed solum juxta arbitrium superiorum revocari sum paratissimus. Postremo denique sua r-da Paternitas nolit quidquam submetuere de mea vivendi ratione, ex gratia divina enim tam attente versor inter saeculares, ut semper conscia mens recti vulgi mendacia spernat. In quo ut optimus Deus me ex sua misericordia conservet. Sanctissimam memoriam humillime flagito, meque paternae gratiae demississime commendo r-di P. provincialis indignus in Christo filius et servus Elias Broggio. Viennae 6. Aprilis 1707.

L. 1707. 16. Apr. (Nova haec ipse El. Broggio manu sua scripsit). Viennae. 16. April.

Heri p. Elias Broggio habuit audientiam apud Augustissimum. Attulit. 4 resolutiones a Czaro: 1-a est, quod Czarus

affectet amicitiam caesaream et petat aliquem ablegatum; 2-a quod Czarus petat inire foedus cum Caesare et aliis ejus confoederatis, in quo casu vult suppeditare exercitum suum; 3-a quod cum amore et gratitudine suscipiet, si Imperatrix vidua miserit insignia ordinis crucigerarum pro sua Czari et fratris filiabus; 4-a quod petat nuntium apostolicum, in quem finem praemisit ad summum Pontificem principem Kurakin secuturo p. Broggio.

Nihil autem de facto cogitatur de unione schismaticorum, sed de compluribus aliis favoribus rei catholicae.

Hodie Provincia haec in domo professa solenniter parentavit eminentissimo cardinali Kollonitsch. Dictio funebris erat germanica, quam, nisi minus magna esset, committerem postae.

LI. 1707. 23. April. Viennae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum. Originale.

Per felix et gloriosum phasel Absoluta nuper apud Augustissimum nostrum audientia vinculis aulicis interea expeditus ultimo festorum paschalium die hinc excedere, atque passportis tum ab Augustissimo, tum nunciatura hujate bene provisus ad Urbem properare meditor. Si sua r-da Paternitas cum pp. Provinciae consultoribus nihil in contrarium (uti aliquando nihil habuisse scio) etiamnum habere creditur, salva sunt omnia; nam scriptum est Româ hujati ill-mo d-o residenti Moscovitico nuperrime: quidnam causae sit, quod p. missionarius Moscoviae (quem Romam venturum jam summus Pontifex intellexerat) non adveniat? Ibo proinde factaque adaequata et vera relatione moderni status Moscovitici simul proponam desideria Csari apostolicum nuncium desiderantis, non in hunc finem, ut immediate fiat unio ecclesiae illius schismaticae (nunc enim certis de causis periculosum est), sed ut per nuntium apostolicum fiat interea dispositiva captura piscium. Exercitium Romanae fidei internis illis interim dilatetur in complures, quam unam missionem pluresque exstruantur ecclesiae etc. porrigamque originale instrumentum

sigillo et subscriptione munitum summo Pontifici. Praecessit, ut nuper perscripsi, et publicis novis insertum fuit, princeps Moscus Romam per modum legati, sed quia Mosci conscii. quod Romanum Pontificem aliquoties deceperint, metuunt, ne Mosco huic legato parva adhibeatur fides, optant unice. ut superveniens exponam solum ista. quae oculis vidi et auribus a Csaro ejusque proceribus (quibuscum mihi quasi continua in 4-tum annum vita) excepi et accepi. Quidquid sua Sanctitas desuper resolverit, communicabo omnia in particulari suae r-dae Paternitati ex Urbe.

Quod concernit Augustissimum nostrum, nihil hic et nunc sinistri illum inter et Csarum accidit hoc solum, quod in modernis circumstantiis quibusdam petitis per me expositis adaequate annuere Imperator non possit, quamvis libens vellet. donec forte brevi ruptură quadam per Svecum factă omnino in unam eandemque sententiam ab utroque hoc monarcha concedatur etc.

Excell. d. comes Heister senior cogitat abire ad exercitum moscoviticum (quia impense a Csaro desideratur pro primo ductore campi totius, ut primus simpliciter post Csarum imperet). Agitur hoc negotium in silentio hic Viennae per residentem Moscoviae, difficultas vero adhuc in eo, ut ei Augustissimus noster det licentiam. Dominus hic Societati nostrae affectissimus saepius me hic Viennae invisit et informationes petit, optatque integre me apud se pro hoc biennio, quo ille solum apud Moscos servire intendit. Potest ergo contingere, ut tandem Augustissimus consentiat in abitum ejus, dignetur igitur r. P. provincialis P-tri Grünstec recommendare, ut is cum hoc domino agat, ut nostrum infallibiliter secum accipiat: quia vero ego tam cito non possem, posset interim aliquis ex Provincia, sed insignis vir, utraquista[93]), ei assignari, qui, me Romă revertente in Moscuam dein abire et patrem Berula liberare posset, si ita placet suae r-d. Paternitati infor... quod mihi pergratum accideret Quae omnia ut quam felicissime pro gloria Dei, salute mea et proximorum eveniant, me humillime in omnia sancta recommendans, maneo r-di Patris provincialis indignus in Christo filius et servus Elias Broggio. Viennae. 23. April. 1707.

LII. 1707. 12. Iunii. Romae. Literae p. Eliae Broggio S. J. ad Provincialem suum. Originale.

Reverende in Christo P. provincialis. Undecima hujus urbem Romanam feliciter attigi, salvis et viae comitibus duobus et equis Moscoviticis quatuor. Admodum r-dum Patrem nostrum, licet benignissimum in primo accessu expertus sim, aliquod tamen eidem suboriri dubium observavi, an videlicet hoc iter cum scitu Augustissimi nostri susceperim? Sed solvit scrupulum ex integro insigne diploma protectorium augustissimi Caesaris, quod mihi pro itinere Romano expresse Viennae subscripserat et sigillo firmaverat, insuper cum privilegio accipiendi equos et naves ab exercitu nostro, si eum contigerit transire, sumptibus ejusdem exercitus caesarei etc. Caeterum quod negotia pure spiritualia tractem, creditur abunde ex visis copiis literarum serenissimi Csari ad Caesarem et vicissim, quae admodum r-do Patri nostro abundantem praestant satisfactionem, cum quo jubeor die crastina caetera conferre, quae apud summum Pontificem agenda sunt et deferenda tam scripto quam viva voce, in quem finem hodie fusius contuli cum legato moscovitico hic loci praesente. Spero proinde felicissimum omnium negotiorum finem. Non omittam tamen, quod sequentibus diebus acturus sum, suae r-dae Paternitati singulis postis communicare, maxime ubi primo primam audientiam apud Sanctissimum nostrum absolvero, acturus in omnibus (quod fideliter assecuro) cum omni cautela et circumspectione. Commendo me in sanctissimam memoriam et pretiosum paternum favorem manecque r-di P. provincialis humillimus in Christo servus et filius Elias Broggio. Romae 12. Iunii 1707.

LIII. 1707. 18. Iunii. Romae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad Provincialem suum. Originale.

Reverende in Christo pater provincialis. Absoluta die hesterno audientia apud summum Pontificem cum inexplicabili solatio excepit ea, quae eidem per integram horam et

recensui et scripto porrexi. Resolvit omnino nuncium apostolicum sua Sanctitas cum summo splendore mittendum ad Magnum Ducem Moscoviae. unam tamen adhuc expectat epistolam ex aula serenissimi Csari. priusquam haec legatio executioni mandetur. Quare uterque scripsimus ad Csarum, et princeps Moscus hic praesens et ego; operamusque desiderio summi Pontificis brevi satisfaciendum. Ternis vicibus mihi sua Sanctitas proprie inculcabat, ne Româ recederem prius. quam adhuc aliquot vicibus se accederem. Ego tamen libenter ante caniculares iter resumerem in partes nostras, quia multum in hac flamma Italica exercucior, quid primo in Augusto fieret meae siccae animae? Experior certe. ut cum poëta illo dicam, melius esse mihi scythicas pati pruinas, quam culices pati rotundos. Cum admodum reverendo Patre nostro contuli saepius et conferam; unum est, quod suae r-dae Paternitati insinuo: dictum videlicet nostri admodum reverendi Patris generalis. Bonum, inquiebat. esset, si Provincia Boëmica ad interim duas saltem personas aleret in Moscovia, ut cito publicum illud et nobis a serenissimo Csaro concessum gymnasium Moscuae impleri posset scholarum professoribus. quia et arbitrio summi Pontificis et aliorum cardinalium nihil praestantius concedi potuit, quam facultas illa scholarum publicarum; poterit enim cum tempore de aliis stabilibus provideri fundationibus. Si proinde hoc arbitrium admodum reverendi Patris nostri Provinciae nostrae placeret, quam opportunum foret pro modernis temporibus; agitur de 400-tis florenis, etiam minus singulis annis in Moscoviam mittendis, atque adeo mox ingruente autumno duo aut tres Patres Moscuam mitti possent.

Roma haeret attonita ob adventum Germanorum, adest enim hic ipse generalis Daun et aliquae copiae caesareae. Sua Sanctitas tamen (ut ex ore ejus habeo) haec omnia magnanimiter accipit. P. Wetzker necdum adest, licet omni hora expectetur. Commendo me suae r-dae Paternitati cum salute reverendissima paene a tota domo professa maneoque r-di P. provincialis humillimus in Christo servus et filius Elias Broggio. Romae 18. Iunii 1707.

LIV. 1707. 8. Iulii. Romae. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad Provincialem suum Pragae, Ioannem Miller. Originale.

Reverende in Christo P. provincialis. Post dici crastinae ultimatam, ut spero, audientiam apud Sanctissimum iter resumam in Provinciam et demum ulterius Romà 11 Iulii, remansuro hic loci principe Mosco adhuc per trimestre circiter; redux suam r-dam Paternitatem omnino conveniam, explanaturus, quidquid hic de spebus et rebus actum est.

Interim humillime rogo, ut r. P. provincialis ratum hac vice habere dignetur, quod videlicet acceperim a r. P. procuratore assistentiae germanae mutuos 100 imperiales currentes, non enim praevidi tantas expensas, ut plus pecuniarum mecum accepissem, ad exsolvendos hos transmissa scheda obligatoria filii Viennam Perill. duo Göttersdorfer (cujus filius mecum et Romam abiit et redit) jussi hac postâ mox Viennae nostro P. procuratori aulico deponi 50 florenos, ego vero redux 100 residuos deponam sine mora, ut primum venero. Spero quod r. P. provincialis paterne interpretabitur hanc meam praesumtionem petendi videlicet pro mea indigentia ejusmodi pecuniam ex cassa Provinciae Bohemiae, pro qua gratia indignissimus licet reserviam.

Memoria suae r-dae Paternitatis est hic in benedictione, quam cum longius officium continuaturam hic inaudio. una et reverenter gaudeo et me paternae sanctae memoriae submississime commendo maneoque r. P. provincialis humillimus in Christo servus et filius Elias Broggio. Romae 8. Iulii 1707.

LV. 1707. 10. Aug. Tridenti. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad suum provincialem Pragae, p. Ioannem Miller. Originale.

Reverende in Christo P. provincialis. Ultimas ad suam r. Paternitatem scripseram Romà et dein Mediolano, quo diverteram ex obtenta facultate ab admodum reverendo Patre nostro. Abii Romà cum plenissima benedictione summi Pontificis, etiam donis affectus, cum quo in bina audientia solito prolixius conferebam. Approbabat omnia cum gaudio, estque

pollicitus, se omnino missurum nuncium et praelatum quendam ad Csarum, modo adhuc certum quoddam diploma a Csaro praevie procuretur. Ego coepi jam Romae per literas ad Csarum datas hoc negotium agere et ut tanto citius et efficacius ageretur, abii cum consensu summi Pontificis Româ relicto ibidem Mosco principe, ut sim Moscis vicinior. Nunc autem haereo Tridenti alterationibus febrilibus incommodatus. quas ex ingentibus aestibus aliisque incommodis ortas suspicor, unde spiritus omnino promptus est, sed corpus sentio omnino notabilem in valetudine pati defectum; quod si continuaverit, probabiliter supplex fiam suae r. Paternitati, ut reduci mihi locellum quempiam in Provincia favere dignetur, quo tantisper quiescere et meam valetudinem possim restaurare; interim non desinam per literas agere illa, quae agenda sunt. ut omni ex parte satisfiat. Prouti fusius. ubi occasionem nactus fuero suam r-dam Paternitatem conveniendi, qui me totum quantum in paternam gratiam recommendans maneo r-di Patris provincialis humilis in Christo servus et filius indignus Elias Broggio. Tridenti 10. Augusti 1707.

LVI. 1707. 28. Novemb. Tuchomericii. Literae p. Eliae Broggio S. I. ad provincialem suum Ioannem Miller. Originale.

Reverende in Christo Pater provincialis. Post illas, quas dedi Dresdae mense Octobri [94]) ad r. P. provincialem, non sunt secutae aliae, cum nescirem. an antiqua persisteret. an vero nova facies renovatae jam foret Provinciae, malui itaque iter huc ipsemet resumere. Intentio fuit et etiamnum firma persistit excellentissimi d. campiducis Saxoniae et simul primi regii ministri de Ogilvy me in aula Saxonica, rege ad id inclinante, et praefato Excellentissimo impensas offerente, simpliciter retinere; cum enim ad Moscum nunc regredi consultum non sit, aut saltem periculosum ex eo, quod Czarus multos disgustus foveat contra Imperatorem nostrum ob non servata quaedam, quae ille speravit vi promissorum certo eventura, suspendendum tantisper judicatur

negotium missionis, donec res suo tempore pacifice componantur. Scribo eapropter Romam ad eminentissimum cardinalem Paulluci, secretarium suae Sanctitatis, uti et ad adm. r. P. nostrum ea, quae Sanctissimus tum de rege Augusto, tum rebus Moscoviticis scire desideravit [95]). Ego vero relictâ Dresdae spe mei reditus in aulam Saxonicam, causatus sum necessitatem quandam tantisper redeundi in Provinciam. Redii autem, ut adhuc cum r. P. provinciali quandam difficultatem humiliter et pacifice componerem, impensissime tamen rogans, ut, qui in hanc usque horam summopere cavebam r. P. provincialem vel minima desolatione afficere, ex moderno, quod proponam negotio, quoque sua Paternitas animum potius paterne compassivum mearum angustiarum, quam adversus me commotum assumere dignetur; non enim res est ejusmodi, quae non indulto quodam spatio temporis tandem optime citra ullius praejudicium componi possit, praesertim, si modica quaedam auxiliatrix manus superiorum meorum accedat.

Ut ergo candidissime me cum omni humilitate et confidentia suae Reverentiae expectarem, aliud, quod me improbe cruciat, non est, quam quaedam angustiae pecuniariae, in quas fere nolens e circumstantiis missionis meae incidi, dumque paene despero, ut illi 600 aurei mihi ab Augustissimo nostro liquidissime assignati per vicecancellarium Imperii, a praeside camerae evincantur, neque speratum illud gambium Romae tum pro me, tum pro Moseo principe utroque frustrato advenerit [96]); passus interea grandes et accidentales impensas factas a me tum in pueruin servum meum Roma reducem, et 4 septimanas per viam lettaliter aegrotantem, meraque aquâ perlarum aliisque rebus pretiosis sustentatum; illum videlicet ipsum, quem collegio Kuttnensi nuper revalescentem donavi etc. Factum exhinc, ut P. procuratori Provinciae sim debitor 200 florenorum. Assignavi quidem eidem P. procuratori, ut sibi satisfaciat interim ex illis 305 florenis ipsi, ut spero, jam depositis, qui tamen spectant Mediolanum pro quodam holoserico a me ad desiderium r. P. rectoris Znoymensis et Kuttnensis allato; quia tamen hoc modo unum foramen clauditur, alterum aperitur, remanet

difficultas et angustia apud me integra; cum tamen unice optarem, ut amore famae, nemine conscio res in silentio quam optime componeretur. Potuissem absque dubio ista nullo negotio exsolvere, si apud saeculares pecunias conquirere vellem, quia vero id unice hactenus ob integram Societatis famam observare studui, ne ab ullo ut pecuniis inhians culpari possem, malui una in Deum fiducia fretus et superiores meos, in meliores spes animum convertere. His ergo praemissis multum iterum iterumque rogo, dignetur r. P. provincialis unicum verbum interponere, ut r. P. procurator Provinciae adjiciat animum (modo id fieri possit tum absque suae r-dae Paternitatis, tum illius disgustu) hic et nunc pecuniam illam Mediolanensem intactam relinquere et cum suo mutuo adhuc patientiam habere. Si enim sua Reverentia consentire et judicare dignabitur, ut secundum desiderium ingens aulae Saxonicae me eo conferam, non erit difficultas solvendi P. procuratori Provinciae, cum Dresdae jam bonum emptorem equorum meorum et currus pro meo reditu nactus sim, possimque e salario meo id facile colligere et una cum foenore debitum exsolvere. Sed multo feliciorem me dicerem, quod hic sancte confiteor, si jam in Provincia remanens post tot defatigationes eidem servire possem. Intentio enim est excellentissimi praefati campiducis Saxoniae uti et nonnullorum aliorum, cum P. Vota fere in proximo sit vitae periculo, me in locum illius regi Augusto subtrudere, pro quo prorsus nullum haberem animum. Nihilominus dependere volo totus a paterna dispositione r-di P. provincialis, qui studio huc redii, ut id exciperem, quod suae R-dae libuerit determinare. Moror proinde hic Tuchomericii neque prius praesumpturus accedere r. P. provincialem, quam merear unica lineola intelligere, r. P. provincialem propter angustias meas pecuniarias disgustus convertisse in compassionem et clementem animum mihi quali consilio succurrendi, ut ita salvo nomine bono, in silentio totum componatur.

Quod si me demum Dresdam redire contingeret, obtulit reduci r. P. superior Grupnensis stationem 8 dierum, quibus sacrae ascesi vacarem, neque prius, quam hac finita

redirem ad Saxones, unde praestolabor paternum responsum uti et occasionem colloquendi, qui me gratiae paternae humiliter recommendans maneo r-di P. provincialis indignus servus et filius in Christo Elias Broggio. Tuchomericii 28. Novemb. 1707.

LVII. Brevis relatio de missione in Moscua.

Post abitum Patrum nostrae Societatis Moscuâ [97]) diversae fuerunt sparsae literae quasi ab illis scriptae, sunt autem adhuc viva testimonia, quod paulo ante nostrum adventum interpres curiae legatorum nomine Hübner Lutheranus per triduum agonizans non potuerit emori, donec coram suo praedicante et aliis revocasset infamiam factam Patribus et fassus fuisset, se fuisse confictorem literarum [98]). Vocavit deinde d. Dovmont, residens Poloniae, occulte e Lithvania patrem Terpilowsky Societatis, qui aliquamdiu delituit Catholicis inserviens; sed deprehensus tandem a Ruthenis inter trusiones et verbera trahis injectus fuit et iterum avectus Cadinium ad limites Lithvaniae incassum contra protestante et jura legatorum allegante domino Dovmont [99]). Plus anno Catholici caruerunt omni sacerdote, intra quod tempus 12 personae perversae fuerunt partim ad Lutheri, partim Calvini haereses, partim ad schisma. Adveniens tandem internuntius caesareus dominus Kurtz secum adduxit r. p. Koblitz Dominicanum, qui fere duobus annis communitati inserviit, usque dum submitterentur anno 1692 admodum r. d. decanus Kunstadiensis Franciscus Löffler cum altero parocho admodum reverendo d. Paulo Jarosch, qui usque in sextum annum inservierunt Catholicis magno cum virtutis exemplo, cumque eorum tempus missionis expirasset, nos successimus [100]).

Anno 1698.

Cum domino legato caesareo, domino Gvarient, intravimus Moscoviam et ipsa die s. Petri martyris tenuimus Moscuam una cum Italo sacerdote, parocho s. Martini Veronae, qui submissus fuit a republica Veneta ad obsequium spirituale Italorum, qui naves fabricabant Varonischij.

Octava Maii missionem inchoavimus, postquam pridie professionem emisisset p. Berula. Formatum et capax e ligno templum erexit praefatus dominus legatus et cum vix reperissemus 60 Catholicos, brevi accurrente ex Italia, Hollandia et Germania populo praesertim nautico, numeravimus plures 400-tis. Hoc anno gloriosa morte obiit quidam diaconus ruthenus nomine Petrus. ecclesiae quondam unitus a p. m. patre Tichawsky. hic enim. postquam in publica synodo coram patriarcha Adriano omnes fecisset obmutescere, qui obstrepebant Sedi Romanae, missus fuit in carcerem, flagellatus, fame cruciatus, ac tandem detrusus in ergastulum subterraneum, constantissimus in fide catholica brevi expiravit. Accesserunt ex haeresi sanctae ecclesiae personae tres, Unitus fuit ecclesiae unus, item unus reunitus.

Haeretici, qui aliquo rumore intellexerunt, nos esse de Societate, omnes machinas adhibuerunt, ut nos vel amoverent, vel nobis infamiam aliquam aspergerent, maxime dominus generalis Lefort per literas nomine Jesuitarum confictas etc. Sed dominus legatus caesareus elusit omnia, similiter et nos protexit contra quosdam scandalosae vitae Catholicos, qui omnem correctionem odio habentes non modicam persecutionem concitarunt; item contra quosdam religiosos de Propaganda, qui ex oriente reduces hic transibant et mirabilia moliebantur.

Hoc anno etiam fuit fatalis seditio Strelitziorum, qui conspiraverant in excidium omnium exterorum, sed sabbatho ante festa s. Spiritus devicti sunt.

Ope aquae benedictae plura maleficia dissipata. In quadragesima conciones per modum meditationum habitae, propositis quavis Dominicà in altari figuris passionis Domini. Processio theophorica, adnitentibus dominis legatis caesareo et polonico, quam fieri potuit, solennissime celebrata. Confirmationis sacramentum collatum pluribus a domino archiepiscopo Aneyrano, domino de Palma, per has partes transeunte in Persiam, assistentibus ei sex sacerdotibus.

Solenniter confusus praedicans lutheranus, qui honori sanctissimae Matris Dei indesinenter solebat detrahere, et brevi post contractis calidis febribus in delirio deglutire

incepit horologium manuale argenteum, quod dum arreptâ catenula domestici supervenientes extrahunt foede laceratâ lingua et faucibus expiravit. Nomen praedicantis erat Schratter.

Donata missioni bibliotheca 300 fere rhenensibus aestimata a domino generali Gordon.

Baptizati 12. extremum uncti 4. sepulti 7. Sacrae particulae distributae 900. Matrimonio juncti 6.

Anno 1699.

Dominus generalis Le Fort, postquam ruthenis magnatibus ridiculam in contemptum cleri romani comoediam plausibiliter exhibuisset, brevi post e calidis febribus decubuit et octavo post habitam comoediam die, qui erat canonizationis sanctorum Ignatii et Xaverii, extinctus fuit.

Plures Rutheni magnates petierant, filios suos instrui in lingua latina, adeoque inceptae sunt scholae et in dies magis accrescebat numerus discipulorum; pro schola e ligno extruenda sumptus dedit d. legatus caesareus. Singulis diebus Veneris fiebat studiosis exhortatiuncula de gravitate et poenis peccati etc. Inceptus item in templo catechismus. Festis Nativitatis Christi, Epiphaniae etc. figuris ad vivam statuam depictis repraesentata fuerunt mysteria cum magno accursu Ruthenorum etc. Inceptae item separatis dictionibus explicavi pro captu vulgi controversiae de invocatione et honoratione Sanctorum, praesertim sanctissimae Deiparae. Ab haeresi ecclesiae accesserunt 2. Mortuo ex apoplexia sacerdote Italo in Varonisch penes Tanaim eo excursum est per centum duodecim milliaria germanica, ut Itali possent peragere devotionem paschalem. Perruptis impedimentis ibidem baptizatus aeger filiolus Hollandi anabaptistae, qui et brevi post baptismum obiit. Universim baptizati 9, extreme uncti 6; sepulti 6; sacrae particulae distributae 750, matrimonio juncti 3.

Anno 1700.

Hoc anno scholae sumpserunt magnum incrementum, ita ut tota fere major nobilitas in scholis nostris esset; singulis hebdomadis illis facta exhortatiuncula de proba vita chri-

stiani. Producta parvula dramata cum magno accursu. Mortuus ex lethargo patriarcha Adrianus mense Novembri, cui alius successor usque hodie necdum electus est. Excursum per ducenta septuaginta octo milliaria germanica ad paludem Maeotidem Azakum sive Azovium propter Hollandos et Italos catholicos. habitae ad illos dictiones, et per modum catechismi instructio privata pro marinaris, exortâ ibi mense Augusto lue pestifera, qua sublata fuerunt fere decem millia hominum, administrata sacramenta pestiferis in quartum mensem.

Actum cum Turcarum et Tartarorum mercatorum mancipiis captivis aliquot Crimensibus, qui erant ex Austria abducti tempori obsidionis Viennensis, unus ex illa captivitate profugus commendatus Italis in patriam redeuntibus. Actum item cum Kalmukis, quorum 36 millia sub Chano Mongo Temir stabant penes paludem Maeotidem, quorum aliqui liberati tempellum nostrum inviserunt et intellectis per interpretem sacrae fidei mysteriis, ea dilaudabant dicentes, se similia intellexisse in Kuthay sive China, dumque invitarentur ad baptizmum, reposuerunt, se non esse natos a Christianis, non spectare ad Christianos, sed ad Magnum Lamam, qui est in Barontala.

Item occasione itineris actum cum Morduatibus idololatris, qui populus videretur aptus regno Dei propter simplicem et sat bonam vitam, nisi impedirent, qui illis imperant.

Genti nauticae singulariter inculcatus actus contritionis. Apparuit divina vindicta in nauta, qui asvetus lusui et blasphemiis in actuali blasphemia totus nigrescens mortuus concidit; item in altero, qui quantumcunque monitus suis nolebat se spoliare deliciis etiam in flagranti contagione, inter horrendos enim et terrificos motus desperabundo similis obiit, priusquam sacerdos vocari posset. Vicissim gratiam suam exhibuit Mater misericordiae alteri nautae, cujus ipsum pectus insederat pestifer carbunculus, quod alias alios mox conficiebat, mori enim quasi prius non potuit, donec licet post longam moram et cum difficili remigrantium labore per tempestuosam paludem advectus fuisset sacerdos ad eum locum, et mox accepta absolutione cum svavi visu expiravit.

Baptizatus parvulus Kalmukus imposito illi nomine sanctorum Josephi et Michaelis. Ab haeresi ecclesiae accesserunt tres, a mohametismo reductus renegatus unus. Unitus ecclesiae unus. Universim baptizati 15. Extremum uncti 9. Sepulti circiter 40. Matrimonio juncti 4. Sacrae particulae distributae circiter mille.

Anno 1701.

Continuatae hoc anno scholae cum majori accursu nobilitatis, aliquot cubicula lignea aedificata pro convictoribus, exhibita paululum solenniora dramata cum maximo Ruthenorum accursu. Singulis hebdomadis factae studiosis exhortatiunculae. In templo praeter conciones ordinarias separatis dictionibus explicatum pro captu populi, quod est de sumptione sanctissimi sacramenti sub una specie, et refutata argumenta, quae a quodam praedicante fuerant jactata velut insolubilia. Accurrerunt ad dictiones etiam ipsi heterodoxi, et praedicantes ab eo tempore Moscuae servant altum silentium. Ab haeresi ecclesiae accessit unus et a mahometismo renegatus unus.

Rutheni etiam hoc anno inchoarunt scholas, fundatâ (ut vocant) universitate Petro-Alexieviciana, pro columine studiorum vocatus fuit Kioviâ aliquis monachus Jaworsky cum aliis monachis ipseque declaratus vice-patriarcha et factus metropolita Rhezanensis et Muromiensis, estque origine Polonus. Studia absolvit apud nostros Vilnae, ubi etiam fuit rector Congregationis b. Virginis, sed cum transiisset ad schismaticos, nomen ejus in Congregatione fuit exustum, uti nobis retulit illustrissimus dominus Potocky. Licet autem inchoarentur illae scholae, permansit tamen apud nos constanter nobilitas.

Inceptus etiam fuit ab illis convictus eorum, qui promovendi essent ad sacerdotium; sed post paucos menses taedio haud dubie laboris victi desierunt. Inceperunt item comoedias, pro quarum qualibet pendebantur illis fere duo millia imperialium, quia autem nil speciale prodibat, hi sumptus impensi fuerunt brevi post in comoediantes saeculares Hamburgo advocatos [101]).

Baptizati hoc anno 8; extreme uncti 5; sepulti 5; matrimonio juncti 2. Sacrae particulae distributae 770.

Anno 1702.

Scholae continuatae, dramata exhibita, factae studiosis adhortatiunculae spirituales ut annis prioribus; plura cubicula pro convictoribus extructa, singularibus dictionibus populo fuit explicatum sanctissimum missae sacrificium et ejus fructus, eo eventu, ut posthac etiam non festis diebus copiosiores ad sacrum audiendum accurrerent. Ad ecclesiam reductus apostata unus et ab haeresi accessit unus.

Dominus metropolita Jaworsky conscripserat dialogum inter orthodoxum (ut vocabat) et romanum de Spiritus Sancti processione, in quo plurimae ineptiae, et, quia cum eo insolenter gloriabantur Rutheni in despectum nostrae sanctae ecclesiae, necessario refutandus erat; ut autem fieret sine tumultu, indicavimus nostram intentionem cuidam bojarino sive consiliario Serenissimi, cui commissa est inspectio cleri ruthenici [102]), qui reposuit: Si potestis refutare, refutate, spondeo vobis omnimodam libertatem. Itaque 19-na Martii refutationem paratam obtulimus, in qua dominus Javorsky absque omni scommate patentissime convictus fuit de falsis citationibus, contradictionibus, anervibus argumentis et terminorum in scholis etiam graecis usitatorum ignorantia [103]). Cum hoc cessavit tota partis adversae jactantia, hoc tamen factum aegre tulisse Serenissimum credebatur ex effectu, ab eo enim tempore respectu nostri frigidissime se gessit et cum missionarium, qui refutationem concinnârat et obtulerat, in pluribus occasionibus ostendit, se non sat libenter videre.

Baptizati 9, matrimonio junctus 1, extremum uncti 5, sepulti 6, sacrae particulae distributae 700.

Anno 1703.

Continuatae scholae ea methodo, qua annis prioribus. Similiter in templo omnia peracta sicut annis praecedentibus. Scholae Kyovisenses missis huc literis assumpserunt causam debellati dialogi, sed binis vicibus, de contradictoriis convicti obticuerunt. Edidit dominus Javorsky tanquam vice-patriarcha

decretum contra nos, quo prohibebat, ne cum Ruthenis in familiari colloquio misceremus quaestiones de fide, ne doceremus juventutem neque Rutheni sub interminatione anathematis ad nos suos filios mitterent etc. Sed cum filii duorum bojarinorum, a quibus dependebat promulgatio, adhuc apud nos studerent, decretum non fuit promulgatum [104]). Quia scholae non succedebant Ruthenis ad votum, haeretici recommendarunt Serenissimo aliquem e Livonia captivum praedicantem, dictum praepositum Mariaeburgensem, eum velut alterum Salomonem depraedicantes. Fundavit itaque princeps Menżikow (qui in primis favoribus est Serenissimi) academiam lutheranam, datis sat multis millibus pro bibliotheca, praeceptoribus lutheranis etc. et assignavit magnum palatium lapideum pro scholis; sed brevi patuit, totum fore sine fructu [105]).

Accessit nobis hoc anno unus sacerdos nostrae Societatis pertinens ad missionem scoticam, qui hactenus vixit in provincia Austriaca, nempe p. Ioannes Ines [106]). Ecclesiae ab haeresi accessit 1, baptizati 6, matrimonio juncti 2, extremum uncti 3, sepulti 6, sacrae particulae distributae circiter 800.

Anno 1704.

Continuatae scholae et adhortationes ad juventutem ut alias. Exercitia sacra circiter 9 personis tradita. Conciones item publicae secundum exercitiorum materias continuatae. Pro venerabili curatum baldachinum ex rubro holoserico cum ornamentis et fimbris aureis. S. p. Ignatius singularius coli coeptus, postquam hoc anno patrocinium singulare praestitit italae mulieri e doloribus partus agonizanti, dum enim sacerdos adesset juveni agonizanti, nec ab eo ob extreme graves causas statim posset discedere, praemisit ad illam agonizantem puerperam effigiem 5. Patris, quam ut primum pectori ejus applicuerunt, eodem momento prolem absque dolore sanam et fortem enixa est, ipsaque brevi sanitati restituta

Haeresi ereptus fuit unus.

Confusus in publica disceptatione dictus ille praepositus Mariaeburgensis ostensumque Ruthenis, eum neque linguas orientales, neque quid aliud callere, quod in magnam confu-

sionem cessit totius Lutheranismi, qui prius de eo tanto jactabat. Mutatae fuerunt deinde illae scholae lutheranae in scholam germanicam, ut ibi in lingua germanica instruerentur filii scribarum et translatorum [107]). Accesserunt bibliothecae nostrae libri fere 200 rhenensium pretio. Excursum Peterburgum ad sinum Finnicum per centum triginta octo milliaria germanica propter officiales catholicos ibi degentes. Baptizati 10. Extremum uncti 6, sepulti 9, sacrae particulae distributae fere 800.

Anno 1705.

Scholae nostrae hoc anno habuerunt finem, postquam enim jam in sextum annum apud nos eruditi fuissent nobiles. hoc anno ablati sunt, et partim missi ad bellum, partim in regiones exteras. Increbuit ad finem Octobris rumor de fundandis hic a Serenissimo pp. capuccinis et duabus circiter septimanis post hunc rumorem nostra lignea ecclesia cum potissima parte habitationis conflagravit antelucano tempore 4 (15) Novembris inter mille jubilationes accurrentium copiose, sed nil juvantium haereticorum. Quae salvata sunt, magna ex parte attribuere debemus solertiae trium patrum Societatis e Polonia, qui iter dirigentes in Persiam tunc nobiscum morabantur. An incendium ex famuli negligentia, an ex aliena malitia exortum fuerit, valde dubium manet. Mirâ Dei providentiâ conservata fuerunt 2 cubicula, ne prorsus cogeremur loco cedere. Eadem die bis incepit tumultus furentis plebis contra nostram aream, instigante, ita ut rescitum fuit, quodam haeretico; sed submissae brevi post a rutheno quodam domino vigiliae nos tutiores reddiderunt. Post exiguum tempus primus hujus regionis minister quaesivit e nobis, quid judicaremus, quo loco et an non penes nostram aream posset commode extrui monasterium pp. capuccinis? Nos autem advertentes, quo collimaret, respondimus: Huic quaestioni neminem posse melius satisfacere, quam ipsos patres capuccinos, cum advenerint.

Excursum iterum Peterburgum ad sinum Finnicum et Narvam; item Varonischium ad longa phtisi tabescentem catholicum, qui singularis fuerat missionariorum benefactor, quem etiam

Deus conservavit usque ad adventum sacerdotis, reperitque eum sacerdos deceptum ab haereticis; finxerat enim praedicans vice-admiralii, se sacerdotem catholicum, eumque prave ad agonem disposuerat, ipso vespere sui adventus sacerdos eum errorem dedocuit, rite absolvit et sequenti die sacramentis munitum beatae aeternitati tradidit.

Haeresi erepti 2. Baptizati 7. Extremum uncti 3. Sepulti 7. Sacrae particulae distributae 730.

Anno 1706.

Pro templo e lapide aedificando facta dispositio in Januario et comportata materialia. Ex dono domini Jacobi comitis de Gordon et ex contributione Azoviensium, Peterburgensium ac Moscuanorum catholicorum, item ex legatis eorum, qui anno 1700 peste perierant penes paludem Macotidem, et aliorum item hinc inde defunctorum legatis convenerunt fere 12,000 rhenensium, de lateribus et ferro aliquam item quantitatem adjecerunt diversi catholici. Inceptum itaque fuit templum 5 ta Maii laborantibus plus quam 60 murariis et finitum 10-a Augusti, disponente gratis et intra gypso exornante illo aedili Italo, cujus uxori ante biennium s. Pater in partus periculo succurrerat.

Excursum rursus Peterburgum et inibi (a Norimbergensibus et Helvetis statuariis pro Serenissimo laborantibus) curatum pro novo templo tabernaculum una cum adstitibus grandioribus angelis etc. Adjuncti ex haeresi ecclesiae 3. Baptizati 8, extremum uncti 16. Sepulti 18. Sacrae particulae distributae supra 800.

Anno 1707.

Continuavit novum templum ad intra gypso exornare aedilis Italus, ejusque socer picturis in calce, tandem dominicâ infra octavam s. Patris illud ingressi sumus cum solenni caerimonia et accursu populi, cantato eucharistico sanctissimae Trinitati, sub cujus titulo et praecedens fuit ligneum templum et modernum est lapideum [105]). Durante octavâ ex coemeterio haereticorum (quo promiscue omnes sepeliebantur exteri) levavimus ossa r. p. Alberti de Boye et in novo templo in

sacello agoniae Christi sepelivimus, etiam partem horti nostri ecclesiae adsiti coemeterio Catholicorum deputavimus. Incepta fuit hoc anno devotio agoniae pro felici morte impetranda. Succursum 900 captivis Polonis e militia principis Wissnowiecky tum sacramentis tum eleemosinis. Jubilaeum pro pace novi templi valvis affixum et magno concursu celebratum. Confessiones generales pluribus persuasae. Excursum iterum ad paludem Moeotidem, in utroque litore provisi Catholici, singularissima beneficia a sanctisima Deipara ibi pluribus fuerunt collata tam quoad corpus, quam quoad animam, inter quae primum, quod exhibuit homini jam 15 annis in sordibus obstinatissimo nulloque modo flexibili, qui dum statas suas nilominus preces sanctissimae Virgini taliter qualiter persolvit, videt iconem B. V. siccissimo et a mari remoto loco repositam copioso sudore diffluere, licet in aliis penes iconibus similiter dispositis nil esse observabile tum ab ipso tum sociis, simulque irruens copiosa illustratio coelestis eum mutavit in hominem alium. Sublata odia, erepta amuleta superstitiosa etc. Moscuae cum adesset copiosus e Polonia populus, inceptae conciones matutinae polonicae. Ab haeresi ecclesiae adjuncti 5. Ex Ruthenis e Polonia in captivitatem huc ductis Uniti ecclesiae 6. Apostatae ex schismate reducti 3. Parvuli Kalmuki baptizati 2, universim hoc anno baptizati 12. Extremum uncti 140. Mortui maxime ex captivis 500. Sacrae particulae distributae supra 2000.

Anno 1708.

Templo pro interim procuratum novum minus organum, altaria etc. inaurata; item cathedra pretio 300 rhenensium; reliquiae 5. Carpophori, quas Romà acceperat r. p. Bielsky vice-provincialis in Lithvania et nobis transmiserat. in urceis deauratis solenniter collocatae ad columnas, quae sunt penes tabernaculum. Reparatus et commodior effectus introitus ad cryptam familiae Gordonianae. Pegmata et figurae pro repraesentandis sacris misteriis denuo et selectius curata. Pavimentum templi e quadro lapide perfectum Excursum iterum Peterburgum, ubi inter summas miserias detinebantur in triremibus plures quam trecenti captivi e Lithvania, e quibus

intra trimestre morbo scorbutico magis computruerunt vivi, quam perierunt, quinquaginta aliquot. Omnibus adstitum et administrata sacramenta et procuratae eleemosynae. Erat item in triremibus Tartarus vulgo nominatus Karaim, qui sacrosancte affirmabat sacerdoti, se per somnium a Virgine tali, qualem in icone colebant Poloni, admonitum, ut Christianus fieret, cumque huic visioni parum crederetur, interim tamen in fide instructus fuit, cum repente resolvitur glacie constrictus fluvius Neva neque per 8 dies ullus erat transitus ob montes glaciei e lacu Ladoga in eum devolutos, ut Tartarus adiri non posset, quem interim ardens et fatalis febris invaserat, perseverantem tamen in desiderio baptismi et confidentem in sanctissimae Virginis patrocinio, usque dum nona die adesset sacerdos eumque deprehendisset morti vicinissimum, sine mora igitur illi collatus baptismus, quo recepto post unam circiter horam vivere desiit. Conversi hoc anno haeretici 4. Baptizati 9. Extremum uncti 70. Mortui universim una cum captivis 96. Distributae sacrae particulae 1670 aliquot.

Anno 1709.

Curati cancelli e ferro floridi ante majus altare. Item supellex linea pro templo. Adstitum in morbo et extremis illustrissimo domino Constantino Zielinsky, archiepiscopo Leopoliensi, qui hic captivus permissus fuit in domo nostra habitare, ubi et obiit $^{6}/_{17}$ Februarii et postmodum ex mandato curiae legatorum in crypta templi nostri solenniter sepultus fuit. Dicta ei funebris in praesentia legatorum Angliae, Daniae, Prussiae et residentis Caesarei, Hollandici et deputati Ragocziani [109]).—Confusus praedicans neo-advena valde infestus Catholicis, et edoctus est ut alii tacere.

Excursio facta ab uno sacerdote ad castra czarea propter officiales Catholicos, ab altero in portum Archangeli propter Catholicos ibi degentes.

Conversi hoc anno haeretici 4. Ecclesiae unitus unus sacerdos Armenus.

A. M. D. G.

Praesens status communitatis catholicae in Moscovia.

Praesenti tempore in ipsa metropoli Moscuae erunt Catholici aliquot supra 200; apud paludem Maeotidem 50 aliquot; Peterburgi penes sinum Finnicum 70, Varonischii 8, Astracani 7, Cazani 5. Est apud illos p. franciscanus, recollectus e Lithvania cum domino Bieldukiewicz arendario Bichoviensi captivus huc adductus et deinde missus Cazanum. Archangelopoli (non computando advenas ex Hollandia etc., qui rursus cum flotta discedunt) sunt 15, apud exercitum czareum fere 100, universim 450 aliquot, praeter captivos Polonos, quorum fere duo millia hic fuerunt hominum adultorium; sed maxima pars jam emortua est prae miseriis, magna etiam pars miseriarum impatiens foede apostatavit, manent tamen adhuc multi perseverantes et zelosi, qui praeeligunt omnes miserias et ipsam mortem brevi et putidae consolationi temporali. Deus illis porro assistat.

Ex Ruthenis hujatibus fuerant Uniti 5. Tres de populo mortui sunt. Quartus erat monachus, qui suspectus de unione et citatus ad synodum generose se stitit et lecta publice romanae fidei professione firmissimis rationibus sedis apostolicae authoritatem demonstravit, ut ipse patriarcha Adrianus exclamaret: Ecce quantas rationes adducunt, et quivis facile a Romanis parsuaderi posset, nisi esset firmissimus in sua fide! Quando tamen post lectam fidei professionem ex omni parte audivit contra se conclamari: ad ignem! et submersionem! animo concidens permisit sibi palmam martyrii infringi in manibus et publice amore miserae vitae ad schisma reversus est. Supervixit non nisi tribus annis inter conscientiae laniatus. In extremo tamen agone (cui contigit adesse aliquot Catholicos) omnibus viribus detestatus fuit Photium et schisma.

Quintus Unitus adhuc supervivit, sed obrutus copia negotiorum saecularium parum aut capit aut capere vult ea quae sunt spiritûs. Fuerunt praeterea e captivis ex Rubra Russia Uniti prope 10, sed probabile est imo quasi certum, eos jam consumptos esse miseriis. Sunt praeterea Armeni catholici aliquando 20, aliquando plures, prout accidit ratione mercimoniorum illos hic morari. Praeterea Indi empti a mercatoribus Hollandis et

Anglis, quos avexerant ex America et Congo et ex insulis circa Novam Bataviam, sed media fere pars, idest circiter 12, non curando quod a nostris patribus Lusitanis et Hispanis baptizati fuerint, quod ipsi fatebantur, ex respectu humano ad magis placendum acceptavit ruthenicam rebaptizationem; aliqui dilapsi, aliqui mortui, quos inter insignis juvenis e regno Macassar oriundus, constans et fervens Catholicus, licet haeretico domino cogeretur esse in servitiis. Deus det illi requiem!

Difficultates missionis in Moscovia.

1-ma. Est potentia haereticorum: cum enim tota haec natio fere unice moveatur lucro, fit, ut mercatores, qui omnes sunt Lutherani, Calvinistae, Syncretistae, ne prorsus dicam athei et indicibiles nostri hostes, donis suis et obsequiis apud magnates omnia valeant et quidquid volunt persuadeant ac consequentur pro libitu Catholicos et maxime Societatis homines reddant odiosos, et si quid aliquando est vel esse potest in favorem sanctae fidei, ipsi per favoritas Serenissimi uno verbo evertunt.

2-da. Defectus protectionis: possunt enim nos impetere prout lubet, nullum nobis refugium est nisi scutum patientiae, quia domini Pleyer jam pridem ab aula caesarea huc missi interpositio non recipitur, eo quod necdum exhibere potuerit decretum caesareum quoad characterem residentis Ingrati Rutheni autem, quia eorum filii non amplius apud nos eruditiuntur, plerique etiam manus suas subtrahunt et vix amplius nosse volunt, minus protegere, itaque vivimus velut avis super frondem.

3-tia. Debilitas communitatis catholicae: exceptis enim fere 20 personis reliqui Moscuae fere omnes sunt opifices et famuli ad aliquot annos perseverantes et cum partem panis lucrati fuerint, ad sua redeuntes, atque ita nil certi unquam habemus et stabile; quamdiu vivebant adhuc aliquot nostri mercatores catholici, saltem aliqualis erat rerum stabilitas, sed nunc illis emortuis maxima pars Catholicorum est muta-

bilis et inquilina tantum. Neque spem videmus, quod aliqui denuo mercatores catholici huc venturi sint, quia omnes, qui hic fuerunt ex Anglia, Hollandia et Gallia, consideratis circumstantiis, noluerunt hic permanere.

4-a. Mala exempla et scandala Catholicorum: forte Deus his annis plus fuisset operatus, nisi scandala obstitissent; sed adeo infelices sumus, ut ad hoc littus Europae vix videamus aliquos alios appellere, quam qui scandalis alios ruinent et nobis cor exedant, et cum sint potissima ex parte tales, qui etiam foris licentiose vixerunt, huc venientes plena fraena laxant brutalitatibus ob vitiorum impunitatem, vix enim aliud punitur praeter valde grave furtum, homicidium et rebellionem, reliqua sunt impunia.

5-ta. Inconstantia gentis Ruthenicae: nullius enim rei sunt diu tollerantes, quod paulo ante approbaverant, mox extreme oderunt, nilque magis appetunt, quam varietatem, jam et nos propter longiorem incolatum incepimus foetere Chananaeis.

6-ta. Perfidia gentis: habuimus frequentissima exempla, ubi in faciem laudabant fidem catholicam, fatebantur errores, sed vix obverso dorso nesciebant, qualiter ad sufficientiam coram haereticis nos detestarentur, et in hoc eximii sunt illi, qui reversi sunt e regionibus exteris, unde multa tam Lutheranorum, quam Calvinistarum placita secum retulerunt, neque pudet eos hoc verbis prodere. Praeterea vix ulli verbo eorum fidi potest, licet publica fide et cum omni clausularum firmitate datum sit, uti quam plurimis exemplis compertum habemus ipsi.

7-ma. Vix ulla possibilitas discursus non solum cum plebe, sed etiam cum potissima parte magnatum, quia cum audiunt aliquid de fide, mox respondent: Hoc non est nostrum opus, nos credimus, sicut nobis mandat Serenissimus; si erramus, culpa non est nostra; ipse pro nobis Deo respondebit et pro nobis reddet rationem. Nec ultra aliquid ab iis elici potest. Unde colligi potest, nullam esse spem de gentis conversione, nisi videant caput praecedere.

8-va. Ipsius Czari et Principis regii (quantum ex signis externis concludi potest) nulla sincera erga unionem cum sancta ecclesia affectio; patuit ex actu interemptorum Unia-

quorum Polocii, et ex pluribus verbis in diversis occasionibus severiter et contemptive contra Unitos prolatis, et ex joco, quem sibi faciunt singulis annis in hieme, dum infulae romanae obscoenissimas appendunt figuras, et in illa incedit jocularis patriarcha et mirabilia patrat etc. etc. Interim putant aliqui boni Patres, qui vel huc ad breve tempus venerant, vel per hanc regionem transierant, quod exhibitus vultus serenus aut praesentatum vitrum nescio quas spes promittat.

Principi regio hactenus semper adhibiti fuerunt pro praeceptoribus veneratissimi haeretici et ipsemet in pluribus occasionibus jam prodidit, et habemus ex familiaribus ejus, eum neutiquam esse amicum catholicae fidei, et quid mirum? cum potissima ejus conversatio sit cum mercatoribus haereticis, ad quorum domos per didascalos suos deducitur; illi autem mercatores sciunt offerre et propinare, quidquid in quolibet genere sensui gratum est, et simul proponere indefesse, quod Catholicos potest reddere odiosos.

9-na. Apostatae. Sunt hic e Lithvania Basiliani apostatae 5, praeter eos Carmelita 1, Dominicanus 1, e societate nostra ex Lithvanica provincia coadjutor temporalis 1. Omnes vivunt, sicut decet apostatas et genti persuadent ea, quae solent apostatae. Cum nostro actum est multoties, sed videtur jam esse projectus e gratia Dei, nec amplius mobilis, sed totus immersus curis saecularibus et vitris, verbo pecus, non homo.

10-ma. Potentia Judaeorum. Sunt enim hic complures familiae judaicae ex vicina Polonia, baptizatae quidem, sed sabbathizantes occulte imo satis publice ut olim, et hi promoti ad primaria officia; unus enim est, per quem regitur cancellaria Serenissimi, alter qui aliquot primarias administrat curias, alius primarius expeditor principis Menzikow, alius wojewoda Wolgodensis (qui mihi transeunti nullum permisit accessum ad captivos Polonos ibi in miseriis tabescentes), alii aliter accommodati, et hi sunt primarii et prae aliis acerbissimi hostes sanctae ecclesiae. Hi fuerunt causa martyrii illius Petri diaconi, de quo in relatione ad annum 1698-vum, et de facto haeresi Lutheranorum et Calvinistarum

omnibus viribus assistunt, nobis autem si nocere possunt, partibus suis non desunt [110]).

Haec igitur sunt mala, quae affligunt missionem nostram, quae utinam auferat Dei clementia, ut aliquis fructus provenire possit. A. M. D. G.

LVIII. Cogitationes circa missionem Moscoviticam [111]).

Sanctae missionis officia quantae utilitati et augmento orthodoxae fidei nostrae propagationi a renati orbis christiani incunabulis in hodiernum usque diem semper fuerint, totus mundus evangelii luce illustratus manifesta veritate demonstrat. Docent praeterea variarum historiarum exempla sacra sta officia, etsi pio zelo exercita, saepe frustranea, interdum etiam noxia Romanae nostrae ecclesiae contigisse. Neque tamen idcirco existimem, eam supremi pastoralis muneris partem omnimode omittendam, quod irrito aliquando labore et eventu contrario male fuerit mulctata. Temporis vero, loci et circumstantiarum potissimam rationem habendam esse censeo, antequam missio determinetur. Plurima enim pro temporum diversitate obstant impedimenta, quae altiores agunt radices et vim morbi majorem contrahunt, si eadem sine praevio consilio adoriri et hora non opportuna remedium quis adhibere velit.

Ad quam difficultatum classem non inique retulero invincibile moderni temporis odium, quo Rutheni omnes non orthodoxos modo homines, sed ipsum etiam romani Catholici nomen infensissime prosequuntur, quae temporis injuria, aut fatorum iniquitas has in apostolicam Sedem furias non incusabili flagitio concitaverit, non satis intelligo. Si haereticos arguo, quorum quotidianis in Romanos criminationibus turpissima interdum fabula confictis, rudis et indocta regio lubentes et faciles aures praebet, aliquid tetigero. Sed suo etiam vitio saeculi nostri genius laborat, qui homines dedit adeo natura barbaros, ut eo magis a nobis suos alienent animos, quo

sciunt, nos religioni suae esse propinquiores. Illubenter adjicio nuperrimam modo Ruthenae plebis seditionem, causae suae, propter quam arma contra principem sustulit, ex eo quaerere justitiam, quod ad Romanae ecclesiae ovile crederetur rediturus. Suorum odium meruit Szeremetow, quod summi praesulis nostri conspectum non defugerit, indignus Ruthenis visus, qui suas frequentaret ecclesias, nisi baptismatis immersionis errore, in Kiovia nova superstitione iterata omnem in Romanos affectum ejurasset [112]). Principi Galitzino Ruthenorum patriarcha excommunicationis fulmen minitabatur, quod dominum archiepiscopum Ancyranum in Persidem proficiscentem Czaro etiam mandante ad domum suam susceperat. Multis aliis exitialis fuit familiarior cum Catholicis conversatio. Pestis et veneni instar fidem Romanam habent isuisque proponunt devitandam. Quid? Quod objiciant, missionem magni momenti negotiis saepe pallio servire et praetextui. Novissimos quatuor monachos Franciscanos per Persidem in Chinas profectos dimissionis suae difficultas et continua dilatio multum afflixit. Qui ipsi mecum suo damno didicerunt, quam saepe anteriores missionarii contra propria commoda innocenti fortassis errore laboraverint. Cum apud principem Galizinum Casani et Astracani proregem pro maturanda Patrum expeditione partes meas interponerem, principem hunc invidiosas de missionariis quaerelas contra me expedientem attonitus audiebam, doctiores jam Moscos esse, quam quibus Romani missionarii imponerent nosse se, sub horridis ejusmodi cucullis latere publicos principum ministros, subsimulatae sanctitatis velamento magnorum negotiorum momenta, genti, quam transeunt, persaepe nocitura. Ne id negare perseverarem, patere id ex archiepiscopi Ancyrani consilio Meccae Turcis eripiendae, ad quod Persas animare intenderat, praesentissimo Moscoviae discrimine. Quando enim Persae (quod in infideles cadere potest) ejusdem consilii proditione rationem amicitiae cum Turcis inirent, Moscoviam sane luituram, quod peregrini deliquissent, pacem nullam aut non aequis conditionibus tunc forte obtinendam. Haec palam effudit Galizin; sed majoris odii indicium dedit post duo etiam mandata, me urgente et praesente ab ipso Czaro emanata, pertinaci cunctatione Patres negans expedire, nisi

eodem tempore in Moscovia commoratus continua quatuor mensium alimenta suppeditassem profecto coacti fuissent sine ullo tanti itineris fructu Italicas oras relegere, omnibus calamitatibus expositi, sed sua quoque consumptione miserrimi, maxime quod a sancta congregatione de propaganda fide nec obolo muniti fuerint ad faciendas necessarias itineris impensas; accedit navis et plurima alia viarum sublevamenta, meis sumptibus procurata. Jusserat quidem Czarus Patribus eodem modo de navi et requisitis alimentis ad mare Caspium usque providere, quo archiepiscopus Aneyranus pridem fuerat instructus, sed nolente et expresso Czari Azovium profecti mandato contradicente Galizino mihi faciendorum sumptuum necessitas imponebatur, libenter concedenti iis, qui aliter juvari non poterant: ita Galizinus officiosis suis blanditiis dominum archiepiscopum candidissimi animi virum fefellit pro amico, ut divulgatis non levis sequela negotiis occasionem inveniret, Romanos acerbius criminandi. Quidquid sit, doleo nostras vices, in quas quorumdam incuriosa simplicitate adducti sumus, nunquam persuadent sibi Mosci, publicorum ministrorum dignitatem convenire iis, qui solum animarum salutem et muneris, quod missionarii sustinent, sanctitatem prae se ferunt. Praematurâ insuper et non satis trutinatâ consideratione factum est, ut dominus archiepiscopus apud dumnium Ukrainzow invidiose praedicaret, Czaream Majestatem in sincerae venerationis testimonium tertiâ etiam vice suas manus fuisse occulatam. Quo nihil aliud lucri fecit, quam incredibilem aversionem. Docuit id princeps Galizin, regnorum Casani et Astrachani prorex, cujus cum positivum consensum dominus archiepiscopus neutiquam extorquere posset, saltem dissimulationem et patientiam sibi promiserat, eaque benevola conviventiâ templi catholici in terris Astrachanensibus extruendi labores speraverat posse adjuvari. Verum mens longe contraria dicto principi pertinaciter constiterat. „Etsi“, inquiebat ad dominum episcopum, facultatem hujus et mandatum a Czarea Majestate attulisses, tantum tamen a meo abesset consensu, ut cum capitis, vitae, bonorumque meorum evidentissimo discrimine tuae intentioni omni possibili studio me opponerem. Tantilla spes reliqua est fructuosa hoc tempore missionis, quin

ipsi duo etiam, quibus ad Augustissimi Caesaris iteratam interventionem commorantibus in Moscovia Catholicis sacramenta administrare concessum, sola Caesarea protectione tuti sunt et tolerati. Non mediocrem tamen et hujus missionis subvertendae metum incusserat monachus dominicanus Guilielmus Felle, ex Perside Moscoviam transiens, infelici prorsus calamo defuncto generali Lefort, reformatae religionis tenacissimo, et colonello Lima Moscuam scripserat, se apud summum pontificem effecturum, ut deinceps non Germani, sed alii missionarii in Moscuam submitterentur, quibus literis Czareo ministerio exhibitis plurimum laboris impendere debui, ut scribendis errorem et missionariorum a solo Caesare dependentiam eidem persvaderem, alias certo futurum fuisset, ut ista quoque missio in Moscoviae finibus foret eliminata. Dominus Ukrainzow diligentissima investigatione laborabat deprehendere, cui fundamento eae literae niterentur, nec antea acquiescebat, quam multa verisimili remonstratione eidem confirmaveram, degentes Moscuae missionarios mitti, instrui et sustentari a solo Caesare. Cujus contrarium si quorundam incursu Mosci pernoscerent, hos duos etiam, qui moderno tempore (quantum id mihi constat) in Moscovia soli sunt, diutius ibidem paterentur, quos enim Romam mittet, nunquam suscipiet Moscovia. Dominus Ioannes Cosagrande, piae memoriae, Veronischae defunctus, illuc nunquam admissus fuisset, nisi missioni apostolicae a mandato Caesareo mutuasset colorem. Quotiescunque enim ipsa Czarea Majestas sciscitabatur, quis aut unde missus esset, an jussu pontificio venisset ea in loca? quaestionem illam in me, tunc Caesareum in Moscovia(m?) ablegatum prudenter rejecit, a me se sumptus et omnia accepisse necessaria, de cetero se solicitum non esse. His ita positis mecum plurimos sentire non ambigo, omnino nullam missionem apostolicam periculoso hoc rerum turbine cum fractu ablegari, maxime cum levis formido non sit, quae subvereri cogit, ne imposterum remittantur, qui sic in Moscoviam venient. Ubi vero tractu temporis Moscorum in nos odium de sua violentia quidquam concederet, et mediante divina bonitate degentibus ibidem Catholicis soles magis propitii lucerent, posset pedetentim apostolica missio in diversis amplissimi

regni hujus partibus animas invenire et domicilia. Tunc tamen singularem eorum delectum haberi optarem, qui iisdem officiis sancte juxta ac prudenter defungi scirent, ne majori ad vitae libertatem exemplo sint, quam ad virtutum disciplinam incitamento. Quamvis insuper non Viennae tantam r-do patri Wolf, sed in Samoscia etiam ex-o domino nuncio apostolico domino Avia Czarea Majestas pollicita fuerit liberum transitum romanis missionariis per Parvam Sibiriam in Chinas [113]) concedere, nulla tamen libertatis hujus obtinendae spes affulget. Omnibus bojarinis pericula exinde toti Moscoviae imminentia in immensum augentibus. Quatuor supradictos patres Franciscanos per Parvam Siberiam dimittere ipsemet Czarus mihi promiserat; nihilominus tamen cum ad passus expeditionem res devenerit, sententiam mutavit, atque excusandae Czareae inconstantiae turpitudini a populorum barbaris moribus et praesentaneis illas terras transeundi periculis colores quaesivit affundere. Re ipsa jam descriptum odium et bojarinorum contentiosae oblocutiones tam subitaneae mutationis causae fuerunt. Persvasum scilicet Mosci habent, neque illa sentiendi pertinacia, ulla ratione contraria vinci potest aut elidi missionarios romanos pro cognita notaque solertia viarum compendia facile observare, et nullo alio pretio Chinensium gratiam et favorem mereari quam similium proditoria divulgatione, unde toti Moscoviae extrema pernicies posset exoriri. Durante igitur hoc rerum statu inutile et perniciosum esse duco, missionarios in Moscoviam quomodolibet expedire, salvo semper melius sentiendum judicio.

LIX. 1712. 6 Aug. (Moscuae). Epistola p. Ioannis Milan ad p. Ioannem Miller, Moscuae data 6 Aug. 1712. Originale.

Elapso anno ante meum Azoviam discessum scripseram Suae Reverentiae. Cum autem vitriarii Bohemi tarde hinc (ut postmodum intellexi) discesserint, et prope Hamburgum naufragium passi sint, dubito an quid ad Suam Reverentiam

pervenerit. itaque nunc denuo submississimas gratias ago pro crucifixo cum indulgentiis, quem mihi transmisit p. Steiner, addendo. quod mihi submittatur e collegio s. Clementis, non addendo quidquam aliud, adeoque nec ego aliud cogitare potui, quam esse beneficium Suae Reverentiae. Azoviam cum appulissem cum Italis, jam classis turcica aderat, et 50 mille in terram exposuerat, sique directe urbem versus properassent, caepissent eam nullo negotio; si quidem pro nostra defensione unica sola adfuit legio pedestris, quae vix pro vigesima propugnaculorum parte poterat esse sufficiens; sed Deus aliam illis injecit mentem, repetitis enim navibus recta perexerunt ad portum Taganrok dictum, ubi fortius erat praesidium, quo etiam illico ferâ licet saeviente tempestate evocatus fui; ventus enim, qui in eo mari non admodum rarus est, soletque intra 24 horas se rotare circa totum horizontem, antennam ruperat et utrumque brigantinae nostrae velum abstulerat, ita ut trochleae et funes circa nostra volarent capita, dumque magis accideret ad quartam occidentalem [114]) ita contrariis fluctibus inter syrtes nos agitavit, ut citra dubium actum fuisset de omnibus, sicut ante oculos nostros vidimus absorberi duas minores onerarias, nisi solis occasus attulisset aliqualem quietem, et nobis faciliorem reddidisset ingressum in portum, e quo conspexi classem turcicam, late per mare expansam, constabat enim sultaninis sive bellicis majoribus 16, quarum admiralius erat 90 tormentorum, triremibus magnis 28, brigantinis 80, tartaris, cymberis et aliis similibus navigiis, quae non nimium fundum requirunt, sed innoxie totum hoc mare syrtibus plenum transire possunt, 276. Sed et hunc locum conservavit divina clementia, fuerunt enim Turcae impediti maxime per duo: 1-o—quod mox primis diebus captivatus fuerit aga, qui ante biennium cum legato turcico sub specie marinari fuerat in Taganrok et locum observârat, ubi fortificatio cum portu non conjuncta est, nisi per palisudas, et penes reperat fundum sufficientem pro triremibus, nunc igitur missus erat ab admiralio Achielschi Mehemet ad explorandum, si locus ille adhuc in priori esset constitutione, repertus autem cum 15 janitscharis ad ostium alicujus fluvii captivatus est, fassusque omnia, et locus ille meliori muni-

tione provisus fuit. 2-do—quod extraordinariae et horribiles fuerint tempestates, quae cogebant classem frequenter recedere, ne illideretur arenis; est enim hoc mare naufragiis aptissimum et a Turcis vehementer timetur. Totum quod effecerunt erat, quod occupaverint duo propugnacula extra urbem in campo sita. 22-a vero Julii mox sub diluculum Mustapha Tschelebi in sinu qui littori urbis subjacet, aliquo tempore cum minoribus navigiis hujatibus conflixit, sed brevi recessit, cum advertisset, in aestu proeli se pervenisse usque sub ictum tormentorum urbis, quae etiam actu contra ejus brigantinas explodebantur, paucis itaque horis post fecerunt excensionem in terram 10 mille circiter, quantum oculis poteramus conjecturare, quibus obviam missa fuerunt duo regmina ex praesidio cum pyrobolariis et utrinque mox inceperunt jaculationes ex tormentis; ubi autem viderunt Turcae, qui equitatu carebant, quod hujatibus in subsidium veniret equitatus Calmucikus et Cosacikus, suas repetierunt naves: etiam Abdurathman Bassa cum suis triremibus tentamen fecit contra citadellam, quae in ipso mari extructa est, ad ictum tormenti dissita a portu, et pergebat pertinaciter, donec vidisset ex obliquo accurrentes cymbas Cosakorum, quae solent sub remos intrare et triremes diffindere. Statim enim levatis anchoris remis concitatissimis reversus est, ita omnia ex parte hujati agebantur feliciter, ut hostis nil potuerit proficere. Sed non pari felicitate successus habebat exercitus hujas in Moldavia, ubi in desertis a Turcis et Tartaris cinctus et inclusus fuit, adeoque ad pacem faciendam adactus, quod nos ignorantes, vidimus 25-a Julii mane remis et velis accurrentem ex Crimaea triremem, qui recta ad Turcici admiralii navim appulit, et brevi post incipiente admiralio tota classis ternis vicibus sua explosit tormenta et attractis velis cursum Crimaeam versus arripuit. Credebamus tunc, esse inanem Turcarum gloriationem, sed post octiduum adfuit Capigi Bassa cum adjuncto sibi officiali rutheno ex campo Moldavico, qui apportabant formulam pacis, itaque evectis omnibus rebus 1-ma Januarii redditum est Azow Turcis et Taganrok ruinatum, credoque eas partes non ita cito me revisurum. Interim nunquam puto me in hac regione majorem

reportasse fructum, quam tunc, cum quilibet videns potentiam hostis decuplo majorem hujate, se serio disponebat ad aeternitatem, et haeretici notantes tandem (6 numero) acceptabant sanctam fidem, quibus accessit et Tartarus captivus, qui saepius visis nostris sacris, homo jam maturus, secum diversimode ratiocinari coepit, ac plenius illuminatus et instructus, baptizatus fuit, et in secura commoditate collocatus, ut robore majori confortatus nullum relinqueret dubium futurae suae constantiae. Loco ditionis Azoviensis visitavi hodie in Martio regnum Cazanense, ubi quingenti fere sunt Bavari, Galli etc. omnis prope europeae nationis Catholici, milites quondam regis Augusti, dein per captivitatem regi Sueciae militantes, ac rursus ab hujatibus captivati, adacti militare sub signis hujatibus. Absolvi illos licet per 240 milliaria dispersos in eo regno. et quidem cum magna difficultate, cum in 4-tam septimanam febris continua, post hanc notabili tempore duplex tertiana, ac tandem tertiana simplex usque ad 20-mam Junii me ita exagitaverit, ut etiamnum mihi restitutus non sim. Transivi ea occasione Czeremissos Nagornos, sive montanos, vulgo vocantur Tschubaschi, qui miseri superstitiones habent ridiculas, longumque esset eas recensere, quorum seniores ultro mihi fatebantur, fidem suam esse malam et ridiculam seque decipi a suis Ionsche sive Magis, cumque urgerem, cur Christiani non fierent, responsum fuit, se nolle esse Christianos, quales Rutheni sunt in nostris regionibus (probabile est illos audivisse aliquam descriptionem nostrorum rituum a Tartaris Volgensibus,qui militarant in Polonia) et si liceret, dicebat mihi senior, non ego te hinc dimitterem; ejusdem sensus reperi in eadem Tartaria ex Czeremissis Lugowis partem, item Viatkos, et prae omnibus Mordvinos, qui omnes sunt popelli simplices et boni; atque ita pars magna terrae illius quingentorum millium computant simul mulieres et infantes (tot enim aestimantur) esset alba ad messem, sed non est modus eos juvandi, et licet baptizarentur, mox adigerentur ad aliud etc.

In eodem itinere perveni ad famosum illud zoophytum, quod vocant Baranetz, de quo Herbersteinius et alii non oculati testes, sed ex auditu tantum referunt, quod habeat figu-

ram agni et depascatur circumsitas herbas[115]); ego autem nil minus deprehendi quam zoophytum, nil enim est aliud quam cucurbita vel melius dicendo melopepo oblongior tenuissimum habens corticem, e quo Tartari parant pellem tenuem, qua utuntur pro suffultura pileolorum. et super corticem habet villos tenuissimos velut agninos, sed nullum ibi caput aut pedes agni; forte inde fabula sumpsit exordium, quod cucurbitae illae. in quo loco copiosiores sunt. aliquo modo repraesentent gregem parvulorum agnorum. Indagavi quoque diligenter per Tartaros mercatores, qui totam Tartariam magnam sunt pervagati et singulis annis pergunt in Tibeth et in Chinas et in Camul etc.. si forte aliam scirent plantam, quae figuram haberet agni, et omnes uno ore asseverarunt, non esse aliam herbam Baranetz nisi hanc. Idem confirmavit Mulla sive sacrificulus mahometanus, qui totum spatium inter Jaiczky et regnum Buchar, ubi copiosiores et grandiores sunt, peragravit.

Eadem occasione perveni ad potentissimum olim Bulgariae sive Volgariae regnum, ejus metropolis Bulgar (a Ruthenis corrupte dicitur Bielojar) distat 12 milliaribus germanicis Casano. trans magnum fluvium Kama ad littus orientale Volgae, est sita in alto et notabilia spectantur rudera adhuc, nempe palatiola una cum grandibus suis sat magnificis et templum unum, quod non videtur pro moschcâ fuisse aedificatum, licet nunc a Machometanis pro tali adhibeatur. Ratio cur haec aedificia multis centenis annis perdurare potuerint, est, quia sunt ex puro marmore, reliqua aedificia totius urbis juxta traditionem Tartarorum a Tamerlane ruinata sunt, uti etiam ex altera sive occidentali parte Volgae spectantur adhuc rudera multarum civitatum, quas similiter a Tamerlane, cum debellaret regem Bulgariae[116]), dicunt ruinatas; nunc totum regnum habitatur a Machometanis interjectis aliquot hinc inde Ruthenorum pagis. Ulterius progredi volentem prohibuit partim morbus, partim bellum, quod Schabdirzab, filius Calmucici chani Ajukà Temir incepit contra suum parentem propter haereditatem Myrsae sive principis Tschimet, elapso anno a Cobanensibus Tartaris occisi; uterque magnum congregaverat exercitum, majorem tamen videtur habiturus

Schabdirzab, cum omnes quatuor suos filios, qui jam reguli sunt, evocaverit, quorum amabilissima nomina sunt: Czeter, Tessàn, Donducombu. Jamán, quorum primus Czeter elapso anno erat penes Azovian cum suo exercitu, et est omnino insignis et morum omnino cultorum respectu illius barbarici, capitis praeclari et capacis, nil illi deest nisi sancta fides, quia autem tali occasione Calmuci nec amicum discernunt ab inimico, sicubi eum deprehendunt in desertis, non potui visitare dispersos nostros catholicos Polonos captivos in illis pagis Astracanum versus. Deus illos consoletur. licet pauci sint, non tamen eos libenter amisi.—Notabile est. quod accidit inter Tschubaschos: Nobilis quidam emerat illorum aliquot pagos (hic enim, si patiantur penuriam homines se ipsos vendunt una cum domibus etc.) et quia svaviter cum illis processit praeter morem, neque oneravit contributionibus nimiis, in tantum eorum lucratus est animos, ut ipsi baptismum peterent, iisque providit de sacerdote sui ritus. qui nunquam liturgiam celebravit, nec baptizavit infantes etc., nisi illi donarent vel vaccam vel equum vel cadum mellis etc. Idque duravit usque in annum sextum, et quia pauperes tantum donare non poterant, manserunt per sexennium infantes sine baptismo, e quibus pars magna obiit taliter. Contigit, ut casu eô veniret Italus noster pro caedendis lignis pro navibus, quibus miseri suam conquerebantur infelicitatem. Italo illi reduci datus est animus, ut syncere referret illi nobili possessori pagorum, qui vix credens relatis una cum praefato Italo pagos illos adiit et veritatem relatorum reperiens popae illi post concisum knuttâ dorsum indixit exilium aliumque impo suit, qui sub knuttae aut ustionis poena hoc sibi habet impositum praeceptum, ne ullius infantis baptismum negligat, atque ita saltem multorum parvulorum saluti provisum est.

Errores geographici quanti sint in tabulis atlantis etc. quoad has regiones, est pene indicibile; annotavi quantum per vires potui, et subcisivis temporibus perficiam inchoatam tabellam.

Praesumo*) hanc epistolam R. P. provinciali mittere, quam legere si non vacaverit, forsan alii erunt Pragae, quibus lectu grata erit. Posset deinde reponi ad scrinium archivii R. P. provincialis, in quo plura moscovitica reposita sunt. Paterno R. P. provincialis affectui me demississime commendo.

Olom.,,7. Oct. 1712.

R. P. provincialis
humillimus in Christo servus et filius
Ioannes Miller.

Reverendo Patri in Christo P. Francisco Fragstein, Societatis Jesu provinciae Bohemiae provinciali.— Prag.

LX. 1720. 4 Martii (Vratislaviae). Copia literarum patris Ioannis Bauer, quae datae sunt Vratislaviae 4-ta Martii an. 1720.

Ante dies aliquot huc advenerunt sex pp. Capucini de Propaganda, qui ex ordinatione Romana discedere debent in Russiam, e qua nuper Societas fuit expulsa. Eorum quatuor destinati sunt pro Moscua, Russiae metropoli, in domum et ecclesiam nostram quondam, ut ipsi dicunt, duo vero Peterburgum, ita vel ordinante Roma, vel Czaro, dum illis domum et ecclesiam assignant Caesaris (illius enim pecunia comparatus est fundus et magna pars aedificii exstructa, nec alius ibi patronus et possessor fundi illius creditur, uti et aquila caesarea domus portae praefixa indicat) quamquam Roma potius hanc assignationem fecisse videatur, ut colligo ex proxime acceptis ab excellentissimo domino generali de Weisbach ad aulam caesaream ablegati literis, quae sic habent:

Svadeo Reverentiae Vestrae, velit in tempore literas concinnare ad patrem Tenneman, ut iste det notitiam de numero sociorum, si quidem hoc negotium pendebit ab arbitrio Suae Caesareae Majestatis; tametsi enim patres Capucini ad missiones illas destinati sint, non obstabunt, cum illis

*) (Manu propria Mullerii hoc additamentum scriptum est).

Peterburgi et Moscuae de monasterio et templo sumptibus Czari ut luculente colligitur ex literis ad Sanctissimum datis, providebitur; manet proinde integrum Suae Sacratissimae Majestati Caesareae de domo et ecclesia sumptibus Caesareis exstructa libentissime disponere. Quod ego, ubi subinde in Moscoviam rediero, si fortassis pp. Capucini domus et ecclesiae propter salutem animarum interim possessionem sumpsissent, eo momento rem in opus me redacturum appromitto. Q^ta d. Generalis [117]).

Sed forsan aula nostra ipsamet non intendit nostrum reditum procurare ad parcendum sumptibus; hoc non obstante, in omnem eventum rogavi Dominum generalem, ut praemissis literis suis praecaveat, ne adventuri Patres neo-missionari mox reforment ecclesiam et domum nostram, ac libros magna ex parte sumptibus nostris comparatos distrahant, id quod ille haud dubie faciet. Praeterea (cum dominus generalis scripserit, se brevi et, ut confidit, feliciter terminaturum suam commissionem) Patri procuratori ad aulam Caesaream puncta quaedam perscripsi, quae hac occasione opportunisse tractari posse videntur:

1. Si remittendi sumus, obtineamus novas literas credentiales. 2-do.... pecuniarium nobis alibi potius quam Wratislaviae levare liceat. 3-tio. Ut domus nostra legitime declaretur, qualis revera est, esse Caesarea, proinde immunis communibus civicis oneribus. 4-to. Anticipate petendum pro uno anno subsidium illud. 5-to. Missionario. qui in locum alicujus defuncti vel deficientis succederet, sumptus non cogatur dare missio. 6-to. Libera nobis sit quaelibet excursio ad Catholicos, si peteremur.

A pluribus proponendis interim abstineo, cum certi nihil constet, utrum aula nostra Societatis homines illic habere velit, et novum fere, quoad hoc, mihi dubium movet nova difficultas Camerae, quam facit in executione memorialis secundi, quod porreximus in ordine ad obtinendos residuos 514 florenos, quamvis Augustissimus illud gratiosa nota consensus indice signaverit. Argumentum, quod cameralici opposuerunt. erat: quod Patres missionarii non expleverint missionis annum; id adaequate, opinor solvi, declarando

missionis annum finitum esse mense Augusto, nos autem in Octobri primo advenisse Wratislaviam. Non dubito, quin P. procurator ad aulam omnia possibilia faciat, assecurare tamen necdum potest, quod difficultates omnes superabit. Sed durante simili procedendi modo Camerae non video, quomodo nostri missionarii illic vivere possint.

ПРИМѢЧАНІЯ

и

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Августъ II, король Польскій 84, 105, 117, 120, 121, 131, 136—139, 141—143, 149, 152, 153, 176, 178, 205, 278, 294, 305, 307, 316, 320—326, 330, 333, 334, 353, 354, 377.

Абиссинцы 5, 8, 214, 216.

Абдурахманъ, паша 204, 376.

Аведикъ, господинъ 105, 294.

Авель Симонъ, младенецъ 115, 303.

Авіл, папскій нунцій 201, 374.

Аврилъ, Филиппъ, французъ, іезуитъ 3, 27, 213, 232.

Австрійская область, см. Австрія.

Австрійскій домъ 143, 326.

Австрійцы 55, 255.

Австрія, Австрійская область 56, 95, 182, 186, 255, 287, 358, 361.

Адріанъ (Андрей), патріархъ 6, 25, 26, 57, 60, 62, 66, 111, 180, 182, 192, 197, 215, 230, 231, 256, 258, 260, 263, 300, 356, 358, 371.

Азакъ, см. Азовъ.

Азовская область 205, 377.

Азовское море (Меотійское болото) 182, 188, 189, 191, 358, 363—366.

Азовъ (Азакъ), г. 50, 51, 53, 57, 61, 68—70, 75, 78, 85, 88, 92, 93, 95, 96, 97, 99, 100, 112, 145, 182, 199, 202, 204, 207, 250, 251, 253, 256, 259, 265—267, 271, 273, 279, 281, 285—288, 290, 300, 328, 358, 372, 374—377, 379.

Академія (Заиконоспасская) въ Москвѣ 61, 66, 72, 74, 75, 93, 183, 260, 263, 266, 268, 270, 271, 285, 359.

Академія Лютеранская въ Москвѣ, основанная пасторомъ Глюкомъ 185, 361.

Александръ, князь, см. Меншиковъ.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ 49, 128, 139, 163, 195, 249, 313, 342, 368, 369.

Альбертъ, см. Бойе, де.

Америка 192, 367.

Амстердамъ, г. 27, 71 232, 267.

Англичане 7, 38, 45, 66, 192, 215, 241, 246, 264, 367.

Англія 23, 40, 44, 73, 100, 112, 113, 191, 193, 229, 242, 245, 269, 291, 301, 365, 368.

Андратъ, Антоніо, миссіонеръ 35, 238.

Андрей, св. 50, 250.

Андрей, монахъ 29, 234.

Андрей, патріархъ, см. Адріанъ.

Антоній, минеръ 55, 255.

Апокалипсисъ, книга 67, 264.

Апостолъ Индіи, см. Оома.

Апраксины 99, 290.

Аптека царская въ Москвѣ 34, 237.

Армснія 34, 237.

Армяне 10, 34, 39, 44, 54, 104, 106, 107, 218, 237, 242, 245, 254, 269, 270, 294, 296, 297; георгіанцы 4, 213; діоскоріане 5, 214; евтихіане 34, 237; католики 4, 192, 213, 366; несторіане 5, 34, 214, 237; яковиты 5, 142.

Артамоновичъ, см. Матвѣевъ.

Архангельскъ, г. 23, 35, 49, 191, 228, 238, 250, 365, 366.

Архипелагъ 20, 90, 226, 282.

Архіепископъ Анкирскій, см. Нальма.

Архіепископъ Львовскій, см. Зелинскій.

Архіепископъ Познанскій 121, 308.

Астраханская земля 199, 372.
Астрахань, г. 4, 7, 35, 95, 104, 106, 191, 199, 207, 213, 216, 238, 287, 294, 296, 366, 372, 379.
Ахіельши Мегметъ, адмиралъ турецкій 203, 375.
Ахнитопъ 55, 255.

Б.

Баварцы 205, 377.
Базенгеймъ, іезуитъ 44, 76, 246, 271.
Бакинцы 107, 296.
Бауеръ, Іоаннъ, іезуитъ 208, 380.
Барантала, г. 35, 182, 238, 358.
Батавія 192, 367.
Бельгійскія страны, Бельгія 34, 39, 237, 241.
Бенгальское море 103, 293.
Бенигнъ, канунникъ 138, 322.
Берула, Іоаннъ, іезуитъ въ Москвѣ 22, 32, 44, 47, 48, 50, 56—64, 72, 74, 76, 77, 82, 83, 85, 87, 88, 94, 95, 100, 108, 109, 110, 116, 139, 140, 154, 159, 162, 164, 165, 171, 179, 228, 236, 246, 248, 249, 255—259, 261, 268, 270, 272, 273, 276—278, 280, 281, 286, 290, 298, 299, 303, 323, 324, 335, 339, 340, 343, 344, 348, 356.
Библіотека іезуитская въ Москвѣ 14. 16, 21, 162, 181, 186, 222, 224, 227, 341, 357, 362.
Богемія, Богемская (Чешская) провинція Общества Іисуса 7, 44, 76, 84, 109, 117, 118, 120, 122, 130, 133, 142, 146, 151, 154, 157, 159, 164, 168, 173, 208, 216, 245, 278, 298, 304, 305, 307, 309, 314, 315, 318, 325, 337, 339, 341, 350, 351, 380.
Бойе, де-, Альбертъ, іезуитъ изъ Богемской провинціи 7, 16, 43, 189, 216, 223, 244, 363.
Бонавентура, католикъ, прибылъ изъ Астрахани въ Шемаху 106, 296.
Боснія 113, 301.
Бошуклюльханъ, великій ханъ 74. 270.
Брайда, іезуитъ 44, 246.
Бранденбургъ 142, 325.
Броджіо, Илія, іезуитъ 116—118, 120, 122, 124, 126, 127, 129, 130, 134, 135, 139—142, 144, 148, 151, 152, 155—158, 160—165, 168, 169, 171—175, 178, 304—310, 312—315, 318, 320, 323—325, 327—330, 332, 333, 335—338, 340—344, 346—352, 355.
Брунитъ де—, Николай, католическій священникъ 86, 280.
Брюгъ, де—, Вильгельмъ 69, 266.
Брюнъ, г. 116—118, 127, 128, 151, 156, 163, 164, 304, 305, 313, 314, 332, 342, 343, 349.
Бугсдорфъ, баронъ 45, 246.
Буджакъ 34, 287.
Будъ, г. 23, 48, 229, 249.
Буковецъ, Гавріилъ 165, 344.
Булгарское (Волгарское) царство 206, 378.
Булгаръ, Бѣлый Яръ, г. 206, 378.
Бутлеръ, шотландецъ 162, 342.
Бухарское царство 206, 378.
Бухданская (Богдыханская) земля 71, 268.
Бѣлгородъ 23, 70, 228, 267.
Бѣлый-Яръ, см. Булгаръ.
Бѣльдукѣвичъ, быховскій арендаторъ 191, 366.
Бѣльскій, вице-провинціалъ 189, 190, 364.

В.

Валахи 141. 324.
Валлонцы, 9, 218.
Валуйки, г. 51, 251.
Вальдтгаузеръ (Вальдгаузъ, Вальтгайзъ), Фердинандъ, іезуитскій провинціалъ въ Прагѣ 54, 56, 74, 76, 88, 105, 115, 254, 255, 270, 272, 281, 303.
Вальштейнъ (Валленштейнъ) 162, 342.
Варвара, св. 119, 306.
Варшава, г. 70, 98, 105, 125, 127—130, 167, 266, 289, 295, 311, 313—315, 346.
Василіане 132, 195, 317, 369.
Василій (Іоаннъ IV), царь 41, 243.
Васконсъ, см. Гаскони.
Вейсбахъ, де-, генералъ. 209, 380.
Венгрія 21, 34, 95, 226, 238, 287.
Венгры, Венгерцы 35, 150, 238, 332.
Венеціанская республика, Венеція 77, 92, 97, 102, 105, 113, 164, 179, 272, 281, 288, 292, 295, 301, 343, 355.
Венеціанцы 45, 50, 93, 129, 246, 250. 283, 285, 314.
Верона, г. 179, 355.
Ветцкеръ, отецъ 173, 350.
Вильна, г. 28, 34, 58, 124, 125, 127, 129. 184, 232, 237, 257, 310—314, 359.
Вице-канцлеръ имперіи, см. Шерборнъ.
Вицепатріархъ, см. Стефанъ Яворскій.

Вишневецкій 125, 127, 189, 311, 313. 364.
Возницынъ, посолъ Московскій въ Вѣнѣ 24, 48, 229, 248.
Волга, р. 4, 35, 206, 213, 238, 239, 378.
Вологда, г. 196, 369.
Вольфъ, іезуитъ 24, 201, 229, 374.
Воронежъ, г. 8, 114, 179, 181, 187, 191. 200, 217, 302, 355, 357, 362, 366, 373.
Вратиславъ, г. 62, 85, 96, 102, 122, 165, 208, 210, 260, 278, 288, 292, 308, 344. 380—382.
Вота, іезуитъ 178, 354.
Вѣна, г. 10, 48, 56, 61, 63, 70, 74, 77, 86, 87, 92, 97, 102, 103, 105, 106, 109, 114, 119, 128, 129, 135, 149—153, 155, 156, 163, 164, 165, 168—171, 174, 182, 201, 218, 248. 255, 259, 261, 266, 267, 269, 272, 280, 284. 288, 292, 293, 295, 297, 298, 302. 306, 313. 314, 318, 319, 331—337, 342—344, 346—349. 351, 358, 374.
Вѣнмарка 56, 255.
Вѣтровскій, іезуитъ 16, 255.
Вятичи 205, 377.

Г.

Гаперей, Гавріилъ, ректоръ коллегіи при ц. св. Анны въ Вѣнѣ 97, 288.
Газаррати (Гератъ) 96, 287.
Галилей 113, 301.
Галлъ Иражскій, купецъ 71, 268.
Гамбургъ, г. 12, 59, 184, 202, 220. 257, 359. 374.
Гангія, государство 104, 294.
Гансль, Григорій, іезуитъ 75, 271.
Гаскони (Васконсъ), Францискъ, купецъ италіанскій 85, 108, 279, 297.
Гартунгъ 90. 283.
Гваріентъ, императорскій посолъ 1—4, 8, 9, 11—13, 16, 17, 20, 22, 28, 33, 35, 39 42, 43, 45, 48, 53, 63, 65, 70, 105, 106, 117—120, 179—181, 200, 211—213, 217—221, 223, 224, 226, 227, 232, 236, 238, 244, 246, 249. 253, 261, 262, 266. 267, 295, 355—357.
Гейдельбергъ, г. 21. 229.
Гейнсъ, датскій посолъ въ Москвѣ 12, 220.
Гейстеръ, графъ 170 348.
Гённадій 72, 268.
Георгіанцы, см. Армяне.
Георгія, страна 104, 293.
Геральдъ a Santa Cruce, іезуитъ, папско-цесарскій миссіонеръ въ Москвѣ 1, 16, 211, 223.
Гербершгейнъ 206, 377.
Германія 103, 127, 142, 143, 179. 293. 312, 325, 326, 356.
Германцы 173, 350.
Gymnade (de), іезуитъ 146, 328.
Гимназія для обученія морскому дѣлу въ Москвѣ, см. Школа навигацкая.
Гимназія (школа) русская въ Москвѣ. см. Академія (Заиконоспасская).
Гимназія, см. Школа іезуитовъ въ Москвѣ.
Гіо, Иванъ (Левъ?), 55, 255.
Глоговъ, г. 118, 129, 305, 314.
Глѣбовъ. Василій Михайловичъ 32, 235.
Глюкъ, пасторъ Маріенбургскій, начальникъ лютеранской школы въ Москвѣ 158, 185, 186, 262, 361.
Голицынъ, кн. Борисъ Алексѣевичъ, боярин, намѣстникъ Казанскій и Астраханскій 24, 32, 33, 68, 197—199, 229, 235. 237, 265, 371, 372.
Голицынъ, кн. Василій Васильевичъ 24. 229.
Голицынъ, кн. Дмитрій Михайловичъ 32, 235. 236.
Голицынъ, кн. Петръ Алексѣевичъ посолъ въ Вѣнѣ 61, 67. 70, 87, 259, 265. 266, 280.
Голицынъ, кн. Оедоръ Алексѣевичъ 32; 61, 235, 236, 259.
Голландія 23, 39, 100, 101, 112, 179, 191, 193. 229, 241. 291, 301, 356, 366, 368.
Голландцы 7, 9, 27, 28, 38, 45, 59, 113, 182, 192, 215, 218, 231, 241, 246, 257, 357, 358, 366.
Головинъ, Оедоръ Алексѣевичъ, посолъ русскій въ Китаѣ, адмиралъ 35, 37, 85, 238, 240. 279.
Головкинъ, князь 99, 290.
Гольдбергъ, г. 105, 295.
Гольцбехеръ, іезуитъ 79, 274.
Гондольскій полкъ 35, 238.
Гонзалецъ 102, 292.
Гордонъ, супруга генерала 46, 217.
Гордонъ, Генрихъ 55, 255.
Гордонъ, Петръ Ивановичъ, генералъ 7, 14, 21, 33, 35, 45 — 49, 115, 162, 181, 216, 222, 227, 236, 238, 246—249, 303, 342.
Гордонъ, графъ Яковъ 55, 124, 145, 150, 188, 255, 310, 328, 332, 363.
Гордоны, ихъ семейство 162, 163, 190, 341, 342, 364.
Горнъ, генералъ шведскій 121, 308.

Готфридъ, епископъ Кантуаренскій 112, 301.
Готтерсдорферъ 174, 351.
Градискъ, Градецъ Царскій, г. 115—117, 303, 304.
Греки 7, 158, 215, 339.
Грентценъ, аптекарь 67, 70, 265, 266.
Гродно, г. 129, 130, 136, 141, 314, 315, 320, 324.
Грюнстекъ, іезуитъ 171, 348.
Грюнтлеръ, іезуитъ 166, 345.
Гуммертъ, Иванъ, шведскій артиллерійскій капитанъ 55, 58, 254, 257.
Гюбнеръ, переводчикъ Посольскаго двора 178, 355.
Гюйсенъ, резидентъ Московскій въ Вѣнѣ 151, 170, 342, 348.
Гютнеръ, Михаилъ, кавалеръ 97, 288.

Д.

Дагестанцы 95, 287.
Далматинцы 7, 215.
Дальбергъ (Дольбергъ, Дольбургъ), Лука 48, 70, 135, 249, 266, 319.
Дамасъ 110, 299.
Дамицъ, де-, придворный король Саксонскаго 136, 320.
Даніилъ, пророкъ 67, 264.
Данія 15, 23, 191, 222, 229, 355.
Данцигъ, г. 1, 211.
Даунъ, генералъ 173, 350.
Дворскій, іезуитъ 16, 223.
Деветъ, см. Тибетъ.
Декартъ 73, 100, 101, 269, 291.
Джагатай 35, 238.
Димитрій Ростовскій (Туптало), св., монахъ кіевскій, посвященъ въ митрополиты Сибирскіе 72, 269.
Діоскоріане, см. Армяне.
Днѣпръ, р. 1, 2, 211, 212,
Довмонтъ, польскій резидентъ 179, 355.
Долгорукій, кн. 61, 259.
Долгорукій, кн. Григорій Оедоровичъ, московскій посолъ въ Польшѣ 120, 137, 138, 143, 307, 321, 322, 325.
Дольбергъ, Дольбургъ, см. Дальбергъ.
Доминиканцы 27, 28, 35, 195, 232, 238, 369.
Дондукомбу, царекъ Калмыцкій 207, 379.
Донъ, р. 51, 181 251, 357.
Дрезденъ, г. 175—178, 352—354.
Дубскій, Францискъ, іезуитъ въ Москвѣ 1, 16. 211, 223.
Дунинъ (Дугупе), фонъ Лаврентій, часовщикъ и математикъ, іезуитскій миссіонеръ въ Голландіи 6, 39, 215, 241.

Е.

Евдокія Оедоровна Лопухина, царица 32, 236.
Евреи (Іудеи) 15, 36, 195, 222, 239, 369.
Европа 11, 38, 68, 106, 194. 219, 265, 296. 368.
Евтихіане, см. Армяне.
Елизавета, королева Англійская 40, 242.
Епископъ Кіевскій 121, 308.

З.

Замостье 14, 201, 222, 374.
Запольскій, іезуитъ 107, 297.
Захардъ, французскій миссіонеръ въ Сіамѣ 103, 293.
Зелинскій, Константинъ, архіепископъ Львовскій 190, 365.
Зноймъ, г. 102, 293.

И.

Игнатій, митрополитъ Тамбовскій 67, 264.
Игнатій Лойола, основатель ордена іезуитовъ 18, 159, 181, 186, 188, 225, 357, 361, 363.
Изенбрандтъ (Иренбрандтъ), купецъ, посолъ въ Китаѣ 11, 38, 219, 240.
Илія, епископъ, кармелитъ 4, 63, 67—69, 86, 213, 261, 264—266, 280.
Ингрія 144, 326.
Индійцы католики 192, 366.
Индія 1, 96, 104, 109, 159, 161, 211, 287, 294, 298.
Инесъ, Іоаннъ, іезуитъ, священникъ 186, 361.
Иннокентій XII, папа 4, 24, 50, 57, 66, 67, 86, 213, 229, 251, 256, 263, 264, 279.
Инозе мная Слобода, см. Нѣмецкая Слобода.
Иренбрандтъ, см. Изенбрандтъ.
Исаія, пророкъ 146, 328.
Исаія, архіепископъ (Грузинскій?) 104, 294.

Испагань, г. 103, 105, 106, 293, 294, 296.
Испанія 15, 222.
Италіанцы 7, 20, 45, 74, 75, 97, 113, 145, 179, 181, 182, 202, 207, 215, 226, 246, 270, 271, 288, 302, 328, 355, 357, 358, 374, 379.
Италія 15, 103, 152, 158, 179, 222, 293, 333, 339, 356.

I.

Іезуиты (Общество Іисуса, Орденъ іезуитовъ Св. Матери) passim.
Іеронимъ 110, 299.
Іоакимъ, патріархъ 115, 303.
Іоаннъ Златоустъ, св. 29, 233.
Іоаннъ Миланъ, см. Эмиліанъ.
Іоаннъ-Непомукъ, св. 25, 230.
Іоаннъ, сынъ Нозарета 106, 296.
Іовъ, митрополитъ Новгородскій 58, 257.
Іосифъ, св. 183.
Іосифъ, священникъ 26, 231.
Іосифъ I, императоръ Римскій 131, 134, 135, 141, 143, 144, 149—152, 154—156, 160, 162, 166—172, 176, 200, 208, 209, 316, 318, 319, 327, 330, 332—337, 340—342, 344, 345, 347, 348, 349, 352, 353, 373, 380, 381.
Іосифъ-Михаилъ, мальчикъ-калмыкъ 51, 52, 183, 251, 252, 359.
Іудеи, см. Евреи.

К.

Кадинъ, г. 179, 355.
Казагранде, Іоаннъ, апостольскій миссіонеръ 200, 373.
Казаки 8, 50, 55, 56, 95, 142, 204, 216, 251, 254 (Frisios), 255, 287, 375, 376; яицкіе 7, 216.
Казанское царство 205, 377.
Казань, г. 191, 206, 216, 366, 378.
Кайзерстенскій полкъ 34, 238.
Календарь Тырнавскій 98, 289.
Калишъ, г. 139, 141, 167, 323, 324, 346.
Калмыки 58, 95, 182, 189, 204, 207, 257, 287, 358, 364, 376, 379.
Кальвинисты 4, 9, 13, 23, 24, 27, 28, 38, 47, 54, 55, 57, 62, 65, 69, 70, 77, 78, 82, 87, 94, 113, 147, 193, 194, 196, 214, 217, 220, 228, 229, 231, 233, 248, 253, 254, 256, 260, 262, 266, 267, 272, 273, 277, 280, 286, 301, 329, 367—369.
Кальвинъ 87, 113, 179, 280, 301, 355.
Кама, р. 206, 378.
Камера силезская 97, 140, 288, 323.
Камулъ, г. 71, 206, 268, 378.
Канизій 72, 268.
Каниги паша 204, 376.
Капуцины 103, 104, 138, 151, 187, 209, 293, 294, 322, 333, 362, 380, 381.
Карбонарій 47, 55, 248, 255.
Карлъ XII, король Шведскій 105, 152, 153, 170, 205, 295, 333, 348, 377.
Кармелиты, духовный орденъ 4, 102, 110, 195, 213, 292, 299, 369.
Карповичъ, Францискъ 13, 220.
Карпофорій, св., его мощи 189, 364.
Каспійское море 10, 34, 199, 218, 237, 372.
Квакеры 113, 301.
Квикверре, Францискъ, іезуитъ 44, 76, 89, 95, 246, 271, 282, 287.
Китай, Китайскія владѣнія, Китайская имперія, Китайское царство, Хина 3, 5, 6, 11, 12, 15, 36—40, 97, 103, 132, 135, 144, 149, 155, 160, 161, 182, 198, 201, 206, 213—215, 219, 222, 239—242, 288, 293, 316, 319, 327, 331, 336, 340, 358, 371, 374, 377.
Китайцы 10, 37, 38, 202, 218, 240, 374.
Кіевляне 58, 60, 61, 75, 76, 257—260, 271.
Кіевскія школы 185, 360.
Кіевъ, г. 30, 33, 58, 66, 72, 75, 79, 110, 120, 122, 137, 141, 143, 149, 183, 191, 234, 236, 257, 263, 268, 270, 271, 274, 299, 307, 308, 321, 324, 326, 330, 359, 371.
Климентъ, св. 74, 76, 77, 116, 202, 270, 272, 304.
Климентъ XI, папа 85, 86, 144, 150—154, 164, 167, 169, 170, 172—174, 176, 209, 327, 331—334, 343, 345, 347—353, 381.
Книперкронъ, шведскій посолъ (коммиссаръ) 12, 220.
Книттель, іезуитъ 18, 42, 224, 244.
Коблицъ, монахъ доминиканецъ 179, 355.
Коллегіи: Виленская 132, 316; Греческая въ Лондонѣ 158, 338; въ Римѣ 25, 111, 230, 300; Гродненская 132, 316; св. Климента 202, 374; св. Петра въ Краковѣ 119, 136, 139, 165, 306, 320, 322, 323, 344; Кутнинская 177, 353; Острожская 122, 308; Полоцкая 132, 316, 317.
Коллоничъ, кардиналъ 76, 92, 93, 97, 102, 105, 108, 169, 272, 284, 285, 288, 292, 295, 297, 347.
Конго 192, 367.
Конгрегація пресвятой Дѣвы въ Вильнѣ 184, 359.

Конгрегація распространенія вѣры 198. 372.
Константинополь, г. 63, 93, 99, 107, 113, 261, 285, 290, 297, 301.
Константинъ, царскій трубачъ 55, 255.
Корцира, о. 32, 286.
Котанка, Францискъ 55, 255.
Крагенъ, полковникъ 55, 255.
Краковъ, г. 118, 119, 135—139, 141, 165—167, 305, 306, 320—324, 344, 345.
Крейсъ, вице-адмиралъ 187, 363.
Крейтенбергъ, г. 71, 267.
Крымъ 34, 55, 95, 113, 204, 237, 255, 287, 301, 376.
Ксаверій, св. католическій 18, 109, 181, 225, 298, 357.
Кубанцы 95, 287.
Кубань 34, 55, 238, 255.
Кумапія, Коммавія 34, 237.
Куракинъ, князь Борисъ Ивановичъ, посолъ въ Римѣ 163, 164, 167, 169, 170, 172, 173, 175, 176, 342, 343, 345, 347, 348, 350, 353.
Курбатовъ (Корбатовъ), Алексѣй Александровичъ, дворецкій или маршалокъ Шереметева 41, 42, 243.
Курляндія 28, 124, 128, 130, 232, 310, 313, 315.
Курцъ, императорскій интернунцій 64, 65, 179, 262, 355.

Л.

Лаврецкій, доминиканецъ, діаконъ 33. 237.
Ладожское озеро 190, 365.
Ламачи (Ламаца Ламаце, Ламацъ), де—, Іоаннъ Баптистъ, іезуитъ, миссіонеръ въ Шемахѣ 10, 34, 103, 105, 108, 115, 218, 237, 293, 294, 296, 297, 303.
Ланге 55. 255.
Ларошъ (опечатка), см. Ярошъ.
Левенгауптъ, начальникъ шведскаго войска 128, 313.
Лембергъ, см. Львовъ.
Леопольдштатъ, г. 56, 255.
Леопольдъ, императоръ Священной Римской имперіи 23, 42, 48, 63, 65, 83, 84, 91, 117, 123, 225, 244, 249, 261, 262, 277, 305, 309.
Летовское декапство 13, 221.
Лефлеръ, Францискъ-Ксаверій, деканъ кюнштадтскій 8, 13, 15, 83, 179, 217, 221, 222, 277, 355.
Лефортъ, Францъ 8, 9, 18, 23, 24, 40, 48, 180, 181, 200, 217, 225, 227 (его жена), 228, 229, 242, 243, 249, 356, 357, 373.
Лещинскій, Станиславъ, воевода Познанскій, потомъ король Польскій 121, 308.
Ливны, г. 51, 251.
Ливонія 185, 361.
Лима, полковникъ 200, 373.
Литва 17, 32, 98, 132, 142, 149, 165, 179, 190, 191, 195, 224, 235, 289, 316, 325, 330, 344, 355, 364, 366, 369.
Литвины 127, 167, 312, 345.
Литовская провинція 195. 369.
Лихуды, монахи изъ Корциры 32, 236.
Личча, Лука, капитанъ венеціанскій 77, 85, 86, 88, 91, 92, 97, 98, 102, 105, 106, 108, 272, 279, 281, 284, 288, 289, 292, 295, 297.
Локкъ 100, 101, 291.
Лондонъ, г. 158, 338.
Лопухинъ (Абрамъ Осдоровичъ), бояринъ 32, 336.
Лоссъ (де—), Карлъ, іезуитъ 60, 69, 259, 266.
Львовъ (Лембергъ), г. 119—122, 138, 151, 167, 306—308, 322, 332, 346.
Люблинъ, г. 149, 331.
Любомірскій 27, 232.
Людовикъ XIV, король Французскій 15, 60, 103, 222, 259, 293.
Лютеране, Лютеранская секта 4, 13, 23, 28, 47, 54, 55, 57, 62, 65, 70, 77, 78, 82, 87, 94, 107, 147, 153, 158, 193, 194, 196, 214, 220, 228, 233, 248, 253, 254, 256, 260, 262, 267, 272, 273, 277, 280, 286, 329, 338, 367—369.
Лютеръ 87, 179, 280, 355.

М.

Магометане 5, 34, 35, 206, 213, 237, 238, 378.
Магометъ 113, 301.
Мадуре 193, 293.
Макассарское царство 192, 367.
Мальтійскій орденъ 106, 295.
Маріенбургъ, г. 185, 361.
Маркъ, св. 113, 302.
Мартиніане (лютеране) 72, 268.
Мартинъ, св., его приходъ въ Веронѣ 179, 355.
Марцелинъ 112, 300.
Матвѣевъ, Андрей Артамоновичъ, бояринъ 32, 235.
Медіоланъ, см. Миланъ.

Мейеръ 105, 107, 295, 296.
Мекка, г. 198, 371.
Менониты 113, 301.
Меншиковъ, кн. Александръ Даниловичъ 126, 127, 136, 137, 143—145, 149, 150, 155, 185, 196, 312, 320, 326, 327, 330—332, 335, 361, 369.
Меотійскія болота, см. Азовское море.
Миланъ, см. Эмиліанъ.
Миланъ (Медіоланъ), г. 174, 177, 351, 353.
Миллеръ, Іоаннъ, начальникъ іезуитской провинціи въ Прагѣ 115—118, 122, 124, 129, 130, 133, 134, 141, 142, 151, 152, 157 159, 162, 163, 172, 175, 177, 202, 208, 303—306, 309, 310, 314, 315, 318, 324, 325, 333, 337, 339, 342, 351, 352, 374, 380.
Миссіи іезуитская въ Турціи 60, 259.
Митава, г. 28, 124, 128, 130, 232, 310, 313, 315.
Михаилъ Феодоровичъ, царь 36, 239.
Молдавія 204, 376.
Монастыри: Дѣвичій въ Москвѣ 2, 212. Новый Іерусалимъ въ Москвѣ 28, 232. Новоспасскій 26, 230. Покровскій въ Суздалѣ 32, 236. Соловецкій 49, 250.
Монастырь уніатскій подъ Кіевомъ 30, 234; подъ Москвой 30 (Андреевскій), 234.
Монголія 4, 96, 213, 287.
Мордвины 5, 35, 36, 182, 205, 214, 238, 239, 358, 377.
Москва, г. 1—3, 5, 12, 13, 16, 26, 28, 36, 44, 48, 50—52, 56, 57, 60—63, 66—69, 75—77, 88, 89, 91, 93—97, 105, 106, 108, 109, 115, 122, 128, 130—134, 136, 138—140, 143, 144, 146, 148, 150, 154, 155, 157, 159, 162—165, 171, 178, 180, 183, 189, 191—193, 198, 202, 208, 209, 211, 212, 214, 216, 220, 223, 224, 227, 231, 232, 234, 239, 246, 249—252, 255, 256, 259—261, 264, 266, 270—272, 281—283, 285—289, 293, 295—298, 300—302, 303, 308—310, 313—319, 321—324, 326, 327, 330, 331, 335—337, 339, 341—344, 350, 352, 355, 359, 364, 366, 367, 373, 374, 380, 381.
Московитяне 3, 32, 36, 125—127, 133, 137, 141—143, 149, 153, 164, 166, 168, 198—201, 213, 235, 239, 286, 311, 312, 314, 317, 320—322, 324, 325, 326, 330, 334, 343—346, 348, 363, 371—373.
Московія, Московская земля, Московская имперія, Московское государство, Москва 9, 17, 22, 30, 31, 35, 37, 44, 54, 60, 69, 83, 86—88, 91, 97, 102, 111, 131, 139, 149, 155, 164, 165, 173, 179, 198, 200—202, 208, 217, 224, 234, 235, 238, 245, 254, 259, 261, 263, 265, 266, 271, 277, 279—281, 283, 288, 292, 294, 300, 307, 314, 316, 321, 325, 327, 331, 335, 336, 314, 347, 348, 350, 355, 366, 367, 371—374.
Московская Слобода, см. Нѣмецкая Слобода.
Мусинъ-Пушкинъ, боярин, второй губернаторъ Москвы 114, 115, 302.

Н.

Нагайцы 95, 287.
Нарва, г. 51, 55, 57—59, 62, 187, 251, 254, 256, 257, 260, 362.
Нарышкинъ, Левъ Кирилловичъ, боярин 110, 299.
Нарышкины 99, 290.
Наталія Алексѣевна, царевна 49, 249.
Нева, р. 190, 365.
Нейгардтъ, баронъ, вицепрезидентъ Силезской камеры 97, 108, 228, 297.
Несторіане, см. Армяне.
Никодимиане 5, 214.
Нисса, Ница (Низа), г. 76, 102, 111, 118, 272, 293, 300, 305.
Ничово, г. 105, 295.
Новгородъ, г. 66, 263.
Новгородокъ Литовскій, г. 143. 144, 325, 326.
Новгородскій митрополитъ, см. Іовъ
Назаретъ 106, 296.
Нунцій папскій, см. Паулуччи.
Нѣмецкая, Иноземная Московская Слобода, 3—5, 7, 8, 13, 16, 18, 19, 20, 58, 61, 74, 76, 148, 212—214, 216, 217, 220, 223, 225, 226, 257, 259, 267, 270, 272, 277, 278. 297, 298, 350, 367.
Нѣмцы 7, 51, 59, 212, 216, 251, 257.

О.

Обь, р. 35, 238.
Огильви, генералъ, маршалъ полевой 123—125, 129, 136, 137, 175, 178, 310, 320, 321, 352, 354.
Оломуцъ, г. 13, 111, 151, 162, 208, 221, 300, 332, 342.
Опава, г. 118, 148, 149, 151, 167, 306, 330, 332, 345.

Орденъ іезуитовъ, см. Іезуиты.
Орденъ Святаго Креста 156, 337.
Орденъ св. Матери, см. Іезуиты.
Остяки 35, 238.
Очаковъ, г. 34, 237.

П.

Набле, іезуитъ 16, 223.
Павелъ, апостолъ 111, 118—120, 299, 306.
Падуя, г. 111, 299.
Палладій (Роговскій) 25—27, 49, 76, 111, 112, 230, 231, 260, 272, 300.
Паллуччи, кардиналъ, см. Паулучи.
Палькка 71, 268.
Пальма, Петръ, архіепископъ Анкирскій 4, 25, 68, 69, 180, 197—199, 213, 230, 265, 371, 372.
Пападопуло, Николай Комненъ 111, 299.
Паткуль 127, 313.
Паулучи, кардиналъ, папскій нунцій 15, 150, 151, 176, 222, 331, 332, 353.
Паше, Каспаръ, іезуитъ 102, 103, 292, 293.
Пейкуль, генералъ саксонскій 127, 128, 313.
Пергамъ, г. 148, 330.
Персія 46, 10, 13, 15, 27, 39, 68, 105, 106, 115, 161, 180, 187, 197, 198, 200, 213—215, 218, 221, 222, 232, 242, 265, 294, 296, 303, 340, 356, 362, 371, 373.
Персы 5, 10, 198, 214, 218, 219, 371.
Петръ, апостолъ 67, 118—120, 136, 139, 168, 264, 306, 320, 322, 323, 346.
Петръ Алексѣевичъ, царь 3, 7, 8, 12, 14, 15, 18, 23, 25, 32, 36, 40, 41, 45—49, 55, 57—62, 66, 67, 72, 77, 82, 83, 85, 91, 95, 96, 99, 104, 110, 111, 114, 115, 120, 125, 127—132, 134, 137, 138, 141—143, 147, 149, 150, 152—156, 160, 163, 165, 167—170, 172—175, 183, 185, 187, 188, 193, 195—201, 209, 213, 216, 217, 220, 221, 222, 224, 228, 230, 231, 234—236, 239, 242, 243, 246—250, 254, 256—258, 260, 263, 264, 266, 268—274, 277, 279, 286, 287, 290, 294, 299, 300, 302, 311, 312, 314—322, 324—326, 330—336, 340, 342—350, 352, 359—363, 367—369, 371—374, 380, 381.
Петръ Артемьевъ, діаконъ Петропавловской церкви въ Москвѣ 5, 6, 25, 29, 49, 179, 180, 196, 215, 234, 250, 356, 369.
Петръ, св. мученикъ 2, 179, 212, 355.
Петръ Пальма, см. Пальма.
Піотроковъ, г. 144, 145, 155, 167, 326, 327, 336, 346.
Плейеръ, резидентъ императорскій въ Москвѣ 70, 83, 84, 108, 193, 267, 277, 278, 297, 367.
Поборскій (Іоаннъ), царскій духовникъ 30, 69, 234, 266.
Полякъ, іезуитъ 164, 165, 343.
Полоцкъ, г. 126, 132, 133, 195, 312, 317, 369.
Польша, Польскія страны 14, 16, 21, 30, 54, 66, 70, 71, 105, 109, 121, 136, 138, 145, 153, 154, 157, 163, 165—167, 187, 189, 195, 205, 217, 222, 223, 234, 254, 263, 266, 267, 292, 295, 298, 308, 320, 322, 327, 334, 335, 337, 342, 344, 346, 362, 364, 369.
Польша Малая 121, 141, 308, 324.
Поляки 30, 139, 166, 189, 190, 196, 207, 234, 344, 364—366, 369, 379.
Пондишери 103, 293.
Поссевинъ, Антоній 32, 40, 41, 167, 236, 242, 243, 345.
Потоцкій 184, 359.
Прага, г. 74, 76, 77, 103, 106, 109, 115, 116, 124, 152, 154, 163, 173, 208, 270, 272, 293, 295, 298, 303, 304, 333, 335, 342, 351, 389.
Преображенскій полкъ 55, 254.
Пресвитеріанцы 113, 301.
Приказы: Посольскій 190, 365; Сибирскій 28, 232.
Пробъ, экопомъ великой церкви 26, 231.
Прукселли, Георгій, іезуитъ 108, 297.
Пруссія 142, 191, 325, 365.
Пушкинъ, см. Мусинъ-Пушкинъ.
Пятницерковскій округъ 23, 229.

Р.

Радамановскій Юрьевичъ, см. Романовскій, Оедоръ.
Радзѣевскій, Михаилъ, архіепископъ Гнѣзненскій 121, 303.
Реде 115, 303.
Рейнгравій, генералъ 97, 103, 109, 288, 293, 298.
Рейншильдъ 137, 320.
Рига, г. 66, 102, 103, 125, 263, 292, 311.
Римляне 25, 58, 73, 111, 127, 192, 197, 199, 230, 257, 269, 300, 366, 370, 372.
Римъ, г. 1, 16, 25, 26, 28, 41, 50, 74, 86, 87, 96, 111, 127, 145, 150, 152—154, 163, 164, 167, 169, 171—177, 189, 200, 208, 209, 211, 223, 230—232, 243, 251, 269, 279, 281, 287, 288, 300, 312, 314, 327, 331, 333—335, 342, 343, 345, 349—353, 364, 373, 380.

Ротойскій, см. Палладій.
Роджи, Амбросій, капеланъ 122, 309.
Роза, де—, генералъ 119—126, 128, 306—311, 314.
Ромодановскій, Осдоръ Юрьевичъ, боярипъ 8, 217.
Россія, Русская земля 24, 30, 37, 208, 234.
Русскіе, Русскій народъ 3, 4, 6, 12, 20, 23, 24, 27, 30, 39, 43, 51, 55, 60, 63, 66, 67, 75, 77, 78, 85—87, 89, 128, 153, 161, 165, 179, 183—186, 188, 191, 193, 194, 197, 205, 208, 213, 214, 220, 226, 228—231, 234—242, 244, 253, 260, 264, 270—273, 278, 280, 282, 309, 312, 313, 343, 355, 357, 359, 360, 361, 364, 366—368, 370, 371, 377, 378, 380.

С.

Савва (Рагузинскій), рашскій купецъ 113, 191, 301, 365.
Саксонія 157, 337.
Саксонцы 137, 178, 313, 320, 355.
Салтыковъ, Петръ Самуйловичъ, воевода Смоленска 91, 283.
Самаркандъ 39, 242.
Самоѣды (самогиты) 35, 238.
Сандоміръ, г. 120, 307.
С.-Петербургъ, г. 186, 188, 190, 191, 208, 209, 362—365, 380, 381.
Саратъ (Sovvat) 106, 296.
Саррихапъ 71, 268.
Сатурпинъ, св. мученикъ 97, 288.
Сегнеръ 90, 283.
Серріеръ, Николай 55, 255.
Сибирь 36, 38, 39, 72, 160, 161, 201, 239, 241, 242, 269, 340, 374.
Силезія 136, 140, 154, 320, 323, 335.
Сильвестръ (Медвѣдевъ), священникъ уніатъ 25, 78, 230, 273.
Симеопъ, патріархъ 104, 294.
Симопъ, епископъ-кармелитъ 4, 213.
Симонъ Пражскій 97, 289.
Синагога пресвитеріанская въ Москвѣ 113, 301.
Сіамъ 103, 293.
Скотъ 73, 269.
Слобода, см. Нѣмецкая Слобода.
Слота, Іоаннъ, іезуитъ 115, 116, 303, 304.
Смирна, г. 90, 282.
Смоленскъ, г. 3, 17, 91, 212, 223, 224, 283.
Сокронія 103, 293.
Софія Алексѣевна, царевна 2, 212.
Спада, кардиналъ 151, 332.
Средиземное море 113, 302.
Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій, блюститель патріаршаго престола 58, 60—62, 66, 72—75, 78—80, 98, 99, 110, 111, 183—185, 257, 258, 260, 263, 268—270, 273—275, 289, 299, 359, 360.
Суарій 73, 82, 269, 276.
Схада, Антоній 55, 255.
Сѣрадзь, г. 139, 323.

Т.

Таганрогъ, г. 85, 93, 113, 202, 204, 279, 285, 374, 381.
Талицкій 67, 264.
Тамбовскій митрополитъ, см. Игнатій.
Тамерланъ 206, 378.
Тапперъ, издатель 70, 267.
Татарія 46, 96, 206, 247, 287, 378.
Татары 1, 5, 7, 12, 34, 35, 52, 56, 58, 59, 89, 95, 182, 190, 204—207, 211, 214, 216, 220, 237, 238 (Кубанскіе), 239, 252, 255, 257, 270, 282, 283, 287, 358, 365, 376—378.
Темиръ-Аюкъ, ханъ Калмыцкій 182, 207, 358, 378.
Теннеманъ, іезуитъ 209, 380.
Терезія, св. 79, 274.
Терпиловскій, іезуитъ 179, 355.
Тессау, царекъ калмыцкій 207, 379.
Тибетское царство, Тибетъ (Деветъ) 35, 103, 206, 238, 293, 378.
Тингосссты, племя 35, 238.
Типографія нѣмецкая въ Москвѣ 59, 257.
Тирамъ 90, 283.
Тихавскій, іезуитъ 18, 180, 225, 356.
Тобольскъ, г. 39, 40, 242.
Тракссеръ, Михаилъ 56, 255.
Трансильванія 23 72, 229, 268.
Трапезундъ, г. 34, 237.
Тридентъ, г. 174, 175, 351, 352.
Тунгузы 35, 238.
Турки 5, 10, 35, 40, 93, 106, 128, 182 198, 203, 204, 214, 218, 219, 239, 285, 296, 313, 258, 371, 375, 376.
Турлавиль 55, 255.
Турція 5, 13, 107, 214, 221.
Тухомеричи, мѣстность 175, 178, 352 354, 355.
Тшедеби Мустафа 203, 376.

Тишметъ, князь Калмыцкій (мирза) 207. 378.
Тыкоцинъ, г. 131. 316.
Тюрьма св. Спасителя (въ Москвѣ) 26.

У.

Удрофъ, Веніаминъ, купецъ 158, 339.
Украинцевъ, Емельянъ, думный дьякъ (великій канцлеръ) 15, 199. 200. 222. 372, 373.
Украинцы 200, 372.
Уніаты 34, 126, 195, 369.
Урбанъ IX, папа 60. 259.
Училище іезуитовъ въ Москвѣ, см. Школа.

Ф.

Фалекъ, іезуитъ 16. 123.
Фель (Фалль), Вильгельмъ, доминиканецъ 27, 200. 232. 373.
Фердинандъ, св. 105, 295.
Филатиловъ, купецъ 36, 239.
Филиппъ, внукъ Людовика XIV 60, 259.
Финскій заливъ 186, 187, 191, 362. 366.
Фишемарка 56, 255.
Флоренція 111. 300.
Фотій, патріархъ Константинопольскій 112, 192. 300. 366.
Фрагштейнъ, Францискъ. провинціалъ Богемской провинціи 208. 380.
Франги, лютеранинъ 105, 107, 294, 296.
Францисканцы 39, 102, 161, 198. 201. 241, 293. 340. 371, 374.
Францискъ, св. 102, 293.
Франція 15, 193, 222. 368.
Французы 103. 205. 293, 377.

Х.

Хижейскій, іезуитъ изъ Кракова 167. 346.
Хина, см. Китай.
Хіосъ 90. 282.
Хомутово 151, 152. 333.

Ц.

Церкви: греческія 23, 24, 229; католическія св. Анны въ Вѣнѣ 97. 288; Св. Троицы въ Москвѣ 4. 7, 9, 14, 16, 17, 20—22, 25, 30, 31, 34, 45, 49. 53. 57, 61. 62, 64, 99, 148, 154, 156, 159, 161, 162, 164, 179, 183, 186—191, 208, 209, 213, 216. 217, 221, 224, 226—228, 230, 234—237, 249, 253, 256. 259. 260, 262, 290, 316, 323, 327, 328, 330. 331, 335, 337—339, 341, 343, 359, 361—365. 380, 381.
Церковь Кальвинистская въ Москвѣ 23. 228; Лютеранская въ Москвѣ 23, 228; въ Гольдбергѣ католическая 105, 295.
Церковь Лигницкая 97, 288.
Цинзендорфъ, графъ, членъ военнаго совѣта въ Вѣнѣ 102, 292.
Цополь, докторъ царскій 47, 248.

Ч.

Чакертъ, іезуитъ 152, 333.
Червонная Русь 163, 192, 342, 366.
Черемисы луговые и нагорные 205, 377.
Черкасы 58. 257.
Черное море 34, 61, 237, 259.
Четеръ, царекъ Калмыцкій 207. 379.
Чехія, см. Богемія.
Чуваши 205, 207, 377, 379.

Ш.

Шабдирзабъ, сынъ Калмыцкаго хана 207, 378, 379.
Шведы 23, 51, 55, 58, 62, 119, 124, 127 128, 130, 139, 141, 142, 153, 229, 251, 254, 255, 257, 260, 306. 310, 311, 313, 315, 317, 320—325. 334.
Швеція, Шведская земля 23, 54, 58, 73. 102, 229, 254, 257, 269. 292.
Шемаха, г. 10, 34, 103, 104, 107, 218. 237 294. 296.
Шенборнъ, де-, графъ Фридрихъ Карлъ, вице-канцлеръ имперскій 135, 156, 176 319. 336. 337.
Шереметевъ, Борисъ Петровичъ 41. 124, 125, 128, 197, 243, 310, 311, 313. 371.
Ширеръ, Даніилъ, капелланъ полка генерала Рейнгравія 97, 103, 109. 288, 293, 298.
Шкловъ, г. 1, 211.
Школа, гимназія. училище іезуитовъ въ Москвѣ 53, 57, 60. 61, 65, 75, 77, 78, 110. 149, 155, 157, 164, 170, 181, 185, 187, 253, 256. 258, 259. 263, 264. 268. 270—273, 278 286, 299, 315, 316, 323. 327, 331, 336, 343 357, 359, 360, 362.
Школа лютеранъ въ Москвѣ 65, 158, 185, 186, 262, 361, 362.

Школа навигацкая въ Москвѣ 66, 264.
Школы Кіевскія 185, 360.
Шмаленбергъ 37, 240.
Шметтау 53, 54, 252, 253.
Шмигельскій, генералъ 141, 324.
Шраттеръ, проповѣдникъ 181, 357.
Штейнеръ, Иванъ іезуитъ 74, 75, 89, 94, 98, 161, 202, 270, 271, 281, 286, 289, 341, 374.
Штернбергъ, де-, баронъ 96, 288.
Штумпфъ, проповѣдникъ кальвинистскій 24, 229.

Э.

Эвклидъ 73, 269.
Эдеръ, Іоаннъ, іезуитъ 93, 96, 97, 103, 105, 106, 108, 109, 285, 287, 288, 292, 293, 295, 297, 298.
Эмиліанъ (Миланъ), Францискъ-Іоаннъ іезуитъ въ Москвѣ 16, 22, 44, 45, 50, 56, 61, 63, 67, 69, 74—76, 82, 83, 85, 88, 93—, 97, 100, 103, 108, 115, 124, 133, 134, 145, 148, 157, 159—163, 202, 223, 228, 246, 250, 255, 259, 261, 264, 266, 270, 271, 285, 287 288, 292, 295—298, 303, 310, 318, 323, 327, 330, 337, 339, 341, 342, 374.
Эммануилъ, іезуитъ 16, 223.
Эрзерумъ, г. 55, 254.
Эривань, г. 107, 297.
Эстонія 144, 326.

Ю.

Югрія 35, 238.
Юстъ, Иванъ 55, 255.

Я.

Якъ, р. 206, 378.
Яковиты, см. Армяне.
Яманъ, царекъ Калмыцкій 207, 379.
Ярошъ (Ларошъ), Павелъ-Іосифъ, приходскій католическій священникъ 83, 179 277, 355.

Ѳ.

Ѳома, апостолъ Индіи 1, 109, 159, 161, 211 298, 339, 340.
Ѳома Аквинатъ 81, 275.

20070895O9